

Психология журналистского творчества

Оглавление

Оглавление	2
Предисловие	3
Раздел первый	
ПРОБЛЕМА. ПРЕДМЕТ. МЕТОД.....	6
Раздел второй	
ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА:	
ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ И СТИЛИ ТВОРЧЕСТВА.....	25
Раздел третий	
МАГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ.....	47
Раздел четвертый	
РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И УБЕЖДАЮЩИЙ ТЕКСТ.....	91
Раздел пятый	
ПОЗИТИВИСТСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ.....	121
Раздел шестой	
ДРАЙВ-МЫШЛЕНИЕ И ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ	152
Раздел седьмой	
ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И СМЫСЛОВЫЯВЛЯЮЩИЙ ТЕКСТ.....	200
Раздел восьмой	
NET-МЫШЛЕНИЕ И СЕТЕВОЙ ТЕКСТ	242
Раздел девятый	
НЕЛОКАЛЬНОСТЬ ПСИХИКИ И СИСТЕМНОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА.....	322

Предисловие

Предлагаемая вашему вниманию книга является обобщением исследований, начатых в 1991 г. на факультете журналистики МГУ. Эти исследования стали одновременно и ответом на запросы времени, требующего от журналиста высокой степени рефлексии в условиях новых технологий, и в то же время толчком к развитию новой науки - медиапсихологии. Особенностью этих лет было то, что параллельно с теоретическим поиском, а часто и обгоняя его, шло практическое моделирование и прямое деловое использование идей в журналистской деятельности. Газеты перестраивались, по-новому осмыслялись цели и задачи средств массовой коммуникации, резко изменились творческие приемы, стиль и технология журналистской работы, даже личностные приоритеты и «Я-концепция» журналистов.

На первый план вышла проблема творчества-в-процессе-коммуницирования и его трансформации по мере развития мышления и психотехнологий коммуникации. Проведенные за эти годы исследования аудитории, контент-анализ журналистских текстов и текстов культуры позволил констатировать существование различных парадигм мышления и творчества, каждой из которых соответствует определенное мироощущение, конкретные психологические проблемы, профессиональные возможности и ограничения, в конечном итоге определяющие стиль журналистской деятельности. Курс не только углублялся, но и развивался вместе со временем, его технологиями и мышлением. Две последние главы книги посвящены той парадигме мышления, о которой почти ничего нельзя было сказать еще 7-10 лет назад. Net-мышление – новая парадигма творчества, которой еще только предстоит разворачиваться во всей своей силе и мощи. Поэтому, в определенном смысле, мы можем считать свой труд относительно завершенным, впредь до появления новых столь же глобальных явлений.

Хотелось бы выразить большую благодарность всем тем, без кого было бы невозможно осуществить это исследование. Прежде всего – декану факультета журналистики МГУ, проф. Я.Н. Засурскому, предоставившему широкие возможности для развертывания исследования, публикации результатов, апроби-

рования идей и их профессиональной и методической реализации на одной из самых авторитетных интеллектуальных «площадок» страны. Большую роль в проверке и апробации результатов сыграло участие в выездных семинарах, рабочих конференциях с журналистами региональных средств массовой информации, организуемых секцией исследователей журналистики Союза журналистов РФ.

Особое значение в создании этой книги имела работа автора в составе Психологической службы редакции ежедневной газеты «Российские вести». Эта независимая исследовательская группа, руководимая проф. Е.И. Прониным и объединявшая ученых, аспирантов и студентов факультетов журналистики МГУ, в течение десяти лет (1989 – 1999) вела репрезентативное анкетирование базовых страт аудитории, организовывала специализированные фокус-группы, вела мониторинг психической напряженности в обществе, организовывала и периодически публиковала обзоры по актуальным вопросам и электоральным кампаниям, разрабатывала и запускала в производство новые модели тематических разделов и полос, в том числе, по заказу региональных изданий. Совместная работа с такими высококвалифицированными и талантливыми исследователями-журналистами, как Т.В. Невзорова, Е.И. Шевченко, Е.Э Чурсинова, позволила по-новому взглянуть на современные проблемы журналистики. Уникальная возможность не только изучать, но и практически воплощать идеи и результаты исследований была предоставлена редактором газеты «Российские вести» В.Н. Кучером. Эти «полевые» исследования были дополнены психологическими экспериментами, проводившимися на базе кафедры практической психологии Московского института открытого образования при активном содействии и помощи зав. кафедрой проф. В.М. Астапова.

И, наконец, нельзя не отметить незаменимую помощь в исследовании закономерностей психологии журналистского творчества тех, кто первыми осваивает её в действительности – и в первую очередь, студентов факультета журналистики МГУ, слушателей данного курса, участников спецсеминаров и фокус-групп. Благодаря их самоотчетам, рефлексии, размышлениям удалось, в частности, составить портрет нового журналиста и нового человека, думающего и чувствующего в парадигме Net-мышления.

Думается, однако, что эта книга отнюдь не завершение темы, а скорее начало. Начало грядущего разговора о новой науке, призванной раскрыть зако-

номерности особой психической сферы, порождаемой, развиваемой и регулируемой массовой коммуникацией, – медиапсихологии.

Елена Пронина

Раздел первый

ПРОБЛЕМА. ПРЕДМЕТ. МЕТОД

*Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло -
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!*

Думается, современному человеку не дано в полной мере прочувствовать всю глубину переживания этой песни людьми, которые слушали её в исполнении автора – великого шансонье Беранже. Но понять можно. Для первого приближения следует вспомнить, что Пьер-Жан Беранже (1780-1857) десятилетним мальчиком присутствовал при взятии Бастилии, видел террор якобинцев, Директорию, взлет и падение Наполеона, пережил оккупацию Франции, двойную реставрацию Бурбонов и еще две французских революции - 1830 и 1848 гг. Как поэт народный, он всегда был в оппозиции к власти. Пел иронические куплеты «Король Иветто» в дни коронации Наполеона и гимны про «изумившую свет славу» Франции в дни национального унижения. Сочинял сатиры на реставрированных вельмож и элегии об изгнании из отечества друзей - диссидентов. И пик его славы - шуточный по форме, но твердый отказ на предложение занять кресло министра искусств в правительстве, которое своей победой более всего было обязано его песням. Как шансонье Беранже был самой массовой коммуникацией Парижа, а значит и Франции, и всей Европы в тот знаменательный период всемирной истории, когда складывалась генная структура современной демократии.

На этом следует задержать внимание. Песня по психологической сути своей - публичная коммуникация, способная соединить людей в коллективном потрясении благодаря тому, что некие чувства, смутно роящиеся в душе каждого, вдруг получают общее выражение, ясное и неоспоримое как озарение. Универсальным механизмом творческого мышления считается «АГА-переживание» (догадка, открытие, прозрение, откровение), то есть момент, когда, как говорят психологи, «бессознательное переходит порог сознания» и в понимании человека складывается новый, более адекватный образ реального явления и своего

существа. А в массовой коммуникации этот процесс не только многократно усиливается, но и приобретает деятельностный характер. Крупный французский социопсихолог С. Московичи подчеркивает, что формирование нового, более адекватного образа в идеологическом универсуме группы энергетически мобилизует поведение, так как переход познавательного плана в эмоциональный рождает чувство убежденности¹.

Песня как публичная коммуникация раскрывает психологию творчества в момент коммуницирования, то есть при порождении и восприятии произведений, которые интерпретируют реальные события и чувства, обостряя тем самым общественное переживание их до уровня произвольных поведенческих реакций и трансформации бессознательных установок. В этой связи можно утверждать, что для самого П.-Ж. Беранже гордый куплет был не поэтической метафорой, а прямым, не иносказательным суждением. Однако еще важнее, что эти чеканные строфы и восприниматься не могли иначе, чем буквальное выражение личного убеждения. «Певец поет о себе, слушатель слушает о себе же, - характеризует песенный контакт академик Д.С. Лихачев. - Исполнитель и слушатель (слушатель как бы внутренне подпевает исполнителю и с этой точки зрения является до известной степени также ее исполнителем) стремится отождествить себя с лирическим героем»². Поэтому формулируемая певцом мысль словно всплывает в сознании слушателя из глубин его собственного бессознательного как внезапное озарение, потрясающе ясное и неоспоримое. Этот психосоциальный эффект можно рассматривать как универсальную модель «АГА-переживания» в массовой коммуникации.

Конечно, в различных видах массовой коммуникации: фольклорном обряде, народном зрелище, поп-шоу, политической демонстрации, телевизионном репортаже и т.п., такого рода эффекты имеют свои особенности, но все они - явления одного порядка. Для примера можно сопоставить с «песенным контактом» психологическую интерпретацию ключевых категорий трагедии (в изначальном понимании древнего жанра народного зрелища) и журналистского текста: «катарсиса» и «сенсации»:

«На вершине трагедии со-переживание и со-страдание герою переходят в

¹ *Moscovici S. The phenomenon of social representations / Ed. by R.M.Farr, S. Moscovici . Cambridge, 1964.*

² *Лихачев Д.С. Поэтика древне-русской литературы. Л., 1972. С. 86.*

совместное осознание, разрешение жизненной проблемы ... КАТАРСИС - это осознание ... Это расширение границ индивидуального сознания до всеобщего. Такое *расширение* сознания по-новому освещает индивидуальный опыт, прошлое человека, помогая ему увидеть свои отклонения и их пагубные последствия»³.

«СЕНСАЦИЯ, потрясая воображение, выключает рациональный опыт и открывает путь для неконтролируемых сознанием эффектов мышления, чувствования и поведения»⁴.

В сущности, глубинный механизм аналогичен. Но, во-первых, чем более массовой (в количественном отношении) становится коммуникация, тем яростнее проявление психосоциальных эффектов. В разгар «битломании» в США подпевающая и пританцовывающая на концертах публика приходила в такой экстаз, что Джон Ленон удивленно сказал: «Мы могли бы отделаться мимикой. Могли перестать петь и никто бы не заметил». Во-вторых, точные знания и собственный опыт помогают человеку не поддаться магии коллективного «АГА-переживания», сохранить суверенность личности в пароксизмах массовой коммуникации. К примеру, расхожее выражение американских журналистов: «Собака укусила человека - это не сенсация... человек укусил собаку - это сенсация» - в общем случае справедливо. Но есть, по крайней мере, две группы людей, которых ни то, ни другое не удивит. Это - собаководы. Среди них немало оригиналов, которые начинают дрессировку с болезненного укуса животного, чтобы показать, кто сильнее. И еще это, разумеется, психиатры....

«Но толка нет от мыслей и наук, когда повсюду им опроверженье», как в свое время пел уже В.Высоцкий. В период общественного смятения социальные коммуникации становятся супермассовыми, что ведет к гиперэффектам коллективных «АГА-переживаний» и по поводу разоблачения «заблуждений прошлого» (к/ф «Так жить нельзя!», С. Говорухин. 1989), и, главное, в ответ на новые идеи и программы («Великий почин», В. Ленин.1920). Кардинальный момент массовых коммуникаций - творческое осмысление жизненной перспективы в реальной коммуникативной ситуации. Как «мысль не выражается в

³ *Флоренская Т.А.* Катарсис как осознание // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т.2. С.568-569.

⁴ *Иванов П.* Динамика сознания. М., 1992. С.127.

слове, но совершается в слове» (Л.С. Выготский)⁵, так коллективные переживания, ценностные ориентации и поведенческие установки разворачиваются в символах, логике и ритуалах массовой коммуникации. И не только в момент восприятия, но и в момент творчества, и в момент публичной трансляции текстов⁶.

*Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло -
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!*

Как застольная песня (подумать только!) развернут, в сущности, «символ веры» целой эпохи промышленных достижений, политических потрясений и социальных упований конца ХУ111 - начала ХХ века. Личная биография Беранже объясняет, почему вспышка вдохновения великого поэта высветила в его бессознательном этот символ гуманистического оптимизма. Психоисторическая ситуация постреволюционной Европы, не желавшей мириться с поражением демократии и лелеявшей новые надежды, позволяет представить, почему резонировали образы песни в коллективном бессознательном и какие это вызывало массовые «АГА-переживания». Но в полной мере прочувствовать все это уже невозможно. Для современного человека - это только красивая метафора. Потому что конец ХХ века - совсем другая психоисторическая ситуация.

Двести лет после взятия Бастилии (1789) история была цепью упорных попыток реализовать благие намерения социального оптимизма. Иногда это получалось почти буквально. Такие феномены с психологической точки зрения чрезвычайно интересны. Момент исполнения желаний - особое психическое состояние, когда глубоко волнует сам процесс осмысления достигнутого. Это, если хотите, возвратное «АГА-переживание»: новый образ реальности благодаря своей желанности преодолевает границу сознания и, проникая в глубины бессознательного, вступает в прямое взаимодействие с его символикой. В момент исполнения желания может возникнуть не только чувство глубокого удовлетворения, но и острое разочарование, и парадоксальное недоумение. Но в любом случае это - потрясение самого существа человеческой природы, и, как правило,

⁵ Выготский Л.С. Мышление и речь. /Собр. соч. В 6 т. М., 1982-1984. Т. 2. С. 305.

⁶ См.: Пронин Е.И. Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. 1981.

за ним следует перенастройка навыков мышления и возникновение новых поведенческих установок.

Знаменитый физик, «отец атомной бомбы» Роберт Оппенгеймер лично присутствовал при первом экспериментальном взрыве ядерного устройства. При первой вспышке (она была столь яркой, что ее заметила слепая от рождения девушка) Р.Оппенгеймер непроизвольно стал читать про себя стихи из Бхагавад Гиты:

*Мощью безмерной и грозной
Небо над миром блистало б,
Если бы тысяча солнц
Разом на нем засверкала...*

Но уже в следующее мгновение, когда взрывная волна обрушилась на защитные сооружения, в памяти ученого всплыла иная строфа мистического песнопения: «Я становлюсь смертью, сокрушительницей миров»⁷. Позднее «отец атомной бомбы» впал в тяжелую депрессию, проклял свое участие в разработке оружия массового уничтожения и выступил против «безнравственности в науке и политике».

«Комплекс Оппенгеймера» находили потом в поведении очень многих ученых: от Альберта Эйнштейна до академика Сахарова. А если радикальная психическая переориентация приобретает массовый характер, это ошеломляет даже выдавших виды исследователей. После того как социальные утопии обернулись кровавыми вакханалиями тоталитаризма и за их пресечение было заплачено миллионами жизней, в обществе с неизбежностью стало распространяться закономерное недоверие к любым государственным доктринам и вообще к официальной морали. Книга Александра Зиновьева «Зияющие высоты» (1973) была как раз одним из проявлений духовной несовместимости с социализмом. Автора, крупнейшего специалиста по математической логике, принудили эмигрировать из СССР. Приехав в постсоветскую Россию, философ-диссидент обнаружил такие стили жизни и такие формы массового искусства, что назвал современное общество «постчеловеческой цивилизацией» и отправился обратно в Германию, так сказать, в добровольное изгнание.

Конечно, в переходные периоды прошлых веков поведение людей тоже

⁷ См.: Юнг Р. Ярче тысячи солнц. М., 1961. С. 170-171.

было эксцентрическим. К примеру, в канун 1001 года множество достаточно богатых людей раздали все имущество бедным и «в одной рубахе» отправились в церковь, чтобы встретить конец света, которого ждали в миг истечения первого тысячелетия от рождества Христова и которого желали как избавления от всех житейских и духовных напастей. Однако смятение чувств современного человека в принципе иное. Оно порождено не столько отвращением к тем или иным обстоятельствам жизни, сколько ясным осознанием, что эти обстоятельства устранять нельзя.

Нельзя остановить экономическую экспансию, хотя мир на грани экологического коллапса, потому что мировой порядок не выдержит глобального снижения производства.

Нельзя немедленно отказаться от ядерного оружия, потому что «равновесие страха» обеспечивает самосохранение человечества.

И так чуть ли не до бесконечности. В любой сфере деятельности, от международной политики до домоводства, человек оказался в ситуации, когда продолжение традиционной деятельности угрожает всему роду человеческому, а прекращение этой самой деятельности имело бы катастрофические последствия. Общественная жизнь предстает человеку как объективировавшаяся апория, то есть интеллектуально-нравственная проблема, не допускающая однозначного выбора. потому что взаимоисключающие решения одинаково правильны и одинаково необходимы. Поэтому поступки современного человека нередко необъяснимо противоречивы, непонятны для него самого, как говорят психологи «амбивалентны», то есть с равным основанием позволяют предполагать прямо противоположные мотивы и взаимоисключающие чувства.

Общественная мысль оказалась в плену у политических антиномий, то есть сшибки концепций взаимоисключающих, опровергающих друг друга, но в то же время производящих впечатление, что по отдельности они могут быть с одинаковой убедительностью доказаны в качестве правильных. Социально-политическое осмысление проблемы ядерного оружия с самого момента его изобретения характерный в этом отношении пример.

Термин «антиномия» предложен был профессором логики Марбургского университета Рудольфом Гокленом (1547-1628) в 1613 году. Но само явление логической несообразности было в центре внимания философов от античности до наших дней. И все-таки со времен Аристотеля «не было найдено ни одного

решения, с которым бы все согласились»⁸.

Великий Кант (1724-1804) сформулировал несколько антиномий, которые предохраняют разум от тщетных попыток познать мир «вещей-в-себе» и одновременно застраховывают веру от посягательств разума. Он либо «разводил» два уточняющих решения в разные стороны, либо вообще «снял» вопрос об их решении. В теоретическом плане это допустимо, конструктивно и психологически безопасно. Но социально-политические антиномии - дело совсем иное. Для огромного числа людей это психическая реальность, в которой сливаются душевные влечения и объективные перспективы существования и которая поэтому неотступно требует практического разрешения в реальности социальной. Так что ни «развести» позиции, ни «снять» вопрос безболезненно не удастся. Отсюда раздразнивание психики и эксцентризм поведения, которые становятся типологическими чертами современного человека.

С какой галантной жесткостью французский президент в 1995 году разъяснял миру необходимость дополнительных ядерных испытаний в Тихом океане ради обеспечения всеобщей безопасности, как бы не замечая гнева и отчаяния населения Австралии и Новой Зеландии и их президентов. И с какой бесшабашностью добровольцы Greenpeace, не считаясь ни с клятвами, ни с угрозами президента Франции, пытались на утлых суденышках остановить военноморские силы великой державы. Это иные чем прежде проявления и «государственной мудрости», и «протестующего разума». На них печать неизбывных политических антиномий, от которых «просто некуда деться» ни историческим деятелям, ни простым смертным.

Антиномичность и общественной мысли, и мироощущения масс - психологический итог XX века. Поэтому любые ответы на проклятые вопросы прошлого: «Кто виноват?» и «Что делать?» оборачиваются только новой виной и новыми провалами, потому что изначально односторонни, а значит, и саморазрушительны. Крах бесчисленных идеологических доктрин прошлого показывает, что так оно было и прежде. Но теперь это становится самоочевидным и на первый план общественного сознания выходит изначально иной вопрос: «Как быть?».

«В ядерную эпоху человечество должно выработать новое политическое

⁸ Клини С.К. Введение в математику. М., 1957. С.42.

мышление, новую концепцию мира, дающую надежные гарантии выживания человечества... Человечество достойно лучшей участи, чем быть заложником ядерного ужаса и отчаяния...» - говорится в «Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира» (1986), подписанной Михаилом Горбачевым и Радживом Ганди. Вообще концепция «нового мышления для нашей страны и всего мира», которую М.С.Горбачев выдвинул еще будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, содержит немало положений, продвинутых, казалось бы, за ограничительные барьеры политических антиномий современности:

«Нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений... ибо идеологии могут быть полярными...»

«Безопасность неделима, противники вынуждены стать партнерами».

«В компромиссе надо искать не победы, а консенсуса, добиваясь, чтобы были соблюдены интересы не только преобладающей, но и уступающей стороны»⁹.

На западе никто не возражал. Горбачеву даже присудили Нобелевскую премию мира. Советская общественность тоже была увлечена идеями перестройки. Но уже через несколько лет страна, принявшая принципы нового мышления, лежала в развалинах, а другая сторона перестала скрывать, что торжествует победу. «Не впадайте в заблуждение, - сказал президент США Д.Буш (1992), - распад коммунизма не был безусловным явлением, для этого потребовалось сильное руководство со стороны президентов, представлявших обе партии. Без их прозорливости и помощи американского народа Советский Союз и сегодня был бы сильной сверхдержавой, и мы бы смотрели в лицо ядерной угрозе»¹⁰.

Многие политологи видят в этом доказательство ущербности самой концепции Горбачева. Она и в самом деле сформулирована неосмотрительно и прозвучала как пропагандистская доктрина, прикрывающая капитуляцию в холодной войне. Но для любой из сторон в условиях социальной антиномии капитуляция такая же односторонность, как и победа. Общий раздрой только усугубляется. Мир потерял биполярность, но сохранил «двойные стандарты»:

⁹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для России и всего мира. М., 1988. С.143-146.

¹⁰ Речь Дж.Буша на XXXV очередном съезде республиканской партии // Комсомольская

Это хорошо, что объединяется Германия. И хорошо также, что раздробляется СССР.

Это хорошо, что расчленяется Югославия. И хорошо также, что НАТО вводит свои войска в Боснию, пресекая саморазделение ее на три мононациональные государства...

Президент России Б.Н. Ельцин провозгласил в противовес концепцию «многополярного мира». А Индия провела испытания ядерного оружия, как бы предупреждая, что способна собственными силами предотвратить расчленение, оккупацию или иное давление извне. Потом еще и Пакистан увеличил собою многополюсность мира, взорвав шесть ядерных зарядов в один день.

Ни одна из роковых антиномий XX века пока даже не приблизилась к разрешению. Более того, все больше политиков цинично используют стрессогенную психоисторическую ситуацию в манипулятивных целях.

«В современных политических кампаниях, - подчеркивает знаменитый имиджмейкер Ф.Гоулд, - все большую роль играет тревога и опасения. Современная мировая экономика, изменившая характер международных отношений, рост преступности и социальная нестабильность - все это способствует тому, что отличительными свойствами современного электората становится неуверенность и сомнения... Не допускайте, чтобы вас изображали несущим ответственность за что-то. Старайтесь всегда быть в таком положении, когда судят дела вашего соперника, а не ваши»¹¹. Замысел прозрачен: повлиять на выбор в момент голосования, то есть по сути на индивидуальное поведение, но повлиять через массовые психические состояния, коллективные чувства и общественное мнение. Суверенность личности и адекватность реакций индивида в таком случае зависят от осмысления оперативной информации, то есть в конечном счете от того, что выше было определено как творчество в момент коммуникации.

В психологическом плане массовая коммуникация - личностная проблема. Как показывают эксперименты американского психолога Дж. Розена, интеллектуальная жизнь современного человека состоит в основном в кодировании и декодировании массовых символов, а его жизненный успех зависит от скорости

правда. Г. 1992. 22 авг.

¹¹ Гоулд Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании. М., 1996. С.143-144.

и адекватности понимания телевизионных образов¹². А для профессионального журналиста это общее положение отягощается тем, что именно ему приходится запускать первую версию символизации да еще практически синхронно развитию событий. Это особый настрой сознания. «Я уже говорил о нашей журналистской страсти искать во всем символику, - подчеркивает знаменитый извещинец М.Стуруа, - об этом нашем профессиональном роде недуга, от которого, по-видимому, можно избавиться лишь тогда, когда этот недуг сведет тебя в могилу»¹³. Это действительно психологически небезопасная работа.

Дело в том, что социально-политическая антиномия, которая рассматривалась выше как психологический итог XX века, в том или ином ее житейском проявлении ощущается всеми как безотлагательная потребность, что называется «злоба дня», и становится поэтому психологическим импульсом журналистского творчества. В конечном счете именно «злоба дня» обращает человека к массовой коммуникации с проклятыми вопросами: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Как быть?». Но разумно ли требовать от журналиста правильных ответов, если антиномия в том и состоит, что решения не имеет?

Как живой человек журналист не может избежать человеческих заблуждений. Однако логика профессии и технология массовой коммуникации позволяют ему продвинуться в разрешении антиномий так далеко, как ни в каком другом виде творчества. И вот как это бывает.

Когда молдавские волонтеры разгромили и разграбили Бендеры (19 июня 1992 г.) телеведущий начал очередной выпуск новостной программы «Время» с краткого сообщения о факте, добавив, что собственный корреспондент Сергей Фатеев был на месте событий и его репортаж будет подготовлен к эфиру в конце передачи.

Перед самым прогнозом погоды телеведущий объяснил, что из Молдавии трансляцию не разрешили, журналисту удалось тайно выехать в Одессу, чтобы передать оттуда репортаж по проводам. И картинка пошла почти без текста:

Горящий город с вертолета. Клубы дыма над коробками зданий без крыш...

Бой на улице. Журналист в зоне действительного огня. Лицо, с которого

¹² Rosen J. Television and Technology // Et cetera. 1981. Vol. 38, № 2. P.162-166.

словно стерта мимика. Пластика преодоления страха. Как будто видишь так называемый свист пуль.

Вдоль сельской дороги вереница огромных авторефрижераторов. Пробуждающая приятные воспоминания эмблема «Молдплодоовощ» на каждой машине. Журналист открывает задние двери фургона: холодильник полон трупов. Второй фургон: гора трупов. Третий....

Тираспольское кладбище. Похороны местных ребят. Бесконечная череда родственниц в черных платках и платьях. Женское горе. Оператор опускает камеру. К нему с криком бросается женщина : ”Нет! Снимайте! Пусть все видят, что у нас творится”...

Это было как сенсация и катарсис разом. Миллионам людей синхронно, одновременно и с непреложностью факта было раскрыто, что за благородными речами о «суверенитете», «национальных интересах», «имперских замашках», «недопустимости вмешательства» не осталось ничего кроме разбоя, смертоубийства и грабежа, кроме жажды власти и наживы.

Страна пережила шок. Немедленно был отправлен в отставку твердивший о «принципиальном невмешательстве» командующий приднестровской армией. Под псевдонимом (!) «полковник Гусев» в Тирасполь полетел новый командарм. В Кишиневе тоже поняли, что ни оправдывать, ни замалчивать бендерскую операцию просто невозможно, и согласились начать переговоры. Война остановилась.

Новому командующему приднестровской армией не пришлось делать ничего, кроме крутых заявлений. И все же в благодарном общественном мнении России он уже под собственным именем: генерал Александр Лебедь - стяжал славу «силовика-миротворца». А о журналисте было забыто. (Сергей Фатеев после тираспольского репортажа получил премию (цветной телевизор) и был переведен в Тюменскую область, где позднее перешел работать на радио). Не в последнюю очередь потому, что он сам как бы отстранился от события. Он только фиксировал происходящее, не проявляя личных чувств, не высказывая собственных оценок. Это не от бесчувственности, недомыслия или недостаточной квалификации. Как раз наоборот, это проявление сугубого профессионализма. Это репортаж в классической чистоте жанра: «сообщение, отражающее

¹³ Стурра М. Время: по Гринвичу и по существу. М., 1969. С..52.

поступательное развитие реального события с предельной наглядностью, порождающей «эффект присутствия»¹⁴. В конце концов, это просто профессиональный прием, стимулирующий творчество-в-процессе-коммуницирования в массовой аудитории. Благодаря эффекту присутствия информация воспринимается как данность, на уровне переживания, в котором задействуются все резервы психики, поскольку без комментария-подсказки прогнозировать последствия приходится самому. Личный опыт расширяется до социального масштаба с неизбежными при этом ошибками, но и с внезапными прозрениями, которые меняют людей и мир.

Но ведь технология репортажа известна каждому журналисту, И, к примеру, о чеченских событиях телерепортеры делали даже более жесткие, жутко-натуралистические, сенсационно-жестокие передачи, а общественный катарсис никак не наступал, и война только разгоралась. Увы, оказалось то, что журналисты сами сделались волонтерами пропагандистского фронта квазигражданской войны. Отсюда неизбежная односторонность, саморазрушительная при осмыслении социально-политических антиномий. Характерный пример приводится в статье «Час пикейных жилетов»¹⁵.

«Когда чеченцы стали брать в заложники журналистов, разобиженный подобной неблагодарностью пикейный жилет Л. начал перечислять заслуги своих коллег перед бойцами Ичкерии. Один сюжет особенно показателен. Л. рассказал, как по “просьбе” Мовлади Удугова, в телевизионный репортаж о выступлении Дудаева была внесена так называемая “перебивка”. По словам Л., в речи мятежного генерала целый абзац, содержащий угрозы и оскорбления в адрес Президента и народа России, был заменен на благородно-трогательный текст диктора, который звучал до тех пор, пока Дудаев не впал в более спокойный тон, и его голос разрешилось снова запустить в эфир. Элементарная технологическая операция - и общественность России введена в заблуждение, лишена возможности правильно оценить и личность Дудаева, и планы сепаратистов, и характер противостояния центральной и региональной властей ... Как ни крути, это акт цензуры. В Конституции РФ и в “Законе о СМИ” говорится, что цензуры в России нет, а цензура - вот она, и даже без краски смущения. Когда-нибудь историки дадут прямой ответ, кто цензурировал некоторые российские телека-

¹⁴ Социальная практика и журналистский текст. М.,1990. С.54.

налы: сами пикейные жилеты, их хозяева, или лично Мовлади Удугов, служивший тогда министром информации у Джохара Дудаева».

На этом примере следует задержать внимание. Здесь вяжется главный узел психологических проблем журналистики. «Без некоторых форм цензуры пропаганда в строгом смысле невозможна»¹⁶, - подчеркивал знаменитейший американский обозреватель Уолтер Липпманн. Так оно и есть. И это самая коварная ловушка на творческом пути журналиста.

С принудительной цензурой: государственной, партийной, владельческой, «заказной», корпоративной - все ясно. Ее глубокая аморальность давно изобличена блистательными памфлетистами. Ее зловещая социальная роль полностью раскрыта академическими учеными. Свобода печати юридически защищена парламентскими биллями, конституционными поправками и сводами законов. Но цензура, увы, понятие не чисто юридическое. Она никогда не бывает только внешним принуждением, а всегда сопровождается искренним увлечением.

Профессионал массовой коммуникации видит, что может помочь тому или иному лицу, поддержать то или иное мнение, посодействовать тому или иному делу. Сплошное искушение. Особенно для натуры благородной. Но как только журналист впадает в соблазн пропаганды, его мысль становится односторонней, творчество - ущербным, личность - податливой цензурному принуждению.

Увлеченный высокой идеей журналист желает быть «политическим бойцом», но логика пропаганды делает его «подручным партии», подвластным внушению авторитета. Характерно, что президент НТВ И. Малашенко на пресс-конференции по поводу выкупа заложников-журналистов из чеченского плена не без горечи сказал, что Мовлади Удугов «современный доктор Геббельс», словно признавая задним числом его направляющую роль.

Владение техникой пропаганды вызывает ощущение личной влиятельности, информационного и даже социального могущества. Под обаянием этой иллюзии журналист оказывается во власти «непреодолимого магнетизма свободы слова», как назвал такую форму утраты самоконтроля американский социолог Том Купер. Социальная ориентация теряет адекватность. Появляется почти идиотическая эйфория. «Хозяева телеканалов и правительство, куражится один из телеведущих, - могут завтра помириться, но у меня есть личное отношение к

¹⁵ Российские вести. 1997. 30 июня.

тем, о ком я говорю с экрана. И я лично надеру им задницы»¹⁷.

«Непреодолимый магнетизм свободы слова» ставит творческую мысль журналиста под импульсивную цензуру личных амбиций и корпоративных установок. Он готов почтить за истину все, что в каждый данный момент приходит ему в голову: от остроумных догадок до завиральных химер. Но в любом случае он впадает в односторонность и оказывается в обойме тех, кому выгодно выдавать за общественное мнение бесконтрольную скачку идей зачастую малокомпетентных и в сущности безответственных лиц.

В социальном плане весьма существенно, что при любых формах цензуры состояние принужденности и увлеченности может переплетаться сколь угодно причудливым образом. В плане же личном это требует сознательного выбора линии поведения, ибо от него зависит психическое самочувствие и творческая судьба журналиста. К сожалению слишком часто журналисты склонны уклоняться от трудных решений, уповая на то, что массовая коммуникация и так сама несет всех, подобно реке. Однако стихийная игра информационных потоков, отшлифовывая творческие индивидуальности, как гальку, сносит их в особый социальный тип ландскнехтов пропаганды. Не так уж странно, что литераторы самых разных стран и культур свои повести и романы о журналистах называют: «Враги общества», «Храм сатаны», «Вторая древнейшая профессия», если журналисты и сами нередко обнаруживают в себе помимо обычных человеческих достоинств и недостатков гремучую смесь продажности и самовосхищения.

«...Хотя независимости нет, и не надо врать о необходимости ее добиваться, не может быть прямой зависимости четвертой власти от первой, - размышляет корреспондент солидного журнала Лев М. - И я как журналист буду писать строго так, как писал я школьные сочинения в пионерском детстве - твердо зная, что и как надо изобразить словом, чтобы интеллигентная учительница, сама в эту ахинею не верящая, смогла бы с чистой совестью поставить пятерку и не тянуть дежурные слова: "Подумай еще... Думай самостоятельно...". Как журналист я не буду рубить сук, на котором уселся... Власть над микрофоном или печатной страницей предоставляет удовольствие, близкое к половому... И хотя среди пишущих есть люди, которым удается писать так, что их тексты имеют

¹⁶ *Lippmann W. Public Opinion. NY, 1961. P.43.*

инвариантную относительно времени значимость, все же основная задача журналиста - нащупать, пусть остро временные, эрогенные точки на теле народа... Что касается современной российской прессы, то идет борьба не за независимость, но исключительно за право продаваться подороже - не только за живые деньги, журналисты народ всеядный и безыскусный, довольствующийся шампанским на фуршетах хоть без закуски под головную боль или даже за возможность попасть в один кадр НТВ с Гайдаром...»¹⁸.

Столь нелюбимый самодиагноз не является чем-то исключительным в журналистской среде. К примеру, контент-анализ юбилейного номера газеты «Московский комсомолец» обнаруживает след точно тех же профессиональных установок практически во всех саморекламных публикациях. И это вовсе не постсоветская проблема. Во все времена и во всех странах считалось, что пьянство, цинизм, самохвальство, перемежающееся депрессиями - профессиональные заболевания журналистов. По статистике ЮНЕСКО журналистика давно уже отнесена к числу профессий с самой короткой продолжительностью жизни. Это, действительно, одно из самых опасных занятий прежде всего в психологическом плане, потому что массовая коммуникация была, есть и будет одной из самых стрессогенных сфер человеческой жизнедеятельности.

Так не лучше ли, предохраняясь от стрессов, просто уйти из журналистики? Только и в этом случае из массовой коммуникации не выскользнешь.

Советские исследователи «уподобляли средства массовой информации нервной системе целостного общественного организма»¹⁹. Философ-авангардист М. Мак-Люэн (1911-1980) вообще рассматривал электронные каналы связи как расширение нервной системы человека²⁰. Когда-то и то и другое воспринималось как чересчур смелые метафоры. Теперь очевидно: такова психическая реальность в информационном пространстве социума. Просто выйти из массовой коммуникации невозможно. Полностью отключаться от нее нельзя. Это вызывает либо регрессию личности (в случае индивидуальном), либо распад общества (при массовых вариантах). Но то-то и придает занятию журналистикой высокий смысл и острый интерес, так что любая другая работа потом

¹⁷ Доренко С. В нашем деле много сопляков // Аргументы и факты. 1997. №46.

¹⁸ Пронина Е. «Плюйбой» или коллективный Мальчик-без-штанов // Российские вести. 1996. 19 марта.

¹⁹ Никитинский Л. О «четвертой власти» // Комсомольская правда. 1991. 21 дек.

²⁰ См., напр., McLuhan M. Understanding media: The Extension of Man. N.Y., 1965.

кажется пресной.

Массовая коммуникация расставляет бесчисленные ловушки. Но массовая коммуникация несет в себе и защиту от любого капкана. Это вопрос техники психологической безопасности в массовой коммуникации. «Самый хитроумный манипулятивный прием перестает действовать, как только публично раскрыт его секрет,» - писал в годы психологической войны Жак Эллюль²¹. Но оказалось, что контрпропаганда тоже не более чем хитроумный прием и, раскрыв в свою очередь ее секрет, можно вызвать эффект полной неопределенности, когда человек одновременно и верит и не верит чему бы то ни было, но, в сущности, беззащитен перед незнакомым хитроумным приемом. Нужен целостный, соотносящий в психологии журналистского творчества технологию успешного массового воздействия и технику информационной безопасности. Предметом научного рассмотрения в таком случае должны стать психологические закономерности, лежащие в основе феноменов индивидуального творчества и массового воздействия. И для этого нужна особая методика параллельного рассмотрения высших психических функций человека и психологических процессов массовой коммуникации, находящих выражение в типологических особенностях журналистских текстов.

Общий замысел предусматривает такой аспект адаптации теоретического и эмпирического материала, при котором данный подход мог бы подготовить будущего специалиста к работе в стрессогенных условиях современной массовой коммуникации, помочь ему в преодолении конкретных затруднений, возникающих в ходе текущей практики, познакомить с психологическими приемами решения типичных коммуникативных проблем. Поэтому в первом разделе книги внимание сосредоточено на характерных психосоциальных эффектах массовой коммуникации, которые инициируются индивидом, но возникают (или не возникают) как результат взаимодействия глубинных психологических факторов социума. Реальные прецеденты и тексты представлены в психологическом аспекте, как типологические модели глубинных закономерностей творчества-в-процессе-коммуницирования. Понятия и категории психологии включены в научный аппарат прикладных исследований и интерпретацию общих результатов. А в качестве целевой установки выдвинута разработка четких правил тех-

²¹ *Ellul J. Propagandes. P., 1962. P. 119.*

ники психологической безопасности в массовой коммуникации.

Предварительная проработка проблемы использована для того, чтобы вкратце определить параметры предмета изучения и сформулировать исходные принципы освоения материала. Как центральное обобщение и, одновременно, точка приложения дальнейшего анализа предложен самодостаточный вывод: «Социально-политическая антиномия, которая рассматривалась выше как психологический итог XX века, в том или ином ее житейском проявлении ощущается всеми как безотлагательная потребность, что называется “злоба дня”, и становится поэтому психологическим импульсом журналистского творчества».

Отсюда следует, что первое условие психологической безопасности в массовой коммуникации - независимость мышления. Антиномия - это сшибка взаимоисключающих, но равно обоснованных мнений и главное не подпадать под обаяние одной из сторон.

Нужно, во-первых, относиться со здоровой недоверчивостью к любой пропаганде. Особенно к своей собственной. Потому что это, как выразился Карл Маркс, «единственный товар, который обманывает не только покупателя, но и продавца». Потому что даже в просвещенном XX столетии любое «единственно верное учение» всегда и всюду с неизбежностью приводило к тому, что место науки занимала идеология, место хозяйствования - доктринерство, а место творчества - фанатизм.

Во-вторых, нельзя пренебрегать ни одной из точек зрения, сколь пропагандистскими не казались бы ее аргументы. К антиномии нет ни «единственно верных» подходов, ни «абсолютно неправильных». Любая точка зрения объективно фиксирует реальные феномены, которые с другой позиции просто неразличимы. И в любой позиции объективно утрачивается возможность фиксировать реальные феномены, вполне различимые с другой точки зрения

В профессиональной журналистской работе по своему преломляется общеметодологический «принцип дополнительности» Нильса Бора (1885-1962), предусматривающий анализ и описание внутренне противоречивого явления в двух эквивалентных аспектах с последующим внешним соположением обоих взаимодополнительных аспектов²². Все, что есть в массовой коммуникации, - амбивалентно. А потому все, что есть в массовой коммуникации, может и вос-

²² Бор Н. Квантовая физика и философия // Успехи физических наук. 1959. Т.67. Вып.1.

сиять, будто светоч премудрости, а может и зачадить, как жупел пропаганды. Но для журналиста и то, и другое - соблазн. Журналист честен лишь до той черты, до которой сохраняет живое ощущение амбивалентности происходящего. Красочные детали реальности от этого не тускнеют, и суждения не утрачивают резкости. Но цена им устанавливается подлинная: не выше и не ниже той, во что они действительно обходятся людям. Независимое мышление как бестеневая хирургическая лампа бестрепетно высвечивает аспекты антиномии. А соположение их в перспективе раскрывает, какова вероятность разрешить антиномию или хотя бы оставить ее в стороне.

Вероятностный вывод - это особый тип суждения. Он может быть сформулирован и четко, и жестко. Но все-таки будет в нем неустранимая амбивалентность, которая затрудняет гладкость бездумного принятия информации и стимулирует со-творчество при восприятии сообщения. Для массовой коммуникации это то, что нужно. Творческий процесс как бы продлевается в широкую аудиторию и находит завершение в коллективном «АГА-переживании», когда в момент со-творчества вероятностный вывод произвольно трансформируется в практическую оценку смысла и исхода антиномии и превращается в установку общественного мнения.

Как видно, «творчество-в-процессе-коммуницирования» методологически корректно и поэтому может быть надежным средством психокоррекции антиномических состояний сознания в историческом процессе развития общества. Правда, оно гиперчувствительно к помехам: как социальным, типа цензуры, так и личностным, типа «непреодолимого магнетизма свободы слова». Любая односторонность, какова бы ни была ее причина, ведет к психическим отклонениям, которые рано или поздно потребуют мучительной самокоррекции. Но при всем при том, тяга к действительной независимости мышления в человеке неискоренима. Это изначальная потребность души, и, как пел Владимир Высоцкий, «сапогами не вытоптать душу». Любая пропаганда ущербна. Для классного журналиста-профессионала ясно: «чтобы новость стала прибыльной, она должна быть достоверной»²³, а «комментарий действительно имеет ценность только когда неподкупно оценивает то, что есть на самом деле»²⁴. Парадоксально, но

²³ *Надеин В.* Беседа с вице-президентом компании CNN Биллом Хэдлайном //Ивестия. 1991. 5 февр.

²⁴ *Леонтьев М.* На самом деле. ТВ-Центр. 1998. 4 апр.

самым стойким фактором массовой коммуникации оказываются высшие психические функции человека. Как будто вечно актуальным остается знаменитый тезис Протагора (ок. 480-410 до н.э.) : ”Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют” (25. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.,1986, с. 348).

В психологии журналистского творчества берет начало и находит свое завершение первое, самое общее, исходно-фундаментальное правило техники информационной безопасности социума:

Личность профессионального журналиста - мера адекватности массовой коммуникации: первый фильтр социальной ответственности и последний гарант свободы слова.

Раздел второй

ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА:

ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ И СТИЛИ ТВОРЧЕСТВА

«Человек создает культуру, изменяя естественные условия с целью поддержания своего духовного Я». Это высказывание австрийского психотерапевта Отто Ранка (1880-1939) на фоне господствовавших тогда позитивистских, марксистских, прагматистских взглядов, подчеркивавших «примат материи», выглядело смешным проявлением «психологического идеализма». Но пришло время, и «субъективистские» категории словно бы материализовались в грубо-реальные феномены общественной жизни и практические проблемы обыкновенных людей. Так во второй половине XX века науке пришлось разрабатывать социотерапевтические методики и технологии, чтобы помочь обществу преодолеть негативное влияние того, что в абстракции обозначалось как «психоисторическое состояние» и что теперь выразилось в массовых депрессиях, асоциальных движениях, самых неожиданных формах отклоняющегося поведения, резком росте суицида и т.п.

Американские психологи-социотерапевты Р. Лифтон и Э. Ольсон вели реабилитацию ветеранов вьетнамской войны. Работали они и с жертвами «массового употребления наркотиков», и с адептами экзотических сект, и с активистами «бунтующей молодежи». На основании обширного клинического материала они пришли к выводу, что так называемый «вьетнамский синдром» в истоке имеет массовидное ощущение: «с одной стороны почти все дозволено, а с другой - почти ничего невозможно достичь», которое охватывает человека, когда традиционные установления общества: закон, религия, семья, образование ... - теряют надежность, не гарантируют жизненного успеха, девальвируются чуть ли не до утраты смысла. Аморальная война в джунглях стала, с их точки зрения, последней каплей технизированного абсурда, когда мощная американская машина тотального уничтожения дискредитировала даже понятие героизма, ибо чем храбрее были солдаты, тем дальше отдалялось окончание бойни, в которой невозможно было одержать победу. В личном плане одним из последствий это-

го становилось «психическое онемение», в сущности блокирование чувств, эмоций и самих восприятий, в предельной форме превращавшее людей в «ходячие трупы» Р.Лифтон и Е.Ольсон предложили для этого состояния термин «мортификация» (от лат. *morte* - смерть), но подчеркивали, что это - защитный механизм, предохраняющий психику в условиях крайнего стресса, оставляющий возможность возрождения личности за гранью отчаяния¹.

Впрочем, по мнению психологов-социотерапевтов, само по себе бедствие не ведет к возрождению. Выживший может быть внутренне настолько затронут распадом, что не находит в себе силы для нового творчества. Опору индивид обретает в тех, с кем имеет духовный контакт, поскольку полноценный опыт достигается только в межличностном поле, но не в одиночестве. Однако мортификация проявляется и на социальном уровне, что выражается в создании «негативной символической системы», возводящей травматический опыт индивида до уровня глобальных категорий, из-за чего кажется бессмысленным любой жизненный проект.

Следует сосредоточить внимание на социотерапевтическом термине «негативная символическая система» По теории Лифтона–Ольсона жизнедеятельность сознания состоит в непрерывном создании и пересоздании системы образов, способных придать миру осмысленность, открыть достойную жизненную перспективу. Однако скорость исторических сдвигов в обществе настолько возросла, что сама способность человека к символическому осмыслению собственного опыта не успевает за калейдоскопическим мельканием, так сказать, судьбоносных событий. Вот почему, к примеру, вьетнамский синдром может охватить целое поколение и даже общество в целом. В 70-х годах XX столетия для США это действительно стало национальной проблемой.

«Человек никогда не был способен преодолеть разрушительное действие разрыва символотворчества в одиночестве», - констатируют Р.Лифтон и Э. Ольсон и подчеркивают, что весь вопрос выхода из «психического онемения» состоит в соединении индивидуального жизненного проекта с коллективным историческим проектом». Цель «коллективного проекта» - формирование такой системы позитивных ценностей, которая могла бы быть принята, как общая сет-

¹ Здесь и далее данные и обобщения Р. Лифтона и Э. Ольсона приводятся по: *Lifton R., Olson E. Living and dying. N.Y. 1974; Lifton R. Home from the war. Vietnam veterans - neither victims nor executioners N.Y. 1973.*

ка координат для осмысления собственной жизненной перспективы любым членом общества, стать основой социального оптимизма. Отсюда очевидно, насколько существенна в такого рода коллективных процессах роль массовых средств символического осмысления действительности.

Р. Лифтон и Э. Олсон рассматривали пять направлений преодоления масковидной мортификации, составлявшей суть вьетнамского синдрома:

1. Ценностное переосмысление семейных привязанностей и обязанностей, переходящих в идею общины и нации.

2. Ценностное переосмысление непреходящего значения труда и творчества.

3. Ценностное переосмысление религиозных отношений человека и общины.

4. Ценностное переосмысление экологических задач, стоящих перед современным человеком.

5. Поиск новых форм стимулирования индивидуального творчества и социального энтузиазма.

И в каждом из предлагаемых подходов социотерапевты не только выявляли возможности обновления ценностных установок, но и подчеркивали опасности возникновения на новом уровне негативной символики, грозящей углублением мортификации, что усугубляет противоречивость процесса смены психо-исторических состояний.

Вьетнамский синдром в Америке был благополучно преодолен. А один из отказников вьетнамской войны стал 42-м Президентом Соединенных Штатов. Нет нужды преувеличивать значение в разрешении национальной проблемы огромной страны двух психологов, обобщивших опыт социотерапии государственного масштаба. Важнее осознать, что реальное психо-историческое состояние нужно в каждой стране рассматривать как проблему практическую.

Повсеместно традиционные оценки основных жизненных категорий (власть, благо, духовность, семья, любовь, героизм, прогресс научный или технологический и т.д.) так быстро меняются, что целые поколения не могут с определенностью положиться на ту или иную систему ценностей в попытке сделать свое существование успешным и осмысленным. И тот факт, что сама способность человека к ценностному осмыслению жизненного опыта уже не выдерживает гонки со скоростью исторических изменений, получил неожидан-

но резкое подтверждение в политической практике России. Здесь куда более быстрая чем в США смена властных программ: коммунистическая доктрина - перестройка - путч ГКЧП - развал СССР - гайдаровские реформы - мятеж Руцкого-Хасбулатова - новая Конституция - война в Чечне - кризис президентской власти ... - не получила не только народного осмысления но и вразумительного идеологического истолкования. Чтобы выстоять в условиях тех перепадов, которые переживала страна, обществу как никогда нужны были активность, инициатива и предприимчивость каждого человека. Между тем, как показали социально-психологические замеры в центральной России 96,7 процента населения пребывали в состоянии социальной депрессии². Растерянность, неверие властям, страх перед завтрашним днем парализовали духовную энергию людей, ставя под угрозу не только успех реформ, проводимых в стране, но и жизнь каждой семьи. Чем же в это время были озабочены «массовые средства символического осмысления действительности», жизненно важную роль которых постоянно подчеркивают психологи-социотерапевты?

Нельзя сказать, что психо-историческое состояние никем в России не осознавалось. «Группа научных сотрудников НИИ психиатрии предупреждала о возможных катастрофических последствиях безысходно пессимистического или злорадного тона подачи информации, преобладающего в большинстве СМИ, в первую очередь на ТВ», - писал известный психиатр В.Ханыков в статье «Кому будет польза, если народ впадет в депрессивный раптус?»³. «Впечатление такое, что средствами массовой информации движет патологический страх показаться лояльными любой власти... Всенародное ковыряние в ошибках отнюдь не исправит положения. Зато в обществе находящемся в состоянии депрессии, не только политической, экономической, но и психической, это вызовет последствия отнюдь не «непредсказуемые»... Одна часть людей впадет в ступор, махнет на все рукой и будет в нищете и бездействии ожидать конца. Другая часть дойдет до депрессивного раптуса (депрессивного возбуждения) с преобладанием отчаяния и нецеленаправленной агрессивной активности по отношению к себе или окружающим... А между тем, грамотная, просчитанная психологически и социологически работа журналистов способна наполовину предопределить

² Фетискин Н.И. Механизмы социальной монотонии. Кострома, 1995.

³ Ханыков В. Кому будет польза, если народ впадет в депрессивный раптус? // Комсомольская правда. 1992. 1 февр.

успех трудного процесса “новостройки”».

Однако призыв специалистов-психиатров остался втуне. Может быть, потому что данное психо-историческое состояние поспешили использовать в других целях. «Ведется работа по формированию “нового человека” с менталитетом, коренным образом отличающимся от существующего (в терминах средств массовой информации – “совкового”), для того чтобы стало принципиально возможным вхождение России в культурно-историческое поле западной цивилизации, устранив перед этим мешающие этому различия в мировоззрении», - пришел к выводу на основе контент-анализа российской прессы независимый социолог Г. Винокуров⁴. Это, очевидно, совсем другая установка. Словно в пику американским социотерапевтам, ориентировавшим своих пациентов на осмысление «семейных привязанностей и обязанностей, перерастающих в идею общины и нации», пост-советская пресса стала тиражировать «чернуху-порнуху», как называли в обществе приоритетную проблематику журналистики тех лет. И первые результаты были зафиксированы очень скоро. «Небезызвестный Артем Троицкий (редактор издания журнала “Плейбой” на русском языке) рапортовал на Российском радио, что специальным социологическим опросом репрезентативно установлено: «По некоторым видам нетрадиционного секса Россия уже обогнала Францию». И назвал то, что от петровских времен и до перестройки именовалось “французской любовью”. Пикантная эта подробность характеризует проникающую силу этого типа пропаганды и раскрывает ее стиль... Публицист готов пуститься во все тяжкие, лишь бы вызвать шок, такую оторопелость в обществе, чтобы безотчетное желание отмыться, как-то оправдаться почувствовали бы даже те, кто ни сном ни духом...»⁵. В психологическом плане это как раз то, от чего предостерегали Лифтон и Ольсон: массовая трансляция негативной символической системы, возводящей травматический внешний опыт индивида до уровня глобальных категорий, из-за чего может показаться бессмысленным любой жизненный проект. Было бы непрофессионально считать, что это по вине журналистики огромное число людей словно в состоянии «психического онемения» безропотно претерпевали обвалы финансовых пирамид и военно-политические бессмысленности чеченской кампании, то месяцами ра-

⁴ Винокуров Г. Российская журналистика и чеченский конфликт //Законодательство и практика средств массовой информации. Вып. 3 (7). 1995.

⁵ Пронина Е. “Плюйбой” или коллективный Мальчик-без-штанов //Российские вести.

ботали, не получая зарплаты, то в порыве депрессивного раптуса бросались с чадами и домочадцами перекрывать транссибирскую магистраль.

Но так же непрофессионально, не разобравшись в психо-историческом состоянии, нагнетать информационное давление, ведущее не к преодолению кризиса, а к мистификации массовых представлений, распространению ущербных эмоций и постыдных поступков. Находятся, наверное, и высокопрофессиональные пропагандисты, которые совершенно сознательно (по идейным соображениям или за деньги) квалифицированно работают «на понижение» в экономике и «на разложение» в идеологии. Но «принципиальная» односторонность в современных условиях выглядит наивной и старомодной. Гораздо влиятельнее хаотическое роение информации, в котором размывается перспектива развития социума. Характерно, что исследователи заговорили даже об асоциальности прессы, имея в виду «неразвитость ее общественного содержания, проявляющаяся с различной интенсивностью - от безобидного, на первый взгляд, пренебрежения некоторыми обязанностями перед обществом до жесткого противостояния социальной среде... Иначе говоря, пресса ставит во главу угла не служение обществу (в том числе путем приращения знаний), а обслуживание примитивных потребительских инстинктов частных лиц. По форме это может выглядеть как реакция на запросы аудитории, по сути же перед нами асоциальная стратегия деятельности»⁶.

Таким образом, одно и то же в сущности психо-историческое состояние было чуть ли не диаметрально противоположно осмыслено в США и в России, и это возымело и там, и там мощные эффекты, но в одном случае - просоциальные, а в другом - асоциальные. Разница показывает, как много значит уровень психического здоровья элиты общества, под который подстраивается пропаганда. Это только так говорится, будто газеты желтеют на потребу обывателю. Все гораздо хуже. Аудитория, разумеется, состоит не из ангелов. Но и не из дьяволов. В массе своей она разделяет строгие нормы традиционной морали. И бульварная пресса не случайно делается в богемно-бомжовом нонконформистском стиле, циническая экзотичность которого особо заманчива для «восходящих слоев»: нуворишей с их челядью, свежеиспеченных лидеров с их окружением,

1996. 13 марта.

⁶ Корконосенко С.Г. Асоциальность прессы и ее преодоление // Журналистика в переходный период. М. 1997. Ч.1. С.16-17.

неомеценатов с их звездами. Характерно, что именно в этой среде подхватываются, муссируются, пережевываются скандальные публикации. Именно здесь пересуды «бомонда» выдаются за общественное мнение, а распродажа тиража преподносится как народное волеизъявление. Это можно было бы охарактеризовать как синдром «из-грязи-в-князи», когда особенно хочется покрасоваться достигнутым превосходством, потому что не изжиты прошлые унижения, и желание за все расквитаться и всего отведать переходит в грубый кураж или жеманную иронию. Бульварная пресса явочным путем придает этой оголтелости статус, если не респектабельности, то приемлемости, а может, и предпочтительности, подобно тому как офшорная зона отмывает сомнительные капиталы. Расчет идет не только на тех, чей принцип «получать по претензиям». Всем, чьи замыслы не осуществились, кто претерпел обиду, оскорблен несправедливостью или просто недоволен судьбой, не чуждо желание за все расквитаться и всего отведать. В той или иной степени. Хотя бы в мечтах. Богемно-бомжовый стиль кого-то тешит, а кого-то и утешает. Но в любом случае он провоцирует бесконтрольные эмоции и безотчетные поступки. Это – «промывание мозгов» негативными ценностями, исподволь накапливающее критическую массу недовольства, охарактеризованную выше как состояние депрессивного раптуса, которым потом беззастенчиво манипулируют в ходе финансовых махинаций и политических разборок. Не случайно даже в чопорной Британии «яростная бульварная пресса» (выражение Ф. Гоулда) используется как козырная карта, когда хотят опорочить человека, идею или программу, каковы бы ни были их реальные достоинства и недостатки.

Но первой жертвой бульварной прессы становится сам журналист. И опытные профессионалы это понимают: «Скандал - самый жесткий наркотик массовой пропаганды, который воздействует потому что потрясает нравственные установки читателя, и тот теряет способность критического осмысления событий, ищет утешения в мнении пропагандиста. Но и сам пропагандист, переходя от скандала к скандалу, не может уберечь свою психику. И если некоторые наркоторговцы могут наркотики и не употреблять, избегая привыкания и ломки, то пропагандист, описывая скандалы, не вникать в них не может. Это реальная опасность для человека пишущего»⁷.

⁷ В.К. Наркотик для общества // Российские вести. 1997. 19 авг.

Напрашивается жесткий вывод: если газета соблазняет читателя желтизной, то оттенок цвета всегда задан сверху, но яркость - это выражение духовных качеств самих журналистов. Фигурально говоря, работать в желтой прессе и оставаться личностью какого-то другого цвета практически невозможно. Но это тоже не следует оценивать односторонне. Амбивалентной энергией взрывных слоев общества пренебрегать нельзя. Себе дороже. Можно на дух не принимать желтую прессу, но куда денешься от такого, например, факта, что немотивированное повышение зарплаты чиновникам, предпринятое одним из свежеепеченных вице-премьеров, «не заметил» никто из уважаемых обозревателей, и по достоинству откомментировала одна только бульварная «Мегаполис экспресс».

Профессиональный журналист, в принципе, должен свободно владеть любым стилем: деловым, уважаемым, «высоколобым», скандальным... А класс журналиста определяется глубиной понимания, какой из стилей будет адекватен реальному психоисторическому состоянию общества. И это не только проблема социальной ответственности или информационной безопасности. Это интимный вопрос жизненной перспективы, творческого долголетия и психического здоровья самого журналиста. А всякий интимный вопрос особенно труден. Не зря говорится: «Чужую беду - руками разведу, к своей - ума не приложу». Как человек своего времени журналист сам погружен в психоисторическое состояние социума. Он сам претерпевает все стрессы, страхи и надежды эпохи. Он сам пребывает в смятенном состоянии духа. И его отчаянная критика или превознесение властей, его оголтелая скандальность или елейная благожелательность мало чем отличаются от общих симптомов депрессивного рапгуса. Отрешиться от субъективных страхов и вздорных амбиций можно только проникшись духом психоисторического состояния, осознав перспективу ее социального разрешения и представляя отдаленные последствия выбора того или иного коммуникативного стиля для себя лично.

Психоисторическое состояние ощущается в массовой коммуникации как мощный энергетический поток коллективных чувств (в широком спектре от энтузиазма до отчаяния), конденсирующийся из личных переживаний людьми тех реальных неурядиц или удач, в которые ввергает их общественная жизнь. Чтобы не поплыть по течению, уловить действительный смысл гражданских пертурбаций, чьих-то низменных умыслов или высоких порывов, нужно обратить-

ся к чему-то более устойчивому, определенному, неизменному, а точнее сказать, недвусмысленному, нежели вечно текущие, переменчивые, а точнее сказать, неоднозначные обстоятельства жизни и дела людей.

Опыт психотерапевта привел Отто Ранка к мысли, что «человек создает культуру, изменяя естественные условия с целью поддержания своего духовного «Я».

Пушкину, размышлявшему о высоком лицеистском братстве, вдохновение подсказало возвышенное и точное сравнение: «Прекрасен наш союз! Он, как душа, неразделим и вечен...»

«Что пользы человеку, если приобретет он весь мир, а душе своей повредит?» - вопрошал Апостол Павел.

Характерно, что теория ученого, озарение поэта, поучение религиозного авторитета ищут точку отсчета мирских координат в психике человека и находят там прочную опору. Психика человека - это единственный постоянный компонент любой социальной ситуации. Все остальное может складываться как угодно, принимать любые формы и сочетания, превалировать или исчезать во все. Без психики это не более чем броуновское движение природных величин, бессмысленный хаос, «мука материи», как выражался К. Маркс. Но когда задействована психика человека, ситуация становится исторической, то есть этапной для поступательного развития цивилизации.

В некоторых ветвях науки психика вообще рассматривается как инструмент выживания и развития. Благодаря психике, которая гибко адаптируется к жизненным обстоятельствам, обеспечивается быстрая модификация поведения, необходимая для приспособления к реальным условиям *без физического изменения организма*. Иначе история человечества разворачивалась бы несоизмеримо более медленно, в темпах общей эволюции видов.

Характерно, что биологически человек, с точки зрения антропологии, со времен кроманьонца практически не изменился. Исторический прогресс был обеспечен, по-видимому, благодаря компенсирующему развитию духовной сферы. «Чем сложнее среда, в которой проходит жизнедеятельность, тем сложнее психика», - подчеркивал видный советский психолог А.Н.Леонтьев (1903-1979). Однако наскальная живопись кроманьонцев, сохранившаяся в пещере Альтаира со времен палеолита, в полном смысле потрясает современных искусствоведов совершенством изобразительных решений.

Творческая мощь психики человека несомненно проявляла себя во все времена и при любых обстоятельствах. Потенция творчества, словно вечная и неделимая, единая и неизменная душа, присуща каждому индивиду. В этом и состоит феномен человека. И тем не менее наука фиксирует поступательное развитие психики человека от коллективного бессознательного и общинного поведения к индивидуальному самосознанию и личной ответственности. В историческом плане это приводит к самоочевидным изменениям в методах мышления, стилях творчества и паттернах поведения людей по мере смены эпох и цивилизаций.

Методолог науки Томас Кун (род.1929) выявил специфическую цикличность развития познавательных процедур: систематизация проблем и накопление приемов их анализа - разработка системы гипотез и экспериментальных методов их верификации - четкая теория, в соответствии с которой организуется исследовательская практика - исчерпание объяснительной силы и кризис теории - переход к новому циклу. Высший период подобного цикла, когда теория четко выражена, методы исследования применяются повсеместно, а достижения несомненны, Томас Кун назвал парадигмой (от греч. *παράδειγμα* – пример, образец), чтобы подчеркнуть: это своего рода общепринятый алгоритм, по которому разворачивается мыслительный процесс в обществе как коллективном субъекте познания. Предложенное Т. Куном новое понятие было ценно не само по себе. Оно дало возможность представить парадоксальную феноменологию современных научных революций как традиционную смену парадигм науки и обосновать по крайней мере четыре сугубо социальных момента познания:

во-первых, поэтапность развития мышления, так сказать, от парадигмы к парадигме;

во-вторых, параллельная истинность выводов прошлых и действующих парадигм науки (квантовая физика Макса Планка - Нильса Бора не отменила классических законов Исаака Ньютона или Михаила Ломоносова);

в-третьих, определяющее влияние устойчивой парадигмы на все формы творчества современников, разделяющих ее установки, пока очередная «сумасшедшая идея» не откроет новую перспективу;

в-четвертых, способность человека сознательно переходить в ту или иную парадигму в зависимости от предмета исследования и обстоятельств жизни.

Разумеется, парадигма еще не все в науке. Так же как наука еще не все в мышлении. А мышление еще не все в психике. Но взаимодействие этих категорий далеко от однозначности количественных отношений.

Вплотную с проблемой стадияльного развертывания высших психических функций человека ученые столкнулись в конце XIX века, когда потребовалось систематизировать и научно описать культуру народов, открытых европейцами в ходе своей экономической экспансии.

На основании проработки огромного фактологического материала этнолог Э. Тайлор (1832-1917) пришел к выводу о генетической связи между анимизмом первобытной культуры и мистицизмом позднейших мировых религий.

Психолог Л. Леви-Брюль (1854-1939) по данным этнографических экспедиций в Африку, Австралию и Океанию сделал заключение, что первобытное мышление является «пралогическим», предшествующим типу мыслительной деятельности по законам формальной логики, свойственной цивилизованным людям.

Религиовед Дж. Фрэнгер (1854-1941), применив методы сравнительной этнографии для анализа фольклорных, богословских и философских текстов всех известных культур и цивилизаций, выдвинул вместо идеи постепенной эволюции теорию стадияльного развития человеческого мирозерцания. Первобытный человек убежден, что он сам при помощи магических заклинаний и обрядов может принудить судьбу и природные силы измениться в желаемом направлении. Это исходная стадия развития - магическое мышление. Когда же люди, разуверившись под давлением реальности в собственных способностях магически воздействовать на жизненные обстоятельства, переходят от заклинаний и колдовства к молитве и ритуалу, упрашивая всемогущее божество свыше распорядиться, чтобы все устроилось желаемым образом, это уже стадия религиозного мышления. На третьей стадии, человек вообще отказывается от использования сверхъестественных сил и сосредотачивается на объективном познании мира в научном мышлении.

В описании Дж. Фрэнгера магия, религия и наука являются ни чем иным, как выражением трех различных парадигм мышления, каждая из которых по своему определяет нормы жизни, стили творчества, особенности психики людей своего времени. Эта мысль соответствовала самоочевидным различиям исторических эпох по всем параметрам культуры, этнологии и психологии. Однако

ученый предостерегал от ошибки линейного понимания трехстадиального процесса. «Если подвергнуть анализу примеры симпатической магии, - писал он, - то обнаружится, что они являются неправильным применением одного из двух фундаментальных законов мышления, а именно, ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве и во времени... Сами по себе эти принципы ассоциации безупречны и абсолютно необходимы для функционирования человеческого интеллекта»⁸. Фрэзер утверждал даже, что «фундаментальное допущение магии тождественно воззрению современной науки», и усматривал «фундаментальную противоположность религии» только в «этической активности», ибо, по выражению святого Иакова, «одна вера без дел мертва»⁹. Вместе с тем для него было ясно, что психика человека окончательно не преодолевает и не отторгает раз и навсегда пройденные парадигмы мышления. «В глубине души люди держатся, - подчеркивает он, - за старые магические суеверия, которые религия может отвергать и осуждать, но искоренить которые она не властна, поскольку своими корнями они уходят в ментальную (психическую) структуру огромного большинства рода человеческого»¹⁰. Размышляя о том, какую силу обретают эти ментальные структуры в массовом сознании, классический гуманист чувствовал глубокое беспокойство, столь трагически оправдавшееся в наступающем XX столетии, которое стало веком мировых войн и социальных революций: «Какое воздействие оказывает на будущее человечества наличие в жизни каждого общества глубинного пласта дикости, не затрагиваемого поверхностными изменениями религии и науки... Мы, как видно, движемся по тонкой корке, которая может в любой момент треснуть под воздействием дремлющих подземных сил. Время от времени глухой ропот или неожиданно вырвавшийся на поверхность язык пламени указывает на то, что происходит под нашими ногами»¹¹. При этом Дж.Фрэзер не был ни пессимистом, ни фаталистом. «Не для того вы были созданы, - цитирует религиовед “Божественную комедию” великого Данте, - чтобы жить подобно животным, а для того, чтобы следовать по пути познания и добродетели»¹².

Конечный вывод теории трехстадиального развития человечества в

⁸ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С.54.

⁹ Там же. С. 53-64.

¹⁰ Там же. С.63.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Там же. С.666.

утверждении принципиальной незавершимости прогресса познания. «В конечном счете и магия, и религия, и наука - это всего лишь способы теоретического мышления, и, подобно тому как наука вытеснила своих предшественниц, в будущем на смену ей может прийти другая более совершенная гипотеза.»¹³

Это был на редкость точный прогноз. Когда началась эпоха научных революций, каждый новый взлет теоретической мысли: квантовая физика, космонавтика, кибернетика - не только на порядок поднимали производительные силы, но и стадиально переформировывали массовое мировосприятие, меняли парадигму мышления. Конечно, процесс этот развивался неотрывно от общего хода истории с ее социальными потрясениями и идеологическими программами. И потому новые парадигмы мышления под влиянием того или иного общественного строя, культурной традиции и т.п., вплоть до ресурсного состояния региона, порождали веер несопадающих типов личности, словно изотопов одного и того же элемента. «Авторитарная личность», проанализированная Теодором Адорно (1958), «житель глобальной деревни», вычисленный Маршаллом Маклюэном (1965), «советский человек», воспетый Георгием Смирновым (1971), презентируют до несовместимости различные типы людей. Однако процесс социальной перестройки, начавшийся в 1985 году в России, открыл не только противоречивость, но и соотнесенность глубинных установок людей конца XX века и прежде всего общность парадигмы мышления. Нельзя сказать, что психологическая интеграция человечества от этого облегчается или упрощается. Но очевидно, что она возможна в принципе и достижима в обозримом будущем.

Впрочем, историческая действительность не только подтвердила прогнозы ученого-гуманиста, но и уточнила их, развеяв благодушные иллюзии. Для Дж. Фрэзера было ясно: магия - «не что иное, как постоянная угроза цивилизации», однако, по его мнению, опасность исходила из «глубинного пласта дикости, не затрагиваемого поверхностными изменениями религии и науки»¹⁴. Сейчас это мнение представляется и недалеким, и несправедливым.

Когда-то Владимир Высоцкий, презентирруя на концертах свою песню «Почему аборигены съели Кука», каждый раз пускался в рассуждения, не было ли это «просто вопросом питания», и ссылался на некоего полинезийца, кото-

¹³ Там же. С.666.

рый будто бы очень удивлялся: «Зачем в Европе миллионами убивали солдат, если всех потом просто зарывали в землю?» Что это, особо черный юмор? Скорее смущение души человека, сознающего, насколько смешно и постыдно искать в первобытной дикости причины таких феноменов XX века, как спецавтомобиль «душегубка», «Соловецкий лагерь особого назначения» или «бомбардировка Хиросимы». Нужно принять во внимание, что и среди изобретателей «сравнительно дешевого способа умерщвления выхлопными газами», и среди сторонников «трудовой перековки классового врага», и среди инициаторов «атомного устрашения» были и такие, чья искренняя вера и научная подготовка вне всяких сомнений. Это показывает, что в психике человека, употребляя терминологию Дж.Фрэзера, «магия», «религия» и «наука» обнаруживаются изначально и неустранимо. Рассмотрим два примера:

Древнеегипетский папирус «Разговор разочарованного со своей душой»¹⁵ разворачивает строго последовательное рассуждение, в котором от главы к главе каждая мысль вытекает из предыдущей и обуславливает последующую. Характерно разделение текста не на «песни», хотя это стихи, не на «плачи», хотя это исповедь, а на «жалобы», словно это нечто вроде «истории болезни», в которой симптомы взаимосвязаны и взаимообусловлены:

Страх общественного презрения и острое самоуничижение:

...Видишь, имя мое ненавистно

И зловонно, как рыбы отбросы

После ловли под небом раскаленным... (Из Первой жалобы)

Безнадежность личного одиночества, переходящая в ощущение глобальной беспросветности:

....Кому мне открыться сегодня?

Бремя беды на плечах,

И нет задушевного друга.

Кому мне открыться сегодня?

Зло наводнило землю,

Нет ему ни конца, ни края... (Из Второй жалобы)

¹⁴ Там же. С.60.

Упадок духа, вводящий в соблазн небытия:

...Мне смерть представляется ныне

Исцеленьем больного,

Исходом из плена страданья,

Мне смерть представляется ныне

Благовонною миррой,

Сидением в тени паруса, полного ветром.... (Из Третьей жалобы)

И мистическая надежда лично отомстить всем и всему:

Воистину, кто перейдет в загробное царство

Будет живым божеством

Творящим возмездье за зло.... (Из Четвертой жалобы)

В сущности, это дискурсивное знание, изложенное не менее продуманно, чем описание параноидального синдрома у иных ученых-психоаналитиков нашего времени.

Второй пример демонстрирует, так сказать, обратную соотнесенность. В 1992 году в Вифлееме, где по преданию родился Иисус Христос, бывший генсек ЦК КПСС М.С. Горбачев сказал: «Я последний социалист, стоящий перед социалистом первым»¹⁶, как бы признавая, что марксизм-ленинизм, который не только трактовался как «единственно верная теория», но и разрабатывался как научная дисциплина, на самом деле был не более чем квазирелигиозной доктриной.

Получается, что разительные отличия психологии первобытного и современного человека вовсе не являются взаимоисключающими. Новое не замещает старое, а существует параллельно. Какие элементы фрэзеровской триады и в каких пропорциях будут задействованы в актуальном мышлении зависит от качества задачи, которую приходится решать, и от количества людей, вовлекаемых в ее решение. Любопытно, что сам основоположник теории пралогического сознания Л. Леви-Брюль находил, что мышление индивидов в первобытном обществе является вполне логичным, а «дологический» характер имеют только

¹⁵ Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 97-100.

коллективные представления (обряды, мифы), через призму которых воспринимается мир общественных работ и родовых взаимоотношений. Это положение получало постоянное подкрепление в трудах и концепциях выдающихся ученых. Г. Тард (1843-1904) утверждал, что в толпе человек более эмоционален, возбужден и менее интеллектуален, чем обычно, что «средний умственный уровень каждого человека в коллективе ниже, чем средний уровень членов коллектива по отдельности»¹⁷. Г. Лебон (1841-1931) предрекал, что в коллективе человек теряет свою индивидуальность, подчиняется примитивным импульсам массы, действует аффективно, обретает веру в чудо и потребность подчиняться вождю¹⁸. В.М. Бехтерев (1857-1927) описал объективные социально-психологические механизмы, благодаря которым в критических ситуациях коллективное сознание оказывается более нравственным и более прогностичным, нежели индивидуальное, люди проявляют массовый героизм, а толпа совершает подвиги самопожертвования¹⁹.

Ученые эти неоднократно подвергались критике. Самые разные научные школы выражали им свое неприятие и негодование. Но уже в конце XX века знаменитый С. Московичи еще раз проработал все их данные и концепции и на новом витке социо-психологической теории сделал недвусмысленное обобщение: «Социум – это машина, творящая богов»²⁰. Самое любопытное, что этот многозначительный афоризм является всего лишь переосмыслением античного выражения: *Deus ex machina* («Бог из машины»), означающего парадоксальное разрешение антиномичной ситуации благодаря неожиданному вмешательству сверхъестественных сил.

Как видно, в потенции психика человека имеет достаточный ресурс для обеспечения любого типа мирозерцания и любой парадигмы мышления. Вопрос в том, какие именно ментальные программы инсталлированы в ней на прошлых этапах развития общества и какие именно парадигмы мышления, стили творчества и паттерны поведения задействованы ею в данной конкретной психоисторической ситуации? Как показывает практика преодоления «вьетнамского синдрома» в умонастроениях американского народа и полная беспомощ-

¹⁶ Комсомольская правда. 1992. 20 июня.

¹⁷ Тард Г. Преступления толпы. Казань, 1893.

¹⁸ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.

¹⁹ Бехтерев В. Коллективная рефлексология Пг., 1921.

²⁰ См.: Московичи С. Машина, творящая богов М., 1997.

ность постперестроечных усилий по формированию национальной идеи Российской Федерации, это вопрос чрезвычайной важности и для социума, и для каждого индивида, особенно для такого, чья профессия – творчество-в-процессе-коммуницирования.

Основная сложность - полная несомоочевидность психических процессов и на уровне социума и в собственном сознании журналиста. В самом деле, если парадигмы науки можно выделить по ее эпохальным открытиям, то как выделить, как классифицировать парадигмы мышления? Можно, конечно, их привязать к неким культурно-техническим достижениям: применение орудий (Ф.Энгельс), появление колеса (С. Шпильгартен), внедрение телевидения (М. Маклюэн)... Однако материальные достижения весьма неоднозначно соотносятся с жизнью духа. Известно, что и некоторые животные тоже используют и даже изготавливают орудия.

К счастью, есть вполне объективные и даже, можно сказать, прямые свидетельства уровня развития психики. Это представления общества о том, что такое душа человека, точнее, что такое собственно психика, психика как таковая. Ни одно человеческое сообщество не живет без ответа на этот вопрос. Именно забота о душе выделяет самую дику первобытность из остальной природы и задает импульс движения к цивилизации. Именно единство представлений о душе было исходным условием возникновения племен и наций. Именно понимание уникальности психической жизни лежит в основе современной концепции прав человека. Вместе с развитием общества разворачивался и углублялся процесс, который можно было бы назвать саморефлексией психики. Этнографы и этнологи выявляют зачатки саморефлексии духа уже в обрядах тотемизма и табуирования, в заклинаниях и заговорах первобытного колдовства. В Древней Греции Аристотель (384-322 до н.э.) дал тонкое определение души (на древнегреческом – ψυχή – психе) и тем самым обозначил предмет изучения одного из разделов философии, названного в XVI веке психологией. Конечно, представления о предмете психологии с течением истории менялись. И то, что думают о психике современные ученые, отличается от представлений психологов прошлого, как геометрия многомерных пространств от евклидовой геометрии трехмерного пространства. Но греческая буква Ψ (пси) не случайно остается общей эмблемой всех научных школ, занимающихся изучением и врачевани-

нием душевных свойств людей и их мыслительной деятельности. Все они представляют различные концепции одного и того же феномена: души человека. Сопоставляя эти концепции с философскими и культурными достижениями эпохи, можно увидеть полную параллельность и соответствие их друг другу.

Для Аристотеля «Психе» неотделима от тела, хотя и не часть его. Это высшее проявление бытия, то, ради чего тело существует, и чем оно оживотворено. Он поясняет свою мысль с помощью почти художественного образа: Зрение невозможно без глаза, но это не часть глаза. Это то, ради чего глаз существует, и что доказывает его существование. Зрение – душа глаза. Таким образом, считает античный мыслитель, душу следует признать «сущностью, своего рода внутренней формой естественного тела, потенциально одаренного жизнью... Душа есть завершение (венце) тела»²¹. Эту концепцию в позднейшие века называли наивной и даже «преднаучной». Но это, в сущности, синхронный слепок психики эллина, и в нем запечатлен источник суперстойкости спартанских гоплитов и суперъедкости «аттической соли» афинских софистов, запретного совершенства античного искусства и парадоксального свободолюбия рабовладельческой демократии.

Крупнейший американский философ и психолог Джон Дьюи (1859-1952) свой взгляд на мир называл «мелиоризмом» (от лат. *melior* - лучше). «Мелиоризм, - писал он, - есть глубинное убеждение, вера в то, что специфические условия, существующие в некоторый момент, будь они сравнительно плохими или хорошими, в любом случае могут быть улучшены»²². В таком жизненном кредо сплавлены воедино социальный оптимизм и личная инициатива. И это главное в том типе психики, который выразил себя в натиске пионеров, золотой лихорадке, конвейерном производстве, биржевых спекуляциях, гангстерских корпорациях, индустрии шоу-бизнеса, «Первой поправке к Конституции» и прочем сугубо характерном, вплоть до стереотипов «американского образа жизни» и пресловутой «американской мечты».

Парадигма мышления, таким образом, это свойственный эпохе тип психики, первый абрис которого прочерчивает актуальная для своего времени психологическая теория. Поскольку «тип» понятие надындивидуальное, парадигма мышления не означает «умонастроение каждого человека». Психологически

²¹ Аристотель. О душе. М., 1937. С. 36.

суверенность личности гарантирована тем, что индивид, в принципе, может в любых условиях решать «по собственному разумению» и действовать «на свой страх и риск» даже вопреки собственной выгоде, подобно некоторым героям Достоевского. А парадигма мышления - нечто принципиально социальное, точнее, коллективное, еще точнее, массовое. С нею соотносятся не «сумасшедшие гипотезы», а исследовательские процедуры научных школ. Под нее подстраиваются не гениальные поэты, а художественные направления. Но в массовой коммуникации именно она определяет стиль творчества и структуру текста. Каждой парадигме мышления соответствует вполне определенный стиль творчества-в-процессе-коммуницирования, вполне определенный тип массового текста и вполне определенный тип профессионального коммуникатора. Так, в древнегреческом полисе общественные проблемы, житейские коллизии и даже научные конфликты разрешались публичным словоговорением в народном собрании, на рыночной площади, в академических аллеях. Тип текста – ораторское выступление, смесь риторики и мифологии. Тип коммуникатора: киник-софист, обличающий, превозносящий, торгующийся, насмешничающий...

А в прагматичной Америке газета считается, как выразился Уолтер Липпманн, «единственной библией, которую следует читать ежедневно», потому что жизненно важно немедленно узнавать обо всем происходящем в округе, штате, стране и на всем свете. Тип текста здесь – news-story с жесткой структурой: четкий ответ на шесть практически значимых вопросов (Что произошло? Где? Когда? Кто это сделал? Почему? и Как?), а также броский заголовок, заявляющий превентивную оценку и перечисление подробностей по степени убывания важности. Тип коммуникатора: прожженный репортер, вездесущий, вездливый, ничего не берущий на веру...

Получается, что история психологии представляет не только академический интерес. Та или иная конкретная «теория души» может до очевидности раскрыть психологический аспект соответствующей практической концепции журнализма в реальной истории массовых средств воздействия. Немецкое «газетоведение», англо-американская теория «новости», парижская «бульварность» массовой печати, «эзопов язык» русской подцензурной прессы, ленинский «принцип партийности», посткоммунистическая «гласность», беспредельная

²² Dewey J. Reconstruction in philosophy. Boston, 1957. P.142.

«четвертая власть» и т.п. предстают как четкие профессиональные технологии, каждая из которых, имея в основе определенную парадигму мышления, оптимальна только для определенного психоисторического состояния.

Но дело в том, что социальная антиномия, которая рассматривалась выше как психологический итог XX века, напрягает все стадийные пласты психики, все парадигмы мышления одновременно, требуя практического разрешения быстро меняющихся и все более острых психоисторических состояний. Следовательно, и творчество-в-процессе-коммуницирования, конденсируя импульсы всех задействованных парадигм, теряет гомогенность и, переходя к плюрализму, сталкивается с недостаточностью прежних журналистских технологий. На социальном уровне это противоречие преодолевается разработкой новых информационных технологий: научно-обоснованным моделированием газет, журналов, телепрограмм; репрезентативными социологическими обследованиями аудитории, внедрением интерактивных коммуникаций и т.д. В этих условиях индивидуальное мастерство журналиста не должно оставаться делом только интуиции.

Как центральное обобщение данного раздела и, одновременно, точка приложения дальнейшего анализа сформулирован следующий самодостаточный вывод: Профессиональный журналист, в принципе, должен владеть любым стилем: деловым, уважаемым, «высококлассным», скандальным... А класс журналиста определяется глубиной понимания, какой из стилей и в каком аспекте будет адекватен реальному психоисторическому состоянию общества. Это вопрос жизненной перспективы, творческого долголетия и психического здоровья журналиста.

Однако в журналистике знаменитый афоризм естествоиспытателя Ж. Бюффона (1707-1788) «Стиль - это человек» – может звучать зловеще. В том смысле, что, выбирая стиль, выбираешь судьбу. В известной степени так оно и есть. Поэтому вопрос не в том, чтобы выбрать, а в том, чтобы свободно владеть. В потенции, переходить от одного стиля к другому или третьему, возвращаться обратно и снова переходить дано каждому, хотя бы потому что психика наша многослойна. Не зря сказано: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает»²³. В парадигме мышления секрет психоисто-

²³ Аграновский А. Давайте думать // Журналист. 1967. № 4.

рического состояния социума и адекватного стиля творчества-в-процессе-коммуницирования.

Предложенная ранее методика параллельного рассмотрения высших психических функций человека и психологических процессов массовой коммуникации должна быть использована далее для последовательного анализа исторических этапов развития психики от коллективного бессознательного и общинного поведения к индивидуальному самосознанию и личной ответственности, чтобы в сопоставлении парадигм мышления и стилей творчества-в-процессе-коммуницирования установить практические правила современного журнализма.

Но кое-какие обобщения можно сделать уже теперь по материалам второго раздела и продолжить тем самым перечень необходимых условий психологической безопасности в массовой коммуникации, начатый в первом разделе.

Как видно, психоисторическое состояние социума может достигать критического накала, когда индивиды уже не в силах выдерживать массовые стрессы, а спонтанные коммуникации не в состоянии смикшировать общее напряжение. В такие периоды становится очевидной подспудная идеологическая антиномия социальной коммуникации. Одни массовые средства тиражируют негативную символическую систему, провоцируя коллективный «депрессивный раптус» (В. Ханьков) или нагнетая «революционную ситуацию (В. Ленин). Другие - следуют стабилизирующему «коллективному проекту», ориентируясь на «выживание нации» (Э. Шеллингер) или реализуя программу преодоления «мортификации» (Р. Лифтон и Э. Ольсен). Единолично противостоять этим противоречиям для человека, включенного в массовую коммуникацию, чрезвычайно сложно. Нужны коллективные средства защиты от информационного раздрая: контр-пропагандистские статьи и книги, профессиональная критика публицистических произведений, принципиальная полемика между редакциями. Это своего рода саморефлексия журналистики, без которой профессионал не может сохранить ясность самооценки и легко становится жертвой либо внешнего принуждения, либо самообольщения, а чаще того и другого вместе. Ситуация, можно сказать, стандартная. Раздосадованный вопросами о спонсоре-олигархе редактор «качественной» демократической газеты восклицает в многолюдном собрании: «Я утверждаю, что я в своих статьях в сто раз свободнее любого журналиста тех газет и журналов, которые так оскорбительно пишут о нас!», - не замечая, что

почти дословно повторяет уверения Александра Фадеева или Михаила Кольцова в искренней преданности социализму²⁴.

Активная научно-критическая инфраструктура журналистики – необходимое условие коммуникативной открытости и информационной безопасности. Но это не самоочевидно для самих журналистов. Вот типичный образец: «Журналисту писать о журналистике – в этом есть некая тавтологическая ловушка. Читателю не растолкуешь кухню, да она ему и не интересна... Писать, обращаясь к братьям по перу? Зачем? Они и сами все знают. И гораздо лучше знают...»²⁵. Профессиональная фанаберия начинается обычно с обаяния успеха, но на томной саморекламности остановиться не может. В результате читатели говорят, будто после крушения «партноменклатуры» журналистика осталась единственным заповедником, где не стыдятся гордиться тем, что «никаких академиев не кончали». А потом «мэтры», подчас те же самые, начинают писать: «Что продажны – не удивительно. Удивительно, что не все»²⁶.

Мерцающий комплекс суперполноценности/гипернеполноценности - это непрекращающаяся попытка для мыслящего профессионала и постоянная угроза искажения самого процесса массовой коммуникации. Лекарство от этих двух бед одно: саморефлексия журналистики во всех структурах массовой коммуникации и на всех этапах творчества-в-процессе-коммуницирования.

В психологии журналистского творчества берет начало и находит свое завершение сдвоенное правило техники информационной безопасности:

Мера коммуникативной открытости общества - индивидуальность стиля профессионального журналиста.

Индивидуальность стиля профессионального журналиста - результат собственной (в той или иной степени сознательной) саморегуляции личного творчества-в-процессе-коммуницирования под влиянием актуального психоисторического состояния социума.

²⁴ Цит. по: *Пронин Е., Пронина Е.* Четвертый обман //Российские вести. 1998. 17 дек.

²⁵ Цит. по: *Власть, зеркало или служанка.* М., 1998. Т.1. С.172.

²⁶ Там же. С.182.

Раздел третий

МАГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

«Во время моего пребывания в Амбризете, - говорит Монтейро, - три женщины из племени кабинда отправились к реке набрать воды. Стоя одна подле другой, они набирали воду в кувшины; вдруг средняя была схвачена аллигатором, который утащил ее и сожрал. Семья несчастной женщины сейчас же обвинила двух других в том, что они колдовским путем заставили аллигатора схватить именно среднюю женщину. Я пытался разубедить этих родственников, доказать им нелепость их обвинения, но они ответили мне: «Почему аллигатор схватил именно среднюю женщину, а не тех, которые стояли с краю?» Не было никакой возможности заставить их отказаться от этой мысли. Обе женщины вынуждены были выпить “каска” (т.е. подвергнуться ордалии, испытанию ядом)»¹.

Такова первобытная жизнь. Три смерти в одном эпизоде. Первая - фатальная жертва природы. Две другие - жертвы праологического мышления. Поневоле усомнишься, что психика - орудие выживания, а парадигма мышления - оптимальный способ решения жизненных проблем. Но лучшая реакция на сомнение - попытка углубиться в проблему, чтобы взглянуть на нее с другой стороны.

Что такое первобытность? Прежде всего это жизнь-на-границе-смерти. Насильственной смерти. Грубой. Необоримой в одиночку. Что такое отдельный человек для мамонта, крокодила, охотника за черепами? Добыча. Или никчемная помеха. «Одним приближением убивает слон,» - говорится в древнеиндийских «Упанишадах». Только сообща, только стаяй, родом, общиной люди могли противостоять опасности и побеждать. Субъектом выживания был не индивид, а община. И это в корне меняло смысл трагической случайности. Так ли важно, почему в действительности не заметили во-время опасность эти три женщины? Размечтались они или переругались, крокодил попался особенно коварный или еще что, но возникла дополнительная проблема для социума, а не просто погибла одна из женщин.

В самом деле, как теперь женщинам ходить по воду (а это необходимо),

если их сковывает страх перед ужасным животным? И как обострить в них настороженную взаимозаботливость, если хотите, рефлекс взаимосохранения (а это единственная реальная гарантия их безопасности)? Посмотрим на вещи прямым взором. Ни научное объяснение, ни правовое обоснование, ни поучение старших - здесь не сработают. Но страх уляжется, если все посчитают, что крокодил без колдовского наущения напасть не может, а сама колдунья будет тут же предана смерти. И чтобы подкрепить массовый рефлекс взаимосохранения, маловато будет мудрого совета, воспитательной рацеи или порыва милосердия. Но если покарать смертью тех, по чьей трусости, беззаботности или какой другой оплошности погибла соплеменница, люди глубоко прочувствуют, насколько каждый из них дорог общине...

Попытки вникнуть в подробности первобытно-общинных отношений могут смутить нравственное чувство цивилизованного человека как «жестокостью» жизни, так и «цинизмом» науки. Но если преодолеть внутреннее сопротивление, станет ясно, что пралогическое мышление было практически эффективным. Не случайно люди и в последующие эпохи не могли без него обходиться, постоянно возвращаясь к древнейшим навыкам мышления и поведения. На этой базе даже формировались воспитательные доктрины типа: «За нечаянно – бьют отчаянно» и разрабатывались уставные требования вроде знаменитого: «Сам погибай, а товарища выручай» – из «Науки побеждать» великого А.В.Суворова.

«В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления,» - говорил Карл Маркс². Но в данном случае практика подтверждала «действительность и мощь» мышления, которое трудно назвать «посюсторонним», Оно было магическим по определению. Но как могла стать основой практических достижений первобытного человека его внутренняя убежденность в том, что он сам при помощи магических заклинаний и обрядов может принудить судьбу и природные силы измениться в желаемом направлении? «Дело в том, – поясняет Дж.Фрэзер, – что ошибку здесь было далеко не так просто обнаружить, неудача ни в коем разе не была очевидной, потому что во многих случаях – возможно даже в большинстве их – желаемое событие по истечении какого-то времени после совершения обряда,

¹ Цит. по: *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1996. С. 215.

направленного на то, чтобы его вызвать, действительно наступало»³. Это бесспорно. Но это еще не все.

Первобытную жизнь вообще следовало бы рассматривать как чрезвычайную практику человека, потому что субъектом выживания тогда могла быть только община, хотя субъектом «действительного» мышления оставался индивид. Человек должен был психически адаптироваться прежде всего к общинной форме выживания: проникнуться над-индивидуальными эмоциями, вчувствоваться в эмпатически (на бессознательном уровне) передающуюся традицию, пропитаться паттернами коллективного поведения и т.д. Магия привносила в этот процесс логику, хотя и весьма специфическую, и сакральный (высший, священный) смысл. Магическое мышление превращало в своего рода сообщающиеся сосуды индивидуальное самосознание и коллективное бессознательное, личную ответственность и общинное поведение. Так, общее мнение, будучи высказано, могло враз превратиться в священную заповедь. Но и личный апломб индивида мог вызвать всеобщую покорность. Так, во искупление общего прегрешения могли принести в жертву безвинного соплеменника. Но и за любого своего члена община несла абсолютную ответственность по принципу круговой поруки, обычаю кровной мести и т.п. Поэтому любое общение оборачивалось массовой коммуникацией, а массовая коммуникация могла приходиться к индивиду как «внутренний голос». Некоторые исследователи считают даже, что, к примеру, у античного грека было «двухпалатное сознание». Анализ «Илиады» Гомера показывает, что буквально ни один значимый по своим последствиям поступок не был личным волеизъявлением героя, а был подсказан, нашептан, приказан Афиной, Афродитой, Аполлоном или каким другим богом, который чуть ли не стоял за спиной человека⁴. Главные побуждения воспринимались античными греками как внешние, вынужденные, не свои. Сознание как бы разделялось на две половины, и хозяева у них были разные. Современная клиника тоже знает психические состояния, когда в сознании человека раздаются посторонние голоса, убеждающие, поощряющие, приказывающие... Такое квалифицируется специалистами как «бред воздействия», «навязчивости», «диссоциация личности», а самим индивидом переживается как «захваченность

² Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Соч. М., 1955. Изд. 2. Т. 3. С.1.

³ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С.63.

⁴ См.: Ауэрбах А. Мимесис. М., 1967.

чуждыми желаниями и целями». Но сами по себе факты патологии только подтверждают, что в психике сохраняются архаические механизмы регуляции внутриличностного диалога, которые, придавая объективный, принудительный статус побуждениям, в норме обеспечивают выбор в условиях множественности мотивов и неопределенности ситуации, а также облегчают принятие коллективных целей как своих и восприятие собственных интенций как внешних требований.

Эти глубинные механизмы были суперактивны, ибо то, что требовалось общине от индивида, было для всех даже важнее самого индивида. Голос массового сознания во внутриличностном диалоге был непререкаем, как голос бога. Характерно, что в фундаментальной для античной культуры поэме Гесиода «Труды и дни» так и говорится: «Молва - это сам бог». Естественно, и коммуникативный стиль был соответствующий. Жесты и фразы несли не столько интеллектуальный, сколько ритуальный, в сущности, смысл, транслировали и ретранслировали не умозаключения, а состояния психики, прямо и непосредственно. Интенсивность воздействия и острота переживания приближались к предельным. Взаимопонимание и взаимосогласование действий индейцев в процессе охоты на бизонов или рыбной ловли в пору путины лосося наводили белых этнографов на мысли о телепатии. Но самое потрясающее, что несколько разных исследователей в разных первобытных общинах зафиксировали один и тот же феномен буквально самоубийственных последствий магического мышления. Суть вот в чем. В эпоху географических открытий европейцы столкнулись с племенами, которые утверждали, что связаны кровным родством с каким либо животным (иногда растением), которое называли своим тотемом (на яз. оджибве **ототем** – «его род»). «Мы - попугаи а-ра-ра», - говорили о себе, к примеру, индейцы из племени, чьим тотемом была эта небольшая птица. Как архаическая форма религии тотемизм освящался сакральным запретом (табу) убивать и поедать тотемическое животное. Но было также особо предусмотрено периодически повторяемое ритуальное убийство и поедание тотема, которое как бы причащало членов племени к прародителю, показывая в то же время, что это, так сказать, не отрава. Случаев сознательного нарушения табу не описано. Но иногда это происходило случайно. Человек нарушал табу по собственной беспечности или коварству сотрапезников. Так вот, пока он оставался в неведении, чье мясо съел, с ним ничего не происходило. Но когда он об этом узнавал,

то вскоре заболел и умирал, не находя сил сопротивляться болезни...

Однако устрашающие эффекты здесь отнюдь не самое интересное. Первобытность – это, действительно, жизнь-на-границе-смерти. Но конкретный первобытный человек жил в радостном предощущении победы над грозящей ему насильственной смертью. Он и в самом деле вместе с соплеменниками был сильнее любого зверя в округе, а в границах общинного стойбища вообще был практически неуязвим. И особого типа коммуникация нагнетала в нем чувство братской общности, защищенности, личной значимости и могущества, доводя обыденное самоощущение до эйфории, до экстатической готовности к немедленному самопожертвованию. В сущности, это - психологический рай на земле. И не так уж бесосновательно Овидий называл доисторическое существование «Золотым веком» человечества. Подобное мироощущение до сих пор остается массовой мечтой, о чем говорят и народные поговорки типа: «Силен медведь, да на его шкуре люди спят», «На миру и смерть красна», - и лозунги полит-поэтов вроде: «А если в партию сгрудились малые, сдайся враг, замри и ляг. Партия - рука миллионопалая, сжатая в один громящий кулак» (В. Маяковский).

В чем, однако же, состоят глубинные особенности данного типа психики? И в чем специфика данной парадигмы мышления?

Первые исследователи первобытного мышления Фрэнк и Тайлор полагали, что основой таких характерных черт первобытной культуры как тотем и табу является одушевление природы. «Первобытная философия, приписывавшая личную жизнь природе вообще, и тирания слова над человеческим умом - два двигателя мифологического развития»⁵. Это положение заслуживает самого внимательного рассмотрения. Но обычно применяемое в религиоведении понятие «анимизм» (от лат. **anima** – дух, душа), согласно которому конкретные природные объекты и особи индивидуально обладают активной, независимой от телесной оболочки душой, в данном случае не совсем подходит. Потому что прежде «анимизма» был «аниматизм» (от лат. **animatus** – одушевленный) – т.е. особое состояние веры во всеобъемлющую безличную одушевленность природы, соединяющую все и всех в единую мировую душу. Термин был предложен в 1900 году английским ученым Р. Мареттом. Позднейшие этнографические исследования малочисленных народов крайнего севера выявили, что аниматизм,

⁵ Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1991. С.141.

как вера в одушевленность всей природы, в практическом мышлении выражается, к примеру, в том, что всем предметам природы приписывается такая же жизнь, как у человека, что подмечается сходство отдельных предметов с отдельными частями человеческого тела, что предметы наделяются как бы двойной природой, в связи с чем могут менять свою сущность, переходить друг в друга⁶.

На стадии аниматизма физическое и психическое как бы не разделяется. Всё и вся - это одновременно и реалии внешнего мира, и проявления единой одушевленности природы, переживаемые как движения собственной души. Л. Леви-Брюль называл спонтанное переливание смыслов и состояний в этом едином психо-физическом пространстве «сопричастностью» или «партиципацией». Переживание всеобщей сопричастности порождает ощущение того, что предметы способны передавать свои свойства другим предметам непосредственно, путем соприкосновения, уподобления и т.д. Так, индеец-гуичол, «который надевает на голову перья орла, имеет целью не только украсить себя, и это не главным образом. Он помышляет о том, чтобы при помощи этих перьев приобщиться к зоркости, прозорливости, силе и мудрости птицы. Сопричастие, лежащее в основе коллективного представления, заставляет его действовать таким образом»⁷.

Собственно, все виды магии и волшебства являются выражением данного уровня мышления. Дж.Фрэзер, к примеру, разделял два типа магии: имитативную и контагиозную. В основе первой – имитация и вообще принцип сходства. (Подобное производит подобное, поэтому, поражая наскальный рисунок оленя во время обряда, можно обеспечить удачу на охоте.) Вторая – ставит во главу угла контакт и вообще принцип смежности. (У соприкасающихся предметов значение и роль в жизни совпадают, поэтому не следует выбрасывать остриженные волосы: птицы вплетут их в гнезда, и заплетутся мысли.) При этом сам Дж.Фрэзер считал, что и магия подобия, и магия контакта были не абсурдом, а всего лишь «неправильным применением фундаментальных (исходных и истинных) законов мышления: а именно ассоциации идей по сходству и ассоциации идей по смежности в пространстве и времени»⁸. Но несколько позже психоаналитическая практика Зигмунда Фрейда (1859-1939) показала, что не слу-

⁶ См.: *Богораз-Тан В.* Чукчи. Л., 1939. Ч.2. С.1-4.

⁷ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1996. С. 244.

⁸ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986. С. 54.

чайно в сновидении воедино сгущается множество идей, а чувство, вызываемое одним предметом, неупорядоченно смещается на другой, смежный, подчас не относящийся к делу. Это проявляют себя механизмы неосознаваемой работы психики, которые первооткрыватель «бессознательного» так и назвал: «сгущение» и «смещение»⁹. Еще лет десять спустя другой гигант психоанализа Карл-Густав Юнг (1875-1961) распознал в психике человека «архетипы коллективного бессознательного», которые не вырабатываются людьми лично, а приходят через неосознаваемый коллективный опыт или передаются генетически и служат источником общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений¹⁰.

Архетип - это отнюдь не единичный наглядный образ, а своего рода типовая схема, по которой разрозненные впечатления сводятся к универсальному представлению, переживаются и оцениваются. Как считают некоторые психологи, архетип, будучи феноменом общечеловеческого коллективного бессознательного, един у всех людей «всех времен и народов» и самим человеком не осознается, а его структуру следует представлять как простейшую геометрическую фигуру: квадрат, круг, треугольник и т.д., - которая в массовом сознании ассоциируется с фундаментальными, магическими, в сущности, категориями: добро–зло; мир–война; приобщенность–одиночество и т.п.

Однако можно предположить, что архетип все-таки доступен воображению художника, и его иногда удается запечатлеть. Таков шедевр К.Малевича «Черный квадрат» (Государственная Третьяковская галерея). Замысел, композиция, цветовое решение - элементарно просты, а зрители испытывают эстетическое потрясение. Одни, потому что ничего не могут взять в толк; другие, потому что ощущают объясненность своей собственной жизни; третьи, потому что на этом черном квадратном экране могут прокручивать как кино бесконечные сюжеты и толкования. «Добро не побеждает зло, – размышлял в 1985 году экскурсовод у картины К.Малевича, – просто стало окончательно ясно, что жить во зле – невозможно»... Наверное, будут еще и другие толкования, когда придут иные времена. Ведь черный квадрат – непроницаемая симметрия, исключаяющая динамическое развитие фигуры, абсолютная статика, Это даже не смерть, которая есть все-таки переход, хотя бы в мир иной. Это мертвенность, окаменелость

⁹ См.: Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1997.

жизни, невозможность развития и роста, бесперспективность и бессмысленность. К. Малевичу он открылся в благополучном 1913 году в благополучной России, словно предречение грядущей мировой войны и революции, на пороге событий, психическое интегрирование которых - функция данного архетипа.

Сам К.-Г. Юнг блестяще использовал категорию архетипа при анализе модерн-мифа о «летающих тарелках», который самоорганизовался в конце 50-х годов под влиянием массовых страхов ожидания гибельной атомной войны. Психолог, естественно, не собирался получить окончательный ответ относительно физического существования НЛО. Но в зримой форме «летающих тарелок» он установил совпадение с «мандалой» (горизонтальный овал) - архетипом блага, примирения, общей удовлетворенности. Это дало возможность говорить об огромном значении для общественного настроения всеобщей надежды, что люди во вселенной не одни, что благополучное решение земных проблем придет из космоса, что братья по разуму добры и благожелательны... Механизм зарождения мифа как способа самоорганизации коллективной психики тем самым был вскрыт¹¹. И тот факт, что позднее не без влияния массовой детективно-фантастической литературы и кино отношение к «пришельцам» и «терминаторам» у многих переменилось, только уточняет психологическую картину, так как теперь уже мало кто видит «летающую тарелку», хотя не ослабевает поток сообщений о появлении НЛО самых причудливых конфигураций.

Стоит ли в таком случае считать, что коллективная душа – только фигуральное выражение? К.-Г. Юнг выводил архетипы коллективного бессознательного, опираясь на данные современной биологии: теорию энграмм (мозговых следов), новейшие представления о роли рецессивных генов... Однако главный интерес здесь представляет не материальность процессов, а состыкованность, если не идентичность механизмов коллективного и личного бессознательного, а так же сознания личности. С этой точки зрения «сгущение» и «смещение» можно представить как своего рода технологические операции, в режиме которых срабатывает архетип, приводя разрозненные впечатления к универсальному представлению. Но в сущности те же самые принципы переработки данных используются в психике, когда мыслительный процесс переходит в светлое поле

¹⁰ См.: *Jung K.-G. Wandlungen und Symbole des Libido*, W., 1912.

¹¹ См.: *Jung K.-G. Ein moderner Mythos. Von Dingen die am Himmel gesehen werden*, Z. - Stuttg., 1958.

сознания. «Сгущение» и «смещение» обнаруживаются, к примеру, в основе важнейших приемов художественного творчества: метафоре и метонимии. Так, в метафоре соединяются сходные предметы, явления, действия, чувства, чтобы создать единое представление, обладающее новым и целостным смыслом. («В саду горит костер рябины красной, но никого не может он согреть». С. Есенин.) В метонимии подчеркивается характерная деталь предмета, явления события, или сопутствующая подробность, благодаря чему раскрываются особые оттенки чувства. («Взошли на крыльцо папироса “Дукат” и рядом с ней – козырек». В. Инбер.) Следы «сгущения» и «смещения» сохраняются и в «доказательстве по аналогии» и даже в «математической индукции». И потому особое значение приобретает вопрос, была ли имитативная магия, как посчитал Д. Фрэзер, «ошибочным ассоциированием идей по сходству», а контагиозная магия - «ошибочным ассоциированием идей по смежности», или дело было в чем-то ином. Здесь придется возвратиться к тому высказыванию Тайлора, в котором великий этнограф кроме аниматизма выделял в мифологическом развитии еще и «тиранию слова над человеческим умом». Язык, действительно, обладает силой внушения и, особенно, самовнушения. Вопрос в том, каким образом «переживание всеобщего сопричастия» могло завершаться выраженными в слове, в сущности, однозначными выводами, рекомендациями, прогнозами?

Магическое мышление как «ассоциирование идей» и по сходству и по смежности может породить столь длинные цепочки метафорических и метонимических переносов значений, что собственное содержание итоговых представлений утратит очевидную связь с предшествовавшими переходами и обретет совершенно самостоятельное значение, превратится в самодостаточный символ. Почему, например, одним из символов Иисуса Христа является рыба? Почему, кроме того, рыба в разных культурах является символом богатства, плодородия? (У некоторых народов в соответствии с принципом магической передачи свойств куски рыбы весной разбрасывают по полям для повышения урожайности.) Почему, наконец, считалось, что мир стоит на трех китах? Ответ, возможно, кроется в том, что в северных широтах рыба была основным предметом питания, а значит, источником жизни в те древние времена, когда и земледелие, и скотоводство еще не возникли, а рыбная ловля при большом количестве чистых рек была безопаснее, обильнее и проще, чем охота. Именно благодаря отношению к чему-либо как жизнеобеспечивающему фактору соединились

в едином ряду символотворчества: рыба, обильность, плодородие, деторождение (в сказках после съедения волшебной рыбы рождается чудо-ребенок) и, наконец, Бог, как источник жизни. Некоторые промежуточные переходы значений могли взаимоисключать друг друга (языческие приметы - христианские представления), и тогда, надо полагать, какие-то этапы символотворчества вытеснялись из светлого поля сознания, как бы забывались, но продолжали энергетически подпитывать те образы, которые вздымались над порогом осознания, и универсальный творческий механизм «Ага-переживания» подсказывал словесную формулу заклинания типа: «По щучьему велению, по моему хотению...» Слово изначально обретало статус сакральной инстанции и действовало как команда, на которую нужно было реагировать незамедлительно. Это, в целом, соответствует принципу «обратной связи», которая может быть, как описывал «отец кибернетики» Норберт Винер (1894-1964), либо положительной (подкрепляющей успех), либо – отрицательной (указывающей на ошибку), но всегда повышает эффективность сопротивления неблагоприятной среде. Однако базирующаяся на «сгущениях» и «смещениях» мысль с неизбежностью должна была выражаться или сказать точнее, используя меткое выражение Л.С. Выготского, должна была совершаться в не прямой, иносказательной, аллегорической форме. В древних заклинаниях не всегда прослеживается даже связь слов: «...встать по утру до зари, взять рогатину, которая в звере бывала, да которой скот на лето пущать, кругом трижды очерти, а сам на вонную сторону двора ходи, а говори: “Пусть тын железный круг моего скота колко в отпуске!”»¹². Но даже когда предписание становилось формально однозначным обобщением, как закон, типа: «Не вари козленка в молоке матери его»¹³, – смысл его оставался мистически непроницаем и навсегда сохранял способность волновать воображение, как волнует воображение цитируемая заповедь, хотя позднейшие попытки рационально объяснить ее составили уже целую парабогословскую литературу.

Четыре обязательных момента свойственны такому «тираническому» речению, которое культуролог-структуралист К. Леви-Строс (р.1908) описал как конститутивную (смыслообразующую) единицу первобытного мышления и ко-

¹² Рукопись начала ХУ11 в. Цит. по: *Елеонская Е.Н.* Сельскохозяйственная магия. М., 1938. С.4.

¹³ Биб.Исх.23.19.

торое обозначил термином «мифема»¹⁴.

Во-первых, мифемой предрекалось в полном смысле абсолютное, тотальное и вместе с тем конкретное возмездие. Только в случае соблюдения предписаний индивид сохранял право на пребывание в общине. А в случае нарушения и того более, под угрозой оказывалась целиком вся община, потому что проступок индивида как трагическая вина переходил на семью, род, племя... (Типологические символы «Троянская война», «Изгнание из Рая») На более ранних этапах развития цивилизации это было то, что называется «табу», т.е. сакральное обозначение чего-то, с одной стороны «святого, священного, главного, важнейшего», с другой – «жуткого, опасного, запретного и даже нечистого»... «Наше словосочетание “священный трепет”, - подчеркивал З.Фрейд, - совпадает со смыслом табу»¹⁵. Было бы неверно видеть в табу только «темноту масс и своекорыстие жрецов». Разрабатывая теорию социальной антропологии А.Р. Радклифф-Браун (1884-1955) убедительно показал, как даже чисто иррациональные и внешне абсурдные табу практически работают на выживание общины. В поздне-матриархальном племени, к примеру, строжайше табуировалось общение главенствующих женщин с мужьями своих дочерей. Теще и зятю нельзя было встречаться, разговаривать и даже видеть друг друга. Можно со смехом припомнить массу фольклорных и литературных (М.Светлов, М.Зощенко) острот про столь одиозных родственничков, но исторически в этом абсурдном табу заключалась главная социальная гарантия становления нового типа семьи. Так возникает вопрос об органичной связи табу с истоками морали и древнейшими кодексами законов, наконец, с базовыми психическими механизмами, определяющими «силу слова». Получается, что явное или скрытое табуирование – есть необходимый момент мифемы.

Во-вторых, поступательное развитие мысли в мифеме детально не отслеживалось. Обоснования и доказательства опускались, словно это была коллективная внутренняя речь. Мысль как бы выныривала из непроглядной бессмысленности, чтобы затем снова нырнуть и снова всплыть в новом четком утверждении, и снова нырнуть, чтобы снова всплыть. Каждый нырок знаменовал особого типа логический вывод, которым все в том же режиме сгущения/смещения утверждалась причинно-следственная связь между предметами

¹⁴ *Леви-Строс К.* Структура мифов. //Вопросы философии. 1970. N 7.

и явлениями. Это так называемая трансдукция или традукция (от лат. *transductio, traductio* – «перемещение»), когда «какое-либо определение приписывается предмету в силу того, что это же самое определение принадлежит другому предмету»¹⁶. Так сложилось, что термин «трансдукция» применяют психологи (В.Штерн, Ж.Пиаже) для обозначения операции переноса в обыденном мышлении, а термин «традукция» – логики (Л.В. Рутковский) применительно к формально-логическому мышлению. И в том и в другом случае имеется в виду, что перенос свойств осуществляется на основе предполагаемого тождества или сходства предметов и не является основанием для выведения какого-либо общего закона (как в дедукции или индукции). Трансдуктивный вывод не обладает свойством всеобщности и необходимости, он всегда относится к определенному предмету или явлению. Тем не менее при соблюдении некоторых условий это вполне правомерная логическая операция «от частного к частному» или «от общего к общему». Русский логик Л. Рутковский (1859-1920) относил к числу традуктивных умозаключений, например, математический вывод, согласно которому две величины, равные порознь третьей, равны между собой. Можно было бы сказать, что правомерная трансдукция, выполненная при соблюдении всех логических условий, и есть традукция. Имея в виду прежде всего обыденное мышление, мы в дальнейшем используем термин «трансдукция». В трансдуктивном умозаключении вывод может идти от единичного к единичному на основе субъективно переживаемого сходства и связи, и тогда два случайных события предстают как причина и следствие, а по одному факту судят обо всех последующих. Это как пресловутый «метод тыка» при обращении с неизвестными приборами: либо - пан, либо ... на твоём опыте научатся другие. Главное, что и то, и другое будет *самоочевидно*. От роковой, может быть, ошибки ограждает только коллективное бессознательное, которое срабатывает через интуицию или инстинкт самосохранения. Но если речь идет о привычных делах в повторяющихся обстоятельствах, трансдукция помогает для всего «найти» причину, и людям кажется, что в мире нет ничего случайного. Это еще сгущение/смещение, но уже логика. Выдающийся советский фольклорист Е.М. Мелетинский называл это «естественной формой мышления» и «логическим

¹⁵ См.: Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997.

¹⁶ Рутковский Л. Основные типы умозаключений. Спб., 1888. С.13.

мышлением на чувственном уровне»¹⁷. Но подчеркивая, что «логика мифического мышления кажется нам столь же взыскательной, как и логика, на которой основывается позитивное мышление, и в сущности мало от нее отличается», сам К. Леви-Строс приводит в доказательство цепочку метафор: «Уже давно технологи заметили, что топор из железа лучше топора из камня, но не потому что один “сделан лучше”, чем другой. Оба сделаны хорошо, но железо - не камень»¹⁸. Получается, что сведение к самоочевидности, провоцирующее трансдуктивное «Ага-переживание» – тоже необходимый момент мифемы.

В-третьих, то, что мифема предписывала делать, всегда было элементарно: «не варить», «не видеть», «явиться» и т.п. Элементарно – не значит легко. Чтобы выполнить предписание, могло потребоваться подлинное мужество, настоящее самоотречение, фактически самопожертвование... Но что именно надо сделать и даже как - предельно ясно, просто, физически исполнимо и, что особенно важно, *наблюдаемо*: видно со стороны и, значит, подконтрольно для общины. Невозможно безнаказанно отказаться или уклониться от предписанного готового решения. Подобный «выбор без выбора» доньше сохраняется в армии: «Приказ должен быть выполнен точно, в срок и с полным напряжением сил»¹⁹. Получается, что магическое мышление в принципе не только авторитарно, но и публично. Мысль могла «прийти» по разному: как голос свыше в «двухпалатном сознании»; как подсказка бессознательного через сновидение; как повеление вождя; даже как собственное умозаключение. Но в любом случае она сразу же «высказывалась» поведением на глазах у всех и вместе со всеми. Сращение мышления и поведения, обряда и реальности в публичном действии – третий необходимый момент магической коммуникации.

Четвертый необходимый момент – мистическая непроницаемость смысла мифемы. Запрет или клятва сами по себе подавались как своего рода первопричина или, точнее, предпричина вещей и событий. Будто все вокруг (как и сам мир в целом) сработано по обету. Но в таком случае и собственная активность индивида может показаться самодостаточной, так сказать, причинообразующей силой... И тогда личность становится духовно равновеликой общине... Может быть, табу, вообще, следует рассматривать как импульс психической де-

¹⁷ Мелетинский Е. Клод Леви-Строс и структурная типология мифа // Вопросы философии. 1970. № 7.

¹⁸ Леви-Строс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970, N7.

тельности, запускающий механизм развития личности и тем самым полагающий начало цивилизации... Подтверждение такому выводу приходит с неожиданной стороны – от возрастной психологии, изучающей динамику становления психики индивида.

Труды психологов-педагогов Г.С. Холла (1844-1924), П.П. Блонского (1884-1941), Л.С. Выготского (1896-1934), Ж. Пиаже (1896-1980), Э. Эриксона (1902-1994) описывают развитие ребенка как стадийный процесс формирования интеллекта. Причем каждая стадия внутренне неизменна, функционально незаменима и жизненно необходима. А все вместе они настолько соотносимы с историческими уровнями феноменологических свойств человека, словно каждый ребенок в своем индивидуальном развитии кратко повторяет главные этапы развития человечества. Разработана даже специальная «теория рекапитуляции», согласно которой онтогенетическое (жизнь отдельной особи) развитие психики воспроизводит логику филогенеза (эволюция вида) человечества (Г.С. Холл), и совершается это спонтанно, поскольку предопределено наследственностью (П.П. Блонский).

Отличительной особенностью психики ребенка является синкретизм (греч. *synkrētismós* – «сращение, слияние»), когда связь впечатлений заменяет связь вещей. На уровне мышления синкретизм проявляется как общее «телесное» понимание, где «все без различия сбито в кучу»²⁰. К примеру, ребенок называет словом «ата» бутылочку из которой пьет молоко, через некоторое время само молоко, затем любую жидкость, наконец, утку, которую он увидел в пруду... Обобщая такого рода наблюдения, Л.С. Выготский делает вывод: «Предметы сближаются в один ряд и подводятся под общее значение не из-за общих, присущих им и выделенных ребенком признаков, но из-за родства, устанавливаемого между ними во впечатлении ребенка»²¹.

Синкретизм означает, в сущности, размытость границ между внутренним и внешним, субъективным и объективным, психическим и физическим. Ребенок колотит стул, о который споткнулся, чтобы «ему тоже больно было». Ребенок охотно соглашается, что капризничает не он сам, а «подергунчик», которого давно пора выгнать из комнаты, и, действительно, успокаивается после того,

¹⁹ Боевой устав пехоты. 1954. С.3.

²⁰ Пиаже Ж. С. Речь и мышление ребенка. М., 1994. 109.

²¹ Выготский Л.С. Мышление и речь. /Собр. соч. В 6 т. М., 1982-1984. Т. 2. С. 138.

как мать выразительно хлопнет дверью. Это можно рассматривать и как след древних эпох «аниматизма» и «двухпалатного сознания», и как исток «антропоморфизма» и «космизма» новейших философских концепций, но, главное, это означает, что остается живым и продолжает действовать единый психический механизм приспособления к реальности и эволюции без физических изменений организма. В мышлении детском и мышлении пралогическом обнаруживается общая основа. Синкретизм - это системное явление, охватывающее все стороны психической активности. Он проявляется не только на уровне восприятия (одушевление предметов и явлений), но и на уровне переживания (сопричастие), и на уровне рассуждений (трансдукция). Ж. Пиаже выделял как характерную особенность детского мышления «потребность в обосновании во что бы то ни стало». «Идея случая отсутствует в детском сознании, - писал он, - как если бы природа была произведением или, точнее, копией мысли, где ребенок поминутно ищет причины или намерения»²². Детская уверенность, что все на свете кем-то сделано, делается или может быть сделано (в том числе, собственными руками), определяется как «артифициализм» (от лат. *arte* – искусственный – и лат. *facere* – делать, изготавливать). По-видимому, аналогичным путем на уровне магического мышления возникает идея тварности (сотворенности, изготовленности) природы, и фетишизируется творящая активность человека, которую вводят в нужное русло посредством разного рода табу.

Синкретизм является первой ступенью развития мышления и, с одной стороны, становится основанием, исходной точкой развертывания всех мыслительных функций, с другой, – остается самостоятельной формой восприятия и осмысления реальности. Синкретическое восприятие и умозаключение сосуществуют одновременно и параллельно с высшими формами обобщения и абстрагирования, свойственными современному алгоритмизованному мышлению, и по-прежнему служит питательной средой интеллектуального поиска. Если отказывают логические способы решения жизненных проблем, человек автоматически обращается к исходным механизмам целостного, эмоционально насыщенного восприятия, сопричастию, метафоре и аналогии и возвращается обратно окрыленный надеждой или догадкой, которую разрабатывает с помощью утонченного интеллектуального инструментария. Такая пульсация от прими-

²² Пиаже Ж. С. Речь и мышление ребенка. М., 1994. С.146.

тивного к суперсложному, от целостного к дифференцированному, от диффузного к четко очерченному, от изначального к современному остается универсальным принципом психической адаптации к реальности. В психологическом плане особо важно, что в синкрет сливается понимание причинности и преднамеренности, как в мифеме, столь характерной для логического мышления на чувственном уровне. Благодаря этому психическому механизму с легкостью, зачастую автоматически совершается переход от «естественной формы мышления» (Мелетинский) к научной. Или обратно.

Но прологическое мышление продолжает существовать и само по себе, не ведая силлогизмов, выдавая подчас из очевидных посылок несообразные, но и неопровержимые ответы. Видный советский нейропсихолог А.Р.Лурия (1902-1977) в ходе экспериментального исследования узбекских декхан предлагал вопрос, четко воспроизводящий структуру силлогизма: «Хлопок растет там, где тепло и сухо. В Англии холодно и сыро. Растет ли там хлопок?» Опрашиваемые, жившие в мире традиционной культуры, ни разу не дали ожидаемого ответа. Чаще всего можно было услышать: «Я там не был, не знаю». Самое большое, чего удавалось добиться, это признание: «По вашим словам выходит, что хлопок там не растет, но я этого не видел»²³. По-видимому, вне зависимости от интеллектуальных технологий социума и индивидуальных способностей человек остается на том уровне мышления, который необходим и достаточен для решения его конкретных жизненных проблем. Интересное подтверждение этому находим в истории древних цивилизаций, где высокоразвитое счисление тем не менее оставалось подчиненным практическим задачам и не поднималось до стадии абстрактных закономерностей и универсальных законов. Так, в Вавилоне отношение длины окружности к диаметру принималось равным трем. Такая степень точности была вполне достаточной для разделения обода колеса и оптимального расположения спиц. Но это было неизмеримо ниже математических возможностей вавилонян, у которых, к примеру, календарь был даже точнее современного.

Феномены синкретического мышления проявляются даже в гипотезах науки. Бесконечные дискуссии на тему: «Есть ли жизнь на Марсе?» - начались, когда астрономы заметили на поверхности далекой планеты некую сеть практи-

²³ См.: Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С.

чески прямых линий, потому что первая гипотеза, возникшая у ученых, соответствовала артифициалистской установке: «Должен быть кто-то, кто это сделал». Весь мир заговорил о «марсианских каналах». А впоследствии оказалось, что это был оптический эффект, создаваемый особенностями телескопов того времени. И показательно, что тот же самый американский астроном П. Лоуэл (1855-1916), который был автором гипотезы об искусственных сооружениях на Марсе, позднее математически вычислил, что за Нептуном должна быть еще одна планета, рассчитал ее орбиту и организовал научный поиск. А 15 лет спустя на расчетной орбите действительно была открыта планета Плутон.

Парадокс в том, что в начале XXI века человеку приходится надеяться на чудо даже больше, чем в древности. Слишком многое в его жизни не поддается личному контролю, зависит от случая, внешних обстоятельств, чужих и не всегда дружелюбных людей. Он должен принимать решения, не обладая достаточной информацией, но рискуя многим. И даже если бы такая информация вдруг к нему пришла, – скажем, он получил бы огромный свод данных обо всех, например, акционерных обществах, – все равно с таким объемом сведений ему бы не совладать. Вполне образованный, по-современному ироничный человек бессознательно погружается в синкретизм, с его размытостью психического и физического, причинности и преднамеренности, личного опыта и коллективных представлений, жаждет чудесного озарения или авторитетного слова. В острых случаях психическое перенапряжение переходит в невроз. Характерный пример приводит психотерапевт-психоаналитик Карен Хорни (1885-1952). У своей пациентки она выявила мистическую убежденность в том, что большое несчастье непременно вызывает помощь извне. Эта женщина сама усугубляла свои проблемы, бессознательно доводя до катастрофы любую трудность из желания приблизить неведомую помощь извне, мечты о которой снимали психическую напряженность, замещая собственную рассудительность и активность²⁴. В принципе, это всего лишь предельное выражение массовых состояний психики, когда открываются шлюзы коллективного бессознательного и люди готовы искать ответа и опоры на стороне, прежде всего в массовой коммуникации, и голос молвы снова становится для человека голосом Бога. Феномен «толпы», столь ярко описанный философами и политиками XX века, наглядное тому под-

тверждение.

Полная иррациональность, легковерие и непостоянство толпы изумляли ученых, впервые обративших свое внимание на массы как коллективный субъект поведения. При дальнейшем рассмотрении уточнялось, что «толпа» ведет себя так, как вел бы себя человек, находящийся во власти синкретического мироощущения. «Они не умеют извлекать уроков из опыта, - пишет С.Московичи в работе с характерным названием «Толпы, женщины и безумие», - Живя в вообразимом мире, отуманенные образами и иллюзиями, сосредоточенными в бессознательном, толпы готовы проглатывать все, что им преподносится и действовать в соответствии с этим... Толпа не отличает сна от реальности, утопии от науки. Она не признает препятствий, которые мешают исполнению ее желаний. Она тем более не понимает слов, с которыми к ней обращаются, чтобы пробудить и заставить отказаться от того, чего она требует...»²⁵. Это весьма выразительное описание устранения границ между фантазией и реальностью, между физическим и психическим в контактном общении массы людей. А при синкретическом/пралогическом восприятии и осмыслении мира сознание человека становится «двухпалатным». Отсюда почти сомнабулическое повиновение «толпы» слову харизматического оратора: лидера, вожака, Учителя, кумира, – словом, «героя», если применить терминологию социолога-народника Н.К. Михайловского (1842-1904).

Толпа – это вырывающееся во вне брожение коллективного бессознательного. Поэтому сам человек в толпе себя не видит и не помнит. Однако тот, кто **над** (герой) или в **стороне** (исследователь, наблюдатель) прочитывает закономерности, движущие порывами массы, и может направлять их в определенное русло. Феномен «герой–толпа», реализующий механизм «двухпалатности сознания», предстает в этом свете как момент слияния коллективного бессознательного и массовой коммуникации. Это ключевой момент рассмотрения проблемы. Дело не только в том, что массовая коммуникация предваряет, провоцирует, сопровождает и закрепляет эпифеномены коллективного мышления, общения и поведения. Еще важнее то, что все мифемы: от общинных и житейских до духовных и политических – не только обращаются в массовых средствах

²⁴ См.: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 1993.

²⁵ *Московичи С.* Толпы, женщины и безумие (Коллективное вещество: импульсивное и консервативное) // Психологическое обозрение. 1996, №2(3). С.54-55.

воздействия, но здесь же и порождаются. Массовая коммуникация всегда была и остается своего рода экраном, на котором проецируются образы реальность, пропущенные через архетипы коллективного бессознательного. Это необходимо людям для психической адаптации и сохранения активности в неконтролируемых индивидом ситуациях при нестерпимом нарастании социального напряжения. Коммуникативное взаимодействие «герой–толпа» приобретает вид «газета–читатель» или «телевидение–зритель», но психическая основа процесса, в принципе, сохраняется. И поведение рассредоточенной, парцеллярной, как говорят социологи, аудитории современных средств массовой информации статистически исчислимо, прогнозируемо, а в критические моменты аналогично феномену толпы. Не случайно хладнокровные политики так заботятся о том, чтобы максимально нагнетать пропаганду на пиках напряженности, когда люди готовы верить во что угодно. Характерно, что подчеркивая роль пропаганды в период революционного подъема в России (февраль 1905), В.И. Ленин писал в статье «Новые задачи и новые силы»: «Новые ручьи ищут выхода немедленно и, не находя соц.-дем. русла, они будут устремляться в несоц.-демократическое»²⁶.

В массовой коммуникации плещется коллективное бессознательное. Хотя нельзя сказать: «Все – коллективное бессознательное и ничего, кроме коллективного бессознательного». Но отсюда следует, что, включаясь в массовую коммуникацию как реципиент или как коммуникатор, человек устремляется в открытое поле коллективного бессознательного и непроизвольно переходит к той парадигме мышления и тем формам творчества-в-процессе-коммуницирования, которых требуют интерпретация и порождение сообщений адекватных изначальным структурам психики. Так что не только магическая парадигма порождает мифемы, но и мифемы стимулируют пралогическое мышление. Поэтому тексты мифологического, как принято называть, типа переполняют каналы массовой коммуникации. Они едва ли не главный манипулятивный материал прессы. Но и без них вряд ли возможна какая-либо эффективность информационного воздействия. Это в принципе неустранимый элемент массовой коммуникации. Здесь отправная точка творчества-в-процессе-коммуницирования.

²⁶ Ленин В.И. Новые задачи и новые силы / Полн. собр. соч. Т.9. С.304.

Мифологический текст ориентируется прежде всего на иррациональную сторону человеческой психики: когда ищут не информации, а надежды; не фактов, а оценок; не логики, а исхода чувствам; не обоснованности, а панацеи от своих бед; не объективности, а поддержки и т.д. В этом случае сообщение воспринимается тоже иррационально: факты, цифры забываются, а остается только общее впечатление, эмоционально окрашенный образ и твердое убеждение «Это хорошо, а это плохо!» Порождается такой эффект в магической парадигме мышления, со свойственной ей синкретичностью: целостностью и эмоциональностью восприятия, нерасчлененностью желаний и реальности и т.д.

Чтобы подготовить мифологический текст, журналисту приходится самому погружаться в магическое мышление, смешивая реальность и символику; догадки, которые придают желаемый смысл событиям, и факты, которые, как известно, «сами по себе упрямая вещь»; логику науки и директивы идеологии. Происходит именно то, что К.-Г. Юнг называл слиянием с надличностными образованиями коллективного бессознательного. При этом не существенно, каково в данный момент актуальное содержание коллективного бессознательного. Лишь бы всплыло нечто абсолютное, что стало бы более значимым, нежели все индивидуальное. Это придает непререкаемую убежденность в надличностной истине, как шаману, надевшему маску тотема и мнящему себя Богом. Ни грана сомнения, ни секунды колебаний по принципу: «Кто не с нами, тот против Бога!». Не важно, сколько в этом искренней увлеченности, сколько наигранной экзальтации, а сколько профессионального навыка. Одно плавно переходит в другое. Нередко все начинается с трезвого расчета или заказа, а потом переходит в патетику, а то и в истерику. Как сказала однажды поэтесса Вера Инбер: «Настоящая литературная подлость никогда не бывает в чистом виде, а всегда пополам с искренним энтузиазмом». Справедливости ради следует сказать, что существуют авторы, которые не могут мыслить и понимать мир иначе. Но искреннего энтузиазма в чистом виде тоже практически не бывает, а все пополам с химерами, завиральными и корыстными, как настоящая литературная подлость. И тут все зависит от самого журналиста. Механизмы и архетипы коллективного бессознательного амбивалентны и внеидеологичны. Но задача пропагандиста не столько передавать содержание событий, сколько убеждать в своей правоте, подсказывать нужные эмоции, вызывать в читателе те же чувства, которые испытывает или разыгрывает он сам. Конечно, если реципиент по тем

или иным причинам не склонен погружаться в свою психику до уровня магического мышления по настороженности или рационалистичности, коммуникатор покажется ему либо циником, либо невеждой в зависимости от владения словом или культурным материалом. Но когда журналисту удастся раскатать логику, возникает магический резонанс, создающий эффект близкий к состоянию двухпалатности сознания. Магический резонанс захватывает и читателя, и самого журналиста. Но принципиальная разница в том, что журналист может раскатать логику преднамеренно. Однако сохраняет ли в таком случае пралогическое мышление свои эвристические возможности, свою, как сказал бы Карл Маркс, «действительность и мощь»?

...В день первого ракетно-бомбового удара НАТО по Сербии возле посольства США в Москве развернулся массовый митинг. Толпа скандировала антинаатовские речевки. Демонстранты забрасывали здание яйцами, пузырьками чернил, грязью... Поскольку подобного скопления людей в этом месте не предполагалось, и туалеты заранее построены не были, не обошлось и без актов вандализма. Стихийный всплеск народного антиамериканизма поставил в двусмысленное положение тех журналистов, кто последовательно пропагандировал США, и даже в расширении НАТО на восток находил нечто обнадеживающее вроде: «НАТО - это атлантическая культура, и чем ближе она будет к России, тем лучше»²⁷. Их прежние аргументы зазвучали нелепо, да и сама логика привычных рассуждений обернулась абсурдом. Но последовал не пересмотр позиции, а сброс парадигмы мышления, потому что, имитируя двухпалатность сознания, можно даже невыгодную информацию обернуть в полезную мифему.

Характерен актуальный комментарий обозревателя НТВ В.Л.²⁸. Здесь монтаж визуальных образов так акцентуируется звучащим словом, чтобы задействовать глубинные архетипы и атавистические комплексы, при возбуждении которых мышление становится синкретичным.

№ эпизода	Визуальный ряд	Аудиальный ряд	Аффективный ряд
	видеоряд	аудиоряд	психоряд
1	Сам В. Лусканов, причесанный и напомаженный под знаменитый портрет С. Есенина.	<i>Здравствуйте.</i>	Предъявление этнической принадлежности автора, совпадающей с «титульной наци-

²⁷ Черкизов А. Час быка. НТВ. 1997. 4 апр.

²⁸ Итоги. НТВ. 199. 28 марта.

			ональностью» России
2	Крупным планом младенец, причмокивающий во сне. Обвивающий, обволакивающий, словно спеленывающий младенца, голубой флаг с эмблемой ООН.	(Фоном – крик новорожденного) В 1987 г. в бывшей теперь уже Югославии родился пяти-миллиардный житель планеты. Этот день, 11 июня, Организация Объединенных Наций объявила даже всенародным праздником.	Апелляция к инстинкту родительской заботы. Возведение к пределу (предельное обобщение): вместо <i>конкретности</i> (бомбежки) нечто <i>всеобъемлющее</i> (человечество). Предельность проблемы подразумевает абсолютность субъекта её решения.
3	Чернявый, «цыганистый» мужчина в кожаной куртке, с курчавой бородкой и бакенбардами два раза целует флаг Югославии.	(Фоном – выкрики на непонятном языке) <i>Сегодня ООН не до Югославии. Она не причастна. Зато мы причастны.</i>	Оформление этнических признаков «югослава» как чуждых славянскому типу. Актуализация поиска абсолютного субъекта. ООН на эту роль не подходит. Обращение к «мы» как апелляция к коллективному бессознательному
4	Кадры военной хроники: Танки – «тридцатьчетверки» на общеузнаваемых улицах восточно-европейских столиц, уличные перестрелки, трупы, пленные.	<i>В 53 году мы силой затащили восточных немцев в социализм. В 56 году маршал Конев расстреливал венгров. В 68 году маршал Якубовский о колено ломал чехов, которые ошиблись с образом социализма.</i> <i>Советский Союз убивал людей, когда хотел и где хотел.</i> <i>Виновата ли в этом Америка?</i>	Нагнетание коллективной вины. Провоцирование «самоомерзения» как фона для принятия альтернативного абсолютного субъекта.
5	Эстетически выверенные кадры рекламных роликов НАТО: взлет супербомбардировщика Б-52, стелящийся, как бы подкрадывающийся полет супервертолета «Апачи», вооруженный мотоциклист, выезжающий из десантного судна.	<i>Конечно, виновата. Виновата тем, что живет лучше нас, что работает больше нас и стала сильнее, чем мы.</i> <i>А мы все силы истратили на поиск своего особого пути...</i>	Упрек в коллективной завистливости.
6	Плотные ряды милицейского оцепления возле американского посольства. Митинговая толпа. На фоне флагов Югославии и красных знамен воздетый над головами восьмиконечный православный крест.	<i>И, наконец, нашли его.</i> <i>Наш путь это беспредельная, безграничная и лютая любовь к сербам. Как у Татьяны Окуневской.</i>	Сведение к пошлости сакральных моментов этнической и религиозной общности славян
7	Кадр из старого фильма: знаменитая красавица на качелях.	<i>Звезда нашего кинематографа влюбилась в югославского лидера Иосипа Броз Тито. А потом отсидела за эту любовь в сталинском лагере.</i>	Намек на роковую способность сербов приносить несчастье тем, кто их любит.
8	Вагоны-теплушки с заключенными.	<i>Похоже, России уготована та же судьба.</i>	Уподобление «мы» (страна, славяне, коллективное чувство общности) женщине, на репутацию которой брошена тень.
9	Фривольные жесты футбольных фанатов.	(Фоном – скандирование футбольных болельщиков:	Снижение значимости личности участника демонстра-

		«Америка – параша! Победа будет наша!») <i>Болельщики ЦСК и Спартака объединили свои усилия в штурме американского посольства в Москве.</i>	ции.
10	Кадры спортивной кинохроники. Достопамятный прорыв Всеволода Боброва, забивающего гол в прыжке через вратаря.	<i>Ребята не помнят, как в 52 году за проигрыш фашистам из сборной Югославии Сталин отправил под нож репрессий гениальных русских футболистов Боброва, Бескова, Федотова. Неужели и в этом виновата Америка?</i>	Переключение общественно-го недовольства на тех, кого приходится поддерживать, на югославов, из-за которых пострадали футбольные кумиры. Снятие вины с альтернативного абсолютного субъекта.
11	Кинокадры военного парада на Красной площади.	<i>Кто с кем еще должен побрататься. чтобы справиться с Америкой? Россия с Украиной? Белоруссия с Сербией? И под красными знаменами «Спартака» вперед?</i>	Уничтожение возможных союзников и вообще славянского единства.
12	Заляпанный чернилами фронтоном старинного особняка.	<i>Почему люди, которые хотят научить нас патриотизму, первым делом поганят на улицах? За что испоганили единственный в Москве дом Грибоедова.</i>	В «мы» как коллективном бессознательном вычленяется одиозная групповая личность (<i>хотя бы учить нас патриотизму..., поганят на улицах</i>). Формирование образа врага, так сказать, внутреннего, поскольку с внешних сил (ООН, НАТО, Америка) вина снята.
13	Строительные леса возле ремонтируемого здания. Двое мужчин мочатся у входного проема. Третьим присоединяется «чернявый-кучерявый», который целовал югославский флаг.	<i>Несколько поколений россиян пытались докопаться до правды, чем все-таки пахнет в наших подъездах? Теперь мы знаем наверняка. Там пахнет славянским протестом.</i>	Перевод образа врага в бессознательное индивидуальное «Я» каждого реципиента. Попытка сделать невозможной славянскую самоидентификацию. Апелляция к древнейшему, доинтеллектуальному еще каналу ориентации (обоняние) срывает безотчетное отвращение (физиологический уровень ощущения) и этническое сознание (психологический уровень) и провоцирует расистские галлюцинации.
14	Крупным планом матерное слово, прочерченное пальцем на грязной дверце автомобиля	<i>Организовывать общественные беспорядки на улицах мы можем.</i>	Апелляция к рудиментарным механизмам табуирования.
15	Демонстранты сжигают флаг США.	<i>Но было бы еще лучше, если бы патриоты публично сожгли всю имеющуюся у них наличность в долларах. Тогда был бы ответ Но ведь не жгут и выходит, что доллар все-таки дороже любви</i>	Использование абсолютного символа богатства для того, чтобы унижить внутреннего врага уличением в корыстолюбии и фарисействе.
16	Коловращение толпы у посольства.	<i>Коммунисты, либералы, радикалы, консерваторы испытывают особое удовольствие от бросания яиц в здание аме-</i>	Обратное растворение в коллективной вине, расширяющее образ внутреннего врага на всю Россию.

		<i>риканского посольства. «Ура! Мы ломим, гнутся шведы!»</i>	
17	Хрестоматийный плакат «Родина-мать зовет». Реклама ЛДПР: Жириновский на фоне масс и слоган «Владимир, спаси Россию». Пункт записи добровольцев в Сербию.	<i>Записываемся в добровольцы. Где были эти пожилые ветераны, когда шла война в Чечне? Почему они не записывались в российскую армию, вместо своих погибших сыновей? Нам сербы дороже собственных детей?</i>	Абсурдные претензии к коллективному «мы» за абсурдизм политиканов из ЛДПР. Удвоенные абсурда размывает грань между реальностью и иллюзией. Любое утверждение уже кажется не лишенным обоснованности.
18	Зюганов, дающий интервью. В стык монтируются кадры учебного фильма о поражающих факторах ядерного оружия. Ядерный гриб.	<i>(Фоном – голос Зюганова) Лидер КППРФ Зюганов заявил, что Россия должна выйти из договора о неприменении ядерного оружия первой. Согласимся, это означает, что в любую минуту ядерное оружие может быть применено против нас. Нас это радует?</i>	(Напоминание о своей объективности и связи с реальностью). Апелляция к инстинкту самосохранения. Устрашение возмездием за коллективное безрассудство.
19	Гаубица, ведущая огонь в горной местности. Четверка реактивных истребителей с черными крестами на фюзеляжах.	<i>Американцы попали в скверную историю на Балканах. Они потеряли ощущение реальности. Настолько, что готовы подключить к вооруженным операциям Турцию, страну, уже несколько лет применяющую оружие для уничтожения Курдского народа. А каково глядеть на немецкие самолеты с крестами на крыльях в небе Югославии. Но и мы не раз попадали в такие истории. И в Афганистане, и в Чечне. И много еще где.</i>	Напоминание о своей беспристрастности: некая критика в адрес и «другой стороны», попытка стимулировать коллективное доверие. Возвращение к чувству коллективной вины.
20	Общезнаваемые кадры телерепортажей с театра военных действий в Югославии: взрыв многоэтажного здания, ночное небо, прочерченное трассирующими снарядами, городской квартал в лазерном прицеле крылатой ракеты.	<i>Нам бы сидеть тихо и ждать, когда американцы опозорятся, как когда-то американцы сидели тихо и ждали, когда опозоримся мы. А вместо этого в ответ на американские удары по далекой Сербии мы готовы поменять государственный строй в России...</i>	Апелляция к коллективному цинизму. Либо «сидеть тихо», либо социальное самоубийство («поменять государственный строй в России»).
21	Российские десантники. марширующие под песню. Крупным планом поющие молодые люди в голубых беретах и тельняшках.	<i>... а чтобы мало не показалось, готовы бросить в эту мясорубку наших детей. (Фоном строевая песня: «как ромашки плывут по реке».)</i>	Оформление устрашающего символа современного жервоприношения во взаимодействии наглядного образа, логического вывода и апелляции к коллективному бессознательному. (В традиции практически всех народов пускание цветов по воде или ветру означало именно принесение жертвы. К примеру, самураи-смертники комикадзе обещали «облететь», как лепестки цветущей саку-

			ры.)
--	--	--	------

В данном тексте события взяты в символическом аспекте, а символы ове­ществлены; действия поданы как объективно беспричинные (неспровоцирован­ные), но субъективно преднамеренные (провокационные); мнения выражены на пределе апломба, а факты - за гранью пренебрежения. Это оттиск творчества-в-процессе-коммуницирования на магическом уровне. Это в полном смысле ми­фологический текст. Впрочем, есть основания полагать, что автор только ими­тирует синкретическое/пралогическое мышление, формируя негативную мифе­му «славянского протеста». Комментарий выстроен очень расчетливо, «по науке».

Когда-то в эпохальном фильме «Броненосец Потемкин» на черно-белой ленте вручную раскрашивали красным флаг над восставшим кораблем, чтобы, возбудив доинтеллектуальные ощущения, обострить передачу идейного содер­жания картины. Как теоретик С.М. Эйзенштейн подчеркивал: «Строй вещей, скомпанованных согласно пропорциям по золотому сечению, обладает в искус­стве совершенно исключительной силой воздействия, ибо создает ощущение предельной органичности»²⁹. Как режиссер он специально пересчитал компози­цию своего фильма, чтобы окрашенный красным флаг вспыхнул как раз в точке золотого сечения. Не всякое сравнение уместно. Проходной телекомментарий не отрабатывают так, как художественный фильм. Тем не менее возбуждение доинтеллектуальных рефлексов, провоцирующее расистские галлюцинации (эпизод 13), скомпановано в зоне золотого сечения текста. К тому же в сцене вандализма задействован тот же самый персонаж, который перед этим теат­ральным жестом целовал югославский флаг (эпизод 3). Это, по-видимому, во­обще не репортажные кадры, а так называемая «подстановка», то есть. специ­ально заказанная и отрежиссированная игра наемных актеров, изображающих то, что задумано монтировать в ударном композиционном моменте телесюжета. А открывается телесюжет предъявлением этнической принадлежности автора к «титупольной национальности России» (эпизод 1). Подчеркнутая схожесть экран­ной внешности журналиста с популярными фотопортретами Сергея Есенина по магическому «закону смежности» соединяют имидж автора с искренней любо­вью к родине великого национального поэта и крестьянского сына. После тако-

го превентивного сращения претензии в оскорблении «славянского достоинства», если и возникнут, могут быть попросту отвергнуты с недоумением.

Синкретическое/пралогическое мышление, даже если оно только имитируется, само по себе порождает невероятные творческие эффекты. Вот и фоновое включение маршевой песни молодых десантников: «Как ромашки плывут по реке...» (эпизод 21), словно разрыв-трава, распахивают архетипические паттерны ритуального жертвоприношения детей, и одиозная для автора мифема «славянского протеста» напоследок шокирует телезрителя как дурное пророчество. Так получается, даже если автор ничего не знает о поэтике камикадзе. И это срабатывает, даже если среди телезрителей вообще нет таких, кто сам загадывал нечто, пуская венки по воде.

Но одновременно синкретическое/пралогическое мышление, даже если оно только имитируется, вызывает невообразимые осечки профессионального сознания. Даже самый неразборчивый папарацци не рискнул бы написать: «Звезда нашего кинематографа влюбилась в югославского лидера Иосипа Броз Тито» (эпизод 7). Татьяна Окуневская сама неоднократно объясняла, что роман у нее завязался не с лидером, а с послом Югославии, который приносил на концерты цветы от имени своего Президента, мнившего себя, говоря современным языком, фанатом актрисы. Уязвимо для иронии утверждение: «Сталин отправил под нож репрессий гениальных русских футболистов Боброва, Бескова, Федотова, Соловьева» (эпизод 10). Те, кто знает, что в 1952 году была расформирована команда ЦДКА, знает также, что Бесков и Соловьев играли в «Динамо», Бобров - в ВВС, а Федотов к этому времени вообще уже не выступал. Саморазоблачительны рассуждения об опасности для России «выйти из договора о неприменении ядерного оружия первой» (эпизод 18). Политический обозреватель не может не знать, что такого договора в природе нет. Есть одностороннее обязательство, принятое на себя Россией. Военная же доктрина США не исключает нанесение превентивного ядерного удара. Поэтому патетические предостережения автора - знак либо непрофессионализма, либо фарисейства. И так почти в каждом эпизоде.

Вряд ли это сознательные передержки, подтасовки или инсинуации. Скорее здесь неизбежное при синкретическом/пралогическом мышлении смешение

²⁹ *Эйзенштейн С.М.* Соч. 6 т. М., 1964. Т.3. С.53.

объективного и субъективного, действительного и желаемого, фактов и мнений. Текст при этом теряет в адекватности. Но как в первобытности, так и сегодня «действительность и мощь» синкретического/пралогического мышления не в истинности, а в особом рода динамизме. Используя пример гитлеровской Германии, великий Юнг доказал, что теоретически возможно и практически несложно связать острые жизненные проблемы с древнейшими глубинными комплексами и символами и на этой основе возбудить массовый энтузиазм, негибкий и саморазрушительный одновременно. При научном подходе мифологический текст выглядит зловеще. Овладевая людьми, негативная мифема может привести к духовной прострации и фаталистически покорному поведению («мортификации» и «депрессивному раптусу», в терминологии Лифтона–Ольсона–Ханыкова). А позитивная мифема, овладевая людьми, способна вызвать экстатическое состояние и фанатическую активность, отнюдь не безопасную. Но когда требуется задействовать все резервы психики, чтобы выдержать перенапряжение жизни, очень и очень многим людям мифемы практически необходимы, кому как допинг, кому как транквилизатор. Мифологический текст в массовой коммуникации незаменим. И, значит, журналист должен уметь его делать. Это вопрос прежде всего профессионализма и только потом – таланта или вдохновения.

В анализируемом телекомментарии просматривается несколько специфических приемов производства и продвижения мифемы:

1) предельные обобщения и категорические оценки, возводящие ситуацию в ранг глобальной катастрофы, перед лицом которой индивид ощущает бессилие и склоняется к погружению в коллективное бессознательное (эпизоды 2, 11, 18, 20, 21);

2) критика «МЫ-образа» аудитории (эпизоды 4, 9, 10, 16) и «Я-образа» реципиента (эпизод 15) для подавления психического сопротивления и самостоятельной интеллектуальной активности;

3) формирования образа «Рыцаря Надежды»: гений, вождь, светлые силы, то есть абсолютный субъект, единственно способный преодолеть катастрофу (эпизод 5);

4) формирование образа врага (эпизод 12);

5) нейтрализация идейно-религиозных установок аудитории завуалированным кощунством (эпизод 8);

- 6) апелляция к доинтеллектуальным уровням психики (эпизод 13);
- 7) удвоение абсурда (эпизод 17);
- 8) цинизм, дозируемый в расчете на дестабилизацию отдельных моральных установок (эпизод 20);
- 9) активизация рудиментарных механизмов табуирования (эпизод 14);
- 10) акцентирование в образе автора благородных черт независимого журнализма: объективности (эпизод 10), беспристрастности (эпизод 19), принципиальной боевитости (эпизод 12), пронизательности (эпизод 19), сверхэрудированности (эпизоды 7, 10), общности с аудиторией (эпизод 1);
- 11) опора на иррациональную «магию слова», смешивающую название и реальность («лютая любовь к сербам»; «далекая Сербия»), утверждение и непреложный факт («Советский Союз убивал людей где хотел и когда хотел»), обвинение и доказательство («Готовы поменять государственный строй России»), деловой совет и мистическое заклинание («Нам бы сидеть тихо и ждать, пока американцы опозорятся»), научный прогноз и роковое пророчество («В любую минуту ядерное оружие может быть применено против нас»), вопрос и ответ («Нам сербы дороже собственных детей?»);
- 12) ускоренный темпо-ритм подачи информации (за полторы минуты 21 эпизод, десятки переключений, сотни ракурсов, поток ассоциаций, скачка идей), нагнетающий интеллектуальную перегрузку, снижающий возможности критического мышления, переключающий восприятие на эмоциональный, бессознательный уровень.

Однако странно было бы назвать хоть один из перечисленных приемов личным изобретением или авторским достижением В.Л. Все они в той или иной комбинации обнаруживаются в любом мифологическом тексте любого массового средства воздействия. Это универсальная, если хотите, стандартная техника имитации и стимулирования синкретического/пралогического мышления. Но тонкость состоит в том, что она продуктивна только в массовом со-творчестве-в-процессе-коммуницирования. И мифема - не крик души журналиста, а магический резонанс аудитории. Отсюда следует особое условия, на котором зиждется любое непреходящее достижение журналистики и вне которого даже профессиональное мастерство ущербно. Нужно тонкое понимание сцепления глубинных ценностей народной жизни, идейных оснований общества и обыденного существования людей, в чем, собственно и состоит ментальность аудито-

рии.

Исторически одновременно в трех разных странах анти-гитлеровской коалиции вышли три однотипных плаката, каждый из которых стал вехой в мобилизации духовных и физических сил собственного народа и занял почетное место в истории мирового искусства. В оккупированной Франции это был рисунок, призывающий добровольцев вступать в ряды сопротивления. Внизу на переднем плане на фоне солдатского кладбища маленькие силуэты людей с вещмешками и оружием на плечах, уходящих явно не строевым шагом, но друг за другом куда-то вниз. Движение справа налево, как бы в прошлое, если следовать психологической семантике пространства. И девиз: «Уходим до рассвета». Идея конечности существования, экзистенциального выбора, не смягченного надеждой, представлена здесь настолько выразительно, насколько это нужно, чтобы подготовить человека жизнелюбивой «галльской» культуры, привыкшего ценить и беречь свое индивидуальное существование, к самопожертвованию. В Соединенных Штатах, где люди скептически, а то и с пренебрежением относятся к властям и государственным чиновникам, но чтят отцов-основателей, пилигримов и пионеров, с плаката направлял на каждого указующий перст традиционный Дядя Сам, в цилиндре и старинном костюме в цвет национального флага: сухой, длинноногий старик с аскетическим лицом и пронзительным взглядом протестантского проповедника. И слоган: «Мне нужен ты!» («I want you!»). А советский плакат активизировал изначальный архетип, соединяющий символы матери и рода: на фоне вздымающихся для отпора трехгранных «русских» штыков матриархальный образ грозной женщины с сурово сжатыми губами, которая, вскинув левую руку в призывном, словно поднимающем в атаку, жесте, правой – протягивает каждому для подписи текст присяги на верность. И крупно аншлаг: «Родина-мать зовет!» В сущности это символическое воплощение той ситуации, когда субъектом выживания становится не индивид, а община, народ, бессмертие которого обеспечивается экстатической готовностью каждого к немедленному самопожертвованию...

Можно найти немало объективных подтверждений действительной адекватности этих символов состоянию духа участников справедливой войны. Французские добровольцы, не взирая на лишения, пробирались через Иран в Россию, где им обещали дать самолеты, чтобы сражаться с немцами... В США невоеннообязанные физики сами убедили чиновников в необходимости разра-

ботать атомное оружие, добровольно перешли на казарменное положение и в сжатые сроки сделали необходимые научные открытия... В СССР подвиг Александра Матросова, который «23.02.43 в бою закрыл телом амбразуру пулеметного дзота гитлеровцев, препятствовавшего продвижению подразделения»²⁹, в оставшиеся до победы 2 года и 2 месяца повторили – подумать только (!) – более сотни солдат и офицеров.

Речь идет – и на этом нужно заострить внимание – не о пресловутой «действенности пропаганды», которая в теории - наивна, на практике - кощунственна, а о непреходящих творческих достижениях авторов, которые сумели в момент национального кризиса создать мифемы, адекватные психоисторическому состоянию. Все три плаката выполняли одну и ту же обязательную в военное время работу по адаптации человека к экстремальным условиям, связанным с необходимостью принять угрозу насильственной смерти как постоянный фактор существования. Но они не были «взаимозаменяемы». Каждый из них оптимален только для своей аудитории и просто непредставим в системе ценностных ориентиров любой другой из стран-союзниц. И после общей Победы именно в своей аудитории каждый из них иронически переосмыслился, как если бы постепенно ослабевало влияние магического мышления...

Казалось бы, могучие мифемы, раз уж они сформированы, можно использовать далее как легкодоступный инструмент манипулятивного воздействия и стимулятор коллективного самообмана. Однако все не так просто.

Когда Франция в финале безнадежной колониальной войны (1954-1962) уходила из Алжира, снова зазвучал призыв к добровольцам вступать в ряды сопротивления. Но девиз «Секретной вооруженной организации» (ОАС): «Алжир – французский» - породил только неосмысленный террор мелких подпольных групп. Неудачная апелляция к великой мифеме не прошла без неприятных социально-психологических последствий. Резко обострилась в общественном мнении проблема «черноногих», как стали называть во Франции природных французов, которые несколько поколений проживали в Алжире, а теперь были выдворены на историческую родину. У одних возникал «комплекс черноногого» – гремучая смесь чувства неполноценности, групповой экспансии и опыта вооруженного своеволия. У других разыгрывалась «фобия черноного-

²⁹ Советский энциклопедический словарь. 1981. С.782.

го» – не менее гремучая смесь чувства превосходства, местечковых предрасудков и склонности к превентивному моральному террору. Социальная адаптация миллионов людей шла трудно и медленно, а в массовых коммуникациях никак не могли сложиться мифемы, адекватные новому психоисторическому состоянию...

В период вьетнамской войны (1964-1973) образ «Дяди Сама» уже не мог вдохновлять американскую молодежь. Кто-то публично сжигал свою призывную повестку, кто-то разрывал американский флаг перед зданием Конгресса, кто-то символически дезертировал, уезжая за границу, кто-то саркастически наклеивал знаменитый плакат со слоганом: «I want your!» - на двери общественной уборной... Чтобы компенсировать «вьетнамский синдром» психологам-социотерапевтам позднее пришлось разработать научную программу массового производства мифем, хотя бы в потенции адекватных психоисторическому состоянию нации.

В СССР, словно учитывая американский опыт, в ходе афганской кампании (1980-1988) даже не упоминали великую военную мифему, заменив категорию «Родина» идеологемой «интернациональный долг». Однако люди не смогли принять вульгарную подмену. Характерно начало одной из первых подгитарных песен солдат из «Афгана»:

*«Не в сорок первом под Калугой,
Где лес высок,
В восьмидесятом под Кабулом
Лицом в песок...»*

Патетическая мифема войны Отечественной теперь предостерегала от неуместного энтузиазма и бессмысленных жертв в войне экспансионистской. Парадоксальным образом она снова стала адекватной психоисторическому состоянию социума, но уже как негативная, обращенная против собственного официоза. Возможно, в 1991 году это спасло страну от большой крови. Когда ГКЧП вывел войска на улицы Москвы, очень скоро всем стало ясно, что стрелять они не станут, и коммунистический путч захлебнулся.

Психоаналитик не без оснований может усмотреть в «перерождении» мифемы регенерацию древних паттернов тотемизма, который, как известно, не только требовал жертв во славу родового тотема, но и предусматривал в критических случаях ритуальное убийство живого идола и коллективное поедание его

мяса, чем восстанавливалось равновесие в отношениях человека и общины. Но дело в том, что мифеме незачем перерождаться. Любая мифема изначально амбивалентна. Ее предельное повеление несет в себе предельное самоотрицание. Иначе, к примеру, военные мифемы были бы самоубийственны не только для индивида, но и для общины, которая не сможет сохранить жизнеспособность, если потери превысят возможности воспроизводства. Шок такого рода пережила в 1945 году Япония. Хотя неизбежность военного поражения давно уже была самоочевидной, японцы продолжали сражаться с самоубийственным ожесточением, словно людьми командовал тот непререкаемый иероглиф, который современные исследователи с равным основанием переводят и как древнюю экзотическую идиому «Яшма - вдребезги!», и как современный рассудочный парадокс «Сто миллионов погибают славной смертью!»³⁰. Но после атомных бомбардировок роковая мифема была отброшена и солдатами, которые стали сдаваться в плен целыми батальонами, и генералами, которые не стали делать харакири, а подписали капитуляцию. Это был общенациональный коллапс. За время оккупации в Японии не появилось ни одной группы вооруженного сопротивления. Характерно, что те, кто ничего не знал о судьбе Хиросимы и Нагасаки, сохраняли самурайский дух. Так, японские солдаты на дальних тропических островах, исчерпав возможности сопротивления, уходили в джунгли, жили как дикари, но в плен не сдавались. В 1999 году Япония уже как героя хоронила своего солдата, который после разгрома островного гарнизона в одиночку скрывался в джунглях почти 40 (!) лет.

Индивид или группа (особенно толпа) в зависимости от ситуации, внутренних установок и силы духа спонтанно отзывается на амбивалентную мифему воодушевлением или паникой, подвигом или дезертирством. И обычно находятся общественные авторитеты и массовые коммуникации, которые способны не только подогреть энтузиазм, но и вводить его в разумные рамки. Так в 1941 году за воздушный таран летчика представляли к званию Героя Советского Союза, а в 1944 - могли посадить на гауптвахту «за лихачество». Но если какие-то деятели или структуры, безразлично соблазном или насилием, безразлично искренне или своекорыстно, возводят мифему в ранг закона или догмата, безразлично позитивного или негативного, это всегда приводит к бессмысленным

³⁰ См.: Чугров С. Влияние националистических стереотипов на формирование обще-

жертвам и жестоким страданиям людей и плохо кончается для общества в целом, какие бы промежуточные победы при этом ни одерживались.

В России после 1991 года амбивалентную (великую и ужасную) военную мифему сумели четко разделить на две однозначных: позитивную (только великую) и негативную (только ужасную). Каждая стала самодовлеющим догматом противоборствующих линий пропаганды. И каждая оказалась гибельной, когда развернулась война в Чечне (1994-1996).

Не существенно, что на самом деле думал Министр обороны Российской Федерации, когда после бездарной танковой атаки бетонного комплекса ставки Дудаева, говорил, что солдаты «умирали с улыбкой на устах».

Не существенно, что на самом деле думал Уполномоченный Президента РФ по Правам Человека, когда демонстративно обосновался в ставке Дудаева, как живым щитом, прикрывая собою бункер мятежного генерала от ракетно-бомбовых ударов федеральных войск.

Существенно, какое эхо разносилось по массовым коммуникациям. Объективно, это была гражданская психологическая война, из-за которой на порядок увеличивались потери и разрушения от боевых действий.

Армия дважды прошла Чечню из конца в конец, но «конституционный порядок» восстановлен не был. Официальная политика, можно сказать, потерпела поражение.

Но и то, чего добилась контр-официальная пропаганда, назвать победой можно только в определенном смысле. Федеральные войска из Чечни были выведены. Однако идею «самоопределения» оседлали национал-экстремисты, международные террористы, религиозные фанатики и просто уголовники. Они стали совершать террористические набеги на сопредельные народы, захватывать в заложники даже малолетних детей, отрубать головы невыкупленным пленникам, не считаясь ни с какими законами кроме кровной мести, которая сама по себе и не закон вовсе, а доправовая и даже донравственная форма силового контроля на уровне перехода от животного мира к социальному. Но широковещательные акты мести способны привести любое общество к психологической регрессии, то есть к спусканию массового поведения на элементарно-биологический уровень. И это вполне реальная опасность для не имеющей

внутренних границ федерации, где общественная нравственность представляет собою, образно говоря, систему сообщающихся сосудов. Горький личный опыт открывал публицистам истинную натуру тех кого они романтизировали.

Идейного мстителя Шамиля Басаева вся Россия увидела и услышала за-долго до кровавого набега на Буденновск в телеочерках Елены Масюк. «Идеологическая работа ведется, - доступно объяснял он телезрителям, - Если пришел просто воевать, я его не беру...»³¹. Но красноречивее слов был «парадный портрет» во весь экран: сумрачный прищур черных глаз, черная волнистая борода, черная вязаная шапочка и огромный «дедовский кинжал», на треть обнаженный. Дизайнерский образ на уровне лучших агитплакатов. И только потом из репортажей других журналистов станет видно, что красавец-«моджахед» и лысоват, и мешковат, и мелковат... Елену Масюк в Чечне чтит, казалось, все коренное население. Но когда боевые действия прекратились, ее тоже взяли в заложники и до выкупа держали в тесной земляной яме-тюрьме. НТВ пришлось заплатить бандитам за телезвезду 4 миллиона долларов. Как говорила потом на пресс-конференции сама журналистка, поначалу она просто не понимала, как это именно с ней могут так обращаться именно чеченцы, потом надеялась, что Басаев, как только узнает, тут же и освободит и отомстит, потом лишь надеялась на «федералов»... Она закончила свое выступление словами: «Это невозможно ни забыть, ни простить...»

И была она не одна такая. Российский публицист вообще предпочитает писать о войне только как о народной и тотальной. Над ним самим довлеет великая военная мифема, потому что она все еще волнует воображение, хотя бы как «Праздник со слезами на глазах». Поэтому в условиях гражданской психологической войны, когда амбивалентную народную мифему раскололи на однозначные пропагандистские жупелы, слишком многие оказались не в состоянии понять и верно оценить происходившее. Хотя раздавались и предостерегающие речи: «...честнее было бы напомнить друг другу о судьбе Кубы, Анголы, Ливана, Афганистана, чьих бойцов вот так же подзуживала “прогрессивная мировая общественность”, пока не заговорили те же самые деятели о «саморазрушении государств» и “самогеноциде народов”»³². Хотя к этому времени мировая журналистика уже накопила весьма поучительный опыт.

³¹ НТВ. «Сегодня». 1995. 12 февр.

Когда иракская армия оккупировала Кувейт и Организация Объединенных Наций предприняла вооруженную акцию «Буря в пустыне» (1990-1991), именно благодаря работе средств массовой информации локальная война не превратилась ни в тотальную, ни в народную. Еще до начала боевых действий развернулась пропагандистская кампания, направленная лично против Саддама Хусейна, которая морально изолировала Ирак, не нагнетая ненависти к просто иракцам. Все возможности современного телевидения были использованы для наглядной демонстрации военной мощи ООН, так что телетрансляции CNN напоминали некоторые кадры художественного фильма «Звездные войны», что называется, один к одному. Показывали и разрушения, в том числе в жилых кварталах Багдада. Но при всем том не утрировались солдатские страдания, и не акцентировалось число жертв среди мирного населения. Даже в репортажах из лагерей курдских беженцев на первом плане телевизионных кадров CNN оказывались не изможденные дети, а бравые американские парни, раздающие гуманитарную помощь. Так презентировалось в массовых коммуникациях «принуждение к миру».

Это, разумеется, тоже мифема. Но мифема войны за прагматически осмысляемый всемирный закон и порядок, а не смертной битвы «ради жизни на земле». Она более адекватна психоисторическому состоянию мирового сообщества в конце XX века. Характерно, что не возникло даже понятия «иракский синдром», тогда как «чеченский синдром», к сожалению, довольно распространенный диагноз.

Обращение журналистов в ходе типично локального конфликта к символике тотальной войны и геноцида было проявлением профессиональной слепоты, если не профессиональной недобросовестности. В равной мере только профессиональной слепотой, если не профессиональной недобросовестностью, можно объяснить нередкие попытки подвести под однозначно положительный догмат принуждения к миру и этнические чистки под прикрытием международных войск, и экономическую блокаду до безоговорочной духовной капитуляции, а то и прямой геноцид. Самонадеянная манипуляция ментальной символикой только мешает установлению мифем адекватных психоисторическому состоянию. Да и самого журналиста лишает разумного взгляда. Так, к примеру,

³² Месть и лезть. //Российские вести, 1995. 21 июня.

никто из публицистов-менталитетчиков даже не предположил, что всплеск анти-американских настроений был вызван долго сдерживаемой реакцией коллективного бессознательного на многолетнюю, неотступную и навязчивую пропаганду силы и славы чужого государства, а бомбардировка Сербии послужила только поводом. Получается, что продуктивная и ответственная работа с мифемами – это пробный камень классности профессионала.

Хотя мифологический текст может быть создан и использован с откровенно манипулятивными целями, это не отменяет его значимости и необходимости в контексте массовой коммуникации и журналистского творчества. Дело в том, что некоторые содержания коллективного бессознательного не могут быть выведены на поверхность и восприняты иначе, чем в символической форме. Это относится к тем архетипическим установкам, которые необходимы для ментального здоровья общества и потому в любые времена должны находить для себя актуальное и остро-современное выражение. Жизнь социума должна быть осмыслена с точки зрения высших ценностей. Психопатология отсутствия цели и смысла жизни может поразить и отдельного человека («лишние люди»), и социальную группу («потерянное поколение»), и общество в целом, которое, лишаясь консолидирующих идей, становится неспособным противостоять саморазрушению (падение Римской империи). Умение видеть жизнь и ее проявления «под знаком высших ценностей» составляет одну из важнейших профессиональных способностей журналиста, которая не должна быть утрачена, хотя бы ради самосохранения общины. По такому принципу строится, например, «Лирический репортаж: МОСКВА - 06.09.97»: «Улица, которая ведет к Храму, называется Волхонка. И вот она переполнена людьми... Разумеется многих привело сюда простое любопытство. Многие пришли “за компанию”. Многие – из интереса и не угадаешь какого. Но независимо от того, сколько нашлось таких, кто стремится к Храму, чтобы в силе и славе Христа-Спасителя разрешить смятение души, именно их особенное состояние сердца, казалось, задавало самый ритм дыхания толпы. В том и смысл общинного празднества, чтобы в общей радости, раскрывающей души, принять, как свое, глубинное переживание тех собратьев, чье утонченное чувство и взыскующий разум раньше других ощутили перспективу народной жизни. И этому бесконтрольному, не вполне осознаваемому даже зарождению надежды и согласия придала высокую энергию и завершенность сама белая громада, мощно держащая в ночном небе золото своих

осененных крестами куполов»³³. Здесь тоже можно найти приемы синкретического/пралогического мышления: аллюзии, аналогии, идиомы, предельно широкие обобщения на основе единичного события и т.п. Это тоже переживание сопричастности, но сопричастности высокому и прекрасному, вселяющему уверенность в будущее общины и личное будущее.

Поэтизация действительности - характерная черта мифологического текста, ориентированного на позитивные ценности. Насколько бы ни было общество прагматично и индивидуалистично, люди зависят от «Истины, Добра и Красоты» в гораздо большей степени, чем им кажется, особенно в осмыслении онтологических вопросов жизни: горя, счастья, случайности, долга, жертвы, утраты, награды, наказания, судьбы и т.п. Даже если человек никогда об этом не рассуждает, его бессознательное должно иметь ответы на эти вопросы, иначе сознание не справится с грузом тех неожиданностей, разочарований, спадов и подъемов, которые случаются в жизни. В нормально функционирующем обществе действует система духовных ценностей, сакральных догм, житейских правил. Им, конечно, не следуют слепо, но устанавливается, как сказали бы биологи, «норма реакции». И мифологические тексты массовой коммуникации играют важную роль в поддержании этой нормы путем воспроизведения и обновления коллективных символов.

И читатель, и журналист, соскальзывая в пралогическое мышление, испытывают облегчение и даже удовольствие. Ситуация в таком случае воспринимается красочнее, понимается проще, эмоции обостряются, а поведение словно бы переводится на автопилот. Следовать за коллективным бессознательным – самое приятное из того, в чем состоит творчество-в-процессе-коммуницирования. И чем безогляднее погружение, тем сильнее накал чувств, доводящий в пределе до эйфории или иступления. Это путь в такие глубины массовой коммуникации, которые можно осветить только с помощью прецедентов первобытности. К примеру, туземцы Новой Каледонии, готовясь к походу на соседнюю деревню, разжигали себя массовым танцем под диалог племени с военачальником:

- Атакуем ли мы наших врагов?

- Да!

- Сильны ли они?

³³ Российские вести. 1997. 9 сент.

- Нет!

- Мужественны ли они?

- Нет!

- Мы их убьем?

- Да!

- Мы их съедим?

-Да!³⁴

И если вдуматься и взглядеться прямым взором, сквозь лоск и электронность актуальной пропагандистской кампании может проступить эта же самая, кровожадно-первобытная схема. Да и сам журналист вдруг поймает себя на том, что, как заведенный, вскрикивает: «Да-Нет», – да еще и приплясывает.

Когда это – циничная манипуляция или заведомая ложь, рассуждать не о чем. Тут остается место только для юридического преследования или нравственного отчуждения. Иное дело, когда «не ведают, что творят». Журналисту нельзя отрешаться от глубинных психических механизмов творчества-в-процессе-коммуницирования. Но бессознательное потому так и называется, что не очевидно и может быть осознано только опосредованно, только до или после включенного наблюдения. Журналист, в этом смысле, всю жизнь ходит по краю. И в полном соответствии с поговоркой – «Знай край, да не падай» – чтобы не упасть, ему мало одной честности, он должен – знать. Ему следует заранее изучить символы, ритуалы, традиции и переломные моменты духовной жизни своей аудитории и ввести их в общий контекст мифологических схем и мистических учений человеческой цивилизации. Это удерживает от соблазнов политического мистицизма и помогает сохранить трезвость взгляда на харизматических лидеров и «судьбоносные решения». Более того, журналист получает возможность обратным светом мифологии выделить в актуальных событиях бессознательно-первобытную логику и психологию политических вождей и движений. К примеру, обозрение «Царь-жрец или клерк» в политическом еженедельнике рассматривает первобытный прецедент: «Немийский Царь Леса, он же жрец Дианы-охотницы, которому соплеменники поклонялись как земному мужу богини... вел на самом деле жизнь бессменного часового у Священного дуба. По обычаю, любой, кто сумел бы подобраться и сломить «золотую ветвь» с де-

³⁴ Цит. по: Плеханов Г.В. Полн. собр. соч. Т. XXIV. С. 375-376.

рева власти, получал ритуальное право убить обоготворявшегося властителя и занять его место... Поэтому царь-жрец ...старался загодя убивать каждого подозрительного, но знал, что, в конце концов, все равно станет жертвой легитимного убийства... Жуткий этот образ жизни абсолютная власть способна развернуть и в XX веке. Кто не верит в «бабушкины сказки», пусть вспомнит И.В. Сталина. Песни типа: «Текут многоводные реки. Цветут плодородные степи. Весенние зори сверкают над нашим счастливым жильем. Споем же, товарищи, песню о самом большом Человеке...» Убийство Кирова (1934), казнь Бухарина (1936), процесс Н.А. Вознесенского (1949)... Страх покушения и затворничество в последние годы жизни. Торжествующий крик Берии: «Тиран умер! Умер!» - над неостывшим трупом «вождя, учителя и друга». И речь Хрущева на XX съезде КПСС... Дело не в том, на что похожа неусыпная забота Президента (Ельцина Б.Н.) о «сдержках и противовесах», из-за которой ни Гайдару, ни Чубайсу, ни Лебедю, ни Черномырдину в общем-то не дали стать крупными самостоятельными деятелями, а в президентском окружении не осталось ни одной масштабной фигуры... Мистика власти любую политику низводит до первобытных отношений... И не только во мгле веков. Харизма железной леди Маргарет Тэтчер срабатывала словно «золотая ветвь» из Немийского леса. Тот же эффект вызывал ковбойский антисоветизм Рональда Рейгана»³⁵.

Но, может быть, всего важнее то, что вместе со старательным изучением аниматизма, мифологии, мистических учений и т.п. приходит знание ментальных механизмов психики и понимание менталитета аудитории. Тому есть примеры и в науке, и в журналистике. Замечательный археолог Б.А. Рыбаков (р. 1908) зафиксировал сохранявшийся в духовной жизни России до XX века феномен двоеверия, то есть слияния в мировоззрении людей двух живых религий: язычества и христианства. Он склонен объяснять, в частности, общепризнанную мощь русского искусства (вплоть до классической литературы XIX века) прежде всего, или почти исключительно художественной потенцией языческого мироощущения. Ученый предьявляет наглядные свидетельства того, что «глубина народной памяти измеряется тысячелетиями», и подчеркивает, что преодоление застарелых установок совершается долгим путем последовательного раскрытия их мистической первоосновы и замещения осознаваемой духовно-

³⁵ *Пронин Е., Пронина Е. Царь-жрец или клерк //Декада. 1998. 22 апр.*

стью³⁶. Но какое отношение эта глубоко фундированная теория имеет к творчеству-в-процессе-коммуницирования? Писатель-публицист В.К. Васильев, выступая на Международной конференции по проблемам ментального здоровья (Красноярск, 1992) высветил феномен, по его терминологии, «раскола национального сознания» и определил его как «синдром гражданской войны». «Демонстрационным материалом, – говорил он, – могут послужить телевизионные трансляции со съездов и заседаний Верховного Совета, других политических собраний. Словно в стеклянной банке или аквариуме, видно, как каждый каждого ментально приговаривает к смерти, а потом выживает, когда создадутся объективные условия, позволяющие действовать. И становится ясно, что однажды ментальные приговоры начнут фактически претворяться в жизнь. А уж тогда придется братья за оружие. Тогда эту ментальную болезнь увидят все. И не только по телевизору». Тоже некое фундированное построение. Но через полтора года после такого «телевизионного диагноза» страну потряс расстрел парламента 6 октября 1993 года.

Для классного журналиста в массовой коммуникации раскрывается менталитет народа. Пропагандистские операции на открытом менталитете возможны. Но даже ближайшие их результаты всегда неоднозначны, а уж отдаленные последствия просто непредставимы. Поэтому любая самонадеянность в этом вопросе – знак психического срыва и основание для сугубой обеспокоенности профессионального сознания.

Подстраховывает от ментального сбоя, как ни парадоксально, только само коллективное бессознательное, только доверие журналиста к собственной ментальности. Психологическое наследование у всех людей и всех народов совершается через давний пример и признание исторической оправданности духовных ценностей и стиля жизни предков, И журналист не может быть исключением. Для него это, помимо всего прочего, вопрос личного психического здоровья. Отклонения, как было показано, возможны и в ту, и в другую сторону. И суть не в превознесении духовных ценностей и стиля жизни предков, а в признании их исторической оправданности. Это тонкий момент включения сознания в переживание журналистом психоисторической ситуации, благодаря которому его работа с мифологическими текстами становится безопасной и для общества, и

³⁶ См.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

для него самого. Не отрещиваться от коллективного бессознательного должно профессиональному журналисту, а разумно выбирать и ответственно применять тексты мифологического типа, когда от этого зависит компенсация психоисторической ситуации. Тут важно свободно ориентироваться в трех аспектах подготовки мифологического текста: во-первых, четко представлять социально-коммуникативные функции мифемы, во-вторых, ясно понимать, какие базовые психические процессы при этом приводятся в действие, в-третьих, уверенно владеть выразительными средствами стимулирования синкретического/пралогического мышления. Трех-аспектный набор характеристик мифологического текста можно представить в виде своего рода реестровой таблицы:

Мифологический текст		
Социально-коммуникативные функции	Базовые психические процессы	Выразительные средства
<ul style="list-style-type: none"> • Снятие социального стресса • Нагнетание энтузиазма • Разрушение традиционной системы ценностей • Обновление социальной символики • Формирование иррационального отношения к объекту • Возбуждение эмоций и непровольных, импульсивных реакций • Выход из сферы действия критического мышления • Отключение самоконтроля • Внушение иррациональных убеждений • Создание и продвижение мифем и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Синкретическое/пралогическое мышление • Переживание сопричастности • Слияние с коллективным бессознательным • Бесконтрольные коллективные чувства страха, вины, надежды, отчаяния, самопожертвования и т.п. • Суеверия, рудименты аниматизма, артифициализма, «реализма» и т.д. • «Мы-образ» и «Я-образ» личности • Рудиментарные механизмы табуирования • Дополнительные системы ориентации и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Освещение фактов в символическом аспекте • Огрубление, овеществление символики • Трансдуктивное умозаключение • Апломб или самоунижение • Рассуждение по аналогии • Пересыщение эрудиции • Предельные обобщения и категорические оценки • Унижение «Мы-образа» и «Я-образа» • Кошунство • Удвоение абсурда • Цинизм • Превозношение «светлых сил» • Образ врага • Апелляция к дополнительным уровням психики • Ненормативная лексика, провозирующая рудименты табуирования • Магия слова • Привлечение архетипических образов (возрождение, преображение, смерти, возмездия, искупления, жертвы) • Прорицания, заклинания, проклятия • Ускоренный темпоритм подачи информации и т.п.

В этой таблице главное, о чем нельзя забывать, - полное отсутствие однозначной логической взаимосвязи между компонентами. Любое из выразительных средств может спровоцировать активность любого из базовых психических процессов, или всех сразу, или не затронуть ни одного. Любая из социально-коммуникативных функций может реализоваться на основе любого выразительного средства, а может не отозваться ни на какие их комбинации. Но это не дело случая, а вероятностная проблема и, следовательно, вопрос профессионального мастерства. Такова парадигма магического мышления с его синкретическим/пралогическим восприятием, осмыслением и реагированием в рамках общинного поведения под влиянием коллективного бессознательного. Реестр характеристик потому и дается бессистемно, чтобы не сузить степень свободы ассоциаций, и он принципиально не завершен, потому что в подборе комбинаций и порождении новых приемов реализуется творческая потенция индивида, которую нельзя регламентировать.

Как видно, мифологический текст представляет собой неотъемлемую часть журналистского творчества и первую ступень в освоении мира. Мифологический стиль может быть принят журналистом спонтанно или сознательно, однако он воздействует только на магическое мышление и требует самоидентификации с коллективным бессознательным. Классный журналист не станет беречь архетипы, когда нужно просто разобраться в типовой экономической или житейской коллизии. Глубинные символы годятся только для особого круга проблем, и «наводить тень на плетень» - дело тщетное.

Ни иконы, ни Бердяев,

Ни программа «Третий глаз»

Не спасут от негодяев,

*Захвативших нефть и газ.*³⁹

Эта частушка из архи-современного романа верна и буквально, и в философском смысле. «Действительность и мощь» магического мышления отнюдь не универсальны. Развитие психики вело к иным парадигмам мышления и порождало иные стили творчества и иные типы текста.

В 594 году до новой эры афинский архонт Солон начал реформы, которые по его замыслу должны были устранить в городе-государстве пережитки родо-

³⁹ Пелевин В. Generation «П». М., 1999. С.223.

вого строя. «Законы Солона» вошли в историю как веха развития цивилизации и интеллекта. Среди заветов античного реформатора, записанных софистом Аполлодором, звучит мысль неожиданная для мифологизированного сознания древности: «Ум - твой вожатый»⁴⁰. Понять это тогда могли совсем немногие. Характерно, что древние греки даже не считали Солона философом. У него не учились рассуждать, а просили готового ответа, почти как у оракула. Античные предания включали Солона в магическое число «7 мудрецов». Он служил живым воплощением одного из главных архетипов коллективного бессознательного. А его мышление переходило уже в новую парадигму, хотя свои идеи ему приходилось излагать не только в «законах», но и в «заветах».

Профессиональный риск кроется уже в самой психологии журналистского творчества. Возбуждает до эйфории как бесконтрольное слияние с коллективным бессознательным, так и самонадеянное противостояние глубинной ментальности. Но и то, и другое - соблазн. И массовая коммуникация, словно природный синхрофазотрон, доводит риск до степеней, угрожающих информационной безопасности социума и личности журналиста.

21 декабря 1929 года в день пятидесятилетия Генерального секретаря ЦК ВКП(б) центральный орган партии большевиков газета «Правда» внесла в однообразный поток старомодно-юбилейной лести свежую струю, опубликовав эссе Михаила Кольцова «Загадка - Сталин». Это была блестящая в своем роде публицистика: стремительный темпо-ритм изложения, супер-эрудиция, гипер-эмоциональность, сверкающие трансдуктивные обобщения... Вождь-юбиляр представал как живое и непосредственное воплощение чуть ли не сразу всех архетипов: и «герой-мироустроитель», и «мудрый отец-управитель», и «богатырь-защитник», и «гений-учитель», и «простой человек», добрый, как родная мать. Сейчас, в свете исторической ретроспективы, этот текст выглядит натужно и даже примитивно. Но тогда это была мистически непроницаемая мифема, которая несла в зародыше все мифы и ритуалы того, что перекроило потом духовность общества и на XX съезде КПСС было названо «культом личности Сталина». Сам Михаил Кольцов вряд ли был экзальтированным коммунистом. Илья Эренбург вспоминал о нем даже как о скептике, пересказывающем антисовет-

⁴⁰ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С.72.

ские анекдоты⁴¹. Став знаменитым, он избегал банальной лести и погромных призывов. Долго пользовался полным доверием, получал должности и ордена. Но чистка 1937 года не пропустила и его. Он был арестован как «враг народа» и живым из тюрьмы не вышел. Его младший брат, карикатурист Борис Ефимов, в разгар чистки выпустил агитационный плакат «Возьмем врага в ежовые рукавицы», на котором нарком НКВД Ежов сжимал в иглистых перчатках извивающуюся змею...

Трагедию выдающегося советского журналиста не следует понимать мистически. Но это и не случайность. Она сотни и тысячи раз повторилась в судьбах знаменитых и безвестных журналистов СССР. Она миллионы раз повторилась в судьбах энтузиастов, включавшихся в массовое мифотворчество или хотя бы «голосовавших сердцем».

В психологии журналистского творчества берет начало и находит свое завершение третье правило техники информационной безопасности:

Личная (в той или иной степени осознаваемая) ментальность профессионального журналиста – мера «действительности и мощи» творчества-в-процессе-коммуницирования и ключевой элемент иммунной системы в условиях массовых информационных стрессов и неврозов.

⁴¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. М., 1965.

Раздел четвертый

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И УБЕЖДАЮЩИЙ ТЕКСТ

«Возлюбленные во Христе братья и сестры! – начинает свою проповедь архиепископ Саратовский и Волгоградский Пимен и сразу обозначает главный предмет разговора, – Среди разных пороков, унижающих и порабощающих человека, едва ли не самый отвратительный – это греховное пристрастие к систематическому и безмерному винопитию»¹. Но это не просто личное мнение проповедника, а прямое требование религиозной доктрины, что он и торопится без промедления подтвердить точными цитатами: « “У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином” (Притч. 23, 29-32). ... В книге Второзакония читаем: “Если у кого будет сын буйный и непокорный, ... то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и скажут: “Сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница”, тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти” (Втор. 21, 18-21)».

Затем внимание сосредотачивается на причинно-следственных связях проблемы: «Священное Писание объясняет и причины, порождающие порок пьянства. Эти причины состоят в отсутствии веры в будущую вечную жизнь, в их всецелом уповании на безнаказанность наслаждений, получаемых в земной жизни. Они говорят в отчаянии: “Будем есть и пить, ибо завтра умрем!” (Ис.22,13) ... Сам Господь Иисус Христос сказал: “Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством” (Лк.21,34). Святые апостолы призывали христиан хранить трезвость: “...Я писал вам не сообщаться с теми, кто, называясь братом, остается ... пьяницею, с такими даже и не есть вместе” (1Кор.5,11); “...пьяницы ... Царства Божия не наследуют” (1Кор. 6,10)».

После выявления действительно основательных причин неприятия пьянства (отсутствие веры в будущую вечную жизнь) и особой тяжести последствий (Царства Божия не наследуют) следует переход от доктринального уровня рассуждений к житейским обстоятельствам и личной ответственности человека:

¹ Здесь и далее проповедь “О трезвости” цит. по: Журнал Московской Патриархии. 1981. № 3. С.37-38,

«Это устрашающее предупреждение Святого Василия Великого должно тронуть каждого, замечающего в себе порочную склонность к вину».

Далее выдвигается программа практических действий, которая хотя и обосновывается доктринально, но предназначена для исполнения конкретным человеком: «Каковы же пути освобождения от пагубной страсти? Прежде всего пьянице необходимо осознать всю тяжесть своего греха, все его безумие, бессмысленность и колоссальный вред как для тела, так и для души. Нужно представить себе страшный Суд Божий и полную невозможность для согрешившего оправдать себя перед Богом. Страшны слова апостольского Послания: "...пьяницы ... Царства Божия не наследуют"(1Кор.6,10). Следующий шаг решимость. Нужно решиться твердо и бесповоротно оставить раз навсегда свое порочное пристрастие. За решимостью должно следовать выполнение данного себе слова. Нужно не только оставить свое увлечение спиртным, но избегать всякого повода к его возобновлению. Наконец, при всех этих мерах, необходима постоянная молитва, горячая молитва к Богу с просьбой о помощи. Господь, видящий решимость грешника и его желание порвать с кошмарным прошлым, несомненно, окажет благодатную Свою помощь, укрепит волю человека и поможет ему возродиться к духовному и телесному трезвлению». Характерно, что не менее индивидуализированная программа активных действий предлагается и непьющему человеку: «И те из вас, кто свободен от страсти винопития, пусть не думает, что он может, выслушав поучение, жить прежней "тихой" жизнью. Каждый из нас обязан приложить все старания к тому, чтобы оказывать всемерное воздействие на ваших близких, родных, знакомых, подверженных греху пьянства. Вы должны всемерно убеждать их, удерживать от пагубной страсти. Этим вы сделаете доброе дело в очах Божиих».

И заключительное обращение к религиозной доктрине: «В Священном Писании сказано: "...обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов" (Иак. 5,20). Аминь!» - звучит как гарантия благого результата для всякого, кто не пожалеет усилий.

Это текст еще духовный, но уже не мифологический, а *убеждающий*. В нем звучат предупреждения свыше, но не прямо и непосредственно, как в двухпалатном сознании древнего грека, а как мнение наставника. И резонирует этот текст не в коллективном бессознательном как неотчуждаемая мифема, а в индивидуальном сознании, как цитата из Учения. Образно говоря, это не "глас

Божий”, а голос Учителя, пророка и проповедника. Отсюда авторитетность и категоричность поучений и практических рекомендаций проповеди. Но решение принять может только сам слушатель. Это его и только его «страх и риск», его свобода воли и его личная ответственность. И задача текста показать, что свободная воля – суверенна и беспредельна, но и личная ответственность – неотвратима и абсолютна. Вот почему в убеждающем тексте формируются сразу две идеи: опорная – излагающая «единственно-верные» установки, и рабочая – рекомендуемая самый практичный способ действий. Вот откуда в убеждающем тексте специфические функциональные элементы: личностное обращение к аудитории, нарочитое уточнение предмета разговора, заострение проблемы, непререкаемые аргументы, индивидуализированные рекомендации, духовные гарантии. Это постоянные композиционные блоки текстов, типичных для постаггической парадигмы мышления. В самом характере творчества-в-процесс-коммуницирования выразилось произошедшее на закате античности изменение в общих представлениях о душе человека.

Известный советский исследователь текстов древности и средневековья С. Аверинцев отмечает, что в греко-римском мире «не был накоплен опыт нравственного поведения в условиях укоренившейся политической несвободы... Полезно для контраста вспомнить идеализируемый античной традицией образ Сократа: последний знает, что его могут умертвить, но не могут унижить грубым физическим насилием, что его речь на суде будет продолжаться столько времени, сколько ему гарантируют права обвиняемого... Однако в социальных условиях византийской деспотии классическое античное представление о человеческом достоинстве оборачивается пустой фразой, а идеалами становятся более “неэстетические” и “непластические” образы... Когда суд “неправеден”, а подсудимый бесправен, ему лучше молчать (Феофилакт Болгарский). <...> Парадоксальное сосуществование крайней надежды и крайнего страха, составляющее эмоциональный фон византийских проповедей и гимнов, укоренено в самых основах того представления о человеке, которое пришло на смену античному. Образ человека перестает быть “статуарно” замкнутым; теперь он мыслится разомкнутым, как вверх - в направлении сверхъестественных возможностей, так и вниз - в направлении “бесовских” внушений, расщепляющих волю»².

² *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. Автореф. дисс. док. филол.н. М.,

Линией психологического водораздела между социокультурными эпохами стало ни что иное, как отношение к душе. В представлениях античного философа душа неотделима от тела, хотя и не его часть. Это своего рода производное тела, увенчание и завершение телесности, подобно тому, как зрение, хотя и не часть глаза, но и без глаза невозможно. Для христианского богослова душа – бесплотна, вечна и неизменна. И потому и в рабстве, и в нищете для человека остается возможность суверенности духа и свобода выбрать вечное спасение или вечную гибель. Выражение: «Что пользы человеку, если приобретет он весь мир, а душе своей повредит?» - знаменовало принципиально новое психо-историческое состояние. Масштаб совершившегося скачка в психической эволюции человека и в развитии интеллекта стал очевиден уже в творчестве великого Рене Декарта (1596-1650).

Самое главное открытие Декарта не второй закон физики (Сохранение количества движения), не теория движения Галактик и рождения небесных тел (Вихри Декарта), не введенные им математические понятия переменной и функции. Это озарение, которое не потребовало специальных исследований и математических вычислений. Оно полно глубочайшего смысла, но все уместилось в одну короткую фразу: «Cogito ergo sum» (Мыслю, следовательно, существую). Эта фраза стала рубежом эпохи Нового времени. Мистика, символика, чудовища и ангелы – великие, но смутные очертания архетипов отступили перед четкими и ясными построениями сознания, освещенными бестрепетным светом уверенного в себе разума. Творчество становилось авторским, вдохновение – личным, мнение – индивидуальным.

Но почему восторженная фраза, родившаяся в экстазе творческого самопоения, стала символом времени, девизом целой эпохи в философии и культуре и до сих пор вызывает внутренний трепет?

Синкретическое/пралогическое мышление строилось на иррациональных аффективных ассоциациях, недоступных для осмысления, закрытых для логики. Оно не проводило границы между внутренним и внешним миром, в сущности, не разделяло субъект и объект, Я и не-Я. Это мышление не осознавало себя.

Декартовское «Мыслю» - не просто похвала разуму. «Мыслю» – значит,

во-первых, что мыслю и действую Я, а не божественная воля, посылающая свои откровения. Во-вторых, Я мыслю, то есть способен оценивать и познавать. И, в-третьих, Я существую. И главным доказательством моего существования является не запись в мэрии, не семья, давшая мне имя, не Бог, которому я служу, а именно эта моя автономная способность созерцать и познавать. Здесь впервые была признана дееспособность, достоверность и высшая ценность индивидуального разума, и тем самым ясно проведена граница между мною как субъектом познания и миром как объектом познания. Осознание механизмов самого мышления позволило разделить психическое и физическое, субъективное и объективное, реальное (познаваемое) и сакральное (непознаваемое), естественное и сверхъестественное. А то, что последовало за этим открытием: взлет теоретической науки, расцвет гуманистических ценностей, демократическое переустройство социальной жизни, – было уже закономерным и неизбежным развитием новой парадигмы мышления.

Эпоха «панпсихизма» закончилась. Произошла дифференциация внутренних структур психики, и Я выделилось из прежде единого мира. Эта революция в структуре психики сделала личность автономной, мир – познаваемым, а мышление – осознанным и произвольным. Работа по осознанию себя и механизмов своего мышления стала с этих пор необходимой частью любого познания. Сформировалась психология, то есть особая наука о психике как таковой, и заняла свое место в ряду естественных наук: физики, химии, биологии. Гениальный математик, физик и астроном Декарт сам посвятил немало работ проблемам соотношения «души» и «тела», описанию природы разума и его истоков³. И столь же строго, как он провел границу между субъектом и объектом познания, Декарт разделял «душу» и «тело». По его представлениям, тело не нуждается в душе для своих отправлений. В этом оно подобно автомату, вроде тех замечательных механических фигур, что были установлены на фонтанах Фонтенбло. Размышляя, каким образом тело может приводиться в движение без участия души, Декарт открыл механизм рефлекса (дуга Декарта), в соответствии с которым внешнее воздействие отражается в мозге подобно световому лучу и нет необходимости искать иных причин двигательной активности, кроме физических. Сфера психического тем самым резко сокращалась и концентрирова-

³ См.: *Декарт Р.* Правила для руководства ума. Страсти души. О человеке. и др. работы //

лась. По Декарту не только природные явления и объекты, но даже и большинство живых организмов, в частности, абсолютно все животные, «души» не имеют. Непосредственная достоверность сознания: «Cogito ergo sum», - единственное, в чем проявляется «душа» как способность сознания и творчества. Это не оставляло места для каких-либо бессознательных форм душевной жизни. И возлагало на самосознание личности всю ответственность за действительность и мощь разума, которому положено в деталях осмыслять внешний мир, критически сопоставлять данные и делать обобщения, соответствующие истине. На руинах синкретического/пралогического мышления выстраивалась, тем самым, концепция дуализма (от лат. *dualis* - двойственный), исходящая из признания равноправия двух субстанций, обладавших разными свойствами: субстанции «мыслящей» и субстанции «протяженной», или, что то же самое, психической и физической. При этом сохранялась абсолютная религиозность общей картины. Связь субстанций и Бога в построениях Декарта выступала, если хотите, буквально. Для него мир разворачивался по неизменным законам, начиная с некоего первотолчка – акта Божественного творения. А познание обретало истинность благодаря осмыслению опыта на основе врожденных идей: аксиом, логических принципов, всеобщих понятий типа «Бог», «число» и т.п. И на стыке субстанций, словно вольтова дуга, сиял ясный свет сознания...

Стиль Декарта настолько отвечал запросам времени, настолько соответствовал общим психическим потребностям, что был увековечен в истории культуры как отличительная особенность новой парадигмы мышления, получив наименование «картезианство» (от латинского варианта собственного имени Декарта: *Cartesius* - Картезий). Картезианство – это воплощение ясности, точности, четкости, логичности, непротиворечивости. Картезианская модель мира с ее четким разграничением физического и психического, с верой в силу разума, во многом определила не только развитие естествознания и философии, но и мировосприятие людей XV^{II} - XIX веков.

Конечно, картезианская парадигма не родилась из индивидуального сознания Декарта, как Миневра из головы Юпитера. Прежде всего, необходимо было, чтобы вообще возникла способность разделять чувственное и сверхчувственное. На всем протяжении Средних веков накапливался необходимый пси-

хический потенциал для прорыва синкретического единства с миром, для эмансипации от безраздельной власти аффективных пралогических законов мышления. Как ни парадоксально, но необходимым условием и одновременно следствием преодоления магического мышления была религия как Учение, связанное с представлением о Едином Боге. Монотеизм предполагает более высокую способность психики к автономной саморегуляции по сравнению с язычеством. Здесь и доктрина личной вины и личной ответственности, и противопоставление индивида его окружению и даже судьбе, и отсрочивание наказания до Страшного суда, и идея личного диалога с Богом, и, наконец, строгий контроль церкви над мистическим опытом личности и общины. Все это приводило к постепенному переходу от магического табуирования к морально-нравственной саморегуляции, лишь исторически связанной с сакральными санкциями. Это означало все большую эмансипацию человека от внешних управляющих стимулов, сил природы и судьбы, все большую свободу в построении своего поведения, а значит, и все большую индивидуализацию, дифференциацию Я.

Рационалистическое мышление, в сущности, родилось в недрах монотеизма как теология, то есть наука о сущности Бога, Божественном промысле и мире Божиим. Теология претендовала на научность прежде всего в смысле систематической рефлексии постулатов богословия, приведения их в согласие с логическими законами умозаключения и догматами веры. Наиболее отчетливо это просматривается в структуре «Проповеди», где заключительный наказ выводится с неизбежностью и последовательностью логического следствия из ограниченного числа посылок, которые представляют собой догматы веры и сами по себе, конечно, не требуют доказательств, подобно аксиомам математики. Со временем теология все больше смыкалась с чисто исследовательским подходом к проблеме, что породило схоластику – своего рода «математическую логику» религии с подчеркнуто правильным использованием формально-логических приемов для исследования сверхчувственных, сакральных вопросов, например, того, сколько ангелов может уместиться на острие иглы. Независимо от того, насколько продуктивным и имеющим смысл было такое исследование для самой религии, оно было чрезвычайно важно для развития рефлексии и рационалистического мышления, став чем-то вроде психологического тренинга научного, формально-логического рассмотрения проблем. Задолго до Декарта схоласт-францисканец Уильям Оккам (ок.1285-1349) провел, возможно, первую

строгую границу между реальностью и фантазией, сформулировав правило: «Не умножай сущностей без необходимости», - согласно которому ученый не только не должен вводить новые категории, если за ними нет реальных феноменов, но и обязан «отсекать», удалять из науки понятия, несводимые к опытному или интуитивному знанию. И этот принцип под великолепным названием «Бритва Оккама» до сих пор отлично срабатывает при обсуждении планов и результатов научных изысканий.

Естественно также, что рационалистическая парадигма мышления не осталась навек такой, как сложилась она в творчестве Рене (Картезия) Декарта. Уже Джон Локк (1632–1704) в «Опыте о человеческом разуме» отверг существование «врожденных идей», утверждая, что все человеческое знание протекает из опыта. Так возник «сенсуализм» (от лат. *sensus* - чувство), доказывающий, что именно чувственный опыт является основным источником познания. Однако и те, кто верил, и те, кто не верил в априорные идеи разума, движущей силой развития считали, как выразился Клод Гельвеций (1715–1771) «сознание и страсти человека», верили в **познаваемость** мира и даже в возможность нового «Общественного договора», то есть **рационального** переустройства общества. Стоит подчеркнуть, что среди сенсуалистов были не только материалисты и открытые атеисты, как Поль Гольбах (1723–1789), но и субъективные идеалисты, до страсти религиозные люди, как епископ Джон Беркли (1685–1789). А к числу рационалистов-картезианцев относились не только гиганты идеализма, как создатель дифференциального исчисления и языковед Готфрид Лейбниц (1646–1716) или рафинированный диалектик Георг Гегель (1770–1831), но и материалист Барух Спиноза (1632–1671). Для всех них единственной психической реальностью было сознание, разум. Поэтому без особых противоречий складывалось общее представление о субстанциональности или, по крайней мере, детерминированности процессов душевной жизни, что обусловило переход к научному изучению психики, точнее сознания, поскольку все другие формы психического отрицались. Мыслители принялись исследовать душевную жизнь, в сущности, как внешнюю реальность, используя все принципы объективного научного анализа, для чего постарались выделить что-то вроде элементов сознания и простейшие законы их взаимосвязи. Элементы: ощущения, образы памяти – чувствуемы и различимы. Более сложные образования: представления, мысли – возникают как сложение простых элементов по

особому принципу, которому Локк дал название ассоциации (1698), положив тем самым начало ассоциативной психологии.

Ассоциации (от лат. *associatio* - соединение) – это закрепленная в сознании связь впечатлений в том порядке, в котором внешние раздражители воздействовали на человека. Накапливаясь, ощущения и впечатления образуют устойчивые взаимосвязи на основе порядка следования (зима–весна), частоты совместной встречаемости (стол–стул) или сходства (яблоко–груша). Возникновение одного из впечатлений оживляет движение воспоминаний по всей цепи ассоциаций. Таков основной закон ассоцианизма. А соединения представлений, то есть следов памяти, образуют мысли. Мысль переходит от одного предмета к другому, следуя ассоциативным связям, в зависимости от того, «как привычка расположила в теле образы вещей»⁴. Локк сам с настороженностью относился к основному объяснительному принципу ассоцианизма, предполагая, что таким образом могут возникать неверные сочетания идей, «некоторый вид сумасшествия»: «Идеи, сами по себе вовсе не родственные, в умах некоторых людей соединяются так, что очень трудно разделить их. Они всегда сопровождают друг друга, и, как только одна такая идея проникает в разум, как сейчас же появляется соединенная с ней идея; а если таким образом соединено более двух идей, то вместе показывается все неразлучное всегда скопище»⁵. Последующие психологи-ассоцианисты сосредоточили усилия на прояснении механизмов сознания, изучали ощущения, изменяя условия и время восприятия, определяли закономерности комбинаторики ума. Из обычного самонаблюдения развился научный метод аналитической интроспекции (от лат. *introspectare* - смотреть внутрь), что означало непосредственное наблюдение состояний сознания самим переживающим их субъектом, но протекающее при особой психологической установке и в экспериментальной ситуации, фиксируемой специальными приборами: тахистоскопами, метрономами и пр. С помощью аналитической интроспекции хорошо обученный и тренированный наблюдатель мог различать 24 степени яркости и 9 степеней отчетливости ощущения. Современные экспериментаторы относятся к интроспекции не без иронии. Но не следует забывать, что это один из последних могикан ассоциативной психологии Эдуард Титчнер (1867–1927) основал знаменитое «Общество экспериментальной психологии» в США (1904).

⁴ Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т.1. С.424.

Подвергнуть интроспекции можно было, естественно, только свое собственное сознание. И поскольку наблюдателем мог быть только специально подготовленный, высококвалифицированный исследователь, то объектом изучения каждый раз оказывалось сознание дипломированного психолога. Со временем стали острить, что ассоциативная психология – это «Психология профессоров психологии». Однако в этой шутке если и есть доля правды, то только методологическая. А фактически это была всеобщая психология новой исторической эпохи.

Рационалистичность после Декарта стала культурно-нормативной формой мышления, определившей развитие цивилизации на весь последующий период. Буквально все основные операции мышления трансформировались. Возникли новые способности, как следствие дифференциации психики и возрастания автономии индивидуальности. К примеру, для человека способного мыслить в рационалистической парадигме не может быть сомнений в истинности силлогистического вывода, даже когда речь идет о вещах, с которыми он раньше дела не имел. Это по всем статьям иная работа мысли, нежели приводившиеся выше примеры мышления декхан патриархальной общины, описанные А.Р. Лурия. Принципиальный характер новообразований такого рода очевиден при сравнении двух парадигм мышления.

ПРИНЦИПЫ СИНКРЕТИЧЕСКОГО (ПАРАЛОГИЧЕСКОГО) МЫШЛЕНИЯ	ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
Синкретическая слитость субъективного и объективного. Мышление в мифах. Центрация мышления (неспособность видеть себя со стороны, стать на другую позицию наблюдения)	Разделение объекта и субъекта познания, реальности и ее субъективного образа. Мышление в понятиях. Децентрация (вариативность позиции). Интроспекция (развитие способности к самонаблюдению)
Ощущение произвольной изменчивости мира (по желанию богов, по воле магии)	Ощущение неизменности мирового порядка (после перво-толчка Божественного творения)
Восприимчивость к неконтролируемым сознанием мыслительным импульсам (“двухпалатность мышления, произвольность, интуиция)	Внутренний контроль над процессами умозаключения.
Партиципация объектов в плане симпатической и контагиозной магии	Ассоциация идей по сходству и смежности.
Трансдукция (переход от частного к частному, минуя общее)	Дедукция (восхождение от общего к частному через достоверные посылки)

⁵ Локк Д. Избранные философские произведения. М., 1960. Т.1. С. 395-396.

Предпричинность (смешение мотива и причины)	Строгая причинность, каузальность (от лат. <i>causalis</i> - причинный)
Единство аффективности и интеллектуальности, примат эмоционального отношения над объективными связями объектов.	Разграничение интеллекта и аффекта, появление критичности мышления, как универсальной формы контроля над эмоциональностью и верой.
Слияние индивидуального и коллективного сознания, подключенность к коллективному бессознательному.	Дифференциация Я и индивидуального сознания от группового Мы и коллективного бессознательного.

Вместе с тем, и это кардинально важно, рационалистическое мышление было результатом естественного поступательного развития психики и фактически основывалось на тех же потенциях и глубинных механизмах, что и мышление магическое. Принцип сходства/смежности, лежавший прежде в основе магических законов партиципации, имманентных внешнему миру, был осознан теперь как ассоциативный принцип организации субъективного опыта и внутренних образов. Мир, спаянный всеобщей сопричастностью, оказался не менее прочно связан всеобщей причинностью и детерминизмом природных законов. Непосредственная достоверность чувств сменилась непосредственной достоверностью разума. Абсолютность Бога выступила как абсолютность истины и т.д. Основные категории сознания как бы поднялись на следующую ступень.

КАТЕГОРИИ	МАГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ	РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
Мышление	Партиципация свойств предметов: симпатическая и контагиозная магия.	Ассоциация субъективных идей по сходству и смежности.
Порядок	Слияние, сопричастность как основа всеобщей связи	Каузальность (объективная причинность) как основа всеобщей связи
Случайность	Отсутствие случайности, артифициализм, преднамеренность	Отсутствие случайности, закономерность
Абсолют	Бог (панпсихизм, пантеизм и т.п.)	Абсолютная истина

Таким образом, только пережив тотальность магической сопричастности, человек оказался способен принять безусловность логики, подчиниться необходимости причинной связи, ощутить красоту и всеобщность истины. Магическое мышление – первая и необходимая фаза развития интеллекта – изначально содержала все имманентные психике глубинные механизмы, которые стали разво-

рачиваться в новые структуры и способности. Благодаря подобной инвариантности, целостности, если хотите, укомплектованности, не только магическое мышление, но точно так же и все последующие формы мышления образуют законченные и самодостаточные парадигмы, способные обеспечить реальную адаптацию индивида на соответствующем уровне. И на своем историческом этапе картезианская парадигма мышления, в сущности, определила характер развития общества, его этики, эстетики и даже основных технологий.

Рационализм (от лат. *ratio* - разум) представлял собой универсальное учение, объяснявшее мир и человека в трех аспектах. Рационализм онтологический (от гр. *ontos* - сущее) провозглашал разумность, законосообразность бытия, четкую детерминированность мира. Рационализм гносеологический (от гр. *gnosis* - познание) обосновывал способность человеческого разума овладеть истиной, до конца познать мир. Рационализм этический (от гр. *ethos* - обычай, нрав, характер) утверждал, что разум – основа блага, и потому просвещение изменяет человека и общество к лучшему. И по всем направлениям рационализм приводил к феноменальным результатам.

Онтологическая картина этой эпохи восхищает логической ясностью, математической точностью, перспективностью фундаментальных открытий, да просто гениальностью Декарта, Лейбница, Ньютона, Ломоносова и других гигантов науки. Теория познания в этот период обогатилась учением об антиномиях И. Канта и диалектическим методом Г. Гегеля. Этика нашла высшее выражение в идее общественного договора, которой посвящал специальный труд чуть ли не каждый крупный мыслитель того времени: Т. Гоббс (1651), Д. Локк (1690), Ж.-Ж. Руссо (1762), Д. Дидро (1770)... Согласно просветительским взглядам «общественный договор» не есть завет Бога человеку, а общенародное соглашение равных, свободных и независимых людей, устанавливающих разумные правовые нормы, охраняющие их жизнь, свободу и частную собственность. Цель «государства разума» (выражение Ж.-Ж. Руссо) – высшее благо людей, свобода и равенство каждого.

Общественная мысль ХУ11 – первой половины Х1Х века была проникнута оптимистическим духом переустройства мира, уверенностью в близком торжестве разума, идеалов всеобщего равенства и справедливости. И это были отнюдь не отвлеченные философские мечтания. Мыслители, исследователи и писатели эпохи Просвещения были людьми дела и успеха. Они всегда, при любых

обстоятельствах работали очень продуктивно. Хотя просветительство и в те времена было предприятием рискованным и в личном плане нередко заканчивалось трагически. Виртуоз-экспериментатор Антуан Лавуазье (1743–1794) точными опытами доказал закон сохранения вещества, как «бритвой Оккама» отсек теорию теплорода, сделал ряд открытий, оказавших решающее влияние на все последующее развитие химии. Ему постоянно не хватало денег на бесконечные эксперименты, уникальную по тем временам лабораторию, особо точные приборы. И чтобы самому, вне зависимости от спонсоров, финансировать свои опыты, мыслителю пришлось заняться «бизнесом по-средневековски» – взять в откуп сбор налогов. В 1789 году он издал, наконец, «Начальный учебник химии», в котором изложил выработанную им систему знаний и который на века стал настольной книгой химиков. А в 1794 году революционный трибунал якобинцев разом приговорил к смерти всю коллегия откупщиков. Антуан Лавуазье был казнен, что называется, за компанию, и спустя два года признан «невинно осужденным». Это произошло с ученым, составившим славу Франции. А в России самоубийством закончилась просветительская деятельность А.Н. Радищева (1749–1802), чья книга «Путешествие из Петербурга в Москву» стала знаковой в русской классической литературе.

И все-таки, несмотря на личные трагедии, человек Просвещения представлял собою тип победителя, который силою разума и упорством воли продвигался к великим открытиям и историческим свершениям. Характерна в этом отношении биография Бенджамина Франклина (1706–1790). Он не был потомственным интеллектуалом. Родившись в семье ремесленника, он с 17 лет начал работать в типографии. Это ему, можно сказать, повезло: он сразу оказался в центре массовых коммуникаций эпохи, и остальное стало делом самообразования. Бенджамин Франклин основал первую в Америке публичную библиотеку (1731). Этот поступок следовало бы считать типологическим. Через восемь лет он основал знаменитый впоследствии Пенсильванский университет (1740). Затем организовал первое «Американское философское общество» (1743). Потом на семь лет погрузился в научные изыскания. Как естествоиспытатель вошел в историю благодаря разработке унитарной теории электричества. У современников прославился изобретением громоотвода. Когда началась война с Англией, участвовал в подготовке «Декларации независимости» (1776), стал одним из авторов «Конституции США» (1787). Любопытная деталь: в 1789 году Бенджамин

Франклин был избран иностранным почетным членом Петербургской Академии наук.

Главное в этих людях то, что они подходили к рассмотрению судеб человечества с оптимистической точки зрения. Складывалось общее представление о прогрессе как поступательном развитии от низшего к высшему не только в области науки и техники, но и в росте благосостояния, свободы, цивилизованности, даже в человеческой природе. Само название культурно-исторической эпохи: «Просвещение» – подчеркивает ее коммуникативную сущность.

Когда говорят: «Вольтер орудием насмешки погасил в Европе костры инквизиции», – вовсе не имеют в виду, что великий остроумец сумел пристыдить мракобесов. Суть в другом. Неотразимая логика и блистательная игра ума мыслителя-рационалиста стали всеобщим достоянием благодаря памфлетному стилю его творений: романов, статей, анекдотов, афоризмов... И перед лицом нового общественного мнения средневековые судилища стали просто невозможны. Действительность и мощь рационалистического мышления реализовывалась в процессе убеждения возможно более широкого круга людей в достоверности выводов и правоте требований гениев человечества. Новая парадигма мышления становилась общим достоянием благодаря поразительной эффективности соответствовавшего ей особого типа текста, который вполне обоснованно можно определить как текст убеждающий. Вот как описывает А.И. Герцен впечатления, вызванные «Философическим письмом» П.Я. Чаадаева (1794–1856), опубликованном журналом «Телескоп» в 1836 году:

«Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонуло ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре, или о том, что его не будет, – все равно надо было проснуться... “Письмо” Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию... Я раза два останавливался, чтобы отдохнуть и дать улечься мыслям и чувствам, и потом снова читал и читал... Потом я перечитывал “Письмо” Витбергу, потом Скворцову, молодому учителю вятской гимназии, потом опять себе. Весьма вероятно, что то же самое происходило в разных губерниях и уездных городах, в столицах и господских домах. Каждый чувствовал гнет, у каждого было что-то на сердце, и все-таки все молчали; наконец, пришел человек, который по-своему сказал что... на минуту все, даже сонные и забитые, отпрянули, испугавшись зловещего голоса. Все были изумлены, боль-

шинство оскорблено, человек десять громко и горячо рукоплескали автору»⁶.

И с этим ничего уже нельзя было поделать. За крамольную публикацию журнал «Телескоп» был немедленно закрыт, а автор объявлен сумасшедшим. Но состояние сознания «всей мыслящей России» все равно стало иным. Развитие общественной мысли изменило свое течение, ибо человеческое сознание уже тем отличается от машины, что заднего хода не имеет.

В описании А.И. Герцена (1812–1870), который сам вошел в историю отечественной журналистики как выдающийся мастер революционной пропаганды, бросается в глаза ключевая фраза: «Каждый чувствовал гнет, у каждого было что-то на сердце, и все-таки все молчали, наконец, пришел человек, который по своему сказал что...». Здесь речь идет уже не о толпе, не о человеке, вовлекаемом в пралогическую стихию коллективного бессознательного, а об аудитории, о людях, каждый из которых по особенному переживает всеобщую беду, но смутные предположения которых становятся осознанными убеждениями именно под влиянием авторитетной доктрины, вызывающей самые разнообразные индивидуальные реакции: от изумления и оскорбленности, до восхищения и активной поддержки. Вместе с тем видно, как люди стараются удостовериться в правоте доктрины: вдумчиво изучают, перечитывают, обсуждают с товарищами, сводя личные впечатления в мнение коллективное, общее, общественное. Психология восприятия убеждающего текста как раз и состоит в осмыслении собственного переживания объективной жизненной ситуации под интегралом идеальной модели мироустройства или программы на перспективу. Так происходит (или не происходит) подстройка жизненных планов индивида к коллективному проекту (в терминологии Лифтона–Ольсона) поступательного развития общества, подстройка вплоть до формирования личных паттернов поведения. Это – сопоставление идеального с идеальным, можно сказать, чистая работа сознания. Но завершается она становлением негибких убеждений, массовыми движениями, кровавыми революциями, демократическими конституциями и появлением все новых доктрин переустройства мира... И всякая авторитетная доктрина, выносимая на публичное обозрение, как бы предлагается всем и каждому в качестве «большой посылки» универсального силлогизма, под которую как «малую посылку» можно подвести собственные впечатления, чтобы соот-

⁶ Герцен А. Былое и думы. М., 1958. С. 445-446.

ветствовать общему мнению, принимаемому всеми за несомненную истину. Логика убеждения превращается в логику убеждений (внутреннюю структуру мышления).

Казалось бы, процесс восприятия убеждающего текста целиком остается в светлом поле сознания. Но в том же описании А.И. Герцена, не менее резко бросаются в глаза гипер-эмоциональные образы потрясенного воображения, которые характеризуют осмысление авторитетной доктрины как коллективное «АГА-переживание», представляя собой специфические психо-социальные эффекты творчества-в-процессе-коммуницирования: «это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; весть об утре, или о том, что его не будет... <...> ...на минуту все, даже сонные и забытые, отпрянули, испугавшись зловещего голоса». Это лишний раз подтверждает, что психика не сводима к сознанию, а сознание не работает изолированно от психики.

Но если «АГА-переживание», согласно одной ветви психологии, это вспышка в сознании нового целостного образа, а согласно другой, - момент перехода содержаний бессознательного через порог осознания, то более всего интересно, каким образом в едином тексте соединяется аналитический подход к актуальным проблемам и архаические паттерны мышления, общения и поведения?

Предварительный ответ может дать структура религиозной проповеди как жанра, в котором формируются сразу две идеи: **опорная**, т.е. излагающая богоустановленные нормы отношения к миру, и **рабочая**, т.е. рекомендующая оптимальный способ действия в реальных обстоятельствах мирской жизни. Фундаментальная роль опорной идеи очевидна. Это - абсолютная точка самооценки и универсальный критерий истины. Но откуда эта абсолютность и этот универсализм? Только из того верования, которое, осмыслив и упорядочив мистическую практику общества, само смогло стать существенной частью ментальности народа. Как установил еще Дж. Фрэзер, символы и ритуалы даже богословски очищенных религий несут в себе след изначальных фольклорных образов и магических обрядов⁷, то есть сохраняют непосредственный контакт с коллективным бессознательным, пусть даже это – контакт противодействия. Получается, что опорная идея словно бы прокалывает препону между индивидуальным со-

⁷ См.: Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.

знанием и коллективным бессознательным, и умопостигаемая рабочая идея вступает в прямое соприкосновение с неизреченными архетипами психики. Это импульс особого рода психической деятельности, в которой уже не сливаются, но еще достаточно жестко сопряжены логика и страсть, мысль и воля, и которая объективно проявляется как феномен убежденного поведения.

В религиозных убеждениях вообще чрезвычайно сильна поведенческая компонента. «Что пользы, братья мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? - задается вопросом Апостол и в размышлении приходит к выводу, - Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе», - а затем формулирует знаменитый постулат: «Вера без дел мертва есть» (Иак. 2.14-20). Но изначально – знание. «Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад» (2 Петр. 2. 21). И если знание передано, человек не может уклониться ни от осознанного выбора, ни от личной ответственности за свой выбор: «Если бы Я не пришел и не говорил, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем» (Иоан.15.22).

Можно говорить об универсальной модели убеждающего текста, по которой может быть выстроена и религиозная проповедь, и рекламный проспект, и газетная статья, и любое другое произведение творчества-в-процессе-коммуницирования. Психологический механизм убежденного поведения весьма пластичен. Он способен включать в себя не только догмы религии, но и аксиомы науки, и утопии идеологии, и лозунги политики, и магические обряды. В этом плане всякое мировоззренческое знание тем и сильно, что является фиксацией коллективного бессознательного на том уровне и в тех формах, которые доступны человеку данного времени. И конкретная доктрина срабатывает как опорная идея, если сама опирается на некий непререкаемый авторитет и открывает перспективу личного спасения и вящего торжества справедливости. До тех пор, пока само «Учение», значимой частью которого и выступает данная конкретная доктрина, принимается человеком за истину. Следовательно, в рационалистической парадигме убежденное поведение получает настолько твердую опору, насколько фундаментальны научные открытия, и настолько мощный накал, насколько честны демократические идеалы. И если научный прогресс пробуксовывает, а демократические принципы оказываются в пренебрежении, то убеждающая коммуникация теряет эффективность. Тогда пропаганда автоматически возвращается к самым грубым верованиям, хватается за эзотери-

ческие теории или создает некую квазирелигию. Знаменитый афоризм Вольтера: «Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать» (1769), - характерен уже сам по себе, но приобретает роковое звучание при сопоставлении с некоторыми высказываниями конца XX века: «Груп Ленина, возложенный, словно главная святыня, на алтарь коммунистической идеологии, превратил большевистское сознание в квазирелигиозное. Атеизм, по всему миру распространявшийся как социально безвредный вариант свободы совести, у коммунистов переродился в разновидность государственного трупопоклонничества со своим квазибогословием в виде тотальной пропаганды и своим ритуалом в формах тотального террора»⁸. Но достаточный ресурс убедительности текста может быть почерпнут только в его логической структуре.

Программирующая сила опорной идеи, строго говоря, не в ней самой, а в той логической процедуре, благодаря которой она соотносится с конкретными жизненными обстоятельствами. Ведь в убеждающем тексте должна быть еще и **рабочая** идея, рекомендуемая конкретный и практически эффективный способ действия. И эта рабочая идея должна быть *доказана* и, главное, доказана *рационалистически*, то есть логически осознанно: в четком следовании аргументированных суждений и полной ясности выводов. Тут не столько поиск неведомой истины, сколько объяснение непонятого, сверка реальности с «Учением», обоснование поведения и потому, в конечном счете, подтверждение истинности самой опорной идеи. Чем слабее опорная идея, тем более важно логически непротиворечиво, обстоятельно, наглядно доказать идею рабочую. Поступательное развитие рационалистической парадигмы мышления вело к тому, что все более существенное место в убеждающем тексте занимал подробный анализ реальных обстоятельств дела. Логическая строгость рассуждений автора стала самым сильным средством воздействия на читателя. Но и на этом пути были свои ловушки.

Наука выделяет два непеременимых качества в любом рассуждении: правильность и истинность. Первое означает соответствие законам и правилам формальной логики. Второе – реальной действительности. «Рассуждение может быть правильным, пишет крупный современный математик и логик Алонзо

⁸ Зачем он нужен, этот Ленин? //Российские вести. 1997. 17 июня.

Черч, – несмотря на то, что утверждения, из которых оно построено, ложны»⁹. Логическая правильность рабочей идеи может создавать иллюзию истины и в восприятии читателя, и в замысле автора. Более того, автор может сознательно подставлять в логически правильные рассуждения лукавые цифры и факты. К примеру, под деловой рубрикой «На контроле – качество молока» публикуется статья «Вот где резервы»¹⁰. Автор подает вопиющие факты развала сельскохозяйственного производства: «на фермах нет ветеринарно-санитарного порядка»; «кормят коров по одному разу и только соломой»; «дойarki прогуливают»; «работники молочного завода умело пользуются тем, что в хозяйствах не точно определяется жир», - как резервы (!?) повышения качества продуктов животноводства. Выстраивается логически безукоризненная цепочка суждений, что стоит только устранить эти нелепости, как молоко сразу станет намного лучше. Но чем неопровержимее доказательство по форме, тем дальше мысль, по сути, уходит от истинных причин провального положения дел. И если не заикливаться на манипулятивной пропаганде, которая, как всякая ложь, аморальна и даже подсудна, становится ясно, что логическая стройность рассуждений – это квинтэссенция журналистского мастерства и особо коварная ловушка для лучших умов журналистики. Завороженный правильностью собственной мысли публицист в упор не видит, насколько противоречивы, подчас абсурдны и, наконец, антиномичны реальные проблемы и события жизни. Он уверенно, с интеллектуальным изяществом все подводит под готовый ответ. Но это может обернуться не просто пропагандистским провалом, а глубоким творческим кризисом.

Со времен изобретения книгопечатания Иоганном Гутенбергом (1399–1468) восприятие убеждающего текста стало процессом массовым и публичным в самых существенных моментах. Люди в большинстве получают общественно значимую информацию широковещательно, т.е. централизованно и публично. Поэтому даже в кругу лиц доверенных и близких обсуждаются в сущности общественные события. Это еще не толпа, но уже аудитория, поведение которой можно в значительной степени спрогнозировать и направить. И не без оснований в потоке сознания писателя-авангардиста Джеймса Джойса как перефраз апостольского поучения: «Довлеет дневи злоба его» (Матф. 6, 34) -

⁹ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. Т.1. С.15.

выкристаллизовался афоризм: «Довлеет дневи газета его» (1922). Но в том, что касается непосредственного окружения, житейских дел и личных интересов, человек все-таки опыту доверяет больше, чем пропаганде. И если публицистические установки расходятся с постоянной практикой людей, журналистские тексты их не убеждают. Тогда журналистика – сама по себе, а аудитория – сама по себе. В сущности, это коммуникативное выражение общего духовного кризиса: «идеология – отдельно, а люди – отдельно». Для классного журналиста это субъективно болезненное состояние. Его профессиональное самолюбие не может терпеть, что убеждающий текст – отдельно, а убежденное поведение – отдельно, и гонится за самыми точными аргументами, самыми однозначными формулировками... Но жизнь не слушается, и лучшие перья редакций уходят в филигранную логику, словно праведники в монастырь.

В статье под характерным названием «Журналистский текст до и после 1985 года» современный исследователь подробно рассматривает логическую структуру корреспонденции Анатолия Аграновского «Инициатива сбоку»¹¹, определяя систему аргументации материала, поводом для создания которого послужила реальная жизненная ситуация:

«...Два ходока с Кубани отправились в Сибирь за лесом. Там действительно увидели никому не нужные, бесхозные срубленные деревья, которые к тому же еще предстояло уничтожить. Они были готовы их купить, хозяева - продать, но оказалось, не тут-то было. Никто из них не был в праве распоряжаться «государственным добром». В чем здесь Аграновский видит проблему? В положении “собаки на сене” руководители оказались не по причине своей личной вредности. Они действовали строго в соответствии с законом (разумеется, негласным), поощряющим только инициативу сверху. Но хорош ли закон, порождающий бесхозность? Ведь это недопустимо, утверждает автор, чтобы, по какой бы то ни было причине, пропадало ценное сырье. И любая полезная инициатива: снизу ли, сбоку ли, должна иметь право на жизнь.

Какие же при этом выдвигались аргументы? Во-первых, так называемые ходоки пришли не сами по себе, а имели соответствующее разрешение партийных и советских органов. Во-вторых, старались не для себя, то есть не собственный дом хотели построить... Далее. Государству продавать лес просто вы-

¹⁰ Коммуна. (Воронеж). 1986. 4 мая.

годно. Только на его сжигание расходуется в год 250 тысяч рублей. А ведь из этого леса можно построить детские сады, жилые дома и т.д. И вообще, пишет автор, пора людям, которым вверена судьба великих строек, иметь право самим решать, где и на что строить дом. Ну, и наконец, свою мысль о том, что нужно поддерживать народную инициативу, Аграновский подтверждает цитатой из работы Ленина “Великий почин” – Советская власть, есть, по Ленину, “наиболее полное, наиболее последовательное осуществление демократии, то есть невиданный размах инициативы народа”. Разговор, по сути завершен. Бессмысленно оспаривать высказанные суждения. Вряд ли кто рискнет утверждать, что лучше сжигать, чем строить. Таким образом, идея, выдвинутая автором, доказана, как теорема. Нестереотипность суждений подкрепляется доказательствами, имеющими бесспорную ценность в обществе на том этапе его развития: то есть автор смог обосновать предложенное решение (продать лесходам и вообще практиковать свободную продажу) как единственное верное, только приводя свои суждения-доказательства в соответствии с общественными нормами. Здесь и ссылка на авторитеты, и отождествление своей точки зрения с социально-политическими и нравственными установками, это и апелляция к культурологическому образу»¹².

Характерно, что этот образец убеждающего текста оказался одновременно и очень эффективным, и совершенно безрезультатным. Эффективным потому, что корреспонденция «Инициатива сбоку» вызвала заметную реакцию общественного мнения. В многочисленных письмах в редакцию читатели безусловно поддерживали позицию журналиста, приводили аналогичные примеры бесхозяйственности, требовали принятия административных мер. Новый поворот в оценке этой острой проблемы широко использовался в других газетах, центральных и местных. Заголовок «Инициатива сбоку» стал расхожим выражением, наряду с другими афоризмами времен развитого социализма. Корреспонденцию обсудили в хозяйственных инстанциях и сообщили о неких «принятых мерах». Но все безрезультатно, потому что сжигание бесхозной древесины продолжалось и достигло гигантских размеров при заполнении водохранилища очередной супер-великой гидроэлектростанции на Ангаре.

¹¹ Аграновский А. Избранное. М., 1987. Т.1. С.235-251.

¹² Невзорова Т. Журналистский текст до и после 1985 года // Тенденции развития массовых информационных процессов. М., 1991. С.20-21.

Несмотря на новый поворот темы и филигранность аргументации текст А. Аграновского остался всего лишь напоминанием идеологических догм, давно уже существовавших независимо от жизни. (Советский человек – хозяин великих строек, он заботится об общественном, а не личном благосостоянии, о нем же самом заботится государство, хотя нерадивые руководители небольших подразделений тормозят этот процесс, мешают всеобщему благу.) После 1985 года, когда социальные установки поменялись, ни один из предъявленных аргументов уже не был убедительным. Какая разница, «завизированные» были у ходяков прошения, или нет; себе они хотели построить дом или совхозу; бесплатно сжигают лес или тратят на это 250 тысяч рублей? И уж совершенно все равно, что сказал бы по этому поводу Ленин. Абсурдна ситуация сама по себе – сжигают то, что можно продать. Но Аграновский как раз и не мог утверждать: «Это хорошо, потому что хорошо, а это плохо, потому что плохо», - он должен был доказывать, почему именно это – хорошо или плохо. Для того и потребовались ему ссылки на авторитеты, отождествление своей точки зрения с официальными догмами, апелляция к культурологическим образам. Имеющиеся в сознании людей стереотипы, что называется, работали на журналиста, помогая ему убедить в своей правоте читателя или оппонента. И он смог обосновать предлагаемое решение, только приведя свои суждения-доказательства в соответствие с принятыми нормами.

Очевидно, что это процесс психологически ущербный, грозящий перерождением творческой личности. И для поклонников таланта Анатолия Аграновского стало горьким переживанием, что замечательный мастер логической комбинаторики предоставил свое перо в услужение лично высокому должностному лицу, написал за Л.И. Брежнева «Возрождение», одну из тех трех брошюр, за которые Генсеку КПСС была потом верноподданически присуждена Ленинская премия по литературе... В личностном плане это, может быть, самая грустная страница в истории советской журналистики.

А в плане социальном это знаменовало всеобщую пропагандистскую катастрофу. Анатолий Аграновский довел свою методику до такой простоты совершенства, что ею мог воспользоваться чуть ли не любой, чтобы доказать чуть ли не любую идею. В застойный период социализма пропаганда стала формой самоубаюкивания. Идеологи упивались марксистской выверенностью своих логических построений. Журналистика работала сама по себе, а политический

опыт масс складывался сам по себе. Ни газеты с многомиллионными тиражами, ни монопольное телевидение, ни поток массовой литературы не могли ничего противопоставить диссидентскому самиздату и народному анекдоту. Советское государство рухнуло сначала идеологически, а потом и всемирно-исторически, завалив своими обломками пути духовного возрождения России. Под влиянием остаточных страхов социалистического прошлого даже в «Конституцию РФ» (1993) было внесено беспрецедентное для мирового законодательства положение: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹³.

Как дополнение, уместен ретроспективный взгляд на приведенный анализ корреспонденции «Инициатива сбоку». Что в ней может взволновать читателя по прошествии лет, после смены эпох? Факт бессмысленного расточительства? Строгость доказательств? Идеалы социализма? И то, и другое, и третье, да и все остальное, что еще есть в корреспонденции, сливается в символическом словосочетании «Инициатива сбоку», которое предстает, таким образом, концентрированным выражением смысла публикации. Сверхзадача текста в том и состояла, чтобы специфическое содержание данного образного выражения стало массовым убеждением. Это – типологическая единица убеждающего воздействия, роль которой в рационалистической парадигме мышления аналогична функциям мифемы в магическом сознании. Этот типологический феномен привлекал внимание самых разных исследователей. Его определяли и как «символ», и как «штамп», и как «концепт», и как «стереотип», и как «императив»... Для каждого подхода находились свои основания и доказательства. Но всегда оставалось нечто и сверх того. И здесь важны свидетельства самих журналистов, которые пытались рационалистически, путем своеобразной интроспекции, осмыслить собственные творческие приемы. На этот счет есть интересный пример. «Идеалы... необходимо проверить фактами, свести к фактам, - размышлял в самом начале своей журналистской деятельности В.И. Ленин, - если не свести **таким образом** идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и следовательно, на их осуществление». Для этого журналиста главным был вопрос о «построении этих идеалов

¹³ Конституция [основной закон] Российской Федерации. Гл.1. Ст. 13.

и осуществлении их»¹⁴. Однако и для журналистов, которые вовсе не стремятся к манипуляции, ключевым приемом остается слияние встречных тенденций: сведения идеала к факту и оценки идеала фактом. Типологическая единица убеждающего воздействия это идеологема, сращивающая в единое образное представление факт и идеал. Получается не плоская картинка, а сжатая в пластину логическая пружина, готовая распрямиться в любой момент совпадения реальной ситуации и образа. Тогда система доказательств оживает, и актуальные оценки, планы и поступки складываются уже в соответствии с ними. Убеждение перерастает в убежденное поведение. Социологи для такого рода случаев придумали даже специальный термин: «спящий эффект пропаганды». Но идеологемы не дремлют. Они помогают людям осмыслить события и спрогнозировать их развитие, подсказывают линию поведения, пробуждают чувства и стимулируют волю, аккумулируя духовный опыт общества. Впрочем, жизнь богаче идеологии. И нет таких идеологем, которые не разошлись бы, в конце концов, с реальностью. Это объективный закон убеждающего воздействия. «Всякий лозунг, бросаемый партией в массы, - предупреждал однопартийцев-манипуляторов В.И. Ленин, - имеет свойство застывать, делаться мертвым, сохранять свою силу для многих даже тогда, когда изменились условия, создавшие необходимость этого лозунга. Это зло неизбежное, и, не научившись бороться с ним и побеждать его, нельзя обеспечить правильную политику партии»¹⁵.

Но если содержание идеологем устаревает относительно быстро и время от времени просто отбрасывается, порождающий прием убеждающего воздействия только модифицируется. В древних религиозных притчах он развернут в чистом, можно сказать, дистиллированном виде. В притче всегда две части: броское, меткое в какой-либо подробности и потому живописное изложение сугубо житейской ситуации и жесткий, поучающий вывод. Но связи в виде развернутого доказательства нет. Житейская ситуация, тем более изложенная живописно, – самоочевидна, но предельно многозначна. Ее каждый может понимать по-своему. Да и объективное ее значение текуче, меняется в зависимости от общего контекста событий. А поучающий вывод авторитетен, но буквалист-

¹⁴ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества. / Полн. собр. соч. Т.1. С.435-436.

¹⁵ Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина / Полн. собр. соч. Т.37. С.194.

ски однозначен. Он словно бы перечеркивает все остальные оттенки значения, сводя возможность выбора действий к санкционированному паттерну. Но благодаря многозначности и даже неопределенности житейской ситуации, выведенное из нее однозначное суждение как бы освещается обратным светом очевидности, и уже само воспринимается в расширительном смысле, как своего рода афоризм, авторитетный для любых жизненных коллизий. Все держится на самоочевидности и авторитетности, и две части притчи самопроизвольно спрессовываются в идеологему.

Логический механизм «притчевого мышления» доказал свою конструктивность и жизнестойкость в интеллектуальной практике человечества. Он практически буквально воспроизведен в баснях Эзопа, Лафонтена, Крылова, заложен в основу супербестселлера Р. Баха «Чайка по имени Джонотан Левингстон», породил параболические композиции интеллектуалистской прозы и драматургии второй половины XX века... Свои формы убеждающего текста сложились и в массовой общественно-политической журналистике. «Поскольку главными текстообразующими операциями журналистского творчества, – пишет современный исследователь, сравнивая структуру газетной публикации с сюжетом художественного произведения, – являются осмысление реальной проблемы общественной жизни (предмет публикации) и выдвижение действительной программы разрешения данной конкретной проблемной ситуации (рабочая идея), то основные композиционные узлы произведения таковы: **“ввод в проблему”** (своеобразный эквивалент “экспозиции”); – **“постановка проблемы”**, предусматривающая сопоставление, по крайней мере, двух противоположных точек зрения на описываемое событие, т.е. столкновение “тезиса” и “антитезиса”, определяющее дальнейшее разворачивание убеждающей мысли (эквивалент “завязки”); – **“аргументация”**, доказывающая истинность “тезиса” и опровергающая “антитезис” (эквивалент “развития действия”); – **“рекомендация”** как производное от сопоставления “тезиса” и “антитезиса”, своего рода “синтезис” (эквивалент “кульминации”); – **“образный ориентир”**, дающий возможность расширительного толкования рабочей идеи и применения ее для осмысления и оценки других аналогичных проблемных ситуаций, возникающих в реальной общественной жизни (эквивалент “развязки”)»¹⁶. Это, конечно,

¹⁶ Проблемы эффективности журналистики./ Под ред. Я. Засурского, З.Шумберы. М.,

уже не пралогическое, а рационалистическое мышление. Но стройная система достаточно строгих логических процедур используется в таком случае для того, чтобы свести вопрос к самоочевидности и возвести затем к авторитетности. Само по себе это не означает ни неперменной ошибочности рассуждений, ни умышленной манипуляции. Равно как идеологема сама по себе не самообман и не мошенничество. В конце концов, великое «Cogito ergo sum» Рене Декарта – тоже идеологема.

Действительность и мощь идеологемы не в знании, которое всегда относительно, и не в вере, которая чревата сомнениями, а в уверенности, с которой человек действует. Огромное значение при этом имеют упорство и умелость тех, кто использует ее как практический ориентир. Бывает, что вполне адекватная идеологема пропадает в туне. А в то же время идеологическая мистификация увлекает миллионы людей, вызывает экстатическое перенапряжение массового поведения и материализуется в фантасмагорическую действительность. Как показывает история русской революции 1917 года, и то, и другое имеет катастрофические последствия. Но не менее катастрофично и отсутствие идеологем. Совсем без них хорошо только воровать. Впрочем, совсем без идеологем общество не обходится. Характерно в этом отношении словечко «Беспредел», которое вошло в политический обиход России из тюремной зоны, когда коммунистические и демократические идеологемы «как два различных полюса» взаимноисключали друг друга и когда каждый политик, каждая партия, каждая мафиозная группировка, да чуть ли не каждый человек готовы были на силу ожесточенно отвечать силой. И в течение 10 (!) лет невозможно было ни победить, ни сдаться на милость победителя.

В режиме «Беспредела» ни одна проблема решена быть не может. Ни социальная, ни экзистенциальная. Потому что это особого рода идеологема, в которой место опорной идеи занимают биологические влечения. Соблазн незамедлительного и бесконтрольного удовлетворения инстинктов размывает надличностные опорные идеи убеждений, индивидуальное поведение делается асоциальным, в обществе распространяется мораль мародеров. Иногда такие процессы пытаются представить даже как очень прогрессивные для полного ниспровержения одиозных политических систем, культур или цивилизаций. Но

не случайно журналистика, работающая на старый порядок, начинает оперировать магическими текстами. Этого оказывается достаточно для того, чтобы держать в узде мародерские побуждения. А перспектива поступательного развития личности и общества открывается только в рационалистической парадигме, когда люди убеждены, что законы жизни есть, что можно их познать и, следуя им, добиться личной свободы и общего благосостояния и т.п. Поэтому убеждающие тексты во все времена, даже при самых безнадежных психоисторических состояниях социума должны быть и обязательно есть в массовых коммуникациях, хотя бы как свет в конце тоннеля.

Если исходить из социально-коммуникативных функций идеологемы, отмечая какие базовые психические процессы приводятся в движение с помощью специфических выразительных средств, стимулирующих именно рационалистический подход к реальности, убеждающий текст может быть представлен как логически обусловленный подбор характеристик информационного воздействия, перечисляемых в реестровой таблице:

Убеждающий текст		
Социально-коммуникативные функции	Базовые психические процессы	Выразительные средства
<ul style="list-style-type: none"> • Конкретизация идейно-нравственной перспективы социума • Продвижение или ниспровержение научных концепций, социальных программ, идеологических систем • Формирование народных убеждений • Развитие индивидуального самосознания • Организация синхронных действий больших масс людей в процессе социальной практики • Сопряжение актуальных фактов и вечных ценностей в целях практической ориентации • Оформление и продвижение идеологем и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Стремление к адекватности сознания как к объективной или даже абсолютной истине • Ассоциации субъективных идей по сходству и смежности • Доверие к выводному знанию • Понимание причинности как всеобщей связи вещей и действий • Точечное сопряжение сознательного и бессознательного в «Ага-переживании» • Убеждения как сознательно –бессознательные паттерны поведения • Рационализация чувств страха, вины, надежды и т.д. • Переосмысление импульсов табуирования • Наслаждение игрой ума и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Интерпретация фактов как инобытия идеологии • Предъявление символов как практических ориентиров • Дедуктивное умозаключение. • Менторский тон • Ссылки на императивные постулаты идеологии и нормы морали как на аксиомы, не требующие доказательства (опорная идея) • Продвижение паттернов практического поведения (рабочая идея) • Сюжет, выстраиваемый как доказательное рассуждение приводящее «к общему знаменателю» живую картинку реальности и архетипический образ • Ритуально-многозначительное повествование • Риторические фигуры

		<ul style="list-style-type: none"> • Высокая лексика, перемежаемая просторечными сравнениями и словечками • «Фундирующая» эрудиция • Замедление темпоритма в ключевых моментах изложения
--	--	---

Реестровая таблица убеждающего текста предполагает сопоставление с реестровой таблицей текста мифологического. Тогда становится очевидным: почему и как эти два типа текста в одних ситуациях взаимоисключают, а в других – взаимодополняют друг друга. Но самое существенное, что они могут взаимопроникать друг в друга. И в убеждающем тексте могут появиться «апелляции к дополнительным уровням психики», «прорицания, заклинания, проклятия» и проч., и проч., и проч. Все зависит от того, как они осмысляются. Следует сознательно выбирать выразительные средства, отдавая себе отчет, какие психические процессы при этом задействуются, и какие это может иметь функциональные последствия.

Для каждого рационалистически мыслящего журналиста находится своя роль в духовной жизни общества. Одни, как ревизоры, сравнивают, соответствуют ли факты социальной практики постулатам идеологии, вскрывают причины расхождения, ищут виноватых, требуют санкций или поощрений, не сомневаясь, что «Учение – верно». Другие, словно жрецы идеи, морализируют, прославляют героев или предают нравственной анафеме отщепенцев, утверждая, что «Учение – всеильно». Третьи, и это высшая категория, сами выступают как идеологи, прорабатывают в деталях морально-политическую ситуацию, переосмыляют, а при необходимости модернизируют постулаты, доказывая, что «Учение – живо». Когда такая работа замирает, это значит, что общество нестабильно, не способно ни навести, ни поддерживать порядок. Но когда массовые средства работают только на сохранение официальной идеологии, это значит, что общество погружается в застой, погибает от духовной недостаточности. И в любом случае это личностная проблема творчества-в-процессе-коммуницирования.

В практике, да и теории журналистики техника рационалистического подхода и технология подготовки убеждающих текстов разработана до тонкости.

Овладеть ими достаточно просто. Не случайно в редакциях так много волонтеров, не имеющих специального журналистского образования. Но здравый профессионал не должен обольщаться своей способностью сводить концы с концами в любом комментарии. Нужно видеть не только «действительность и мощь» идеологом, но и логическую ущербность «притчевого мышления». «Обобщение по детали» может стать привычкой, автоматизмом мышления. И тогда даже недюжинный ум не спасает от заблуждений, от превратного толкования данных, от прямой профанации. Так, конспектируя книгу Г. Гегеля «Наука логики», В. Ленин выделяет цитату: «Этот здравый смысл... есть такой способ мышления, в котором содержатся все предрассудки своего времени», - а ремарку делает: «Здравый смысл = предрассудки своего времени»¹⁷. Там, где у Гегеля: «в котором содержатся» (помимо многого другого), – Ленин ставит знак тождества, заживая содержание понятия до искажения смысла реального феномена общественной жизни, что проявится потом самым трагическим образом в теории и практике пролетарской революции.

Нужно сказать, что читатели тоже способны различать логические ловушки убеждающего воздействия. Доверие аудитории не безгранично. Характерна в этом отношении реплика инженера И. Паращенко, опубликованная в газете небольшого города: «И нечего людям пудрить мозги различными объяснениями. Люди с образованием могут объяснить, что угодно и как угодно... Самым главным преступлением является сокрытие информации»¹⁸. Читатели теперь тоже люди с образованием. Менторский тон вызывает в аудитории что-то вроде идеосинкразии. Чтобы соответствовать, надо рационалистически относиться к собственному рационализму. «Умей мечтать, не став рабом мечтанья, и мыслить – мысли не обожествив», - сказал великий поэт, который начинал как журналист¹⁹. Конечный вывод складывается жестко и определенно: идейная позиция не проблема партийной принадлежности, а вопрос профессионального самосознания, личной ответственности и мастерства самого журналиста.

Таково четвертое правило техники информационной безопасности и оно, также как три предыдущих, берет начало и находит свое завершение в психологии журналистского творчества.

¹⁷ Ленин В.И. Философские тетради / Полн. собр. соч. Т.29. С.245.

¹⁸ Паращенко И. О мифе Юрия Фактулина // «Троицкий вариант» (Троицк. Мос. обл.). 1999. 11 июня.

¹⁹ *Киплинг Р. Заповедь // Стихи и рассказы. М., 1997. С. 37.*

Раздел пятый

ПОЗИТИВИСТСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

«Мне все равно, что такое мир. Все, что я хочу знать, это – как в нем жить. Пожалуй, если додуматься, как в нем жить, тем самым поймешь, каков он», - размышляет журналист Джейк Барнс в романе Э.Хемингуэя «И восходит солнце...»¹. Это нечто большее, чем реплика литературного персонажа. Это психоисторическое состояние эпохи. В написанном от первого лица эссе «Смерть после полудня» сам Хемингуэй выражается еще более определенно и жестко: «Пусть те, кто хочет, спасают мир, – если видят его ясно и как единое целое»².

Было бы ошибкой, видеть в этом проявление эгоизма, или отказ от «своего человеческого долга», или, хотя бы, разочарование в жизни. Земные радости и печали мужчины и американца: от катания на горных лыжах, замысловатых коктейлей и африканского сафари до незадачливой любви, финансовых провалов и гибели друзей, – он не только испытал, но и воспел, находя во всем философскую подоплеку. Тут вот что существенно. В 1918 году молодой журналист Э. Хемингуэй добровольно пошел на фронт санитаром. В боях проявил мужество и был награжден двумя орденами. Он познал войну, возненавидел ее личной ненавистью и в романе «Прощай, оружие!», многочисленных эссе и рассказах развенчал милитаристские иллюзии. А всю оставшуюся жизнь, стоило где бы то ни было разгореться вооруженному конфликту, он отправлялся на фронт. Всегда как доброволец. И всегда против агрессора. Он привозил санитарные машины и оборудование для госпиталей, писал репортажи, воевал как солдат, иногда соединяя и то, и другое, и третье. В 1944 году как военный корреспондент он был заброшен вместе с десантом в тыл немецких войск во Франции. В первых же операциях погибли все офицеры. Лейтенант первой мировой войны Эрнест Хемингуэй принял на себя командование отрядом. Когда десантники вышли к своим, коллеги-журналисты даже подняли вопрос об исключении Э. Хемингуэя из числа военкоров, «поскольку он взял в руки оружие». Можно

¹ Хемингуэй Э. И восходит солнце... // Избранные произведения. В 2 т. М., 1959. Т.2. С.102.

² Хемингуэй Э. Смерть после полудня // Указ. соч. С. 194.

увидеть в такой биографической подробности и акт героизма, и факт нарушения журналистской этики. Но, прежде всего, становится ясно: этот человек, не очень заботившийся о том, «что такое мир», жил в нем наилучшим образом. Великий писатель на крутых поворотах истории возвращался к своей ранней профессии, мыслил и писал как репортер, может быть, потому что устремлялся «спасать мир», замороженный идеологами и краснобаями.

Но какая, однако же, разница по отношению к торжественному оптимизму рационализма! Достаточно сравнить слова Э. Хемингуэя с цитированным выше куплетом застольной песни П.-Ж. Беранже во славу разума, чтобы ощутить потрясающий масштаб перемен. Но по каким причинам, и каким образом сложились новая парадигма мышления и новый тип текста?

В период расцвета рационализма существовала уверенность, что устройство мира разумно и непротиворечиво, общество становится все более справедливым, познание окончательной истины все ближе и для человека нет ничего невозможного. Казалось, ничто не заставит усомниться в ценности социального прогресса и убежденного поведении. Но царство разума длилось значительно меньше, чем владычество первобытной магии и колдовства.

Довольно скоро рационализм обнаружил те же слабости, за которое, в свое время, великие просветители критиковали схоластику: логика слишком легко становилась казуистикой, аксиомы превращались в догмы, исчезала возможность опытной проверки выводов. Всеобъемлющие, претендующие на объяснение самых основ мироздания, научные системы и классификации не могли объяснить все новых открытий, изобретений и технологий.

А главное, не сходились концы с концами в социальной жизни. Прежние надежды на установление справедливого и разумного порядка не оправдались. Одна революция сменялась другой, ужасая современников иррациональной жестокостью. Эксплуатация человека человеком приобретала чудовищные формы. Войны становились все более кровавыми и все более глобальными в связи с развитием технологий массового поражения. Технический прогресс приносил с собой ощущение нестабильности и хрупкости человеческого существования.

Рационалистическая картина мира не совпадала с иррациональностью общественного бытия. Это остро переживали все творческие натуры. И привычные методы творческого отображения действительности утрачивали черты картезианской ясности и определенности. В живописи образ мира расплывался

в цветочные пятна (импрессионизм), рассыпался на куски (кубизм), трансформировался в фантазмагорию (сюрреализм). Математическая сдержанность И.-С. Баха и прозрачность И. Гайдна уступала место мятежным порывам Л. Бетховена, страстному иррационализму Р. Вагнера, торжествующей дисгармонии И. Стравинского. Признаком усталости от глобальных систем, всеобщих принципов и абсолютных причин было появление новых философов, которые стали оказываться от... философии.

Огюст Конт (1798–1857) был первым, кто произнес новое слово – позитивизм (от лат. *positivus* – положительный). Он утверждал, что претензии на раскрытие окончательных причин и сущностей должны быть удалены из науки как всякая метафизика, что наука не объясняет, а лишь описывает явления. Не вопрос «почему», а вопрос «как» является главным. Всякое утверждение должно быть сведено к данным опыта конкретных наук. И то, что невозможно *верифицировать*, т.е. проверить в опыте, не имеет научной значимости. С этой точки зрения все универсальные законы бессмысленны, потому что, вообще, верифицировать можно не сам закон, а лишь некоторые наблюдаемые проявления этого закона. О. Конт утверждал «невозможность достигнуть абсолютных знаний»³ и вел речь не об идеях, вечных или врожденных, а о «естественных связях между предметами»⁴.

В противовес дедуктивному подходу рационалистов родоначальники позитивизма считали, что только индукция (восхождение от частного к общему) может дать новое знание. А все остальные умозаключения обладают такой способностью лишь постольку, поскольку они сводятся к индукции. Но они не в силах были разорвать пуповину, связывавшую их с традиционной философией. Поэтому, к примеру, у Г. Спенсера (1820–1903), который утверждал, что «материя, движение и сила лишь символы неведомого реального», само это «непознаваемое» выступало как «первоначальная причина, в признании которой сходятся наука и религия»⁵. А.Д. Милль (1806–1873) утверждал, что высшая цель человеческой деятельности – содействие «счастью человечества или, скорее, всех чувствующих существ»⁶.

Позитивисты считали, что философия как особая наука, претендующая на

³ Цит. по: Родоначальники позитивизма. Вып. 4. СПб., 1912. С.6.

⁴ Там же. С.4.

⁵ См.: Спенсер Г. Основные начала. СПб., 1897.

умозрительное познание реальности и стоящая над естественными науками, просто не нужна. Но за этим стояло не только разочарование в идеях Просвещения, но и уверенность в себе, в своей силе и способности на деле разрешить возникшие несообразности бытия. Это становится особенно ясно при знакомстве с американской разновидностью позитивизма, которая самоопределилась как особое учение – прагматизм (от греч. *pragma* – дело, действие).

Для основоположника нового направления Чарльза Пирса (1839–1914) не существовало никакого истинного философского метода. «Все наше знание плавает в континууме недостоверности и неопределенности», – утверждал мыслитель⁷. Единственной логической операцией, ведущей к новому пониманию предмета для него была абдукция (гипотетическое утверждение, вид неполной индукции). А устойчивость и надежность вывода он оценивал по тому, насколько подтверждалось на практике выдвинутое предположение. А уже для Уильяма Джемса (1842–1910) высшим критерием стала польза, практическая результативность рассуждения: «Мысль “истинна” постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни»⁸. И Джон Дьюи (1859–1952) развернул всеобъемлющую теорию инструментализма, согласно которой научные категории, законы, логические формы, гипотезы, концепции и т.п. – не более, чем инструменты, создаваемые с целью разрешения практической ситуации. Вопрос об истине тут просто не возникает. Важна только практика, под которой подразумевается опыт, стремления и интересы индивида. Все что нужно от инструментов – это «функциональная сила», практическая полезность, выгодность. И чуть ли не единственным возможным путем познания оказывается метод «проб и ошибок». С этих позиций внешний мир представляет собою не что иное, как содержание опыта. А в категорию опыта включаются все явления и события жизни и все возможные состояния индивида, включая сновидения, труд, болезнь, ложь, войну, магию и т.п.⁹.

Это было принципиально новое понимание мира. Характерной особенностью его было критическое отношение к результатам деятельности самого мышления, осознание субъективной структуры знания, обусловленного (а значит, и ограниченного) практической деятельностью. Разделение субъективного

⁶ Милль Д. Система логики. М., 1914. С. 867.

⁷ Pierce C. Collected papers. Vol.1. Camb. (Mass), 1934. P.171.

⁸ Прагматизм. СПб., 1910. С.52.

и объективного, начавшееся в рамках рационалистической парадигмы, продолжилось и затронуло то, что рациональному мышлению представлялось абсолютно достоверным и объективным, – познание. Была раскрыта субъективность и относительность ментальных моделей мира.

Глубокое сомнение в достоверности «метафизических концепций» было общим свойством всех ветвей позитивизма. Основоположники прагматизма заострили до негативизма отношение к «самой метафизической реальности» – внутренним переживаниям, к душе человека. Характерно в этом смысле название одной из работ У. Джемса, психолога и философа: «Существует ли сознание?» (1888). Он же утверждал, что религиозные догматы истинны в меру своей полезности¹⁰, и даже стал основателем и первым президентом американского спиритического общества (1884). Точку в этом вопросе поставил выдающийся психолог Джон Уотсон (1878–1958): «Сознание и его подразделения являются не более как терминами, дающими психологии возможность сохранить – в замаскированной, правда, форме – старое религиозное понятие “душа”»¹¹.

Вот как обосновывал Д. Уотсон новое направление в психологической науке – «бихевиоризм» (от англ. behavior – поведение): «...поскольку при объективном изучении человека бихевиорист не наблюдает ничего такого, что он мог бы назвать сознанием, чувствованием, ощущением, воображением, волей, постольку он больше не считает, что эти термины указывают на подлинные феномены психологии... *Бихевиоризм заменяет поток сознания потоком активности*... с того момента, когда индивид поставлен в такую обстановку, при которой он должен думать, возбуждается его активность, которая может привести в конце концов к надлежащему решению»¹².

Но если предметом психологии становится не сознание, а поведение, то и метод интроспекции (самонаблюдение в процессе мышления) оказывается несостоятельным, и необходимы другие способы анализа и коррекции деятельности. Объективному наблюдению были доступны как внешнее воздействие, так и ответная реакция. И задача психолога-бихевиориста состояла в том, чтобы варьируя стимулы внешнего воздействия (St) и фиксируя изменения в ответных реакциях (R), установить наперед, какая реакция будет при данном стиму-

⁹ Dewey J. Experience and nature. N.Y., 1958. P. 10.

¹⁰ См.: Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1910.

¹¹ Цит. по: Уотсон Д. Бихевиоризм // БСЭ. 1 изд. М., 1927. Т. 6.

ле, или каким стимулом данная реакция была вызвана. Когда жесткая взаимосвязь $St \rightarrow R$ определялась, появлялась возможность программировать поведение, закрепляя в памяти длинные цепочки и комбинации элементарных взаимодействий $St \rightarrow R$, формируя новые связи стимулов и реакций с помощью поощрения и наказания. При таком изучении поведения не фиксировалось ничего такого, что можно было бы назвать сознанием, чувствованием, ощущением, воображением, волей... Бихевиоризм и не имел подобных терминов в своем научном лексиконе. Психика как таковая была объявлена «черным ящиком», содержание которого не имеет значения для хода исследования. А чтобы не возникало соблазна пофантазировать на счет души и интеллекта, бихевиористы основные исследования проводили на белых крысах, самых простых лабораторных животных. Не желая допустить и тени антропоморфизма, Д. Уотсон запрещал сотрудникам употреблять выражения типа «умная крыса»...

Стоит вспомнить, что в эпоху рационализма предметом психологии было именно сознание, главным методом – интроспекция, а каждый психолог – «сам себе испытуемый». И шутники не без основания называли ассоциативную теорию «психологией профессоров психологии». Теперь шутники имели не менее веские основания назвать бихевиоризм «психологией большой белой крысы». У животных вырабатывали сложные условные рефлексы на различные стимулы, следя за развитием, дифференциацией и угасанием реакций. Фиксировали, что крыса научается, к примеру, открывать клетку быстрее, если ее тренируют не один, а пять раз в день, что дело идет быстрее, если прорабатывается разом только одно задание, что для ускорения процесса обучения, необходимо пищевое поощрение после каждого правильного «шага» животного к решению проблемы и т. д. Постепенно становилось очевидно, что во взаимосвязи $St \rightarrow R$ возникают некие опосредующие звенья, так называемые «промежуточные переменные». Эдуард Толмен (1886–1959) обнаружил, что в процессе тренировочных занятий в лабиринте у крысы формируются не столько реакции на отдельные стимулы или их последовательность, сколько целостная «когнитивная карта» пространства, которую животное способно успешно использовать для поиска пищи даже в случае изменения исходных условий. Эксперименты с вживлением электродов в мозг крысы показали, что в принципе возможно самости-

¹² Там же.

мулирование организма, когда поведение определяется не внешними стимулами, а внутренней потребностью. Категория потребности стала основной «промежуточной переменной» в гипотетико-дедуктивной теории поведения Кларка Халла (1884–1952), который первым применил математическую логику в психологическом исследовании. Предмет исследования бихевиористов постепенно перемещался с описания внешнего поведения на изучение ментальных структур: «карт», «планов», «тезаурусов», - внутренне детерминирующих поведение. Для психологии познания вновь стали представлять интерес психические функции: внимание, память, мышление, язык, - рассматриваемые теперь как этапы и уровни переработки информации. Открытия, сделанные в этой области и связанные с процессами распознавания образов, хранения и поиска информации, принятия решений, нашли непосредственное применение в кибернетике, математической лингвистике, бионике и других самых технологически новых направлениях науки. Неслучайно структура памяти компьютера, включающая долговременную (винчестер), кратковременную (КЭШ), оперативную и память монитора, почти полностью аналогична теории долговременной, кратковременной, оперативной и иконической памяти человека. И характерно, что поисковый прибор персонального компьютера называется: «мышь». Хотя, пожалуй, более честно было бы назвать его: «крыса».

Но самое большое воздействие на общество своего времени бихевиоризм оказал через свои педагогические новации. Полученные строго экспериментальным путем приемы оперантного научения, главное в которых – закрепление полезных реакций, были с успехом перенесены на обучение людей. Вся система образования испытала мощное воздействие идей программированного обучения, техники по-шагового овладения навыками, тестового контроля знаний и умений. Десятки и сотни миллионов людей так или иначе вовлекались в массовые процессы, где не только разрешались жизненные проблемы, но и складывался особый тип личности. Это был человек дела. Поведение стало его единственной психической реальностью, потому что импульс психической деятельности задавала выгода, а личный успех оставался единственным критерием «действительности и мощи» мышления. Прагматизм оказался адекватной новому времени философией индивидуальной активности, групповой солидарности и общественного оптимизма. Но что это значило для поступательного развития личности и общества?

Как видно, это движение человеческой мысли не было бесплодным. Хотя прагматизм вызывал вполне понятное раздражение многих мыслителей и моралистов, позитивистская парадигма мышления расширяла возможности интеллекта, увеличивала степени свободы как по отношению к внешнему миру, так и по отношению к самому субъекту. Важнейшим завоеванием стало критическое отношение к деятельности самого мышления, уточнение пределов самосознания, осмысление человеческой практики как текучего, но реального и наблюдаемого процесса взаимодействия объективного и субъективного, материального и идеального, физического и психического. Это привело, с одной стороны, к отказу от глобального теоретизирования, а с другой, - открыло путь к опосредованному изучению ментальной реальности, ее стихии и динамики. Таким образом, произошла дальнейшая дифференциация основных способностей мышления, что с достаточной определенностью проявляется при сравнении с двумя предшествующими парадигмами.

Магическое мышление	Рационалистическое мышление	Прагматическое мышление
Синкрет объективного и субъективного (Мир = Я)	Четкое разграничение объективного и субъективного. (Мир = не Я; Я = сознание)	Выделение субъективного в объективном. (Мир = опыт). Избегание субъективности (Я = «черный ящик»).
Партиципация свойств субъекта и объекта. Магия.	Ассоциация идей по сходству и смежности. Теория.	Накопление успешных действий по типу St→R. Эксперимент.
Основание вывода – трансдукция (Переход от частного к частному, минуя общее)	Основание вывода – дедукция (Восхождение от общего к частному)	Основание вывода – индукция (Восхождение от частного к общему)
Интегральная единица общения - мифема	Интегральная единица общения – идеологема	Интегральная единица общения - «конструкт»
Предпричинность (слияние мотива и причины) как основа всеобщей связи. Артифициализм.	Каузальность (объективная причинность) как основа всеобщей связи. Закономерность.	Результативность (прагматическая причинность) как основа всеобщей связи. Контекстуальность.
Восприимчивость к неконтролируемому сознанием мыслительным импульсам («двухпалатность», произвольность, интуиция). Единство аффективного и интеллектуального. Власть коллективного бессознательного.	Внутренний контроль над процессами умозаключения. Появление критичности как универсальной формы контроля над эмоциональностью и верой. Авторитет разума.	Расширение критичности на сферу достижений разума. Относительность истины. Успех как единственный критерий. Программирование (прогнозирование и верификация) поведения.

Переход к новой парадигме означал, конечно, существенные перемены в категориальном аппарате мышления.

Такая структура сознания как нельзя лучше подходила для эпохи капиталистической экспансии, бурного развития массового производства и научно-

технического бума. Но вот что примечательно. Теоретические концепции позитивизма и прагматизма не предшествовали новому этапу развития социальной практики, а вытекали из него, осмысляли актуальные научно-технические и гуманитарные достижения общества, расчищали плацдарм для прорывных исследований природы и человека. Это был качественный скачок в развитии самой методологии науки.

Просветители-рационалисты провозглашали, что «идеи правят миром». Будучи уверены в истинности своих теорий и правоте своих устремлений, они проповедовали прогресс науки, переустройство общества и преобразование человека. Но позитивисты не обнаруживали реальных подтверждений тому даже в собственных исследованиях. И только подвергнув сомнению не просто идеи, а сам феномен сознания, они обнаружили конструктивные возможности для проникновения в механизмы природных явлений, общественных процессов и ментальных структур человека. Но это стало не основанием для проповеди, а содержанием технологии познания и, если хотите, инструментарием науки. Характерна в этом отношении та роль, которую сыграло в науке и культуре выражение «черный ящик». Сначала это – сравнение, пояснявшее степень закрытости от внешнего наблюдения процессов человеческого мышления. Затем – философическая метафора, остроумно объясняющая, что, так же как «вещь-в-себе», «психика-в-себе», в сущности, непознаваема. Затем это – эпатирующий символ, которым бихевиористы отмежевывались от традиционных религиозно-философских представлений о душе человека. Затем – конструктивный методический прием изучения психики по объективно наблюдаемым, повторяемым и программируемым сочетаниям $St \rightarrow R$. Затем – эвристическая модель исследования закрытых систем по входу и выходу информации, с поразительной эффективностью применяемая в прикладной математике, кибернетике, биофизике, теории управления, социологии, технологии связи и проч., и проч., и проч.

Отвергая не только «метафизику», но и «философию», позитивизм парадоксальным образом придал философское ускорение развитию фундаментальных наук и выдвинул философские альтернативы доктрине революционных преобразований. Но проповеднический пафос оказался тут ни к чему. Людей совсем другого склада вывели на авансцену истории идейные бури, кровавые революции и демократические завоевания эпохи рационализма. Их не особенно занимало, что обещанное философами всеобщее братство все не наступало.

Они умело пользовались тем, что теперь были лично свободны, равны в правах и не ограничены в предприимчивости. Не всеобщее благо, а личный успех стал целью деятельности. И «здравый смысл» среднего класса зарекомендовал себя более полезным для дела, чем «высокие идеи». В среде бизнесменов здравый смысл не только противопоставлялся житейской наивности и непрактичности, но и служил основанием для насмешливого отношения к умственной деятельности и интеллектуализму вообще: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?». Впрочем, интеллектуалы в долгу не оставались. Горькое в своей правоте и хлесткое, как пощечина, выражение: «Пошлый опыт – ум глупцов!» (1859), - принадлежит Н.А. Некрасову, который и сам был недюжинным предпринимателем, жестким и оборотистым дельцом, понимающим, грубо говоря, «что-по-чем». На примере поэзии Некрасова видно, что, сталкиваясь с общегуманистическими проблемами, преодоление которых составляло самую суть эпохи Просвещения, будь то крепостная зависимость или телесные наказания, самодержавие или обскурантизм, творческий интеллект чуть ли не автоматически возвращается в рационалистическую парадигму. Но это не основание для того, чтобы свысока третировать иные подходы к проблеме.

В спорах о здравом смысле высоколобый скепсис столь же неуместен, как и самонадеянный апломб. Потому что это не однозначный философский термин, а многомерный социальный феномен, если хотите, особая психическая реальность. И многое тут запутано. Начать с того, что не повезло с переводом. «Здравый смысл» - калька с излишне эмоциональной английской идиомы «good sense» (англ. толкование – *soundness of judgement*)¹³. Между тем, более полно раскрывает понятие выражение «common sense», где слово «common» сохраняет оттенок исторического значения «народ, т.е. третье сословие, без высших сословий», которое закреплено в официальном «House of commons» (Палата общин) и живет в широко используемых словах типа «commoner», что значит и «человек из народа», и «член палаты общин», и «простой человек», и даже «студент, не получающий стипендии»¹⁴. А в связи с этим следовало бы и в слове «sense» сосредоточить внимание на фундаментальном значении: «ощущение, чувство», - и его прямых производных: «состояние ума» («state of mind»), «по-

¹³ Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1987. P. 372.

¹⁴ См., напр.: Англо-русский словарь. / Сост. В.К.Мюллер. М., 1965. С.156.

нимание» («*appreciation or understanding*»), «категоричность суждения» («*power of judging*»)¹⁵. «*Common sense*», таким образом, это, прежде всего, склад ума, тип мышления свойственный людям третьего сословия, каким оно сложилось исторически. И гиганты эпохи Просвещения учитывали, с чем имеют дело. Великий Кант, говоря об «обычном человеческом рассудке, который считают чем-то неважным, называют здравым (еще не культивированным) смыслом», видит его опору в «общественном чувстве», в том, что «оценка, в своей рефлексии мысленно обращает внимание на способ представления каждого другого..., чтобы свое суждение как бы поставить на общем человеческом разуме»¹⁶. Не следует забывать, что строгие философы (например, Г.Гегель, К.Гельвеций и др.) делали из этого малоутешительные выводы, будто тем самым «знание» низводится до уровня «мнений», а «ум начинается там, где кончается здравый смысл». Но благодаря социально-психологическому механизму здравого смысла («*common sense*») третье сословие восприняло высокие идеи гениев Просвещения в практическом приложении, самоорганизовалось в прогрессистски ориентированную политическую силу и вышло на борьбу за свои права с лозунгами великих рационалистов на знаменах.

Победа третьего сословия закрепила перемены в «*common sense*». Можно спорить, были ли высокие идеи Просвещения «практически освоены средним классом» или только «грубо опошлены торгашеской буржуазией», но они не прошли втуне. Судить об этом следует по ускорению темпов внедрения изобретений, широте применения технологических и организационных новшеств, динамизму общественных инициатив, бурному росту спроса на массовую информацию. Последнее особенно интересно. Здесь приоткрывается, как и благодаря чему «*common sense*» третьего сословия перерастает в «*public opinion*», то есть общественное мнение нации, с которым приходится считаться и Президенту, чтобы быть переизбранным, и последнему из рядовых, чтобы не стать изгоем.

«*Public opinion*» не содержит жесткой системы идей. Суждения его разно- стильны, рекомендации амбивалентны... По остроумному замечанию Б.А. Грушина, «это общественное сознание со сломанными внутри него перегородками» (1967), где в ходе практического применения перемешиваются научные вы-

¹⁵ *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1987. P. 776.

¹⁶ *Кант И.* Критика способности суждения. СПб., 1898. С.159.

кладки и дедовские заветы, религиозные постулаты и житейские суеверия, новаторские гипотезы и заскорузлые традиции, моральные нормы и рискованные изыски. Благодаря такому социально-психологическому механизму «public opinion» стало чем-то вроде практической идеологии классического капитализма. И это проявилось во всех формах хозяйственной, политической и духовной деятельности. В том смысле, что позитивистская парадигма мышления придала новый стимул развитию не только прикладной, но и фундаментальной науки. А в массовых коммуникациях убеждающий текст уступил приоритет тексту информативному, точнее сказать, прагматическому.

Новый тип текста складывался в русле литературной традиции. К примеру, самый массовый и самый информативный жанр американской журналистики «story» (англ. 1) повесть, новелла, анекдот; 2) предание, сказка; 3) фабула, сюжет) имеет очевидные фольклорные и искусствоведческие корни и до сих пор рассматривается художественной критикой как «литературный материал среднего достоинства». Но на том сходство и заканчивается. В газете «story» – это четкий ответ на шесть практически значимых вопросов: Что произошло?, Где?, Когда?, Кто это сделал?, Почему? и Как?, - а также броский заголовок, чтобы привлечь внимание, объявив превентивную оценку, «ударное» или «интригующее» начало и «описание подробностей по степени убывания важности». Следует отметить, что это не структура конкретного жанра, а общий принцип построения текста, который должен дать объективные ответы на деловые вопросы, как если бы речь шла о принятии решений в реальном бизнесе. Жесткость такого коммуникативного подхода можно понять по требованиям, которые американские журналисты предъявляли российским коллегам, писавшим в годы перестройки по заказу заокеанских газет. «Большинство попадавших на мой стол статей, - подчеркивал представитель журнала “Crossroad” в Москве Лоуренс Юзелл в статье под характерным названием “Ради красного словца”, - выглядели как “сырой” материал, не подкрепленный фактическими данными, свойственными репортажу. При чтении их у меня складывалось впечатление, что автор сел за машинку и напечатал все, что уже давно “бродило” в его голове, не потрудившись увязать написанное с последними данными»¹⁷. А вот какой отзыв на первый вариант своей статьи о рынке недвижимости в России получи-

¹⁷ Юзелл Л. Ради красного словца // Иностранец, 1993. 22 дек.

ла от него же известная московская журналистка А.Ч.: «Больше всего наших читателей интересует вопрос: насколько далеко ушла Россия по пути к действительно свободному рынку недвижимости, и сколько ей еще предстоит пройти. Например, кажется, что в Москве много приватизированных квартир, но мало приватизированных зданий. В чем причина? Мне не совсем понятно, имеет ли любой частный владелец земли в городской или сельской местности право, которое воспринимается американцами как неотъемлемая часть владения частной собственностью, использовать эту землю по какому-нибудь другому назначению, т.е. превратить ее из пашни в место для строительства жилого дома, или сделать из жилого дома офис, включая право демонтировать это здание и построить другое на его месте, либо использовать недвижимость как обеспечение для кредита. Я знаю, что существует много приватизированных квартир в Москве, но почему так мало приватизированных зданий?... Почему большинство новых предпринимателей, торгующих в розницу, предпочитает поставить киоск на обочине вместо того, чтобы купить или снять площадь в настоящем здании?... Каковы препятствия и возможности, с которыми сталкиваются будущие частные фермеры, которые хотели бы приобрести землю в частную собственность? Чтобы убедительно ответить на эти вопросы наших читателей, автору придется сделать намного больше конкретного репортажа, чем в первом варианте статьи: интервью (и цитаты) с покупателями, продавцами, людьми среднего класса, государственными чиновниками, а также больше статистики по процессу приватизации. Недостаточно просто сидеть за столом и рассуждать!»¹⁸.

По этому служебному документу можно судить о степени совместимости профессионального журналистского сознания и фундаментальной философской платформы прагматизма. Оперативные замечания средней руки журналиста из малоизвестного издания, несмотря на частный характер, в общетеоретическом плане настолько строго ориентированы на воссоздание сугубо прагматических достоинств текста, словно в автоматическом режиме воспроизводят бихевиористскую схему позитивистской парадигмы мышления. Злободневный заказ мало чем отличается от общетеоретических требований к прагматическому типу текста.

¹⁸ Архив информ. агентства «Глобус»: 93.12186 by JAMESTOWN MOSCOW. Oct. 22.at

В основе прагматического текста стремление помочь в разрешении конкретной жизненной ситуации, а не растолковать глобальную проблему. Ему чужды просветительский пафос учительства и духовное наставничество, столь характерные для убеждающего текста. Он говорит не о том, как правильно, а о том, как полезно, и формирует не символ культуры, а образ разумного действия, и не на уровне «сверкающих обобщений», а путем отрицательных и положительных подкреплений. Даже если автор прагматического текста старается в чем-то убедить читателя, он, по возможности, скрывает это, подавая тщательно отобранные факты как случайные с подчеркнутым беспристрастием и безразличием. Прагматическому тексту не свойственна тщательность в проработке логической канвы изложения, ведь он не претендует на абсолютную истину. Автор сознает, что представляет лишь одну из множества возможных интерпретаций, только один из вероятных способов решения проблемы, а окончательный выбор за читателем и целиком на его ответственности. И факты здесь не предмет рассмотрения, а улики для обвинительного или оправдательного приговора, который вынесут читатели, словно суд присяжных. А потому и собственное мнение журналиста не авторитетно, если не опирается на юридические документы, статистические выкладки, интервью очевидцев, мнение экспертов. Отсутствие абсолютных критериев порождает попытки пересмотреть социальные символы и ритуалы с точки зрения их «полезности» и «бесполезности». В прагматическом контексте представляется смешным или странным, к примеру, «коллективный взнос» или «награждение знаменем». И в каком бы жанре ни тиражировался прагматический текст: будь то телевизионный комментарий или журнальная статья, газетная заметка или радиорепортаж, - его типологическими характеристиками будут:

- Локальность (конкретность, четкая проработка темы)
- Описательность (наглядные детали, последовательность, разговорный стиль)
- Фактологичность (подробности, «которые невозможно выдумать», документы, статистика, свидетели, эксперты)
- Безоценочность (подчеркнутое беспристрастие, безразличие)
- Деритуализация (скептическое отношение к высоким идеям, почита-

емым героям, традиционным символам и устоявшимся ритуалам)

- Конструктивность (полезность «здесь и сейчас»: то есть для решения конкретной проблемы конкретными людьми в конкретных обстоятельствах, - но без претензий на истинность всегда и для всех)
- Прогностичность (попытка ориентации в «ожидаемом будущем»)

Как видно, это универсальный стиль творчества-в-процессе-коммуницирования. И стоит только поставить в деловом аспекте даже традиционные для рационалистического подхода общегуманистические темы межличностных и внутригрупповых отношений, как профессиональный журналист выдает прагматический текст. «Комсомольская правда» в свое время посвятила теме неуставных отношений множество публикаций, убеждающих в нетерпимости, аморальности и даже преступности этого явления. Когда журналисты газеты решили помочь жертвам «дедовщины» полезным советом, появился «Курс выживания “АП”» («Алый парус» специальный отдел для подростков и молодежи). И вот какие там публиковались правила и обоснования:

«...Правило второе: Меры административного воздействия личные конфликты не решают никогда. ...И сколько мы не звонили по милициям, прокуратурам и судам, никто в этих почтенных ведомствах не мог припомнить, чтобы кто-нибудь понес официальное наказание за «дедовщину»...

Правило третье: Если тебе больше 15-ти, у тебя сломана дужка очков, нет пуговицы на ширинке (не потому, что так хочется, а потому, что ты этого не замечаешь), на воротнике рубашки запеклись остатки борща – берегись «дедовщины»... Так что прикинь, что именно вызывает у окружающих особое раздражение и становится поводом для придирок... Конечно, это – компромисс, но вся жизнь состоит из компромиссов, и тебе, если уж очень надоело быть битым и бегать за выпивкой, придется смириться и что-то в себе переделать.
<...>

Правило предпоследнее: Если у тебя вымогают деньги – можно договориться (шепотом) с тетушками из бухгалтерии, чтобы стипендию тебе перечисляли на сберкнижку. Это можно. Тетушки отказать не должны, а сберкнижку можно завести и не имея паспорта.»¹⁹

¹⁹ Михалыч С. Что ж ты, «дедушка» спать не даешь? // Комсомольская правда. 1992. 24

В этом тексте не содержится никакой морально-нравственной оценки такого болезненного явления как «дедовщина». Автор лишь анализирует, какие особенности поведения приводят к тем или иным результатам. Скажем, небрежность в одежде, общая вялость и расслабленность провоцируют агрессию. А предусмотрительность и хитрость позволяют избежать «лобовых столкновений» и даже завоевать уважение. Автор предлагает алгоритм поведения, который, на его взгляд, приведет к успешной адаптации, позволит выжить. При этом за скобками остается вопрос о справедливости или несправедливости сложившегося порядка. Важно лишь найти способ выживания. Аналогично можно было бы искать способ эффективного решения проблемы дедовщины на уровне реорганизации устава армейской жизни, если бы у автора были перспективы оказать реальное воздействие на положение дел. Но и в этом случае вряд ли раздались бы гневные обличения и обращения к совести. Не было бы и особо подробного обоснования необходимости изменений. Автор прагматического текста ставит своей задачей не убедить всех и каждого, а предложить информацию к действию для тех, кто в этом, действительно, нуждается.

В массовой культуре таких текстов все больше: «Как избежать конфликтов», «Как стать счастливым», «Как вам поступать с вашим беспокойным подростком» и т.п. вплоть до популярной компьютерной серии «Для чайников». Как правило, все они пишутся в виде пошаговой инструкции читателям, будь то родители трудных подростков, начинающие рекламные агенты или пользователи компьютерных программ. Многим они, действительно, помогают, и значит, следует их делать. Но странно было бы видеть в них высшие образцы данного типа текста. Как специфическая парадигма мышления позитивизм стал значительным этапом в интеллектуальной эволюции человечества и прагматический текст, естественно, обрел особые, недоступные ранее возможности точного и впечатляющего отображения не только внешних обстоятельств жизни, но и глубинных состояний психики. Вот отрывок из репортажа фронтового корреспондента канадской газеты «Торонто дейли стар» Э.Хемингуэя о вторжении турецких войск в Грецию в ходе войны 1919-1922 годов.

«Нескончаемый, судорожный исход христианского населения Восточной Фракии запрудил все дороги к Македонии. Основная колонна, направлявшаяся

через реку Марицу у Адиранополя, растянулась на 20 миль. Двадцать миль повозок, запряженных коровами, волами, заляпанными грязью буйволами. Измученные, ковыляющие мужчины, женщины и дети, накрывшись с головою одеялами, вслепую бредут под дождем вслед за всеми своими пожитками.

Этот главный поток набухает от притекающих из глубины страны пополнений. Никто из них не знает, куда идет. Они оставили свои дома и селения и созревшие, буреющие поля, и услышав, что идет турок, присоединились к главному потоку беженцев. И теперь им только и остается, что держаться в этой ужасной процессии, которую пасут забрызганные грязью греческие кавалеристы, как пастухи, направляющие стада овец.

Это безмолвная процессия. Никто не ропщет. Им бы только идти вперед. Их живописная крестьянская одежда насквозь промокла и вываляна в грязи. Куры спархивают с повозок им под ноги. Телята тычутся под брюхо тягловому скоту, как только на дороге образуется затор. Какой-то старый крестьянин идет, согнувшись под тяжестью большого поросенка, ружья и косы, к которой привязана курица. Муж прикрывает одеялом роженицу, чтобы как-нибудь защитить ее от проливного дождя. Она одна стоном нарушает молчание. Ее маленькая дочка испуганно смотрит на нее и начинает плакать. А процессия все движется вперед.»²⁰

Литературоведы говорят, что это – «накопление самых простых и прямых восприятий». В принципе, верно. Но автор накапливает только те прямые восприятия, которые дают географически, событийно и даже метеорологически точное, до документальности фактологическое описание происходящего. И при этом тонко дифференцирует эпизоды («телята тычутся под брюхо тягловому скоту, как только на дороге образуется затор»), оттенки цвета наблюдаемых предметов («созревшие, буреющие поля»), позы и движения беженцев («измученные, ковыляющие мужчины, женщины и дети, накрывшись с головой одеялами, вслепую бредут под дождем»), так что, несмотря на нарочитую безоценочность изложения, возникают чуть ли не сюрреалистические образы, тем более потрясающие, что списаны с природы («старый крестьянин идет, согнувшись под тяжестью большого поросенка, ружья и косы, к которой привязана курица»). Только в простых внешних проявлениях выражается состояние духа этих

²⁰ Toronto Daily Star. 1922. 20.X.

людей («Никто не ропщет. Им бы только идти вперед... Она (роженица) одна стонами нарушает молчание. Ее маленькая дочка испуганно смотрит на нее и начинает плакать»). Но тем более трагичной становится объективная констатация их участи («теперь им только и остается, что держаться в этой ужасающей процессии») и скептически переосмыслиется привычно ритуальная оценка явления («Нескончаемый, судорожный исход христианского населения Восточной Фракии запрудил все дороги»). В целом репортаж, если и не «рецепт», то, по крайней мере, «диагноз», постановка конкретной проблемы, которую надо практически решать в конкретных обстоятельствах. Но одновременно весь он – единый символический образ войны как стихийного бедствия, безлико-природного катаклизма, даже внешне напоминающего библейский всемирный потоп... Прогностическая сила этого газетного репортажа в полной мере станет понятной лишь к концу XX века. Но и сегодня до такой высоты и честности в осмыслении роковой общегуманистической проблемы удастся подняться мало кому из журналистов, хотя антиномия «права человека – права суверенного государства» обострилась до предела, а творчество-в-процессе-коммуницирования необыкновенно продвинулось и в технологическом и в интеллектуальном плане.

Прагматический текст может отобразить все. И на самом высоком уровне. Но в основе всех его выразительных средств и жанровых приемов лежит единый социально-психологический механизм. Если возвратиться к оценке цитированной выше вполне ординарной публикации о «дедовщине», то станет понятно, что гарантией правильного восприятия является общий социальный контекст, в свете которого обостряется (или ступшевывается) личная потребность индивида в практическом разрешении данной проблемы. Ведь было же время, когда «дедовщина» в общественном мнении просто не фигурировала. А ведь неуставные отношения в армии были, конечно же, всегда. И, возможно, даже более жестокие²¹. Но патриархальное, а позже тоталитарное воспитание заранее приучало воспринимать это, как нечто само собой разумеющееся, как неизбежные трудности, закаляющие мужчину и т.п. Однако в 90-х годах уже не было нужды долго объяснять необходимость противостоять «дедовщине». Прагматический текст будет замечен или нет, принят к размышлению или нет в зависи-

²¹ См., напр.: *Шолохов М.* Тихий Дон. М., 1975; *Астафьев В.* Прокляты и убиты. М., 1997.

мости от актуальности лично для читателя и его готовности действовать. Он как бы включается во внутренний диалог читателя с самим собой, приобретая особую лапидарность. Ведь необходимые для взаимопонимания общеизвестные факты и представления входят в контекст события, уже присутствуют в общественном мнении и в публикации могут проходить намеком, только подразумеваться. По сравнению с избыточно-рациональным убеждающим текстом, прагматический – выглядит более динамичным, энергичным, беспристрастным и, в конечном счете, оказывается... более суггестивным. Отсутствие явно выраженной оценки снимает психологическое сопротивление, приглушает критичность мышления, а лаконично передаваемое, словно недосказанное содержание, как бы достраивается читателем по своему усмотрению, создавая иллюзию «чтения мыслей», полного совпадения, синхронности опыта автора и читателя.

Прагматический текст не нуждается в композиционных ухищрениях, которые срабатывали бы как «опорная идея». В нем не имитируется «глас Божий» и не воссоздается «голос Учителя», а просто «дело говорит» уважаемый специалист. Однако прямого заимствования «рабочей идеи» убеждающего текста тоже не происходит.

В развернутом убеждающем тексте рабочая идея «предстает как своего рода логически обусловленный и взаимосвязанный комплекс элементов: цель–средства–исполнитель–гаранты»²². Если ситуация достаточно прозрачна, разъяснения не требуются и рабочая идея как бы уплотняется, опуская самоочевидные моменты рассуждения. К примеру, в 1986 году контент-аналитики зафиксировали, что «самым активным элементом в структуре текста районной газеты в исследуемый период оказалось обращение к социальным гарантам, т.е. общественным силам и организациям, а также политическим директивам, идейным принципам и нравственным нормам, которые могли бы стать для читателей реальной опорой в практическом решении поставленной проблемы. В социальных гарантах многие журналисты увидели теперь и средство разрешения возникших проблем, и контрольную инстанцию, и даже аргумент в споре. В значительной части анализированных публикаций зафиксировано резкое уплотнение структуры журналистского текста всего до двух элементов: цель – социаль-

²² Проблемы эффективности журналистики. М., 1990. С.78.

ные гаранты ее достижения»²³. Но при любом уплотнении (что и демонстрирует цитируемое исследование) рабочая идея убеждающего текста педалирует сугубо идеологический аспект рассуждения, благодаря чему в воображении воскрешается соответствующая опорная идея, которая сохраняет прямое соприкосновение с архетипами коллективного бессознательного. Однако прагматический текст предлагает не «рабочую идею», а по-шаговую инструкцию, житейскую рекомендацию, деловую характеристику. Он дегероизирован и, более того, деритуализирован, подчеркнута внеидеологичен и фактологичен. Но это не значит, что прагматический текст преднамеренно отключается от контактов с коллективным бессознательным или, вообще, не нуждается в них. Скорее наоборот. Прагматический текст воплощает спонтанное роение массового мышления. Вся его структура, все его параметры и характеристики настолько приближены к рече-мыслительным образованиям на уровне здравого смысла, что он вполне органично вплетается в ткань саморегуляции повседневного понимания и привычного поведения. Парадоксальным образом это подтверждает знаменитый курьез-эффект, когда радиопостановка по мотивам широко известного фантастического романа вызвала массовую панику только потому, что транслировалась как стандартный репортаж в прагматическом стиле: «В памятный сентябрьский день крупнейшая радиокорпорация США “Коламбия бродкастинг систем” (Си-Би-Си) внезапно прекратила свои передачи. “Видимо, произошло что-то важное”, - говорили американские радиослушатели и ждали новостей. И сообщения не заставили себя долго ждать. Они были одно сенсационнее другого. Сначала: “Таинственная вспышка на Марсе”. Через пять минут еще более ошеломляющее: “Высадка военного десанта марсиан в штате Нью-Джерси” (между прочим, никто из слушателей не обратил внимания на такую сверхфантастическую скорость перелета марсиан). Затем последовал бюллетень с места событий, а спустя некоторое время и “прямой репортаж” из Нью-Джерси. В стране вспыхнула паника: одни упаковывали чемоданы, садились в автомобили и мчались куда-нибудь подальше, другие возводили баррикады, превращая свои дома в крепости. Так прореагировало более 30 лет назад население Соединенных Штатов на радиопостановку по мотивам романа Г.Уэлса “Война миров”»²⁴.

²³ Кривицкая А., Пронин Е. Идеино-нравственные основания журналистского текста // Радянський журналіст. Львов, 1986. 15 мая.

²⁴ Коробейников В. Идолы века. М., 1972. С.26-27.

Глубинный механизм такого рода эффектов массовой коммуникации (а не в столь курьезных проявлениях они случаются чаще, чем принято думать) состоит в том, что в прагматическом тексте события предъявляются предметно, т.е. как нечто реальное, с чем приходится иметь дело практически²⁵. И тот, кого они касаются лично, реагирует на сообщение как на реальность: целостно, во всеоружии психики, включая глубинные структуры бессознательного. В обостренных ситуациях возникает то особое психическое состояние, когда восприятие мгновенно переходит в импульсивное действие, минуя стадию осознания переживаний и планирования поведения. Как психо-социальный эффект творчества-в-процессе-коммуницирования это даже более стремительный, нежели «АГА-переживание», прорыв препоны между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным. Получается, что в едином тексте прагматический подход к актуальным событиям может возбуждать архаические паттерны психики, потому что предметное предъявление, словно реальный стимул, провоцирует деятельностную реакцию. Но прагматический текст как бы предлагает и алгоритм самой этой деятельностной реакции, поскольку специально предъявляет предмет в таком ракурсе, чтобы его практическая значимость стала настолько самоочевидной, что решение бы «само приходило на ум», а поведение оптимизировалось, словно по автопилоту. Далее это алгоритмизированное предметное предъявление может детализироваться. Над ним могут надстраиваться целые цепочки оценок, обоснований и рекомендаций, требующих от реципиента ответственного выбора, самостоятельных решений и сознательного поведения. Но исходным посылом прагматического текста и концентрированным выражением его смысла остается алгоритмизированное предметное предъявление. Это типологическая единица прагматического воздействия, роль которой в позитивистском мышлении аналогична функциям мифемы в магическом сознании или идеологемы в сознании рационалистическом. Но если мифемы спонтанно складывались в роении коллективного бессознательного, а идеологемы порождались в творческом озарении таланта, то «квант прагматизма» - конструируется в массовом производстве, по унифицированной профессиональной технологии. Поэтому его и обозначить следует как «конструкт», то есть не спонтанно возникший, а специально смоделированный

²⁵ Анализ предметного предъявления как творческого приема журналистики см.: *Пронин Е.И.*

для предъявления предмет (образ и алгоритм), позволяющий надежно распознавать его аналоги в реальности и эффективно оперировать с ними. Очевиден инструменталистский характер «конструкта». Для него важна не общая истинность, а конкретная полезность. И, в принципе, это не гарантия, а вероятностный прогноз. Разрешающая способность данной мыслительной единицы – вне канонов дедуктивной рационалистической логики. Но можно поискать аналог в строго индуктивной логике интуиционизма, которая формировалась параллельно с философской концепцией прагматизма, как будто специально, для того, чтобы «для любой теории можно было выбрать систему, правильно представляющую результаты опыта»²⁶. Знаменательно, что интуиционистские подходы привели к тому, что одним из основных понятий теории алгоритмов стал так называемый «конструктивный объект», рассматриваемый в рамках абстракции потенциальной осуществимости. Это могут быть не только абстрактные, но и конкретные предметы, структурированные достаточно жестко, чтобы их различать и отождествлять, а главное, результативно оперировать ими. Все эти абстрактные теории, точные расчеты и строгие технологии моделирования далеки от обыденной журналистской работы. Но важно уже то, что существуют логические закономерности общего порядка, которые определяют действительность и мощь «конструктов» прагматического текста.

Однако сам по себе «конструкт» мало впечатляет, если выступает вне жизненного контекста аудитории или как частное мнение стороннего человека. Впрочем, поскольку прагматический текст является, по определению, рассмотрением актуальных явлений и событий в практическом приложении, он всегда оказывается в контексте общественного мнения. И это ключевой момент. Массовый текст любого типа нуждается в усилителе, образно говоря, синхрофазотроне, который разгонял бы элементарные частицы сообщения до скоростей, когда они беспрепятственно пронизывают глубины психики, как нейтрино вселенную, проникая в механизмы бессознательного. Для мифологического текста – это особые ритуалы, в которых апелляции к древнейшим, доинтеллектуальным еще каналам ориентации (кинестетические ощущения, обоняние, осязание, вкус, ритм) сращивают индивидуальные переживания с надличностными образами коллективного бессознательного. Для убеждающего текста – это

Текстовые факторы эффективности журналистского воздействия. М., 1981. С. 37-49.

разного рода «Учения», которые являются, в сущности, верой, то есть фиксацией коллективного бессознательного на том уровне и в тех формах, которые доступны человеку данного времени. Вера, конечно, уже не сращение, но еще непосредственный контакт личного самосознания с коллективным бессознательным. А прагматический текст резонирует в общественном мнении, которое само является состоянием массового сознания, то есть образованием надличностным; хотя и не бессознательным, но и не подконтрольным для индивида, «непробегаемым сознанием», если говорить терминологически точно. Слабо осознаваемых социально-психологических механизмов в нем много. Но предметы осмысления, можно сказать, приземленные, и рассуждения прежде всего здравые, конкретно-деловые, словно алгоритм действий в стандартной ситуации. То же самое можно сказать и о прагматическом тексте, потому что его логическая структура – суждение «здравого смысла» в философском значении термина.

Прагматические тексты структурно совпадают с бесчисленными личными суждениями, роение которых и есть процесс становления общественного мнения. Используя приводившуюся выше терминологию И. Канта, можно сказать, что «обычный человеческий рассудок», «здравый (еще не культивированный) смысл», чтобы «свое суждение как бы поставить на общечеловеческом разуме», теперь не только «мысленно обращает внимание на способ представления каждого другого», но и привлекает прагматические тексты, оперативно и бесперебойно предоставляемые технической массовой коммуникацией как оценки и советы авторитетных специалистов.

Благодаря своей оперативности, бесперебойности и системности поток прагматических текстов способен структурировать и даже регулировать общественное мнение. Но это возможно только в том случае, если аудитория доверяет своей прессе, представляет себе журналистов как настоящих профессионалов, людей дельных и не поступающих интересами среднего класса. Отсюда следует, что прагматические тексты достигают полной эффективности и становятся основным носителем информации там и тогда, где и когда сформировался средний класс, установилось активное общественное мнение, и журналисты заботятся о том, чтобы выглядеть не «высоколобыми прожектерами» и не «про-

²⁶ Гейтинг А. Интуиционизм. М., 1965. С. 18.

дажными писаками», а житейски тертыми и в глубине души порядочными людьми. В этом, с одной стороны, скрываются опасные возможности манипулятивного воздействия целенаправленного потока прагматических текстов, с другой, – устанавливаются пределы влиятельности mass-media.

Показательный пример – по-своему знаменитое издание «Коммерсантъ». Его основатель и владелец В. Яковлев в пилотном номере своего первого еженедельника провозгласил торжественный отказ от убеждающего стиля партийно-советской печати: « “Газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но также и коллективный организатор” – это именно та формула, которой мы не хотим следовать. “Коммерсантъ” не будет ни пропагандистом, ни организатором, ни тем более агитатором. Основную задачу газеты мы видим в том, чтобы максимально полно и оперативно рассказать о событиях деловой жизни страны, тенденциях внутреннего и внешнего рынка, объяснить непонятное, показать причины и подоплеку событий, возможные перспективы их развития. Делать выводы, занимать те или иные позиции – мы оставляем читателю...»²⁷. И он добился, что в его изданиях подчеркнуто прагматический текст стал фирменным. Типовая структура «ньюс-стори», которая и в американской-то журналистике используется только в сугубо информационных жанрах, в «Коммерсанте» стала, по сути, единой моделью и для заметки, и для аналитической публикации, и для оперативного комментария, и для квартального обзора. И это не только возымело успех в аудитории, но и парадоксальным образом подтолкнуло все газеты к «опрощению стиля», соответствуя, по-видимому, важным тенденциям массового информационного мышления в пост-коммунистическом обществе. На волне успеха стал выходить «Коммерсантъ-DAILY». Характерно программное заявление редакции: «Модель “Коммерсантъ-DAILY”, пилотный номер которого Вы держите в руках, была сознательно разработана и стопроцентно ориентирована под интересы и информационные потребности “new russians” – “опережающей группы” российского общества». Далее газета уточняет: это те, что «живут в России примерно на уровне европейского middle class»²⁸. Характерны также параметры, по которым распределялись данные социологического обследования целевой аудитории: «Социальный состав»; «Личный доход»; «Образование»; «Происхождение»; «Распорядок дня»; «Путь в бизнес»;

²⁷ Коммерсантъ. № 0, 1990. 12 авг.

«Самооценка»; «Отношение к возможности эмигрировать»; «Шкала жизненных ценностей»; «Духовные связи с прошлым»; «Оценка перспектив развития страны»; «Сколько их?»; «Сколько они тратят?»; «На что они тратят?». В сущности, это была продуманная попытка консолидировать нарождающееся «третье сословие» (как его понимали в редакции) вокруг своей газеты, овладеть «common sense», формируя тем самым активное и влиятельное национальное «public opinion». Были учтены новейшие рекомендации социологии пропаганды и практика моделирования качественных mass-media в США²⁹. Но не удалось сохранить классическую структуру прагматического текста. Молодые, по большей части, журналисты, соединившие в «Коммерсанте» свои таланты и перья, не заботясь о профессиональной репутации, находили способ любую информацию подать ангажировано. Это был комментарий не лобовой – тонкий, остроумный, подчас очаровательный, – но комментарий агитационный со всеми вытекающими из этого манипулятивными особенностями публикаций. Делалось так по расчету или из искренней увлеченности – не существенно. Информационная картина мира оказывалась иллюзорной. Характерно, что и в пилотном выпуске «Коммерсантъ-DAILY» собирательный портрет «новых русских» уже идеализирован. Выходило, что это люди, которые хотят возродить сословные традиции купечества и дворянства и у которых на шкале жизненных ценностей первое место занимает «благополучие детей», второе - «счастливый брак», только на предпоследнем месте стоит «личный достаток», а «умение подчинить себе окружающих» – вообще на последней позиции (!). Как тут не вспомнить едкое замечание Карла Маркса и Фридриха Энгельса: «Так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (Это его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе)»³⁰. Иллюзии тоже могут быть практически полезны и, следовательно, в прагматическом смысле истинны. Но для кого и в каком контексте? Во время тестирования директор АО «Евразия-металл» Н.С. Куклинов сказал не без иронии: «Я был бы очень плохим коммерсантом, если бы полагался на информацию газеты “Коммерсантъ”. Но именно эту газету я выписываю для своих

²⁸ Коммерсантъ-DAILY. №0. 1992. 7 сент.

²⁹ Ср., в частн.: Волос В.Н. Социологические исследования аудитории прессы в США //Пресса, журналист, аудитория. Л., 1990.

служащих, чтобы они с почтением относились к своему боссу»³¹. Выступая на научно-практической конференции «Журналистика-1994» (МГУ, 1995) редактор газеты «Финансовые известия» Д. Мурзин заявил, что «деловой прессы в России как не было, так и нет», а «бизнес-издания: “Коммерсантъ-DAILY”, “Деловой мир”, да и сами “Финансовые известия”, - используют экономическую информацию для пропаганды политических идей и партий». Но все это за пределами прагматики собственно middle class. И в социальном плане информационное благодушие обернулось духовным коллапсом, затянувшимся на месяцы после дефолта 18 августа 1998 года. Похоже, и сам В. Яковлев оказался в глубоком кризисе. Во всяком случае, он не сумел преодолеть финансовых затруднений, начавшихся после дефолта, и через подставных лиц продал свой издательский дом самому одиозному в России media-магнату. Во время выборов в Государственную думу (1999) «Коммерсантъ-DAILY» уже отработывал свою новую линию в стиле «яростной бульварной прессы», если применить известное английское определение. Что же касается формирования или выражения общенационального общественного мнения, то к издательскому дому «Коммерсантъ» в полной мере относится оценка, вынесенная в бюллетене Фонда защиты гласности (Москва) и Юридической школы Кардозо (Нью-Йорк) «Законодательство и практика средств массовой информации»: «Отметим беспочвенность утверждений СМИ о выражении ими воли народа или его большинства. Во-первых, зачастую мнение большинства людей не соответствуют позициям СМИ. Во-вторых, у СМИ отсутствует механизм обратной связи с аудиторией»³².

Получается, что частно-капиталистическое издание В. Яковлева оказалось чем-то в роде анахронизма из мира партийно-советской печати. Но речь не о том, что следовало перейти на стиль раннего «Плейбоя», хотя это было бы более адекватно реальному облику «новых русских». Суть в другом. Прагматический текст предполагает точную технологию журнализма, которая не допускает самоуправных отклонений от «know how», жестко реагирует на самоуверенный дилетантизм. Ей либо строго следуют, и тогда она дает результат. Либо она

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. М., 1955. Изд. 2. Т.3. С. 46.

³¹ Цит. по: Отчет о выполнении технического задания НИР по теме «Разработка типологической модели газеты Магнитогорского металлургического комбината». Магнитогорск, 1992.

³² Винокуров Г. Российская журналистика и чеченский конфликт // Законодательство и практика средств массовой информации. 1995. Вып. 3(7). С.6.

не дает результата, потому что ей не следовали достаточно строго.

Чистота обработки текстов прагматического типа – необходимый и достаточный показатель профессионализма в журналистике. Не нужно возлагать на них слишком большие надежды. Есть проблемы, которых они не решают. Есть жанры, которые не терпят прагматики. Но это самое доступное, очень надежное и вполне достойное средство, если речь идет о консолидации самосознания социальной группы, об активизации общественного мнения и, главное, о повседневной ориентации людей в колдовании событий и решении ими житейских проблем. Нужно учитывать, конечно, что «конструкты» прагматических текстов способны вызвать в аудитории самые неожиданные, в том числе, неадекватные эффекты. Но когда анализируешь значимые прецеденты использования прагматического текста в манипулятивных целях политического или коммерческого плана, убеждаешься, что это всегда извращение сути «конструкта» по чистосердечной увлеченности или аморальному расчету. И лучшим приемом контрпропаганды в таком случае становится трансляция технологически чистых прагматических текстов на ту же тему. Это наглядно видно по реестровой таблице, которая показывает, что прагматический текст регулирует прежде всего адаптивное поведение.

Прагматический текст		
Социально-коммуникативные функции	Базовые психические процессы	Выразительные средства
<ul style="list-style-type: none"> • Информационное обеспечение личной инициативы, когда основные события недоступны для индивидуального наблюдения. • Развитие самосознания и самокоррекции поведения срединных слоев общества. • Активизация, оформление и формулирование общественного мнения. • Продвижение или разоблачение общественно-политических программ. • Организация кампаний поддержки или протеста. • Распространение полезных сведений, навыков, умений... • Участие в программиро- 	<ul style="list-style-type: none"> • Ориентировочный рефлекс. • Спонтанное сопряжение сознательного и бессознательного в поведенческой реакции. • Деятельностная реакция на символический раздражитель. • Накопление опыта действий по типу St→R. • Метод проб и ошибок, как сознательно/бессознательный паттерн поведения. • Вероятностное прогнозирование и моделирование будущего. • Рационализация стремлений к обладанию, преодолению и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Презентация событий как практически значимых лично для реципиента. • Алгоритмизированное предметное предъявление. • Индуктивное умозаключение. • Деритуализация. • Композиция пошагового «ответа на вопрос» по типу программированного обучения. • Апелляция к данным статистики, прецедентам, мнениям специалистов и очевидцев. • Расположение деталей «по степени убывания важности». • Безоценочность, как бы «отстраненность» и даже

<p>ванном обучении.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Оформление и продвижение конструктов и т.п. 		<p>обезличенность стиля авторской речи.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Перебои (замедления/ускорения) темпоритма изложения и т.п.
---	--	--

Технология подготовки публикаций прагматического типа лучше, чем, что бы то ни было другое, разработана в теории журналистики. Во всех пособиях для начинающих работа над заметкой, репортажем, интервью, комментарием, выбор заголовков, составление вступлений и «lead», отделка «информативно-делового стиля» поданы так детально и практично, что не поймет только ленивый. Но классными журналистами-прагматиками становятся очень немногие. Потому что эта технология требует не просто навыка, но ума и чести.

Начать с того, что прагматический текст несет в себе практически приложимую информацию. Для дельного и думающего человека практического склада, для которого успех или провал это, собственно, и есть «стиль и качество жизни», она может стать знаком угрозы или ключом к удаче. Эмоции, которые при этом возникают, потрясают до глубины души. Психология переживания прагматического текста весьма ярко описана в одной из песен великого Высоцкого:

«...Открою “Кодекс” на любой странице...

И, не могу, читаю до конца...

Сто лет бы мне не видеть этих строчек!

За каждой вижу чью-нибудь судьбу.

И радуюсь, когда “статья” не очень,

Ведь все же повезет кому-нибудь...

И сердце бьется раненою птицей,

Когда начнешь свою “статью” читать...

И кровь в висках так ломится, стучится,

Как “мусора”, когда приходят брать...»

Это нужно соотносить с тем, что прагматический текст исторически сложился вместе с подъемом третьего сословия и по законам товарного производства, ибо, как сказал Герцен, «пропаганда, которая не окупает себя, не стоит бумаги, на которой она напечатана». Прагматический текст может вызвать широкий спрос у активных, предприимчивых и конкурентоспособных людей средних слоев общества прежде всего как полезный инструмент ориентации прак-

тического поведения. Отсюда «деловитые» установки журналистского производства: «Чтобы новость стала прибыльной, она должна быть достоверной» или «Когда комментарий аполитичен, его может купить любая партия» и т.п. Разумеется, афоризмы не исключают фарисейства. Тем более, что иллюзии тоже очень прибыльны. Но для прагматического текста существует и внешний контроль – здравый смысл людей среднего класса. Они далеко не безупречны. Своекорыстны, ограничены, полны предрассудков. Но, при всем при том, в массе своей они – главная производительная сила общества и последняя опора демократии. А вкупе, даже ярые индивидуалисты подвержены высоким порывам. Любопытно, что великий психиатр В.М. Бехтерев (1857–1927) для определения того, что он называл «реальным, хотя и физически неуловимым», «не организованным внутри себя скоплением лиц», имеющих «лишь свои более или менее общие воззрения и обычаи, но создающих, так называемое, общественное мнение», предложил многозначительное для русского ученого понятие: «Мир»³³. Мирское поведение, конечно, в огромной степени зависит от традиций, привычек и, вообще, рефлекторных процессов коллективного бессознательного. И этого нельзя сбрасывать со счетов. Иначе события общественной жизни представляются в превратном свете.

В публицистической брошюре «Великий почин» (1919) В.И. Ленин оценивает первые коммунистические субботники как «сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда», «*фактическое* начало коммунизма», доказательство истинности марксизма, средство преодоления разрухи и голода и даже путь освобождения женщины от домашнего рабства³⁴. А в монографии «Коллективная рефлексология» (1921) В.М. Бехтерев тоже анализирует первые коммунистические субботники, как говорится, по живым следам, но приходит к выводу, что невероятные (в десятки раз!) скачки производительности физического труда и сопутствующая им поголовная эйфория не были обусловлены одними сознательными убеждениями, что экстатическая напряженность сил полуголодных людей могла поддерживаться только психической энергией бессознательных процессов, и что, в сущности, это всего лишь практическое проявление неким «миром» коллективного рефлекса самосохранения. Кто и в какой степени был прав, теперь уже не существенно. Научная концеп-

³³ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград, 1921.

ция осталась втуне. А пропагандистский подход изжил сам себя. Но исторический прецедент важен тем, что делает более понятной специфику собирательного адресата, которому предназначается прагматический текст. Это особый коммуникативно-психологический феномен. Не толпа. Не община. И не «союз единомышленников». Это – аудитория самодостаточных людей, следующих общественному мнению, но с поправкой на собственное здравомыслие. Для оперативной социальной ориентации им нужен прагматический текст, что называется, в чистоте типа. И потому для репортера собственный здравый смысл становится критерием профессионального мастерства. Так же как и мораль простого человека.

Если обозреватель балуется мифотворчеством, его, в общем-то, склонны прощать как безвредного идеалиста. Когда комментатор логически обосновывает завиральную идею, он может сойти за «высоколобого интеллектуала». Но если в целях пропаганды извращаются факты, массовая коммуникация оборачивается «бумеранг-эффектом», а журналист теряет лицо. «В Манчжурской армии, - пишет участник русско-японской войны (1904–1905) Г. Мартынов, - почему-то смотрели на обман, как на одно из средств для подъема духа. Например, перед сражениями постоянно объявляли, что отхода не будет..., сообщали об одержанных нами победах, которые потом оказывались поражениями... Нечего говорить, что обман всегда обнаружится так или иначе и не может не привести к подрыву нравственного авторитета командного состава и к разочарованию вообще, за которым следует упадок энергии»³⁵.

Однако есть в этом вопросе еще один важный в психологическом отношении аспект. Классический прагматический текст требует от журналиста ума и чести. Но можно сказать и так, что классический прагматический текст дает журналисту возможность сохранить самоуважение и независимость. Самоуважение, потому что деритуализированное, безоценочное и конструктивное описание факта не оставляет места ни для заказных идей, ни для собственных предубеждений. Независимость, потому что фактологический прогноз с пользой служит всем, кто самостоятельно принимает решения, но ни для кого не создает преимуществ.

Конечно, от журналиста могут потребовать, чтобы он ввел в репортаж за-

³⁴ Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Т.39. С.5-29.

казную мифему или идеологему. Но это уже – нарушение закона о свободе слова, то есть вопрос не творческий, а юридический.

Конечно, журналистом может овладеть жажда самовыражения, или он сам захочет стать «подручным партии». Но это вопрос не творчества, а личной брезгливости.

Конечно, прагматический текст не палочка-выручалочка и не панацея информационной безопасности творчества-в-процессе-коммуницирования. Это даже не самый влиятельный, не самый престижный и не самый массовый тип журналистских публикаций. Просто его исторически сложившаяся структура настолько прозрачна и технологична, что в полной мере раскрывает общую закономерность обратного воздействия конкретного типа текста на профессиональный тонус и психическое состояние журналиста. Таким образом, появляется возможность сформулировать пятое правило техники информационной безопасности, которое тоже берет начало и находит свое завершение в психологии журналистского творчества:

Строгое соблюдение классических типов текста и фундаментальных технологий журнализма (своего рода «Работа-по-правилам») – мера самообладания журналиста и его контроля за своим психическим состоянием и профессиональным статусом.

³⁵ Цит. по: *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Петроград, 1921. С. 77.

Раздел шестой

ДРАЙВ-МЫШЛЕНИЕ И ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

«ПРЕДЛАГАЮ ВАМ
РУКУ И СЕРДЦЕ...

...А также глаза, почки и уши.

Это заголовок и подзаголовок газетной публикации о широкой, по утверждению автора, практике похищения в моргах различных человеческих органов, торговле ими и коммерческой трансплантации их в больницах Москвы. Далее в том же стиле: «И какому-то предприимчивому человеку пришла однажды в голову мысль: а чего, собственно, пропадать трупу-то»; «“Живчики”, то есть глаза, почки, сердце и т.д., пользуются сейчас все большим спросом»; «Среди клиентов – прежде всего пожилые бизнесмены и мафиози». Но все с позиций попранной морали: «А есть ли у нас еще хоть что-нибудь, что не продается и не покупается?». И с намеком на коррупцию во властных структурах: «И вряд ли кто-нибудь когда-нибудь будет за это привлечен к ответственности»¹. Причем ни одного факта, ни одной фамилии, ни одного адреса, никакой статистики или ссылок на анализ специалистов, без каких-либо разумных доводов и реалистичных суждений. Ни для осмысления проблемы, ни для практической ориентации поведения это не годится. Неконтролируемое возбуждение. Деадаптирующее перенапряжение. По науке это надо бы диагностировать как параноидальный бред. Между тем публикация структурирована очень профессионально: заголовочный комплекс, «lead», опорная идея (попранная мораль), рабочая идея (обличение беззакония), апелляция к архетипическому, доинтеллектуальному (страх расчленения), подкрепляемая ультрасовременными жаргонизмами («живчики», «бычара»), – как в лучших издательских домах. И это не индивидуальный почерк, а стандарт презентации информации, свойственный не только данному изданию.

Закономерно возникает три вопроса: Что это такое?; Почему это возможно? и Зачем это делается?.

Уже достаточно давно было замечено, что стиль, так называемой, «черной

хроники» стал быстро и широко распространяться в журналистике. Профессор Г. Манзини писал: «Сейчас все превращается в “черную хронику”: профсоюзный бой, так же как и студенческие волнения; договоры, так же как и путешествие папы в Сардинию; забастовки, так же как и уличные демонстрации. Все эти сообщения строятся по той же схеме, что и информация об убийстве: доброе начало, так сказать фон, а затем злые люди, вырвавшиеся на сцену и нарушившие порядок, и, наконец, в самый нужный момент – появление и вмешательство полиции, которая расставляет все по своим местам...»². Но это были еще цветочки. «Черная хроника», по крайней мере, придерживалась канвы событий и оставляла надежду на восстановление порядка силою государства. Но то, что предлагается в соответствии с новым стандартом, это, если воспользоваться термином американского социолога Д. Борстина, – «псевдособытия»: заказные поступки, договорные интервью, отрежиссированные демонстрации, спровоцированные высказывания и т.п., – организуемые специально для того, чтобы рассказать о них в средствах массовой информации, возбудить аудиторию, оказать влияние³. А вместо надежд на «добро», «порядок» и «силу государства» внушается вера в правомерность любых, даже явно нелепых, суждений журналистов и честность их личного поведения, даже самого неpotребного. При таком подходе пренебрежение приличиями и демонстративное противодействие властям постепенно превращается в профессиональные установки мышления и поведения. Это, конечно, противоречит традициям классической журналистики. Но соответствует практике и нравам шоу-бизнеса. Многие газеты и телепрограммы стали походить на эстрадные площадки известного пошиба. И многие журналисты захотели «петь и жить», как поп-звезды скандального склада.

Массовая газета с комсомольским анамнезом командировала двух молодых журналисток инкогнито проникнуть в здание Государственной Думы и рассказать, что же там делается ночью. Репортаж с завлекательным заголовочным комплексом: «НОЧЬЮ В ДУМЕ корреспонденты “МК” выпили, полюбили и помылись»; подзаголовками «Ключи разврата» и «Под душем у Жириновского» и фотографией, вроде бы, проституток на панели с подписью: «В полночь напротив Думы: выбирай любую! Но и в Думе в это время творятся не менее

¹ Идеальная пара. М., 1995. №3.

² Цит. по: И.Ш. Черная хроника // Демократический журналист. 1970. №10.

³ *Boursting D. The image.* N.Y., The Macmillan Company, 1963.

пикантные дела...» – разверстан на половину газетной страницы формата А2. Содержание – специфическое. Во-первых, сплетни: «Квасили до белой горячки и на диваны девок водили с Тверской, как в кабак, – сообщила буфетчица. – Подойти было страшно, тарелки убрать». Во-вторых, скабрзные диалоги: «Алик, сглотнув поставил вопрос ребром: – Как насчет секса? – Нормально. – Ну-ка, поцелуй меня для начала, покажи, на что ты способна! – Все вам будет – в кабинете». В-третьих, пикантные псевдособытия: журналистки принимают душ в апартаментах Жириновского... Ну и еще «тонкие» намеки: «Цветовыми пятнами выделялись... пара засаленных дамских шлепанцев размера эдак тридцать седьмого. Догадки насчет их принадлежности терзают нас до сих пор», - да странный апломб: «От игровой компьютерной моды думцы отстали лет на десять»; «Удобства у Владимира Вольфовича оказались хиленькие. На уровне турецкой трехзвездочной гостиницы. Унитаз безо всяких прибабасов...»⁴.

Ни фактов, ни фамилий, ни общей картины, ни, вообще, репортажа. Шоу. Но, с одной стороны, шоу это такого разряда, что не стали бы и смотреть, если бы не «про политику». А, с другой стороны, политика тут того разряда, что не стали бы читать, если бы шоу не было глумливым. Глум – вот убойная сила шоу-журнализма, которая делает этот стиль универсальным оружием информационных войн с участием самых, казалось бы, уважаемых изданий.

Гибель атомной подводной лодки «Курск» (12 авг. 2000 г.) переживалась в России как национальная трагедия. А параллельно разворачивали безоглядную информационную атаку на Президента и Верховное командование страны. Не считаясь ни с чем.

«Каждый утешает себя сам, – публикует газета «Коммерсантъ-DAILY» слова жены оставшегося на затонувшей подлодке Виктора Белогруня. – Но когда включаешь телевизор, все начинается снова. Зачем все это показывают? Ведь дети тоже смотрят! Мы не можем больше смотреть новости, где слышим, как умирают наши мужья. Живем на одних лекарствах. Это невыносимо. Почему нас не щадят?! У меня двое детей, а я не могу даже расслабиться и поплакать...». Но в газете этот крик души заверстан вместе со статей «Спасайте, кто может», списком брошенных в море аварийных подлодок под рубрикой «Подъем подводного хозяйства» и заметкой «Всплытие по-американски», где в

⁴ Московский комсомолец. 1997. 29 апр.

мажорном тоне повествуется о том, как еще в 1939 в США быстро и благополучно достали со дна субмарину, на которой тогда тоже произошел взрыв⁵.

Режиссерский замысел очевиден. Хотя намекам не хватает жесткости и однозначности, напряжение нарастает. Назревает момент последней беззастенчивости, как в стрип-шоу. И газета уже в следующем номере публикует шоковое псевдособытие. В статье «Чья честь тонет в Баренцевом море» говорится: «Между тем, все происшедшее было запланировано заранее: еще в мае главный штаб ВМФ России решил провести учения по спасению экипажа «затонувшей» атомной подводной лодки. К учениям оказались не готовы ни моряки, ни высшее руководство страны. Вчера стало возможным подвести предварительные итоги «учений»... экипаж перестал подавать признаки жизни... Все могло быть иначе, если бы спасательная операция началась не во вторник, а в субботу, когда затонул «Курск». Вполне вероятно, что этого не произошло, потому что на флоте знали о готовящихся учениях. Ведь сообщение АВН совпадает с тем, что произошло, до деталей: и время, и тип подлодки, и глубина затопления и название спасательного судна»⁶.

И важно отметить, как черту продвинутого шоу-журнализма, последнюю, в полном смысле, беззастенчивость автора. Он ничтоже сумняшея совершает профессиональный подлог. Причем, не только не скрывает, а демонстративно обнажает механизм фабрикация псевдособытия. Откровенно подтасовывает выводы. Нагромождает нелепости. Лишь бы, усугубив беду виной, получить предлог для перехода к прямым оскорблениям и облыжным утверждениям типа: «Значит, эмбарго на реакцию президента относительно “Курска” было установлено самим Путиным»; «Адмиралы будут биться за свои должности до последнего»; «Как правило, в подобных ситуациях виновными объявляются погибшие командиры» и т.п. А чтобы не оставалось сомнений в адресате, в текст, прямо под заголовок «Чья честь тонет в Баренцевом море», вверстан фотоснимок: Президент Путин в пилотке подводника сбегает с трапа судна мимо застывшего по стойке смирно матроса.

Дизайнерская находка (выбор снимка + инфографика) – на уровне символики. Режессура тоже на высоте. Беззастенчивое псевдособытие увенчивает серию превентивных шоков в предшествующих номерах: «117 ПОДВОДНИКОВ

⁵ Коммерсантъ-DAILY. 2000. 16 авг.

УШЛИ ПОД ВОДУ И не вернулись»; «Где наша не тонула» (15 авг. 2000); «Спасайте, кто может»; «Подъем подводного хозяйства» (16 авг. 2000). Обвинительные оскорбления получают подкрепление в глумливых заголовках последующих номеров: «Подлодка уходит все глубже и глубже» (18 авг. 2000); «Деньги нужны мертвым или живым» (19 авг. 2000); «КРЕМЛЬ ВЫХОДИТ НА ПОВЕРХНОСТЬ. Потому что на “Курске” никого не осталось» (22 авг. 2000). Все профессионально грамотно, четко, целесообразно.

Это трудно объяснить, если рассматривать прессу в плане «высокого общественного предназначения», «служения истине» или «социальной ответственности». Но вполне понятно, если вспомнить, что media-магнат, владеющий Издательским домом «Коммерсантъ», именно в этот период решил потягаться силами с «Кремлем». В журналистской среде к такому не привыкать. Еще в 1995 году, вскоре после заказного убийства популярного телеведущего Влада Листьева, газета «Российские вести» в статье под характерным названием: «Четвертая власть или второй шоу-бизнес?», – предупреждала: «Некоторые формы сращения бизнеса и власти (независимо от их нумерации) подпадают под научно-юридическое определение коррупции»⁷.

Но как бы жестки ни были юридические формулировки, главное здесь – уяснить, что по структуре, выразительным средствам и психологическим апелляциям нет разницы между «страшилкой» о расчленении трупов на запчасти и политическим обзором ошибок Президента. Это единый тип текста. Совершенно особенный. И вполне универсальный. Нужно признать также, что в стиле шоу удается более впечатляюще подавать не только спортивные сенсации типа того, как Майк Тайсон откусил на ринге ухо своему противнику, или обсуждение пикантных подробностей «Про это» (НТВ, 1999), но и террористические акты, вроде взрыва на площади Пушкина, и, вообще, все-все-все, вплоть до разговора о гендерных проблемах в передаче «Я – сама» (ТВ-6, 1997-1998). Отсюда вытекает, что шоу-журнализм можно рассматривать как проявление самодостаточной парадигмы мышления, выражающей определенный этап интеллектуальной эволюции человечества.

Для многих этот вывод вряд ли приемлем. Мешает социальный имидж журналиста как поборника разума и морали. Культивируется мнение, что по-

⁶ Коммерсантъ-DAILY. 2000. 17 авг.

добные тексты пишутся в угоду «простым людям», которые иначе ни читать, ни слушать, ни смотреть – не станут ничего. И примитивное фарисейство не позволяет оценить проблему во всей прямоте. Но именно тот факт, что теперь самую многочисленную аудиторию собирают бульварные газеты, иллюстрированные журналы, интерактивные радиостанции и развлекательные телепрограммы, как раз и подтверждает глобальный характер данной парадигмы мышления и ее структурирующее значение для массовых жанров и общего стиля творчества-в-процессе-коммуницирования.

Это даже в чем-то удивительно. Читатели, по большей части, иронизируют на счет «чернухи» и «порнухи». Журналисты, по большей части, сетуют, что их высокое творчество остается невостребованным. А газеты становятся желтыми, политики – скандальными, избирательные технологии – грязными... Откуда же «действительность и мощь» новой парадигмы мышления? Почему она (парадигма), вообще, могла возникнуть? И на чем держится, такая интеллектуально невзыскательная и морально неопрятная?

Кризис рационализма вызвал к жизни не только деловые философские школы позитивизма. Артур Шопенгауэр (1788–1860) родился на 10 лет раньше О. Конта и его книга «Мир как воля и представление» (1819) на 11 лет опережала основополагающий «Курс позитивной философии». По Шопенгауэру, мир наделен природным влечением к жизни, слепой и неразумной волей. А беспредельный эгоизм самого человека как высшего воплощения «воли к жизни» сдерживается лишь социальной организацией, которая представляет собой систему сбалансированных частных волей. Отсутствие смысла в этом слепом бдении волей, напоминающем традиционный образ «войны всех против всех», делает страдание неизбежным и неотвратимым. Заостряя мысль, А.Шопенгауэр называл мир «наихудшим из возможных», а свою позицию – пессимистической.

Это был, возможно, самый жесткий отказ от картезианских надежд на силу разума и честность общественного договора и один из самых ярких манифестов иррационализма (от лат. *irrationalis* – неразумный, бессознательный), ставящего во главу угла внерациональные аспекты духовной жизни человека: волю (волюнтаризм), интуицию (интуитивизм), инстинкт (инстинктивизм) и т.п., - ограничивая тем самым возможности разумного освоения мира. Строго

⁷ Российские вести. 1995. 15 марта.

говоря, прагматизм тоже мог бы считаться ветвью иррационализма, поскольку им отвергалась концепция мирового порядка и абстрактной морали. Любопытно, что обнаруживается даже формальное и содержательное сходство центрального понятия интуитивиста А. Бергсона (1859–1941) «длительность» (*durée*), в котором «акт познания совпадает с актом, порождающим действительность», и ключевой категории инструменталиста Д. Дьюи «опыт», где главное – непрерывность (*continuity*), поскольку «познаваемые вещи всегда и везде неотделимы от познающих субъектов». Но (принципиальная разница) для Д. Дьюи «функциональная сила» научной категории заключалась в ее практической полезности, а для А. Бергсона – в освобождении от «утилитарных целей». И если прагматизм просто отказался от анализа внутреннего мира человека, усомнившись «существует ли сознание» (Д. Джеймс), то иррационализм, отвергнув сознание как самообман, все внимание сосредоточил на имманентных свойствах психики: инстинктивных порывах, интуитивных прозрениях, экстаических состояниях души. Эдуард Гартман (1842-1906) опубликовал даже специальное исследование «Философия бессознательного» (1869), которое выдержало 12 переизданий.

Все философы-иррационалисты говорили об антагонизме интересов личности и социума. И все они (на этом следует задержать внимание), так или иначе, отдавали приоритет индивидуальности перед обществом. И не всегда это были пессимистические рассуждения о «неотвратимости страдания», «воли к смерти» и т.п. Согласно А. Бергсону, человек – творческое существо, через него проходит путь жизненного порыва космической силы, стремящейся к непрерывному воспроизводству себя в новых формах. И выходит, что личность и творчество выше интересов сохранения социума и традиционной морали. А в трудах Фридриха Ницше (1844-1900) личность, вообще, возносится над социумом, моралью и правом. Но это уже особая личность. «Человек – пишет мыслитель, – это то, что еще должно будет преодолеть». Путь преодоления – «воля к власти», сменившая в концепции Ф. Ницше шопенгауэровскую «волю к жизни». «Воля к власти» – это и страсть, и инстинкт, и интуиция, и жизненная энергия, словом, само бытие. Воплощение «воли к власти» – «сверхчеловек». Слово не было абсолютно новым. В средневековой теологической литературе так называли примерного христианина. Но и для Ф. Ницше это, по сути, богословский термин, только с прямо противоположным значением. Философ-иррационалист

был особого толка атеистом. Он утверждал, что «Бог умер». И новое высшее существо Ф.Ницше видел в грядущем «сверхчеловеке», который отринет пошлую современность с ее ложью, прикрываемой христианскими заповедями и заблуждениями рационализма, и сделает это с полным презрением к «посредственности», вне всяких моральных норм, с бесстрастным жестокосердием, руководствуясь только собственными «первично-жизненными», инстинктивными желаниями. По мысли философа, только «сверхчеловек» в силе и власти «воплощать счастье, красоту, добро», а остальным самой природой предназначено быть «общественной пользой, колесом, функцией. И он находит высокие категории, чтобы представить своего героя в самом сверкающем виде. Говорит не об имморализме, а о пребывании «по ту сторону добра и зла». Не о поругании, а о «преодолении». Это, в сущности, воспевание человекобога. Но это одновременно апология инстинктивных, «первично-жизненных», в конечном счете, биологических оснований человеческой природы. И потому потенциальным «сверхчеловеком» представлялась мыслителю любая сильная личность, одержимая «волей к власти»⁸.

Концепции философов-иррационалистов в большей степени были поэтическими прозрениями искусства, нежели строгими теориями науки. Анри Бергсон стал даже лауреатом Нобелевской премии по литературе (1928). Вообще, это был сложный период для любомудрия. Философия не могла уже претендовать на роль «науки наук». Она постепенно превращалась в идеологию. Ее принимали на вооружение политические течения. Кошмарные формы придавала некоторым философическим образам революционная практика ультра-радикалов. Не только ницшеанскую идею «сверхчеловека», но и концепцию «управляющей элиты» А.Бергсона усматривают исследователи в квазирелигии гитлеровского фашизма. Однако в истории науки иррационализм открыл новые горизонты.

Можно считать знамением времени, что главным предметом исследования стал отдельный человек, индивидуум, личность, «Единственный», по терминологии младогегельянца Макса Штринера (1845). Многие философские школы и крупные общественные деятели в это время проникаются идеей решающего влияния личности в развитии исторического процесса. Иррационалисты не со-

⁸ Цит. по: *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 1996.

блзнились ни пострационалистическим концепциями «разумного эгоизма», ни утопическими планами сознательного переустройства общества. Как это ни парадоксально, их заслуга состояла в том, что они прямо-таки заиклились на непрозрачных сферах психики индивида, как средоточии жизненной энергии человека, в конечном счете, биологическом ресурсе личности. Последнее особенно важно. Каковы бы ни были частные отличия различных концепций иррационализма, их объединяет в итоге скрытая биологическая метафора, обосновывающая естественные права личности и оправдывающая яростную борьбу индивида с путами и оковами моральных норм и социальных табу.

И если для позитивистов-бихевиористов было достаточно просто обозначить психику как «черный ящик», чтобы спокойно заняться изучением поведения, то иррационалисты не оставляли попыток проникнуть в тайны творчества, освещая свой путь вспышками коротких замыканий собственной интуиции. Этот путь не приносил покоя и счастья ни творцам, ни адептам. Все они в полной мере переживали боль от разрыва пуповины, связывающей индивида с социумом, так или иначе, проходили через одиночество и отчаяние, отчуждение и тоску, пессимизм и разочарование. Но не всем стало наградой пьянящее чувство освобождения от запретов, радость открытого слушания типа подросткового негативизма. Некоторые закончили тяжелой душевной болезнью. Многие становились жертвой невротических расстройств.

Духовные муки начавшейся эмансипации личности от социума, индивидуального сознания от коллективного бессознательного дали мощный толчок развитию психологии. Только теперь наука осмелилась рассмотреть динамику психической жизни в целом. И характерно, что первым сделал это врач: невропатолог и психотерапевт Зигмунд Фрейд.

Как многие гении, совершавшие эпохальный переворот в науке, З. Фрейд начинал не на голом месте. Много было сделано или названо до него. Уже были предложены термины: «бессознательное» (Э.Гартман, 1889) и «вытеснение» (А. Шопенгауэр, 1819). Уже гремела слава «Наполеона неврозов» Ж. Шарко (1825-1893) под руководством которого З. Фрейд учился снимать болезненные симптомы истерии с помощью гипноза. В судьбе будущей знаменитости сыграли заметную роль тогдашние светила психиатрии Лебель и Бернгейм. Свою первую работу о психических механизмах истерии, которая демонстрировала способность психических сил изменять биологические структуры и потому вы-

шла по своему значению за рамки психотерапии, З. Фрейд написал в соавторстве с Й. Брейером. Но он не только наследовал и учился, а преодолевал и переосмыслил, чтобы выстроить новую модель психики.

Со школьных лет З. Фрейд увлекался естествознанием и шесть лет проработал в лаборатории физиологии животных, где жизненные явления рассматривались на основе физико-химических понятий. Руководитель лаборатории был последователем Г. Гельмгольца (1821-1894), который первым измерил скорость распространения возбуждения в нервном волокне (1850) и тем самым поставил во главу угла «время реакции», развеяв предубеждение, будто нервно-психические акты как явления особого порядка совершаются мгновенно. И позднее З. Фрейд, распространив энергетические положения Г. Гельмгольца на область психологии, обрел фундаментальную основу для своего учения о психодинамике. И если раньше «бессознательное» было образным определением недоступных для разума, необъяснимых и мгновенных интуитивных прозрений или божественных озарений, то теперь оно стало предметом естественнонаучного исследования, то есть в нем предполагались некие скрытые, но реально функционирующие психические механизмы повседневного мышления, общения и поведения. Это был новый подход, равный открытию. Как мыслитель З. Фрейд совершил прорыв в предметном поле науки, выделив в качестве важнейшего направления изучение индивидуальной психологии, конкретной личности, отдельного человека. А как врач он, образно говоря, приоткрыл «черный ящик» психики, нашел способ проникновения в механизмы бессознательного.

В лечебной практике З. Фрейд решительно отказался от гипноза, чтобы сделать пациента сознательным участником борьбы с неврозом. Это повышало, прежде всего, непосредственно терапевтический эффект. Больной, поддерживаемый опытом и авторитетом врача, без смущения всматривался в пугающие симптомы и, если находил в себе мужество в полной ясности понять собственные внутренние конфликты, изживал мучительные аффекты и вновь обретал контроль над своим поведением. Но при этом достигался еще и эффект исследовательский, весьма значительный и принципиально важный. Внимание человека, направляемое диагностической изошренностью ученого, подмечало мельчайшие движения души, адекватное толкование которым давал специалист, постепенно выстраивая стратегию лечения и накапливая материал для познания

глубинных психических механизмов. Разрешающая сила нового метода оказалась огромной. Для понимания внутреннего конфликта пациента и скрытых аффективных процессов З. Фрейд сумел использовать свободно всплывающие ассоциации, оговорки, ошибки, сновидения, бесконтрольные жесты и другие, непроизвольно вырывающиеся из тьмы бессознательного, побочные эффекты работы глубинных механизмов психики. И перед психотерапевтом постепенно раскрывалась картина того, каким образом психика самонастраивается для оптимизации поведения и поддержания хорошего самочувствия.

Как лечащий врач З. Фрейд искал внутренние ресурсы самозащиты психики пациентов от невротических состояний и реакций. И прежде всего он обнаруживал процессы регулирования взаимоисключающих импульсов, смягчения напряжения, предохранения от срыва, от проникновения в сознание нестерпимого знания или постыдных влечений. Он видел, как те же самые механизмы, что оберегали душевный покой пациента, коснея, превращались в оковы, порождающие неврозы и фобии, освободить от которых могло только ясное осознание заболевшим своих внутренних проблем. Он словно воочию увидел спонтанно выстраивающиеся в психике между желаниями индивида и требованиями социума своего рода трансформаторы, которые, действуя независимо от сознания, повышают напряжение, если оно слабо, понижают и даже видоизменяют, если импульс становится чрезмерным, и назвал их «защитными механизмами».

Теория защитных механизмов с тех пор непрерывно развивается, и в настоящее время различными авторами указывается уже более сотни названий. Важно остановиться на тех, которые были дифференцированы самим Фрейдом и достаточны для понимания психодинамики личности.

Одним из первых был описан механизм **ВЫТЕСНЕНИЯ**, т.е. удаления из сознания мыслей, чувств, намерений, влечений, вызывающих внутренний дискомфорт, когда человек забывает, не учитывает, игнорирует важные моменты внешних обстоятельств и внутренних обязанностей. По Фрейду суть вытеснения состоит в том, что «нечто просто удаляется из сознания и удерживается на дистанции от него»⁹. Но, как оказалось, вытесненные в бессознательное влечения и намерения продолжают влиять на психическое и физическое состояние

⁹ Цит. по: Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика. М., 1998.

человека, порождая недопомогания и фобии, недоступные физиотерапевтическому лечению.

Генетически близок ему механизм **СОПРОТИВЛЕНИЯ**, под влиянием которого человек спонтанно противодействует всему, что может привести к осознанию вытесненного, установлению подлинного содержания внутренних конфликтов и влечений. Именно этот механизм осложняет взаимодействие психотерапевта и пациента, препятствует формированию доверительного контакта и терапевтического альянса между ними, сводит на нет все попытки психотерапевта раскрыть существо внутреннего конфликта. В повседневной жизни сопротивление приводит к консервации привычных механизмов адаптации, препятствует проникновению в сознание опыта, противоречащего доминирующей установке.

ПРОЕКЦИЯ – неосознаваемое приписывание собственных неприемлемых качеств, влечений и намерений другим людям. Проецируя, человек освобождается от чувства вины, за то, что испытывает низменные желания, и направляет возникающее негодование на других, которые якобы имеют подобные душевные качества. Активно обвиняя окружающих в эгоизме и черствости, субъект, скорее всего, скрывает от себя собственную враждебность или зависть, которые в противном случае пришли бы в противоречие с его потребностью чувствовать себя добрым человеком.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ – произвольное стремление с позиций разума или высокой морали обосновать и объяснить собственные нравственно неприемлемые замыслы и действия, вид бессознательного самооправдания. Иногда, увольняя недостаточно льстивого сотрудника, начальник может быть искренне уверен, что данный сотрудник не подходит ему по профессиональным качествам.

ЗАМЕЩЕНИЕ – произвольное перенесение внимания, чувства, потребности на какой-либо иной объект, вместо ранее желанного, но недоступного или опасного. Например, после грубого выговора со стороны начальника «срывают злость» на своих подчиненных. Или заботятся о домашних животных при отсутствии близких и любимых людей.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ – воображаемое отождествление себя с другой личностью, вызывающей восхищение или страх. Проявляется как подражание, внешнее и внутреннее уподобление, доходящее до ощущения полного слияния

духа, интересов, личностей. Сам З. Фрейд считал, что идентификация возникает в раннем детстве как уподобление родителям в процессе преодоления «эдипова комплекса» в результате последовательной смены всепоглощающих чувств восхищения – страха – преданности – соперничества – противоборства по отношению к грозному родителю-сопернику, стоящему на пути реализации влечений. Он связывал с этим фундаментальным психическим механизмом формирование внутренней морали личности и даже основные закономерности социальной жизни и культурного развития человечества. Характерно, что психиатр легко находил в творчестве самых популярных художников изначальные конфликты эдипова комплекса («Эдип-царь» Софокла, «Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского). Но аналогичный механизм легко просматривается и в житейских ситуациях, к примеру, в подражании подростков своим кумирам. Люди духовно уподобляются тем, на чьем месте хотели бы оказаться или чьим образом хотели бы укрепиться. Говорят: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом», а бывает, что генерал с гордостью произносит: «Я – старый солдат!». Однако идентификация может приобрести и разрушительный характер, ведь и жертва способна бессознательно уподобляться агрессору, что наблюдалось нередко в концлагерях, где некоторые заключенные вели себя по отношению к сотоварищам как ээсовцы, подражая надсмотрщикам настолько, что даже делали себе фашистские татуировки.

РЕГРЕССИЯ – непреднамеренный возврат на более примитивный уровень психического реагирования, когда обычные способы удовлетворения потребности запрещены или небезопасны. Невольная инфантилизация поведения довольно часто встречается в повседневном, в том числе, служебном общении. И окружающие нередко благосклонно к этому относятся. В тоталитарных обществах на этом защитном механизме надстраивается «радостное повиновение» начальству или авторитету, или «старшому». Дело в том, что регрессия одновременно означает сползание личности к более ранней фазе развития, уводит от личной ответственности за результат выбора и т.п., что снимает ощущение внутренней напряженности и вызывает особого рода удовольствие. Парадоксальным образом это выражено в песне Булата Окуджавы:

«А что не так... Какое наше дело?!

Как говорится, Родина велела...

Как славно быть ни в чем не виноватым

Совсем простым солдатом... солдатом»

Наиболее адаптивным и конструктивным механизмом защиты З.Фрейд считал **СУБЛИМАЦИЮ**, то есть спонтанный перевод энергии влечений в социально приемлемое русло, в общественно полезную деятельность и, наконец, в творческую активность. В частности, примером сублимации он считал гений Наполеона. Рассуждая в духе Фрейда, в качестве модельного прецедента, раскрывающего феномен сублимации, можно представить знаменитую «Болдинскую осень» А.С. Пушкина (1830). Тогда поэт, отрезанный холерным карантинном от любимой невесты, пережил необыкновенный прилив творческого вдохновения и за три неполных месяца создал четыре «маленьких трагедии», поэму, сборник прозаических повестей, стихотворную сказку, завершил работу над «Евгением Онегиным» и написал много лирических стихотворений.

Все эти защитные механизмы действуют бессознательно и автоматически. И становятся заметны, только когда «не срабатывают»: не справляются с перегрузками или не соответствуют ситуации. Неврозы раскрыли З.Фрейду психодинамику бессознательного. Для него даже сновидения были как бы «неврозами здоровой психики». А одну из своих основополагающих работ он с прямой гонимостью назвал: «Психопатология обыденной жизни» (1904). Это позволяло остроумно высмеять фрейдизм как «психологию неворотика», подобно тому, как в пору рационализма говорили о «психологии профессоров психологии», а позднее бихевиоризм называли «психологией белой крысы». Но какая бы доля правды не содержалась в этой шутке, З. Фрейду удалось выстроить универсальную модель человеческой психики, которая сразу стала достоянием публики, вызывая горячее негодование одних и восхищение других. Для своего нового метода З. Фрейд предложил термин: «психоанализ» (1896), который стал обозначением нового направления в медицине, в психологии и в гуманитарной науке вообще. Учениками Фрейда были самые талантливые психологи своего времени, впоследствии прославившиеся не меньше, чем их учитель, основавшие собственные психологические школы: Карл-Густав Юнг (аналитическая психология), Альфред Адлер (индивидуальная психология), Вильгельм Райх (телесно-ориентированная терапия), Фриц Перлз (гештальт-терапия), Якоб Морено (психодрама). И было еще больше тех, кто, лично не зная Фрейда, испытал огромное влияние его концепции, и среди них всемирно известные Эрих Фромм, Карен Хорни, Эрик Эриксон. То, что все они, кто раньше, кто позже, в

принципе разошлись с учителем, предложив собственные модели человеческой психики, только подтверждает насколько плодотворной оказалась исходная концепция. Нет нужды, да и не получится это, преуменьшать объяснительные возможности и психотерапевтическую силу позднейших концепций психоанализа. Но все они сохраняют точку отсчета, подобную понятию «уровень моря»: «так говорил Фрейд».

Отталкиваясь от уже известного в то время, но еще не всеми признанного факта, что существуют процессы, которые не попадают в сферу сознания, но оказывают влияние на поведение и самочувствие человека, З. Фрейд определил «бессознательное» как особый предмет исследования. Соотношение сознания и бессознательного раскрывается в центральной метафоре итоговой работы «Я и Оно», специально посвященной структуре личности (1923). Многозначительно называя бессознательное безличным местоимением «Оно» (лат. Id), а средоточие сознания «Я» (лат. Ego), Фрейд говорил: «По отношению к «Оно» «Я» подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами. «Я» же силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошастью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и «Я» превращает обыкновенно волю «Оно» в действие, как будто бы это было его собственной волей»¹⁰

В сущности, это парафраз знаменитой метафоры Платона, сравнившего разум с возницей, который правит впряженными в колесницу конями, один из которых благородные страсти человека, другой – грубые вождения. Но Фрейд полностью переосмысляет философский образ. Его всадник не управляет, а уносится неукротенной лошастью. Правит инстинкт, необузданное влечение, а разум лишь приспособливается, выбирая, по возможности, более безопасный путь. Идти против воли «Оно», направиться в противоположную сторону для «Я» невозможная задача. Всадник будет выброшен из седла. Человека в таком случае ожидают душевные и физические страдания и, возможно, даже смерть.

Согласно Фрейду и в полном соответствии с иррационализмом типа «Философии жизни», основное содержание бессознательного составляют инстинкты, обусловленные биологической природой человека. Причем Фрейд сумел

¹⁰ Здесь и далее высказывания З. Фрейда приводятся по: *Фрейд З. Я и Оно*. Л., 1924.

интегрировать разнообразные биологические потребности и свести их к двум инстинктивным влечениям: сексуальному (влечение к жизни) и агрессивному (влечение к смерти вплоть до саморазрушения), - которые метафорически связал с именами древнегреческих богов любви и смерти (Эрос и Танатос).

«Я полагаю, - говорил З.Фрейд, - что нужно различать два рода влечений, причем первый род – сексуальные влечения, или Эрос, – значительно заметнее и более доступен изучению. Он охватывает не только подлинное незадержанное половое влечение и производные от него целесообразно подавленные, сублимированные влечения, но также и инстинкт самосохранения, который мы должны приписать “Я”... Основываясь на теоретических, подкрепляемых биологией соображениях, выставим гипотезу о влечении к смерти, задачей которого является возвращение всех живых организмов в безжизненное состояние, в то время как Эрос, все шире охватывает раздробленную на части жизненную субстанцию, стремится усложнить жизнь и при этом, конечно, сохранить ее... Каждый из этих двух родов влечений сопровождается особым физиологическим процессом (созидание и распад), в каждом кусочке живой субстанции действуют оба рода влечений, но они смешаны в неравных дозах, так что живая субстанция является по преимуществу представительницей Эроса».

З. Фрейд, таким образом, подчеркивал, что нет особых различий между человеком и остальными живыми существами. Всеми правят биологические законы. Именно эти природосообразные инстинкты составляют, по его мнению, суть и конечную цель всех человеческих устремлений. Сексуальная энергия или либидо (от лат. *libido* – стремление, желание) составляет основу жизненной энергии вообще и психической энергии в частности. В основе всех внутриспсихических конфликтов и неврозов, как считал Фрейд, лежат сексуальные проблемы, нереализованная энергия либидо.

Однако движущей силой развития психики является не столько сила влечений, сколько противоречие этих влечений реальным возможностям и требованиям социума. «ОНО» как средоточие инстинктов не признает препятствий, руководствуясь только стремлением к удовольствию. А удовольствие возникает от разрядки нервного напряжения, вызванного обострением потребности. Незамедлительное и безудержное удовлетворение потребности - основной принцип действия «ОНО». Но очевидно, что потребность не всегда можно удовлетворить немедленно и бесконтрольно. Приходится считаться с реальностью, ждать

подходящего момента, искать другие способы достижения желаемого и т.п. Вот почему в лоне «ОНО» постепенно дифференцируется «Я» как такая внутриспсихическая инстанция, которая, исходя из реальных возможностей, способна приспособливать требования «ОНО» к объективным обстоятельствам.

«Я» старается также, - говорил З.Фрейд, - содействовать влиянию внешнего мира на «ОНО» и осуществлению тенденций этого мира. «Я» стремится заменить принцип удовольствия, который безраздельно властвует в «ОНО», принципом реальности... «Я» олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью в противоположность «ОНО», содержащему страсти» .

Первоначально в теории З. Фрейда основное место отводилось именно «принципу удовольствия», как бы подкрепляя известный тезис Ф. Ницше: «По ту сторону добра и зла». В последствии, однако, Фрейд убедился в недостаточности такой модели, и даже написал специальную работу «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). Он признал существование принципов регуляции морального плана и обосновал существование третьей психической инстанции: «Сверх-Я» (лат. Super-Ego). Но и здесь З. Фрейд не изменил своему принципу искать естественнонаучное объяснение психических процессов и механизмов. С его точки зрения моральные нормативы интериоризуются, переносятся внутрь личности постепенно под влиянием социальных запретов и суровых наказаний. Из страха наказания ребенок преодолевает первые сексуальные влечения, Эдипов комплекс (любовь к родителю противоположного пола). Из чувства самосохранения он идентифицируется с родителем, от которого исходит угроза наказания, и тем самым присваивает его качества, в том числе моральные требования и запреты по отношению к себе. Сформировавшийся таким образом идеал – «Сверх-Я» становится внутренним судьей и цензором мыслей и поступков человека.

«Легко показать, - говорил З.Фрейд, - что идеальное «Я» соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. В качестве заместителя страстного влечения к отцу оно содержит в себе зерно, из которого выросли все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» со своим идеалом вызывает то смиренное религиозное ощущение, на которое опирается страстно верующий, В дальнейшем в ходе развития роль отца переходит к учителям и авторитетам; их заповеди и запреты сохраняют свою силу

в идеальном Я, осуществляя в качестве совести моральную цензуру. Несогласие между требованиями совести и действиями “Я” ощущается как чувство вины».

Во многих работах З.Фрейд повторял мысль, что мораль – всего лишь специальный внутриспсихический заслон против влечений «ОНО», что в основе ее лежит древний страх кастрации заслушивание родителей и старейшин племени. Склонность человека подчиняться нравственным требованиям Фрейд считал наследием этого страха. Таким образом, жесткость «Сверх-Я» представлялась ученому даже более грозной, нежели противодействие внешнего мира.

Таким образом, З. Фрейд не только повторил, что человеком управляют инстинкты. Он показал внутреннюю динамику психической жизни, обусловленную инстинктами и влечениями. И, несмотря на явное умаление роли сознания в структуре психики, как врач он считал основой излечения неврозов именно осознание и ясное понимание внутренних конфликтов. В этом Фрейд кажется даже большим рационалистом, чем сам Декарт с его знаменитым: «Мыслью, следовательно, существую». Хотя сегодня эта вера Фрейда в терапевтическое всеисцеление разума кажется не менее наивной, чем убежденность Декарта в познаваемости абсолютной истины. Но сам Фрейд и не пытался приукрасить функции сознания в психической жизни человека:

«... “Я” является несчастным существом, которое служит трем господам и вследствие этого подвержено тройкой угрозе: со стороны внешнего мира, со стороны вожделий “ОНО” и со стороны строгости “Сверх-Я”... Как пограничное существо “Я” хочет быть посредником между миром и “ОНО”, сделать “ОНО” приемлемым для мира и посредством своих мышечных действий привести мир в соответствие с желаниями “ОНО”... “Я” не только помощник “ОНО”, но также его верный слуга, старающийся заслужить расположение своего господина. “Я” стремится, где только возможно, пребывать в согласии с “ОНО”, окутывает бессознательные веления последнего своими предсказательными рационализациями, создает иллюзию послушания “ОНО” требованиям реальности даже там, где “ОНО” осталось непреклонным и неподатливым, затушевывает конфликты “ОНО” с реальностью и, где возможно, также и со “Сверх-Я”. Будучи расположено посередине между “ОНО” и реальностью, “Я” слишком часто подвергается соблазну стать льстецом, оппортунистом и лжецом, подобно государственному деятелю, который, обладая здравым пониманием действительности, желает в то же время снискать себе благосклонность общественного мнени-

ния... “Я” подвергается опасности третирования и смерти. Когда “Я” страдает или даже погибает от агрессивности “Сверх-Я”, то судьба его подобна судьбе протистов, которые погибают от своих собственных продуктов разложения».

Фрейд излечивал душевные болезни, но существования души он не признавал. Биологизация мотивов и побуждений позволяла отвергнуть власть верований, без пиетета говорить о святых понятиях и сакральных запретах. Дело не в том, что были свергнуты боги. Это и раньше случалось в истории цивилизации. Но на смену старым богам приходили новые. «Неистинные» религии уступали место «истинным». Психоанализ же взглянул на религию как на производное самой психики, «продукт ее разложения», по выражению Фрейда. Это придавало психоаналитикам гордость и пафос богоборцев. Неприятие Фрейдом любого рода религии отличалось чисто богословской истовостью и бескомпромиссностью. Это был его собственный «символ веры», мировоззренческая основа и стержень концепции. Психоанализ, собственно, и был богоборчеством. Только теперь это была борьба с «Богом внутри человека».

Упрощенно терапевтическую схему З. Фрейда можно представить так: Невроз возникает из-за депривации конкретных влечений, которые вытеснены в бессознательное, потому что считаются предосудительными. Чтобы вылечиться, человек должен осознать и принять данные влечения как факт. Этому мешают моральные запреты, с детства входящие в плоть и кровь «Я» и вызывающие внутреннее сопротивление осознанию. В ходе лечения пациент должен осмыслить, если хотите, уверовать, что он, действительно, прежде всего биологическое существо, стремящееся к удовольствию, а все нравственные идеалы лишь защитные образования, древний страх пресловутой кастрации, сейчас уже неактуальный и потому излишний. Подготовленный таким образом человек сможет преодолеть защитные механизмы, научиться строить свои отношения с другими людьми без глупых страхов и ложных ожиданий и тем самым изживет невроз. Особая простота такой схемы сильна была тем, что оставляла максимальную степень свободы для таланта врача, его опыта и гуманности. Теория Фрейда открыла ворота для новых открытий в психологии и положила начало психотерапии как таковой. Психология впервые проявила себя как действенный инструмент в решении сложнейших внутриспсихических проблем.

Концепция Фрейда сразу стала достоянием публики, вызывая горячее негодование одних и вдохновляя других. Трехслойная структура личности:

«ОНО» – «Я» – «Сверх-Я», - стала восприниматься как универсальная модель чуть ли не любого феномена духовной жизни. В качестве важнейшего двигателя человеческого поведения и душевных порывов было признано стремление к удовольствию, то есть удовлетворению биологических потребностей. Все духовные ценности стали рассматриваться как защитные образования, предназначенные только для регуляции социальных отношений и, как правило, в ущерб самой личности. По большей части эти рассуждения исходили из приоритета индивидуальных потребностей, а социум рассматривался как сила враждебная личности, подавляющая «Я». Так формировалось и рефлексировало себя в научных обобщениях сознание, стремящееся эмансипироваться от социума, отменить все возможные табу и следовать непосредственно инстинктам. Этот тип сознания пытается опираться на биологические механизмы организма и проявляет себя как **драйв-мышление** (от англ. drive – непреодолимое влечение, спонтанное движение).

Термином «драйв» в биологии называют инстинктивные побуждения, свойственные простым организмам, возникающие самопроизвольно и неподдающиеся контролю. К драйвам относятся все фундаментальные физиологические потребности: в пище, воде, свете, движении, продолжении рода и т.п. Регуляция поведения при этом представляет собой простой механизм разрядки напряжения и лучше всего описывается бихевиористской схемой $St \rightarrow R$, когда подходящий стимул запускает действие, направленное на немедленное удовлетворение потребности. Поведение человека, особенно автоматические реакции, связанные с поддержанием функционирования организма, не противоречат такой формуле. Однако в таких случаях роль мышления ничтожна. И под **ДРАЙВ-МЫШЛЕНИЕМ** понимаются не просто рефлексы. Это не обозначение для инстинктивных форм поведения, которые были, есть и будут у человека всегда, при любых парадигмах мышления. **ДРАЙВ-МЫШЛЕНИЕ – это осознанное следование принципу удовольствия как единственному ориентиру поведения вследствие отрицания социальных запретов и предписаний, табу и идеалов, долга и ответственности.**

Строго говоря, «принцип удовольствия» не только реальный, но и объективно необходимый элемент глубинного механизма выживания, изначально присущий организму. И на всех этапах развития общества возникали религиозные секты и философские школы, которые во главу угла ставили принцип удо-

вольствия, стремление к наслаждению, гедонизм (от гр. *hēdōhē* – наслаждение). Согласно древнегреческой еще трактовке гедонизма, наслаждение и есть высшее благо и основной закон человеческого поведения. При этом под наслаждением могут пониматься как чувственные удовольствия (Аристипп, 5-4 вв. до н.э.), так и отсутствие страданий, безмятежность (Эпикур, 341-270 до н.э.). Попытки гедонистического обоснования самой морали предпринимали и гиганты рационализма (Гоббс, Локк). Но теперь речь шла даже не о разрыве, а о противопоставлении принципа удовольствия и принципа морали.

Механизм гедонистического поведения и в самом деле достаточно прост и доступен. Но многообещающие теоретические расчеты и прогнозы современных гедонистов в экспериментальных исследованиях выглядят удручающе. Широко известны опыты Дж. Олдса с лабораторными крысами, которым вживлялись электроды непосредственно в ту область мозга, которую называют «центр удовольствий». Крыса получала возможность самостоятельно активизировать этот участок мозга разрядами тока, нажимая на рычаг, замыкающий электрическую цепь. Оказалось, что наслаждение, получаемое таким образом, заменяет все: и реальную пищу, и отдых. Крысы нажимали на рычаг непрерывно, доводя себя до полного изнеможения и даже гибели.

Первичные эмоции, вроде ужаса или удовольствия, имеют рефлекторную основу. Любое существо, раз испытав наслаждение, пытается снова и снова повторить ощущение, иными словами, «найти рычаг». Самостимуляция и поиск все новых рычагов, способных вызвать удовольствие, составляют суть драйв-мышления, которое черпает энергию в биологических влечениях индивидуального бессознательного, но неожиданно попадает в физиологическую ловушку. Существует объективное явление утомления нервных центров и угасания реакции при многократном повторении воздействия. Привыкание и пресыщение достигаются очень быстро, и человек начинает искать все новые и все более сильные раздражители. На этом пути он рано или поздно переходит от поиска наслаждений к поиску сильных ощущений. А наиболее сильные ощущения, как выяснилось, дает не то, что вызывает удовольствие, а то, что возбуждает страх: боль и смерть. И это вторая физиологическая ловушка, которую не может миновать драйв-мышление. Боль - единственное ощущение, которое не угасает и не ослабевает при постоянном воздействии раздражителя. Болевые рецепторы не знают адаптации. Также трудно адаптироваться к страху смерти. Инстинкт са-

мосохранения способен активизировать сверхмощные витальные силы организма. И тут третья ловушка драйв-мышления. Уже психофизиологическая. У человека есть еще одна потребность, по силе равная потребности в самосохранении. Это потребность в самоуважении, в высокой самооценке, в поддержании идентичности своего «Я». Угроза унижения, «потеря лица», распад «Я» – то же, что смерть. Моральные страдания – то же, что боль. В погоне за сильными ощущениями драйв-мышление вовлекает человека в ситуации, где ему придется переживать либо страх боли и смерти, либо страх унижения и моральных страданий. Так возникает то особое психическое состояние, которое современный психолог, социотерапевт Н.Ю. Борисов называет «гедонистическим риском», то есть неконтрольное влечение к опасности ради сильных ощущений. В интересной по исследовательскому материалу работе «“Гедонистический риск” в неформальных молодежных объединениях» он выделяет четыре ступени реализации влечения к опасности:

1. Участие в реальной опасной ситуации (драка, хождение по канату над пропастью и т.п.)
2. Наблюдение реальной опасной ситуации (коррида, уличные беспорядки, состязание по кик-боксингу, петушиные бои и т.п.)
3. Наблюдение за имитацией опасных ситуаций (жесткий репортаж, натуралистические видеофильмы, театрализованные постановки и т.п.)
4. Участие в имитации опасных ситуаций (аттракционы типа «американские горки», прыжки со страховкой, военные игры и т.п.)

Очевидно, что ни одна из этих ступеней сама по себе не заслуживает проклятий. И даже, к примеру, драка не обязательно предосудительна. Но гедонистический риск может превратиться из разового, преходящего переживания в форму жизни. Согласно мнению социотерапевтов, девиантное (отклоняющееся) поведение не только подростков, но и взрослых зачастую связано с механизмом поиска возбуждений. Гедонистический риск лежит в основе субкультуры криминальных и неформальных группировок (панков, рокеров, фанатов и др.), широко использующих различные формы и прямой, и ритуализированной агрессии. Основное содержание их деятельности – создание опасных ситуаций, вызывающих психическое напряжение, эмоциональный взрыв, социальный стресс. Шокирующая демонстративность панков, бессмысленные столкновения

футбольных фанатов и т.п. – всего лишь попытки извлечь максимальный аффект из угрожающей или удивляющей ситуации.

Гедонистический риск, становясь основным мотивом, приводит к существенным изменениям личности. Н.Ю. Борисов выделяет даже «синдром гедонистического риска», для которого характерны:

- Трудности *субъективного* выделения цели. Даже самому себе человек не может и не пытается объяснить свое поведение, вред которого он зачастую осознает (наркоман, азартный игрок и т.п.).
- Трудности *объективного* выделения цели. Внешняя «бессмысленность», «бесцельность» действия, то, что называется «doing nothing».
- Склонность к нарушению правил, агрессивному, провоцирующему поведению. Сюда относятся также многие формы «протестного» поведения.
- Повышенная возбудимость сильных отрицательных эмоций, взрывных по типу протекания, как-то: гнев, ярость, паника и т.п.
- Отсутствие стабильных интересов, скачка идей, немотивированная перемена занятий, беспорядочное переключение внимания.
- Культивирование первобытного стереотипа «мужского» поведения: жестокость, грубость, стремление к доминированию, «право силы», «скородействие» без раздумий и колебаний. Именно в «маскулинных» группах: панков, рокеров, бритоголовых и пр., - наиболее широко задействован механизм гедонистического риска.

Как показывают наблюдения и исследования, гедонистический риск затрудняет развитие потребностно-мотивационной сферы, поскольку сверх сильные витальные эмоции конкурируют со всеми остальными, вытесняют и подавляют иные интересы и переживания¹¹. Возникает либо «заколдованный круг», когда гедонистический риск, являясь следствием интеллектуальной и эмоциональной неразвитости и сопутствующего им чувства скуки, сам же усугубляет эту неразвитость, препятствует дифференциации и развитию мотивации. Либо гедонистический риск, проявляясь как вторичное образование вследствие утра-

¹¹ См.: Борисов Р.Ю. «Гедонистический риск» в неформальных молодежных объединениях. // Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений. М., 1988; Файн А.П. Специфика неформальных подростковых объединений в крупных городах. См. там же.

ты смысла, постепенно приводит к деградации мотивационной сферы и поведения.

Особого внимания заслуживает факт, что гедонистический риск достигает предельной напряженности именно в групповом взаимодействии. В этом случае механизм угрозы самооценке превалирует даже над инстинктом самосохранения, потому что групповое давление заставляет человека действовать заданным образом, не оставляя возможности для индивидуального выбора. Так создается парадоксальная психологическая ситуация, когда индивид, повинаясь «принципу удовольствия» утрачивает индивидуальность. Поэтому механизм гедонистического риска так тесно связан с возникновением «негативной идентичности», со стремлением, как иногда выражаются, «быть ничем». «Негативная идентичность», в интерпретации крупнейшего психоаналитика современности Эрика Эриксона (1902-1994), проявляется как неспособность принять на себя позитивную роль в социуме, добиться общественного признания, и погруженность в ощущение отверженности¹². Чувство отверженности, в свою очередь, как бы дает право на нелояльность к обществу, враждебность по отношению к окружающим и отрицание социальных норм как таковых. Защитный механизм проекции срабатывает таким образом, что внутреннее самоотвращение, возникающее вследствие неспособности личности следовать нравственным установлениям («Сверх-Я»), воспринимается как отвержение идущее извне, от общества, и вызывает «ответную» агрессивность ко всем и вся. И в том числе к себе. Так, одним из признаков негативной идентичности является глумливо-горделивое присвоение себе эпатирующих, явно отрицательных, неблагозвучных и неприятных прозвищ, самоопределений, принципов: «отбросы», «ночные волки», «отморозки», «беспредел», – и демонстрация соответствующего поведения.

Наличие сильных отрицательных эмоций в структуре гедонистического риска неизбежно. Никогда, если вдуматься, очевидность абсолютности смерти, полного исчезновения личности, без надежды на возрождение и духовное воскресение не вставала перед человеком в такой ясности и жесткости. Отказываясь от «вечных ценностей», человек лицом к лицу, без буфера нравственных принципов и духовных гарантий встает перед проблемой угнетения и смерти.

¹² См.: Эриксон Э. Кризис идентичности. М., 1998.

Как биологическое существо человек конечен и смертен, но в отличие от животных может сознавать это в каждый момент своей жизни. Если он чувствует свою приобщенность к чему-то непреходящему, великому и вечному будь то: Природа, Община, Бог, Идея, Дело, – к тому, что, по словам Э. Эриксона, «значит больше, чем его собственная жизнь», человек несет в своих сакральных ценностях ощущение бессмертия и вечности: вечности возрождения природы, вечности рода, вечности Бога, вечности души, вечности добра, справедливости и т.д. Отсюда разнообразные формы предощущения бессмертия, которые переживаются индивидом в своем следовании морали «Сверх-Я», от вариантов биологического бессмертия (в потомках) до бессмертия души и непреходящей ценности свершений. Этого лишено гедонистическое сознание и драйв-мышление, и нет более мрачного и безнадежного мироощущения, когда конец абсолютен, а жизнь полна случайностей.

В свете вышесказанного понятно, почему концепция З. Фрейда при своем появлении вызвала не только повышенный интерес публики, но и резкое сопротивление тех, кто рассчитывал на прогресс разума или мечтал о царстве всеобщей справедливости, кто уповал на религию или, подобно руссоистам, утверждал, что «человек от природы добр», кто ценил «тихие семейные радости» или просто страшился отчаяния. Но модель личности, выстроенная З. Фрейдом, стала универсальным рабочим инструментом гуманитарной науки, потому что многое объясняла, многое врачевала, многое прогнозировала и много находила подтверждений в прошлом. Категории «ОНО», «Я» и «Сверх-Я» обнаруживались в любом состоянии, любой личности, любой эпохи.

Антиномия смерти–бессмертия, инстинкта–духа, материального–сакрального, принципа удовольствия–принципа реальности стояла перед человеком всегда, и периодически высвобождался то один, то другой полюс, никогда не побеждая окончательно. Периодичность, можно сказать, цикличность таких колебаний особенно заметна по средневековью, когда мистическая и порой удушающая атмосфера истовой религиозности и жесткой сословности раз в год взрывалась неудержимым, стихийным карнавалом, поощрявшим крайнюю разнузданность нравов и даже кощунство в отношении церковных обрядов и иерархов. Карнавальная жизнь была в полном смысле «перевернутой реальностью». Королем избирался дурак, речь перестраивалась на фамильярно-площадной лад, серьезность и чинность уступали место глумлению, а скром-

ность и самоограничение сменялись обжорством и сексуальной распущенностью. Церковь пыталась и не смогла запретить карнавалы. Они продолжались, несмотря на угрозу казней и пыток.

Что в психологическом смысле представлял из себя карнавал, становится ясно, если вспомнить, что одним из центральных образов-масок народного действия была ... смерть. Вообще мотивы биологических отправления, сексуальности и смерти царили на карнавале, и для людей на все это время исчезали все табу. Каждый ощущал себя частью биологической природы, что называется, «по ту сторону добра и зла», и в порыве экстаза жизнь снова оказывалась изначальным хаосом, а смерть неотъемлемой ее частью. Принцип удовольствия становился единственным ориентиром, поиск наслаждения – единственным занятием. Снятие сакральных табу и ограничителей превращало человека в биологическое существо и вместе с радостью непосредственного существования открывало шлюзы страха: страха последнего конца, страха неопределенности и хаоса. И этому космическому страху, по словам выдающегося культуролога XX века М.М. Бахтина, (1895-1975), противопоставлялась не вечность духа, а материальное же начало в самом человеке¹³.

Но вот на что следует обратить внимание. Все знали, что карнавал в строго определенный день закончится. Все знали, что жизнь вернется в привычное русло, но потом в строго определенный день карнавал начнется заново. Это был традиционный цикл, близкий круговороту времен года, но всякий раз требовалось сознательное переключения психики. И всякий раз она безотказно переключалась. Казалось бы, люди владели ситуацией. Но на самом деле, ситуация овладевала людьми. Психоанализ позднее и на совсем другом материале описал неподконтрольную часть такого механизма переключения, зафиксировав, что, если сознательное «Я» временно снимает свои защитные механизмы, то это ведет к переходу на дологический («первичный» по терминологии Фрейда) тип мышления, присущий бессознательному, где господствуют Эрос и Танатос, борются «влечение к жизни» и «влечение к смерти»¹⁴. Но отсюда можно сделать еще и вот какой вывод: карнавальное погружение в хаос не приводило к необратимым последствиям в психике, потому что действовал внешний регуля-

¹³ См.: *Бахтин М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.

¹⁴ См.: *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1925.

тор – ритуал карнавального действия: время и порядок шествий, набор масок, сценарий интермедий типа «Выборы короля дураков» и т.п. Ритуал карнавала был «религией наизнанку», но, тем не менее, религией, в том смысле, что связывал людей, активизируя четкие комплексы надличностных архетипов коллективного бессознательного, придавая индивидуальным переживаниям общинную значимость, а потому и непреходящий смысл. Обыденная религия и «религия наизнанку», каждая со своей стороны, на бытовом уровне разряжали напряжение психоисторической антиномии средневековья, поддерживая баланс природного–духовного, смерти–бессмертия, желания–необходимости, в конечном счете, бессознательного–сознания...

Рационализм означал всемирно-историческую попытку только опереться на одну сторону антиномической природы человека – сознание. Как уже говорилось, последующее разочарование в способности человеческого разума защитить от хаоса, обеспечить порядок и смысл существования, вызвало желание отказаться от порядка и смысла вообще, прежде всего, в теоретическом плане. Природное начало в человеке стало рассматриваться как единственно достоверный факт. Но пути назад уже не было. Если рационализм стал выражением эмансипации от внешнего мира, то психоанализ вел к эмансипации от мира внутреннего. Вследствие отчуждения и десакрализации интрапсихических ценностей, которые теперь представлялись как продукты психической защиты (по Фрейду) от страха смерти и социального давления («угрозы кастрации» или остракизма), распадались «базовые иллюзии»: бессмертия, справедливости, богоустроенности и осмысленности мира, – бывшие основой психической адаптации. Через осознание своей конечности и незащищенности человек подходил к осмыслению случайности, хаоса, влечения...

Базовые категории сознания претерпели очередную трансформацию и легли в основу новой картины мира и весьма специфической парадигмы мышления:

Принципиально важно, что и позитивизм и инстинктивизм отказывались от трансцендентных абсолютов (в виде Бога или истины) и нравственного императива. Место духовных абсолютов (истины или Бога) заняли эмпирические достоверности: успех (у позитивистов) или смерть (у гедонистов). Императив перестал быть средоточием сакральности и понимался как физическая необходимость: практическая выгода (у позитивистов) или потребность в удоволь-

ствии (у гедонистов). Гуманизм, основанный на обожевлении человека: его разума, великодушия, справедливости и т.д., – скептически переосмысливался, временами переходя в воинствующую мизантропию. Мир не воспринимался более как разумный (упорядоченный и богоподобный) и потому перестал быть антропоморфным в глазах ученых, многие из которых переживали это как личную утрату. Но, строго говоря, антропоморфным переставал быть не только мир, но и человек, который тоже утратил разумность, и предстал как вместилище или орудие стихийных природных сил, изначально чуждое нравственности и какого бы то ни было альтруизма. Оба главные психологические течения того времени: бихевиоризм и психоанализ, – при всем внешнем различии, пытались рассматривать человека с позиций в равной степени неантропоморфных. Бихевиоризм перешел на изучение животных, рассматривая их как психологический аналог человека. Психоанализ сконцентрировался на исследовании биологических инстинктов у душевнобольных, лишенных возможности контролировать свои влечения, экстраполируя затем свои выводы на психику всех людей и народов. И нельзя упускать из виду, что и те, и другие добились поразительных научных результатов.

Позитивистская линия дала начало современному релятивистскому мышлению, основанному на принципах относительности, дополнительности, стохастичности, вероятности. Вне этого подхода невозможно было бы открытие виртуальных частиц, создание квантовой теории, анализ порождающих грамматик, разработка искусственных языков программирования...

Линия иррационализма дала начало новой психологии, превратив ее в эффективный исследовательский и терапевтический инструмент, применимый как в индивидуальном, так и массовом порядке. Психические процессы и их влияние на социальную реальность стали теперь предметом объективного изучения и даже программирования, лишаясь при этом какого бы то ни было антропоморфизма. Следствием многочисленных психологических и кросс-культурных изысканий такого рода стало осознание нравственной автономии личности (самостоятельный выбор моральных правил вплоть до формирования собственной квази-религии) и толерантность к иным системам и взглядам; развитие изошренных методов промывания мозгов и овладение приемами социальной защиты от манипулятивного воздействия; укрепление суверенности индивидуального сознания по отношению к коллективным процессам и ухудше-

ние коммуникабельности... Как видно, каждое из новообразований – антиномично. Например, десакрализация механизмов психической регуляции приводит, с одной стороны, к дегуманизации, к глубинной манипуляции и психотеррору, а с другой, – к эмансипации от коллективного сознания и социального контроля, к защите суверенности личности и, в итоге, интериоризации великой концепции прав человека. Причем обе стороны неустранимы. Развитие их может идти параллельно, вызывая сшибки сознания, порождая как адекватные, так и неадекватные реакции.

С чисто научной точки зрения парадигма собственно драйв-мышления исторически бесперспективна. Это слепая ветвь. Своего рода аппендикс. В качестве самодовлеющего умонастроения драйв-мышление приводит к безграничному гедонизму (сексуальной распущенности, наркомании, анархии) и самоуничтожению (отчаянию, безнадежности, суициду). Как преходящее состояние в момент релаксации, стресса, подросткового созревания, «карнавала», кризиса, революции – оно способствует смене идентичности, сбросу невыносимого напряжения через кратковременный возврат к собственной биологической природе. Долговременное пребывание в этом состоянии равнозначно затянувшемуся наркозу – можно навсегда утратить сознание и саму жизнь. Это относится как к отдельному человеку, так и к социуму в целом. Закат всех цивилизаций сопровождался активизацией гедонистических теорий и господством драйв-мышления в массовой среде. В некоторых случаях это способствовало смене культурной парадигмы (исторической идентичности социума) и приводило к воцарению новых идеологем, как правило, аскетического характера, отрицающих ценность чувственных наслаждений в пользу сверхчувственного, трансцендентного. Классический пример – закат античности, падение Римской империи и превращение христианства во всеевропейскую религию.

В теории здесь все меньше оставалось вопросов, но на практике проблема только обострялась. А главное, процесс стал массовым. Путь от буржуазных революций к современной демократии, от «третьего сословия» к «среднему классу», от индустриального бума к пост-индустриальному обществу потребления сопровождался бурным ростом числа вовлекаемых в общественные пертурбации людей. Все становилось массовым: конвейерное производство, профессиональное обучение, политические движения, поп-искусство и прочее, и прочее, и прочее. Но психологически самое важное заключалось в том, что человек

получал множество вариантов выбора, и выбор его по определению был свободным. Ни община, ни религия, ни идеология, ни экспертиза не имели права официально запретить или насильственно отменить личное решение. И это в корне меняло психо-историческую ситуацию, как бы сильны ни были традиции. Дело в том, что к этому времени на самые главные из «проклятых вопросов»: «свобода вероисповедания», «выборность власти», «отмена сословных привилегий», «всеобщее образование», «защита собственности», «поддержка личной инициативы и предприимчивости» и т.д., – уже был дан приемлемый ответ. Фигурально говоря, принцип реальности позволял теперь переключиться на принцип удовольствия. Разумеется, не для всех и, разумеется, не в периоды экономических кризисов, военных конфликтов и революций. Но все-таки вышедший на авансцену истории массовый человек мог выбирать не способ выживания, а стиль жизни. А это выбор – свободный и личный, можно сказать, интимный, на основе собственных желаний. Сознание как бы отодвигает на второй план императивы коллективного бессознательного, религии, идеологии, опыта и прислушивается к импульсам индивидуального бессознательного. Но в индивидуальном бессознательном, описанном Фрейдом как «ОНО», властвуют инстинкты и биологические влечения. Удачные способы реализации влечений (как найденные интуитивно, так и предварительно продуманные) закреплялись в устойчивые паттерны мышления, общения и поведения. Драйв-мышление спонтанно овладевало личностью. Оно не только соблазняло, но и развивало потребности, изощряло мысль и дрессировало волю. И в полной мере свою действительность и мощь драйв-мышление обнаруживало, становясь главной парадигмой массового сознания. Тогда оно превращалось в решающий психологический фактор потребительского рынка, всеобщих выборов, массовой культуры, государственной идеологии, общественной нравственности, коллективных акций и всенародных переживаний. Но только в том случае, если хаотическое переплетение личных влечений и «собственных удовольствий» закручивалось в однонаправленный поток под влиянием вождя, популярного лозунга, поветрия моды или другого гиперактуализированного фактора массовой коммуникации. Все это коренным образом переменяло сам тип творчества-в-процессе-коммуницирования, и пресса окончательно превратилась в mass-media.

Прежде всего, следует отметить, что резко расширилась аудитория, и журналистика стала массовой не только по принципу воздействия, но и по типу

читателя. И оказалось, что структура читательских предпочтений массового человека иная, чем традиции образованных сословий. Поначалу казалось, что это имеет чисто коммерческое значение, и для расширения тиража газеты модифицировали содержание и стиль подачи применительно к вкусам потребителя. Появились «бульварные журналы», а потом и «желтая пресса». Разумеется, сразу же появились критики, которые заговорили о «развращении масс» буржуазной печатью. Однако находилось и высокоидейное обоснование. «Желтая пресса двинула человечество и научила его читать. Конечно, я знаю, вы скажете: “Она научила людей читать отрывки, статьи и скандальные истории”. Это так. Но что они читали до того, как я научил их читать, хоть что-нибудь? Вы думаете, они читали “Таймс” и Шекспира? Они ничего не читали! До меня им нечего было читать,» – говорит герой первого романа о журналистах под характерным названием «Калибан» media-магнат Бульмэр, прототипом которого был лорд Нортклиф, заложивший основания «яростной бульварной прессы» Великобритании¹⁵. Впрочем, эти споры не могли иметь существенного значения, так как очень скоро стало очевидно, что без mass-media общественная жизнь теряет управление. А потому и для элитных кругов тоже издаются журналы и газеты, в которых политическое фрондерство и интеллектуальные завихрения перемежаются с фривольным репортажем и эротическими изысками. Иногда подобные издания выполняют важную политическую функцию. К примеру, парижская газета «Подсадная утка» (Le Canard enchaîné) без стеснения публикует самые скабрёзные сплетни, а свой политический комментарий ведёт во фривольно-юмористическом стиле, забавно и безответственно. Но то, что в «Подсадной утке» публикуется как непроверенный слух, на завтра разбирают как реальное событие самые солидные газеты, на том только основании, что это уже было опубликовано. И получается, что откровенно бульварный журналчик задаёт тон, как бы дирижирует хором «качественной» прессы, позволяя выносить на общее обсуждение не только альковные, но и политические тайны и подвохи. Впрочем, это скорее исключение. Правило же демонстрирует пресловутый «Playboy», который поначалу перемежал «картинки» выступлениями ведущих политиков, ученых и писателей (опубликовал, к примеру, интервью с Фиделем Кастро, на что не решился бы тогда ни один другой журнал), но постепенно

¹⁵ Джордж У. Калибан. Л., 1926, с.321-322.

превращался в банальное секс-ревью. Суть состояла в том, что массовизация прессы потребовала переориентации творчества-в-процессе-коммуницирования. «Средний мужчина или женщина не читают газету с целью получения инструкций, поучений или знаний, но главным образом для того, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно событий дня,» - сформулировал Райер С. Йост новую творческую установку, ставя во главу угла апелляции к индивидуально-бессознательному читателя¹⁶. Сложился новый тип текста. И оказалось, что он примитивнее, чем все предшествовавшие, потому что влечения и страхи людей более схожи и менее разнообразны, чем их верования, идеи или умозаключения. Но зато он массовиднее всех предшествующих, потому что влечения и страхи есть у каждого.

Универсальность структуры нового типа текста поддерживалась его подчеркнута развлекательной направленностью. Речь велась, казалось, о вещах внеидеологичных, даже внедуховных, бытовых, о заботах отдохновения и нескучном времяпрепровождении, что нужно каждому, и, в той или иной степени, интригует всех. Но оказалось, что ничто так не унифицирует мышление, общение и поведение людей, как массовые развлечения, игры и демонстрации. Наступил, по меткому выражению С. Московичи, «век толп», когда на массовых митингах закладываются «судьбоносные» виражи политики, а в массовых зрелищах ищут решения любых духовных проблем. «Револьвер-журнализм» бульварной прессы подоспел тут как нельзя более кстати. И новый тип сообщения, основной функцией которого, как представляется журналистам, стало развлечение, удовольствие, наслаждение, можно назвать **гедонистическим текстом**, который полностью соответствует структуре и динамике драйв-мышления.

На этой основе выросла особая концепция журнализма, расходящаяся с просветительской, рационалистической школой «газетоведения», да и с прагматической «теорией новости». Мол, совсем не обязательно писать о том, что практично, разумно и осмыслено. Мол, важна не передача информации, а достижение форс-мажорных состояний и острых ощущений: стресса, потрясения, фрустрации, ужаса, экстаза. К примеру, лучшее время на телевидении отдается конкурсам с большими выигрышами («Поле чудес», «Своя игра», «Пойми ме-

¹⁶ Цит. по: Основные принципы журнализма // Журналист. 1925. № 10. С.26.

ня»), шоу с элементами риска для участников («Форт Байярд», «Империя страсти», «Последний герой»), ток-шоу, муссирующие прежде запретные темы, («Про это»), хит-парады, конкурсы красоты, шокирующие ситуации и несуразицы («Скандалы недели», «Вы – очевидец»), устрашающие репортажи («Криминальная хроника», «Дорожный патруль»). В прессе и на радио те же принципы реализуются с меньшей наглядностью, но с большим цинизмом, включая использование нецензурной лексики. Конституирующая особенность, стержневой момент гедонистического текста – эпатаж: стремление подать как высшее удовольствие нарушение табу, осмеяние ценностей, выход за рамки норм и законов и т.п., - подкрепляемый сверхсильными материальными раздражителями: демонстрацией больших выигрышей, картин страдания и смерти, порнографией, ненормативной лексикой и т.п. В предельном выражении это выводит гедонистический текст за грань допустимого в массовых коммуникациях. Но адепты драйв-мышления, раз начав, не могут остановиться, потому что гипер-эксплуатация естественных потребностей и механизмов саморегуляции организма сопровождается реакциями перерождения. Даже когда приходит ясное понимание последствий. К примеру, статья «Теплая хватка порна» в «Московском комсомольце» состоит, по сути, из медицинского диагноза и жалоб жертв болезни: «Психологи описывают “пристрастие” к изучению заочного полового акта как процесс, когда человек настолько привыкает к этому, что все другие потребности полностью вытесняются. “Картинка” вызывает и психологические, и химические изменения в организме... Однажды вы просыпаетесь и понимаете, что уже не можете жить без этого... Это как наркомания, - я понимаю, что это мне не нужно, но желание слишком велико. Тянут уже не журналы, а порожденные ими фантазии... Кошмар в том, что они начинают меня физически мучить. Вся остальная жизнь осталась за бортом...»¹⁷. Но это не предостерегло общественно-политическую (!?) газету ни от живописания секс-скандалов, ни от «исповедей» мужчин-стриптизеров, ни от употребления как новомодных, так и старорусских названий некоторых частей тела, ни от рекламы «интим-услуг».

В массе своей журналисты отнюдь не пресловутые «девушки без комплексов». И активность газет, где «комплексов» не больше, чем у забора, кото-

¹⁷ Поэгли В. Теплая хватка порна //«Московский комсомолец». 1993. 10.окт.

рому все равно, какие на нем написаны слова, – провоцирует внутреннюю конфликтность во всем пишущем сословии. Отсюда попытки заглушить моральный дискомфорт демонстративной издевкой, площадной риторикой, циническими прогнозами, в конечном счете, глумлением над всем и вся. Так в гедонистическом тексте появился коронный признак – **глумливость**, благодаря которой журналисты свысока, как бы третируя «низкие истины», лично им чуждые и омерзительные, живописали подробности, «срывали покровы», разоблачали и витийствовали. Но журналистский глум – не только благопристойное прикрытие предосудительного умысла или примитивного цинизма. Прежде всего, это санкция на бесцеремонность в общественных отношениях, почти что легализация коммуникативного суда Линча, официальная индульгенция на любые ответные оценки и поступки, которые вызовет гедонистический текст, возбуждающий драйв-мышление массы людей. Отказаться от такого соблазна психологически очень трудно. Почти невозможно. Но с этого момента гедонистический текст из безобидного развлекательного чтения превращается в коварное средство, чреватое информационным насилием, духовными и политическими манипуляциями.

Но следует понимать, что глум не изначальное качество гедонистического текста, а свойство специальное, придаваемое сознательно для достижения манипулятивных эффектов. Оно надстраивается над основными механизмами апелляции к индивидуальному бессознательному, которые могут действовать сами по себе и которые могут быть охарактеризованы через описание конкретных текстообразующих принципов.

Это, прежде всего, **десакрализация** (развенчание, профанация, опошление) фундаментальных духовных ценностей и культуuroобразующих символов социума. Модельный прецедент – дискуссия в популярном еженедельнике: «Зоя Космодемьянская: героиня или символ?» Начало ей положила статья «Уточнения к канонической версии», в которой утверждалось, что партизан «ориентировали на осуществление тактики выжженной земли», что ущерб наносился не оккупантам, а мирным жителям, что мученическая смерть юной девушки была бессмысленной и т.п.¹⁸ «Редакция предполагала – реакция читателей будет неоднозначной», но, опубликовав два документально обоснованных протеста,

¹⁸ См.: Уточнения к канонической версии // Аргументы и факты. 1991. №38.

газета основное место предоставила слухам и версиям, которые невозможно проверить, но из которых следовало, что, во-первых, никакого подвига не было («Девушка эта шла ночью из леса, замерзла и, подойдя к сараю, где были 2-3 немецкие лошади, решила отдохнуть. Часовой поймал ее и привел в хату»), что, во-вторых, немцы сами партизанку не пытали («Старушка Зою била скалкой за поджег»), что, в-третьих, подвиг был, но совершила его не Зоя Космодемьянская («...когда увидела в “Комсомольской правде” фотографию казненной девушки... Я сразу узнала в ней Лилю А...») и что, в конце концов, у героини было не все в порядке с психикой («Перед войной в 1938-1939 г.г. девочка по имени Зоя Космодемьянская неоднократно находилась на обследовании в Ведущем научно-методическом центре детской психиатрии...»). Характерно и редакционное резюме по итогам дискуссии: «От себя добавим только одно – без сомнения, девушка, погибшая в Петрищеве, приняла нечеловеческие муки, и как бы ее ни звали, ее будут помнить. Ее и других, известных и безымянных, положивших жизнь на алтарь Победы. Другое дело – насколько оправдана была эта жертва»¹⁹.

Приемы десакрализации жестки и откровенны. О них можно судить уже по заголовкам публикаций:

- «Уточнения к канонической версии» – поиск теневой стороны в героическом поступке и высоком характере;
- «Наташа Ростова – секс-бомба XIX века» – сведение к скабрёзности шедевров искусства;
- «Секс по-христиански», «Я хотела уйти по Чуйскому тракту в буддийский монастырь...(исповедь особо опасной рецидивистки)» – уравнивание, нивелирование высокого и низкого;
- «Вперед, к победе чего-нибудь!» – огульное опошление идейного подхода к реальности;
- «Жрец любви», «Жена купила меня за штуку баксов», «Обоих убил я», «Русь голубая» – приведение к обыденности аморальных или противоестественных действий и феноменов;
- «Новые технологии суицида», «Место окончательной регистрации граждан (Репортаж из морга)», «Кладбищенская коммуналка. (На столичных пого-

¹⁹ Цит. по: Зоя Космодемьянская: героиня или символ? //Аргументы и факты. 1991. № 43.

стах евреи соседствуют с мусульманами)» – включение темы смерти в ряд житейских и политических проблем;

- «Грядут новые испытания для автовладельцев», «Лекарство оказалось заражено бактериями», «Руки у чекистов, наконец, станут чистыми» – пресечение надежд на социальные инициативы и структуры.

Но какие бы приемы десакрализации ни применялись, сюжетно они выстраиваются по принципу **нарушение табу (отказ от запрета, пренебрежение правилами, выход за границы)**. Это проявляется в предпочтении асоциальных тем, ненавязчивом оправдании отклоняющегося поведения и подспудной привлекательности образов «непонятных и тонко чувствующих» гомосексуалистов, террористов - «настоящих мужчин», маньяков с «трудным детством» и т.п. Поиск смягчающих обстоятельств и «нестандартных» мотивов – первый этап размывания социальных табу, отступное по отношению к еще живым идеалам. При этом могут использоваться отдельные, наиболее важные элементы прежней системы ценностей: гуманность, терпимость, права личности, свобода самовыражения, справедливость и т.п. Однако содержание этих понятий размывается и целенаправленно искажается, так что садо-мазохистские практики, например, предстают как реализация свободы выбора («Про это», НТВ), террор – как акт справедливой мести (репортажи о бесчинствах боевиков Басаева в Буденновске в «Московском комсомольце» и на НТВ, 1995), а убийство – как следствие социальной нетерпимости и непонимания («Расплакался и рассказал, как убивал мать» //«Опасный возраст»,1999). Спутанность понятий достигает уровня глубокого хаоса, грань между добром и злом исчезает, возникает ощущение, что «полная жизнь» – это только жизнь нарушителя норм и границ.

Энергетическую подпитку процесса обеспечивает **принцип актуализации инстинктивных влечений** путем непосредственного называния или картинной демонстрации предметов и действий, способных вызвать рефлекторное возбуждение. Упоминание, комментирование и, особенно, наглядное предъявление или детальное описание эротических поз, актов самовластия, насилия, унижения, и, вообще, беспредела, сцен отчаяния и гедонистического риска, пачек «бешеных денег» от удачи, добычи или стяжательства – провоцирует неконтролируемые биологические импульсы и раскачивает паттерны просоциального поведения. На бессознательном уровне не существует слов «нет» и «нельзя». Каковы бы ни были установки и ценности человека, он не может не отреа-

гировать, поскольку срабатывают безусловные рефлексы, а в итоге и высшие психические функции подвергаются, можно сказать, перерождению снизу. Не случайно во всех культурах и цивилизациях существуют свои правила приличий, ограничивающие свободу проявления некоторых чувств, запрещающие название и демонстрацию особо эротических или кровавых образов. Это облегчает людям возможность самоконтроля и доверительного общения с окружающими.

Актуализация инстинктивных влечений плавно переходит на уровень **провоцирования витальных страхов**, и это следующий принцип структурирования гедонистического текста. Из фундаментальной потребности в самосохранении (физическом и моральном) проистекает страх смерти, боли, страданий, унижений. Столь же изначальна потребность в самоутверждении и проистекающая из нее внешняя активность и агрессивность. А неконтролируемая агрессивность вызывает бессознательное чувство вины, проявляющееся в нарастающих страхах преследования, одиночества, незащитности. Поэтому провоцирование витальных страхов может быть как прямым (демонстрация ужасающих сцен боли, мучений, издевательства и т.п. в расчете на «эффект присутствия»), так и косвенным (нагнетание чувства вины, внушение боязни расплаты за собственную агрессивность и т.п. в расчете на «эффект приобщения»). Интенсивно используются те формы, которые предполагают, так сказать, реальное участие представителей аудитории: всевозможные конкурсы, лотереи и викторины, где можно выиграть крупную сумму и самоутвердиться, а можно проиграть и даже потерять лицо (например, если есть без ложки или петь без сопровождения, как в одном из шоу Л. Ярмольника, или раздеваться при всех, как в шоу Н. Фоменко «Империя страсти»). Новейшие приемы интерактивных теле- и радиопередач у всей, практически, аудитории создают ощущение непосредственной и деятельностной вовлеченности в события, и суперсовременный «эффект участия» воскрешает в электронных mass-media атмосферу коллективных магических ритуалов древнейшей массовой коммуникации.

Однако несмотря ни на какие ухищрения, все стимулы, не имеющие реального жизненного значения, не находят действительного подкрепления и быстро утрачивают возбуждающую силу. Условный рефлекс угасает, интерес затухает, эмоции не возбуждаются... И тогда возникает потребность во все более сильных раздражителях. Это приводит к тому, что репортажи становятся все

более жесткими и кровавыми, эротика непосредственно переходит в порнографию и садизм, тон публикаций изменяется от пикантных намеков и ханжеских сожалений до грубо циничного вторжения в личную сферу самого читателя, зрителя, слушателя... Так, например, в пост-советский период первые статьи о женщинах легкого поведения писались в ключе: «Ах, как это постыдно!». Затем вместе с новомодным словом «путана» в публикациях появились подсчеты: «Как много они зарабатывают!». И, наконец, последовала позитивная оценка: «Какие это дает неожиданные ощущения». Табу снималось постепенно. Но по мере того, как оно исчезало, спадала и сила эмоционального возбуждения. И оказалось, что собственная сила эротических символов не так уж существенна и быстро вызывает пресыщение. В свое время еще Лифтон и Ольсен отмечали, что в западном обществе, где секс больше не табуируется, особо возбуждающей стала тема пресечение жизни и похорон, и даже назвали это явление «порнографией смерти». Заголовки в российских политических и развлекательных газетах типа: «У Мавроди иммунодефицит», «Художникам труп оказался не по карману», «Как знаменитый колдун убивал свою любовницу» – показывают, что такова общая тенденция шоу-журналистики.

В гедонистических публикациях обычно взаимодействуют несколько текстообразующих принципов, и нарушается несколько табу сразу. Например, на одной из теле-презентаций гостям предложен был торт в виде весьма реалистично изображенного трупа Ленина в гробу в натуральную величину. Торт был разрезан и съеден присутствующими перед телекамерой... По форме, это воссоздание ритуального убийства и поедания племенного тотема на первобытном стойбище. Или – материализация пресловутого «комплекса Эдипа», как объяснял З. Фрейд эксцессы «конфликта поколений», воспроизводящие, по его мнению, запрограммированную в бессознательном архаическую практику коллективного убийства сыновьями отца на почве сексуального соперничества. А может, просто имитация элементарного каннибализма. Но в любом случае это доведение текстообразующих принципов до уровня **кощунства** (оскорбления религиозных, идеологических, нравственных, личностных чувств людей), что следовало бы определить как предельное выражение гедонистического риска.

Гедонистический текст доводит до предела все противоречия, конфликты и комплексы драйв-мышления, высвечивая наиболее темные и загадочные его области. Раскрываясь таким образом, драйв-мышление довольно быстро исчер-

пывает свой потенциал, приводя духовную сферу к состоянию изначального хаоса. И когда табу разрушены воцаряется, так называемая, хаос-культура, драйв-мышление утрачивает свое значение в системе коллективного выживания, но продолжает свою работу на уровне отдельных индивидуумов, уже не способных измениться.

Периодические кратковременные возвраты к драйв-мышлению и стихии инстинктивной жизни похожи на приливы и отливы. И здесь самое главное – вовремя всплыть. Известно, что большинство бывших хиппи стали обычными членами общества, обзавелись семьями, обрели достойный социальный статус, стали почтенными гражданами и родителями. Но 20 % сгинули навсегда, от наркотиков и характерных болезней, так и не сумев выбраться из своих «комьюнити». Психологи утверждают, если к 20 годам молодой человек так и не вышел из состояния гедонистического риска, ему вряд ли удастся вернуться к нормальной жизни. Но до поры риск и протест против социальных табу является естественной формой самоутверждения, необходимым этапом развития индивидуальности и культуры в целом. Получается, что десакрализация духовности, идеологии и культуры открывает дорогу и к возрождению (становлению новых ценностей и новой духовности), и к самоуничтожению. Причем оба этих момента совпадают, если речь идет о смене поколений или эпох. Но не всегда возрождается тот, кто погиб. Чаще всего на авансцену выходят уже новые люди, которых не коснулся опыт разрушения табу.

В 1993-1996 гг. Психологическая служба газеты «Российские вести» анализировала процесс смены поколений в ходе перестройки. Один из выводов весьма характерен: «Идеология застоя была психологически обречена, потому что действительно талантливая и нравственная молодежь не хотела иметь с ней ничего общего... Рок-музыка нейтрализовала эстетическое воздействие охранительного искусства. Рок-движение стало одним из сильнейших факторов, сформировавших в молодежной среде что-то вроде идиосинкразии ко всей системе официальных ценностей... Другое дело, что идиосинкразия – это, все-таки, болезнь. И сейчас рок-движение напоминает огромный полевой лазарет после отчаянной и плохо подготовленной атаки. Хорошо, если десятая часть сможет без невосполнимых духовных потерь возвратиться из зоны культурно-нравственного нигилизма. Самые благополучные – вожаки. Глядя на рок-кумиров, думаешь, что почти у всех почти все в порядке. Но сочтем ли когда-

нибудь тех, кто стал наркоманом или прямо из подростковой «качалки» перешел в тюрьму, кто покончил самоубийством или просто впал в прострацию, к семнадцати годам исчерпав свой жизненный потенциал? Посмотрим на вещи прямым взором; тут не на что уповать и уже некого воспитывать. Здесь осталось место только для милосердия. Но если бы это и было ПОКОЛЕНИЕ, заглохла б, как сказал поэт, нива жизни. К счастью, никакие крестовые походы не могут соблазнить всех детей поголовно»²⁰.

Приведенная цитата интересна еще и тем, что бросает свет на проблему резонанса гедонистического текста в широкой аудитории. Это вопрос не простой. Драйв-мышление опирается на влечения индивидуального бессознательного. И хотя биологические механизмы «ОНО» у всех однотипны, конкретные комплексы индивидуального бессознательного у каждого личные, а невротические реакции, вообще, по-своему уникальны. И сам по себе гедонистический текст вызывает веер несовпадающих реакций, хаос мнений, влечений и поступков. Чтобы стать направленным и массовым, воздействие должно опираться на коллективные паттерны и способы мышления, общения и поведения, благодаря которым биологически неповторимые индивиды психологически соединяются в общем переживании, словно собирательный субъект. Для «мифологического текста» такой опорой служат ритуальные обычаи; для «убеждающего» – постулаты Учения; для «прагматического» – установки общественного мнения. Характерно, что и гедонистическая публикация непременно обращается либо к религиозным ритуалам, либо к идеологическим учениям, либо к общественному мнению. Но в нигилистическом, глумливом смысле. Демонстративное нарушение канонов, законов или приличий, словно рискованный трюк циркача, встряхивает инстинкты всех и каждого, и оттенки чувств при этом не так уж и разнятся. «Общее наблюдение» соединяет людей, стремящихся к развлечению, и, вызывая интерес к повторению, консолидирует собирательную личность того типа, характеризуя который, В.М. Бехтерев писал: «Скопление не организованное внутри себя, но организованное в своей цели, мы называем публикой»²¹. Показательно, что знаменитый советский режиссер С. Эйзенштейн для обозначения, как он выразился, «единицы действенности театра» использовал выразительный термин: «аттракцион», по его словам, «подвергающий зрителя чув-

²⁰ Поколение – это кто? //Российские вести. 1996. 19 апр.

ственному или психологическому воздействию, опытно выверенному и математически рассчитанному на определенные эмоциональные потрясения воспринимающего, в свою очередь в совокупности единственно обуславливающие возможность восприятия идейной стороны демонстрируемого»²². Отсюда следует, что, если зрелище само по себе превращает разрозненных людей в «публику», то массовое зрелище, организуемое как «монтаж аттракционов», способно унифицировать паттерны переживания и поведения, вступая во взаимодействия с другими mass-media. И это будет уже другого типа собирательная личность, да и люди – внутренне другие. Упомянувшиеся выше контр-эффекты рок-движения стали возможны потому, что рок-музыка как явление быта сама несла в себе удовольствие, сама была наградой за самое себя и давала музыкантам полную финансовую независимость от любых социальных и тем более официальных структур. Получается, что резонатором гедонистических текстов является не что иное, как шоу-бизнес, т.е. система массовых зрелищ, организуемых на принципах драйв-мышления. А чисто развлекательные издания, студии и программы сами становятся разновидностью шоу-бизнеса с точно такими же аттракционами.

Но предмет рассмотрения гедонистического текста это не только развлечения, конкурсы и риск. Предметом может быть все, что угодно: религия, политика, торговля, образование, право и т.д. Гедонистический текст – это способ осмысления реальности, подобно мифологическому, убеждающему и прагматическому текстам. Отдельные элементы гедонистического текста могут быть использованы в рамках и убеждающего, и прагматического текстов, для придания зрелищности и подключения энергии влечений к переживанию отвлеченных ситуаций. Тут важен не сам по себе аттракцион, а его способность возбудить в бессознательном определенный жизненный импульс. Поэтому интегральную единицу гедонистического общения, аналог «мифемы», «идеологемы», или «конструкта», следует обозначить как «инстигат» (от англ. instigate – провоцировать, подстрекать).

Интересна словарная семантика термина. Английское «to instigate» переводится и как 1) быть инициатором некоторого действия: «The police have instigate a search for the missing boy (Полиция начала поиски пропавшего мальчи-

²¹ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг. 1921. С. 86.

ка)»²³, и как 2) подстрекать к неблагоприятным или преступным действиям (при этом подразумевается ответственность подстрекателя): «A foreign government was accused of having instigated the bloodshed (Иностранное правительство было обвинено в подстрекательстве к кровопролитию)»²⁴, «instigated a conspiracy against the commander (подстрекал к заговору против командира)»²⁵, «to instigate workers to down tools (подстрекать рабочих ломать инструменты)»²⁶. В психологическом смысле «инстигат» – это некий специально созданный или специально используемый в данном контексте стимул (картинка, текст, видеосюжет и т.д.), способный актуализировать драйв, «запустить» инстинктивную, рефлекторную реакцию, вызвать сильные неконтролируемые сознанием чувства. Инстигат непосредственно включен в рефлекторную дугу «St→R» и как условный (символический) стимул, запускающий реакцию, и как стимул безусловный (приносящий непосредственное удовольствие), сам являющийся «подкреплением». А потому сдваиваются и реактивные состояния немедленного наслаждения, и моделирование практического поведения. Тем самым инстигат не только возбуждает инстинкты «ОНО», но и провоцирует образование новых комбинаций влечений и новых комплексов бессознательного, на основе которых возникают особые потребности, и закрепляются подчас невообразимые паттерны мышления, общения и поведения.

Коммуникативная функция инстигата реализуется либо как соблазн, либо как разрешение, прощение. Словно двойное дно пропаганды, он проводит на бессознательный уровень такие образы, суждения и действия, которые были бы отторгнуты здравым рассудком и нравственным чувством. И словно таможенное «Добро», он разрешает, как нечто естественное, само собой разумеющееся, такие намерения и действия, которые люди обычно скрывают из чувства стыда или страха перед законом. Инстигат не просто «возбуждающая картинка». Это, по сути, - акт признания и оправдания, своего рода индульгенция, как когда-то католическая церковь называла официальное свидетельство о полном или частичном отпущении грехов не только прошлых, но и будущих. Однако не следует сводить побудительный посыл инстигата к банальному: «Если нельзя, но

²² См.: *Эйзенштейн С.* Монтаж аттракционов //Избранные произведения. 6 т. 1964. Т. 2.

²³ Longman Dictionary of English Language and Culture. 1998. p. 681.

²⁴ Longman Language Activator. 2000. P. 185.

²⁵ The Merriam-Webster Dictionary of Synonyms and Antonyms. Massachusetts. 1992. P. 194.

²⁶ *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University

очень хочется, то можно!». Как «соблазн», так и «прощение» - понятия не только бытовые, но и сакрально-религиозные, высоко духовные, предельно идеологические. Поэтому оценка инстигата претендует на тотальность и абсолютность даже когда выражается пикантным намеком, стилистическим акцентом, «стебовым» жаргоном, глумливой остротой, оскорбительным выводом или охальным слоганом. Такая оценка всегда произвольна и субъективна. Это личное мнение журналиста, нередко сдвинутое или завиральное. Но высказываемое широковещательно, да еще с апломбом и претензией на общезначимость, оно звучит как социально санкционированный норматив. Инстигат (образ и санкция) «запускает» драйв-мышление, когда желанию следуют без выяснения причин и не заботясь о следствиях, вне логики и безотносительно к истине. Однако инстинктивный порыв, охватывая массы, способен вызвать взлет энтузиазма или пароксизм протеста, решить исход голосования или судьбу революции, внести сумятицу в мысли или установить новый стиль поведения. Откуда столь очевидная практическая «мощь» драйв-мышления, если оно безразлично к реальности, т.е. очевидно не «действительно»? Гносеологический парадокс анализируемой парадигмы в том, что влечения индивидуального бессознательного, недоступные для самосознания и самоконтроля, достаточно просто распознавать и направлять со стороны. Используя метафору «двухпалатности сознания древнего грека», можно сказать, что инстигат воспринимается, хотя и не как голос Бога, Пророка, Учителя или Эксперта, но очень прельстительно, как зов Звезды, Зазывалы или Дегустатора. Драйв-мышление импульсивно отдает инициативу поведения на сторону. Поэтому появляется «толпа и герой». Поэтому «герой», вслед за Ницше, полагает, что «для посредственного существовать в качестве посредственного – счастье»²⁷. Поэтому все более примитивными становятся инстигаты (запускающие и контролирующие стимулы) манипуляции. Поэтому у «толпы» грубые вкусы. Поэтому драйв-мышление становится целью и средством воздействия манипулятивных mass-media, которые в современном обществе пытаются играть роль «героя» перед массовизированной аудиторией, как перед «толпой».

Предельные выражения этого процесса могут вызвать оторопь. Гуманистически мыслящий социопсихолог Серж Московичи даже назвал толпу «взбе-

Press, 1987. P. 442.

сившимся животным, сорвавшимся с цепи»²⁸. Но журналист не должен впадать в снобизм. И ему нельзя закрывать глаза на реальность. К предчувствиям Шопенгауэра, прозрениям Ницше или идеям Фрейда можно относиться как угодно. Но нельзя игнорировать, как выразился один литературный герой, «научно-медицинские факты». Структура личности универсальна. Драйв-мышление одна из естественных функций психики. Историческое развитие, собственно, в том и состояло, что все большее число людей требовало и получало возможность реализовывать свои инициативы индивидуально, а не в сословном, классовом или институциональном порядке. В этом смысле эпохальный документ – Всеобщая декларация прав человека (ООН, 1948). К концу XX века, как раньше гражданские, экономические или политические свободы наций и сословий, стали отстаивать личное право на инакомыслие, на акцию «в знак протеста», на отклоняющееся поведение и т.п., вплоть до «прав сексуальных меньшинств». Массовый человек больше не склонен сдерживать влечения. И широковещательная «сексуальная революция», в отличие от пролетарской, победила в мировом масштабе. Существенно отметить, что в современном мире самые заурядные акты ограничения влечений могут вызвать резонанс массового драйв-мышления, переходящий в коллективные действия такого свойства, что власти сочтут за благо просто капитулировать. Знаменитый студенческий бунт 1967 года с баррикадными боями в Латинском квартале Парижа, после которого пришлось реформировать высшее образование во Франции и полностью поменять расписание в Сорбонне, начался как протестная реакция на запрет студентам посещать общежитие студенток. Мощная составляющая драйв-мышления обнаруживается и в акциях активистов «Greenpeace», и в действиях правозащитников, и в демонстративных захватах заложников... Похоже, что без учета драйв-мышления, без опоры на инстинкт контакт с современным массовым читателем становится проблематичным, а с наиболее продвинутыми и мобильными группами, вообще, условным.

Структура и функции гедонистического текста самому журналисту могут быть глубоко несимпатичны. Но профессионалу положено различать, где чушь, которой можно пренебречь, а где суть, которую опасно оставлять без внимания. Совсем не обязательно строить редакционную политику по понятиям шоу-

²⁷ См.: *Nietzsche F. Werke. Bd. 8, 1904, S. 303.*

бизнеса. Но и не овладеть техникой включения драйв-мышления было бы непростительной халатностью. Вопрос в том, чтобы с полной ответственностью оперировать выразительными средствами, стимулирующими импульсы индивидуального бессознательного, ясно представляя себе социально-коммуникативные функции гедонистического текста:

Гедонистический текст		
Социально-коммуникативные функции	Базовые психические процессы	Выразительные Средства
<ul style="list-style-type: none"> • Информационная компенсация влечений индивида в противовес социальному ригоризму • Обеспечение необходимых колебаний жизненной антиномии: природное-духовное; мирское-сакральное; жизнь-смерть • Снятие защитных механизмов в критический период («Пир во время чумы») • Массовизация психической жизни (Формирование «публики» и «толпы») • Унификация паттернов реализации влечений в интересах идейных течений, электоральных кампаний, потребительского рынка или прямого извлечения прибыли. • Затруднение консолидации в рядах потенциального противника • Раскачивание и дискредитация существующей культурно-нравственной парадигмы • Оформление и продвижение драйвов и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Актуализация влечений индивидуального бессознательного • Биологически обусловленные эмоции (удовольствие, ужас, паника, возжеление, лень и т.п.) • Био-социально обусловленное самолюбие (образ-Я) • Био-социально обусловленное чувство родства (образ-Мы) • Культурно-исторически впитанный «символ веры» (Идеал-Я) • Гиперэмоциональные переживания превосходства или отверженности. • Состояния стресса, фрустрации, «отвязанности», остервенения, экстаза, энтузиазма, растерянности и т.п. • Риск как сознательно/бессознательный паттерн поведения • «Реакции перерождения» и т.п. 	<ul style="list-style-type: none"> • Демонстрация предметов и действий, способных вызвать рефлекторное возбуждение. • Провоцирование витальных страхов • Нарушение табу • Глум • Пренебрежение приличиями, ненормативная лексика и инфернальная проблематика • Абсолютизация теневых сторон явлений и характеров • Уравнивание, нивелирование высокого и низкого • Огульное опoшление идейного подхода к реальности • Сюжетосложение по принципу смакования подробностей насилия, физических отправлений, страдания, «потери лица», несправедливой удачи и т.д. • Пересыщение ссылками на мнения «звезд» и «гурманов» • Восторженные или негодующие оценки • Рваный темпо-ритм изложения с «выписыванием» пикантных деталей и т.п.

Проникающая сила гедонистического текста, бесспорно, велика. Но, прибегая к ней, журналисту самому не следует впасть в эйфорию. Драйв-мышление, как всякая стихия, пойдет «куда кривая вывезет». Было время, когда как новое качество спортивного репортажа воспринимались фразы: «Трудно се-

²⁸ См.: Московичи С. Век толп. М., 1998.

годня нашим ребятам... Соперник хочет победить во что бы то ни стало... Сейчас он ударит! Вот сейчас он ударит! А бить они умеют... Нельзя давать ему бить!... Ничего не оставалось делать, как остановить его, нарушив правила...». И такое говорилось даже тогда, когда транслировались встречи с заведомо слабым соперником, матч «доигрывался», а нарушения совершались машинально. Но что такое нынешний «синдром фаната»? Откуда в цивилизованных странах толпы молодчиков с размалеванными лицами, уличные погромы, поножовщина, десятки затоптанных на стадионах болельщиков? Такой «фанатизм» не возникает без искусственного подогрева эмоций, заражающего примера соседей и внутренних стереотипов драйв-мышления, которые были пробуждены импульсами массовой коммуникации и теперь выводят вовне внутреннее напряжение, порождая зачастую несообразные поступки. «Фанат» все простит «своим» игрокам, лишь бы они выиграли. И готов на все, лишь бы посрамить соперников. Возникающее при этом удовольствие от чередования нагнетания и разрядки нервного напряжения само по себе становится притягательным переживанием, которому упоенно предаются тысячи людей, не замечая неадекватности своего поведения. И шоу-журналистика транслирует теперь шествия фанатов, драки и погромы даже более детально, чем сами спортивные состязания. Дело в том, что сам журналист тоже подвластен порывам и пароксизмам драйв-мышления. Иногда это проявляется в причудливых формах. К примеру, после победы московского «Спартака» над мадридским «Реалом» тележурналист И.Ш. выразился в том смысле, что общенациональную идею России искать больше не надо, потому что вполне достаточно одного «Спартака». Если учесть, что И.Ш. в это время был пресс-секретарем Правительства РФ и вел брифинг перед телекамерами, такого класса юмор можно диагностировать как проявление неадекватности профессионального самосознания.

Переключение на драйв-мышление самого журналиста не только возможно, но и неизбежно при постоянной разработке гедонистических текстов, напряженном поиске соответствующей информации и погруженности в подобную проблематику. Так что, когда издатели утверждают, будто газеты становятся желтыми ради привлечения массового читателя, это тоже не вполне адекватная позиция. За нею - бессознательный страх обнаружить реакции перерождения. Это не всегда безвредно. И может сказаться не только снижением креативности, депрессией или разочарованием в жизни на излете творческого

пути. Все чаще наблюдаются срывы, отклонения и информационные неврозы у совсем молодых журналистов. Показательный пример, история телекорреспондента С., которая широковещательно обсуждалась в программе «Времена» (ОРТ, 12 нояб. 2000). Начиная журналистка участвовала в подготовке передач о гибели подводной лодки «Курск». Тогда в репортажах много внимания уделяли родственникам погибших моряков. Сцены горя, отчаяния, иступленного поведения и безотчетного обвинения всего и всех - заполняли экраны. С. присутствовала при особо нервном объяснении адмиралов и министров с родственниками и в этой обстановке должна была обеспечить реплики и мини-интервью для своей телепрограммы. Она даже не сразу поняла, почему к ней подошел врач-психолог и предложил свою помощь. Подумала, что он хочет дать ей эксклюзивное интервью. А для врача заметно неадекватными были ее собственные поступки. Служебная командировка привела к тому, что С. понадобилось дважды пройти специальный курс психологической реабилитации.

Гедонистическая коммуникация порождает причудливые метаморфозы личности. «Да что говорить о зрителях, - жалуется корреспондент газеты “Московский комсомолец” (!?), – когда даже у культурных людей нет чувства такта и шалют нервишки. Речь идет об уважаемом мною до 28 сентября Артемии Троицком, который в присутствии многочисленных свидетелей и работающей видеокамеры фирмы «Сорек-видео» пытался спровоцировать драку с корреспондентом «МК», автором этих строк. Вместо «здрасьте» и попытки выяснить, что же было на самом деле с Фестивалем свободы, им организуемом, грязные ругательства и рукоприкладство. Когда нет аргументов, в ход идут кулаки. И это со стороны человека занимающего ответственный пост на Российском телевидении. Но вместо статьи – применение физической силы. Стыдно и глупо...»²⁹.

Это не значит, что нужно подавлять в себе любой импульс драйв-мышления. Для человека это невозможно. А для журналиста это еще и неразумно. Массовость коммуникации определяется числом людей, к личным чувствам, желаниям и интересам которых она непосредственно обращена. Но если для журналиста гедонистический текст становится самоценным, приносящим личное удовлетворение или глубокую озабоченность, ему следует подумать о

²⁹ Шавырин Д. По милицейским сводкам – в книгу Гиннеса //Московский комсомолец. 1991. 1 окт.

компенсации реакций перерождения, чтобы предотвратить психический срыв или информационный невроз.

Таково шестое правило техники информационной безопасности, которое тоже берет начало и находит свое завершение в психологии журналистского творчества.

Раздел седьмой

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И СМЫСЛОВЫЯВЛЯЮЩИЙ ТЕКСТ

В 1942 году Виктор Франкл (1905-1993) заведующий отделением неврологии одного из госпиталей Вены, а в будущем психолог с мировым именем, был арестован нацистами и брошен в концлагерь. Во время ареста была конфискована рукопись уже практически законченной книги. В концлагере он тяжело заболел тифом. Пережив все несчастья, выпавшие ему на долю вместе с другими страдальцами-смертниками, он выстоял и выжил. И осмысление пережитого легло в основу созданной им новой концепции человека, исходным пунктом которой стал отказ от ортодоксального психоанализа З. Фрейда.

Франкл на собственном опыте убедился, что не витальные побуждения (стремление к самосохранению и т.п.), а нечто совсем другое давало людям и ему самому силу жить и сопротивляться обстоятельствам:

«...Когда меня забрали в концентрационный лагерь Освенцим, моя рукопись, уже готовая к публикации, была конфискована. Конечно же, только глубокое стремление написать эту рукопись заново помогло мне выдержать зверства лагерной жизни. Например, когда я заболел тифом, то, лежа на нарах, я записал на маленьких листочках много разных заметок, важных при переработке потерянной рукописи в темных бараках концентрационного лагеря Баварии помогла мне преодолеть опасный коллапс... Есть очень много мудрости в словах Ницше: “Тот, кто имеет ЗАЧЕМ жить, может вынести любое КАК”. Я вижу в этих словах девиз, который справедлив для любой психотерапии. В нацистском концлагере можно было наблюдать, что те, кто знал, что есть некая задача, которая ждет своего решения и осуществления, были более способны выжить... Существуют авторы, которые утверждают, будто смысл и ценности есть “ничто иное, как защитные механизмы, реактивные образования и сублимации”. Что касается меня, то я не стал бы жить для того, чтобы спасти свои “защитные механизмы”, равно как и умирать ради своих “реактивных образований”. Человек же, однако, способен жить и даже умереть ради спасения своих

идеалов и ценностей!»¹.

Франкл не хотел строить иллюзий и рассматривал проблему всесторонне, как врач и естествоиспытатель: «Конечно, могут быть такие случаи, когда отношение человека к ценностям на самом деле является только маскировкой скрытых внутренних конфликтов. Но такие люди являются скорее исключением из правил, чем самим правилом. В таких случаях мы на самом деле имеем дело с псевдоценностями (хорошим примером этого служит фанатизм), и как псевдоценности они должны быть демаскированы. Демаскировка или развенчание, однако, должны быть сразу же прекращена при встрече с достоверным и подлинным в человеке, в частности, с сильным стремлением к такой жизни, которая была бы настолько значительна, насколько это возможно. Если же развенчание в таком случае не прекращается, то совершающий развенчание просто выдает свою собственную потребность в том, чтобы подавить духовные стремления другого».

Это совсем другой подход. Согласно Франклу, существует достоверное и подлинное стремление человека к осмыслению мира, несводимое к «защитным механизмам Я». Более того, именно «стремление к смыслу» является основной движущей силой человека, а не фрейдов «принцип удовольствия» и не адлеровское «стремление к власти». Поэтому центральная задача психотерапии состоит не в том, чтобы разблокировать старые душевные травмы, а в том, чтобы помочь человеку обрести смысл дальнейшего существования. И это совсем другая коммуникативная ситуация, потому что решимостью проникается сам клиент, а терапевт всего лишь разворачивает альтернативы. «Поиск каждым человеком смысла является главной силой его жизни, а не вторичной рационализацией инстинктивных влечений. Смысл уникален и специфичен потому, что он должен быть и может быть осуществлен только самим вот этим человеком и только тогда, когда он достигнет понимания того, что могло бы удовлетворить его собственную потребность в смысле» – уточняет В.Франкл и называет свой метод: «ЛОГОТЕРАПИЯ» (от гр. *logos* – слово, мысль, разум – и гр. *therapeia* – забота, уход, лечение). И если Фрейд говорил о «психопатологии обыденной жизни», то Франкл сделал ставку на оздоровление высоким смыслом обыденности. Тем самым видоизменилось само толкование невроза. Определилось, в частности,

¹ Здесь и далее высказывания В. Франкла приводятся по: Франкл В. «Человек в поисках

понятие: «нусогенный невроз» (от гр. *nús* - ум, дух, смысл), - психический недуг, вызываемый не конфликтом влечений, а невозможностью реализации смысла, экзистенциальной фрустрацией (непреодолимыми препятствиями на пути к осмыслению существования).

При нусогенном неврозе задача психотерапевта заключается в том, чтобы проявить духовное измерение в жизни человека. И если врач не в состоянии отличить духовное измерение от инстинктивного и пытается дискредитировать интеллектуальные искания человека, сводя их, например, к неудовлетворенной сексуальности, он может совершить опасную ошибку и усугубить болезнь. Франкл показал, что ортодоксальный психоанализ с его интерпретацией невроза как следа прошлых конфликтов, приводит только «к сохранению экзистенциального отчаяния под грудой утешительных средств». Сама по себе неудовлетворенность житейскими обстоятельствами еще не невроз, а позыв к активности, своего рода предпосылка психического здоровья, ибо «человеку требуется не состояние равновесия, а скорее борьба за какую-то цель, достойную его». И как раз отсутствие такой цели вызывает состояние «экзистенциального вакуума», переживание пустоты и бессмысленности своего существования, и в конечном итоге, нусогенный невроз. Смысл жизни обретают, совершая дело (подвиг), или переживая ценностные отношения, или путем страдания. Страдание, по Франклу, не только не лишает жизнь смысла, но способствует его осознанию, потому что в максимально жестких условиях актуализируются высшие ценности человека. И прежде всего возвышается принцип самодетерминации и свободы человека, его способность встать над любыми условиями и перейти за их пределы. Так вызревает, может быть, самое проникновенное понимание сущности человека и складывается знаковое, если хотите, итоговое для XX века, представление о Душе. Для определения важнейшего момента человеческого существования Франкл находит слово, в котором соединяется мистическое и научное, которое само означает выход за пределы опыта, переход в иные сферы бытия. Это слово – трансценденция (от лат. *transcendo* – выхожу за пределы). Термин был введен в научный оборот еще средневековыми схоластами, которые даже привычные, но предельно обобщенные понятия типа «истина», «добро», «сущее» и т.п. называли трансцендентальными, имея в виду их

рассогласованность с обыденным опытом. Великий Кант использовал понятие «трансцендентный» для определения предметов запредельных по отношению к миру явлений и недоступных рациональному познанию: «бог», «бессмертие», «вещь-в-себе», - опираясь на принцип трансцендентальной апперцепции, означавшей априорно (вне опыта) возникающее единство самосознания и разработал теорию трансцендентальной логики и трансцендентальной эстетики. Можно было бы упомянуть и о философах-трансценденталистах, призывавших к «естественной жизни» человека в общении с природой. И о математических понятиях «трансцендентной функции» (типа «логорифмической» или «круговой») и «трансцендентного числа» (типа « π » или « e »). Постепенно термин стал широко распространенным общекультурным понятием высокого стиля. «Жизнь человека должна служить некоторым трансцендентальным целям» – писал, к примеру, Н.Е. Салтыков-Щедрин в массовом литературном журнале.² И из научных словарей оно перешло в толковые, передающие не терминологические, а общеупотребительные значения слова, сохранив, тем не менее, некоторый философский оттенок. И, к примеру, в английских словарях «transcendental» означает - не основанный на опыте или конкретной причине; стоящий выше человеческого знания; то, что невозможно понять посредством практического опыта, а «transcend» - выходить или быть за пределами круга человеческого опыта, реальных причин, веры, возможностей описания и т.п.³ Но для Франкла мало было сказать, что человеческое существование само по себе трансцендентально. Он стремился подчеркнуть, что человек волен совершать переход в ту или иную сторону, что это в его силах и в его власти. Он имел личные основания писать: *«Человек, в конечном счете, преодолевает самого себя, человек – это САМОТРАНСЦЕНДИРУЮЩЕЕ СУЩЕСТВО... Вы можете предсказать перемещение машины или автомата, вы можете даже попытаться предсказать механизмы или «динамику» человеческой психики: но человек нечто большее, чем психика».* И далее: *«Человек не есть еще одна вещь среди вещей, вещи определяют друг друга, но человек, в конце концов, сам себя определяет. То, чем он станет, это наряду с ограничениями, накладываемыми его способностями и окружением, определяется тем, что он сделает из самого себя. В концен-*

² Салтыков-Щедрин Н.Е. Насущные потребности литературы.

³ Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1987. P. 918.

традиционном лагере, например, в этой живой лаборатории и в испытаниях на этой земле, мы были свидетелями того, что некоторые из наших товарищей вели себя, как свиньи, в то время как другие были святыми. Человек имеет в себе обе эти возможности, и то, которая из них будет актуализирована, зависит от его решения, а не от условий».

Есть нечто величественное в том, что ученый, прошедший через Освенцим (который был в прямом смысле «фабрикой смерти»), образно называет концлагерь «живой лабораторией», где ему в непосредственном опыте открылся феномен самотрансценденции человека. Но дальнейшее теоретическое осмысление им «испытаний на этой земле» – не менее существенно. Ведь установленное В. Франклом существование нусогенных неврозов означает, что отказ от самотрансценденции (безразлично, по слабости, глупости, трусости или соблазну) мстит за себя психическими травмами, перерождением и даже гибелью личности. А эффективное лечение нусогенных неврозов методом франкловой логотерапии, практически доказывает, что человеку свойственна внутренняя потребность в трансценденции, столь же изначальная и неизбежная, если хотите, инстинктивная, как потребность в самосохранении, самоуважении или продолжении рода.

Самотрансценденция фантастически расширяет возможности человека. В этом отношении личный опыт В. Франкла показателен, но не уникален. 26 июля 1933 года богослов и искусствовед Павел Александрович Флоренский (1882-1937) был осужден особой тройкой ОГПУ на 10 лет и из тюрьмы уже не вышел. «17 августа 1934 г.», - пишут биографы, - «Флоренский неожиданно был помещен в изолятор лагеря “Свободный”, а 1 сентября отправлен со спецконвоем в Соловецкий лагерь особого назначения. 15 ноября 1934 г. он начал работать на Соловецком лагерьном заводе йодной промышленности (йодпром), где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более десяти запатентованных научных открытий и изобретений». «Трагическое окончание жизни осознавалось П.А. Флоренским как проявление всеобщего духовного закона», – подчеркивают биографы, приводя строки из последнего письма этого замечательного человека: «Ясно, что свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями» (1937). Но тем более убедительно звучит заключительный аккорд биографии: «На самом деле трагична не судьба Флоренского, а трагично время, в

которое он жил, трагична культура, которая оказалась неспособной вместить в себя мыслителя, священника и ученого»⁴. У летчика Алексея Маресьева были ампутированы ступни обеих ног. Но он вернулся в строй, участвовал в воздушных боях и сбил еще несколько фашистских самолетов. Для подвижничества такого рода одной «сознательности» маловато. Нужна глубинная устремленность, на которую отзываются все силы души, все фибры тела. Характерный в этом отношении пример – история А.И. Солженицына. После освобождения он ощутил себя обязанным рассказать миру все, что знал о сталинских лагерях. Но вскоре, еще ничего толком не написав, он узнает, что болен и что у него – рак. Нетрудно представить, какого интеллекта, мастерства и мужества потребовал от писателя опубликованный через много лет «Архипелаг ГУЛАГ». Но как объяснить факт, что организм бывшего «ЗК» преодолел практически неизлечимый недуг?

Психологическое открытие В. Франкла, добытое опытным, чтобы не сказать экспериментальным, путем, было теоретически предсказано, словно бы вычислено Карлом Ясперсом (1883-1969) еще в 1931 году. Тогда в Европе ученые-гуманитарии подводили духовные итоги Первой мировой войны. Многие ощущали себя на развалинах цивилизации. Ни одна из привычных парадигм мышления не обеспечивала эффективного поведения в лишившемся порядка, антигуманном мире. Книга О. Шпенглера (1880-1936) «Закат Европы», предрекавшая гибель культуры и «наступление нового варварства», стала философским бестселлером двадцатых годов. Книга К. Ясперса «Духовная ситуация эпохи» была даже реалистичнее в анализе и жестче в прогнозе. Изучая состояние массового сознания, автор пришел к выводу о неизбежности тоталитаризма. Но Ясперс сохранил философский оптимизм. Он понял, что тоталитаризм, в конце концов, рухнет, встретив неодолимое препятствие в самом феномене личности, потому что человек, даже когда не в силах предотвратить трагические повороты истории, в глубине души верен своим убеждениям, живет и действует так, как будто отстаиваемые им принципы могут восторжествовать в будущем. Такова судьба-призвание человека, его самобытная самость или экзистенция (от лат. *exsistentia* – существование), нечто определяющее глубинное переживание субъектом своего открытого миру бытия. В этом человек – каков он

⁴ Цит. по: *Игумен Андроник (Трубачев), Флоренский П.В.* Павел Александрович Флорен-

есть, в отличие от того, что думают о нем другие и чем он кажется себе самому. Это подлинное бытие, в котором человек, по словам Ясперса, «трансцендирует от себя, как эмпирической индивидуальности, к себе, как самобытной самости»⁵. Экзистенция как существование – конечна. Но сознание собственной смертности и несовершенства вынуждает человека стремиться к вечному, к чему-то имеющему надвременное значение. И потому ощущение неустранимой конечности становится источником подлинной духовности в критические моменты жизни, а «пограничные» или «предельные» ситуации, когда человек оказывается перед трагическим выбором, выступают как время подлинного бытия, когда трансценденция к самобытной самости неизбежна и органична. А способность жить и любить с постоянным сознанием хрупкости того, что любишь, придает особую чистоту и одухотворенность переживаниям и поступкам. Отсюда уверенность философа в экзистенциальной готовности личности к подвигу отказа и самопожертвования. Отсюда его надежда на стоическое сопротивление людей неизбежным историческим обстоятельствам, противоречащим изначальной духовности человека, его стремлению к вечным, безусловным ценностям.

Работы К. Ясперса, М. Хайдеггера (1889–1976), М. Бубера (1878–1965), Н. Бердяева (1874–1948), Л. Шестова (1886–1938) положили основание философии экзистенциализма. Центральным пунктом новой парадигмы стало представление, что это у человека есть потребность в вечном и безусловном, а мир всему такому чужд. Безусловное есть только в самом человеке. Человек стремится трансцендировать за пределы своей конечности. Экзистенции, таким образом, свойственны одновременно и конечность, и стремление выйти за собственные пределы, а человек живет в предчувствии двоякой угрозы. Во-первых это, по терминологии Хайдеггера, «житейский страх», то есть опасность потерять жизнь или жизненные блага. Во-вторых, - «онтологический страх», то есть боязнь не найти своего призвания, того предназначения, которому стоило бы посвятить свою жизнь. Переформулируя описанные выше психоаналитические построения, можно сказать, что человек испытывает два в равной степени безусловных влечения: влечение к жизни и влечение к смыслу. В отличие от человека мир и даже человеческая история лишены какого бы то ни было влечения к

ский. //Литературная газета. 1988. 30 сент.

смыслу или целеполагания. Мир – это «универсальное не то» (Сартр) или даже «ничто» (Хайдеггер).

Однако бессмысленность внешнего мира делает еще значимее присущую человеку жажду смысла, стремление к трансцендированию, которое (согласно экзистенциальной концепции) оказывается важнее и сильнее влечения к жизни. Именно это преобладание духовности обуславливает абсолютную свободу человека безотносительно к внешним обстоятельствам и событиям. В каждый момент своей жизни, осознавая это или нет, человек делает выбор, исходя из своей экзистенции, ради самоосуществления. Стараясь избежать ответственности и оправдать свое поведение, человек может ссылаться хоть на божественный промысел, хоть на объективные закономерности, хоть на принуждающие обстоятельства, хоть на инстинкты, хоть вообще впасть в беспамятство, отключая собственное сознание. Однако это лишь уловки, лишь попытки скрыть полную вменяемость и свободу воли, абсолютную произвольность поведения.

Экзистенциализм сам был попыткой разрешения предельной мировоззренческой коллизии: как выжить и не потерять человеческого облика в неантропоморфном и бессмысленном мире, когда уже невозможно опереться на прежние парадигмы. Но прежде всего это был ответ на концепции гедонизма и иррационализма психоаналитического толка.

Если для иррационалиста человек прежде всего – биологическое существо, чуждое морали, духовность которого – лишь вынужденная мимикрия, обманный маневр под давлением реальности, а поведение полностью детерминировано обстоятельствами и инстинктами, то для экзистенциалиста человек – существо с имманентной духовностью и потребностью в трансценденции, а поведение его абсолютно свободно и не обусловлено ничем, кроме стремления к самоосуществлению и реализации некоего смысла. Получается, что человек ищет смысл не потому, что мир разумно устроен, а потому, что иначе жить и выжить невозможно. И тем самым гуманизм возрождается как апология разумности и справедливости, исходящих от самого человека. Но это не повтор принципов ренессанса. Во времена Высокого Возрождения прекрасным и справедливым представлялся мир Божий, и человек ощущал себя венцом мироустройства. Теперь средоточием гуманистических ценностей предстает не бого-

⁵ *Jaspers K. Philosophie. Bd. I-III. S. 40.*

устроенный мир и не справедливый закон, а только сам человек, его специфическая врожденная потребность смысла. И нигде в мире гуманистические принципы реально не существуют, кроме как в природе самого человека, ищущего смысла своего существования.

Фактически концепция экзистенциализма была недоказуемой аксиомой, чем-то вроде беспредметной веры. Тем более, что многие экзистенциалисты отчаянно боролись с любыми попытками объективировать трансцендентное в чем-либо внеличном: Боге, разумности мира, справедливости нации и т.д., – рассматривая это как величайший соблазн человеческого существования, затемняющий явный трагизм бытия, инспирирующий ослабление сознания вплоть до потери дееспособности.

И это было все, что гуманистическая культура могла противопоставить иррационализму массовых идеологий, гедонизму драйв-мышления, тотальному террору и тотальной пропаганде середины XX века. Но так ли уж мало это было?

Экзистенциализм не предложил никаких доказательств и никаких гарантий истинности субъективно открываемых смыслов. Но ученые адепты тоталитаризма учуяли смертельную опасность. Даже словарные определения зазвучали как проклятия: «Экзистенциализм – крайне реакционная форма субъективного идеализма, в современной буржуазной философии и литературе (в особенности немецкой и французской); стремится подорвать доверие к науке, доказать бесцельность нравственности и бесплодность революционной борьбы; одно из средств отравления общественного сознания идеологами империализма»⁶. И надо сказать, что предчувствия их не обманули. Тоталитарные идеологии, как коса на камень, наталкивались на подвижническое сопротивление отдельных лиц и целых народов. Расцвет экзистенциализма пришелся на годы Второй мировой войны. Чем неотвратимее становились угрозы человеческим ценностям, тем шире проявлялись необъяснимая стойкость и высокие порывы духа. В оккупированной Франции посреди полной растерянности тех, кто уповал на «исторический разум», «прогресс», «жизнелюбие», экзистенциализм открыл источники мужества и нравственной твердости, стал, по сути, боевой доктриной антифашистского Сопротивления. В момент национального унижения своей

⁶ Словарь иностранных слов. М., 1953. С.795.

страны знаменитый писатель, ставший военным летчиком «Сражающейся Франции», Антуан де Сент-Экзюпери (1900-1944) писал в 1941 году: «Война для нас означала разгром. Но разве должна была Франция ради того, чтобы избавиться себя от поражения, не принимать боя? Не думаю. И Франция интуитивно пришла к тому же решению: никакие увещания не заставили ее уклониться от боя. Дух в нашей стране взял верх над разумом»⁷. Этот героический опыт философски осмыслили и ввели в мировую культуру тоже участники Движения Сопротивления и теоретики экзистенциализма знаменитый писатель Жан-Поль Сартр (1905-1980) и лауреат Нобелевской премии по литературе Альбер Камю (1913-1960).

Но не значит ли это, что экзистенциальное поведение уместно только в «пограничной ситуации», а во всех остальных случаях жизни действует не человек Ясперса, а человек Фрейда? Ответ на этот вопрос дали психологи страны, географически удаленной от европейских эпицентров трагического стоицизма. В США идеи экзистенциализма дали мощный импульс жизнерадостной уверенности в перспективах духовного самосовершенствования человека.

Исследования Гордона Олпорта (1897–1967) подтвердили значимость для личности позитивных ценностей современной для него культуры: самоутверждения, деловитости, энергичности и т.п. Психолог установил, что принцип «редукции напряжения», рекомендуемый психоанализом и бихевиоризмом, не достоверен при диагностике всех мотивов поведения человека в норме. Пациенты, жаждущие лишь снять напряжение, явно патологичны. В отличие от них здоровые люди, стремясь к самоутверждению, поддерживают и стимулируют напряжение, а не избегают его. Согласно Олпорту, состояние человека определяется не столько его прошлым (детские травмы, ранние неудачи и т.п.), сколько его представлениями о реально предстоящем будущем. Он определил как главный импульс развития личности – глубинную потребность в «самореализации» (важнейший и самый характерный термин концепции Г. Олпорта). И это был значительный шаг в развитии идей новой психологии.

Самый, пожалуй, популярный американский психотерапевт Карл Роджерс (1902–1987), исходил из того, что любая личность в самой себе содержит необходимые условия совершенствования и в принципе самодостаточна. В условиях

⁷ Сент-Экзюпери А. Соч. М., 1964. С. 363.

психологической безопасности (когда нет давления и манипуляции), человек может сам найти достойный путь самореализации, оптимально используя собственный психический ресурс. Отсюда мысль, что общение должно быть *индирективным* (то есть не директивным, не внушающим, не назидательным) и *личностно-ориентированным* (то есть создающим условия для свободного самораскрытия человека, самопознания и самокоррекции). В таком случае психолог ничего не указывает и ничего не предлагает. Он целиком ориентирован на прояснение личностного смысла самого клиента. Все выводы, если они возникают, делает сам клиент. Важно только создать условия для свободного самораскрытия личности. Но такой стиль общения доступен далеко не каждому коммуникатору. К. Роджер считал, что индирективный подход требует, чтобы психологу были свойственны три неперемennые качества:

- безоценочное принятие личности клиента (он должен исходить из ценности и уникальности любого человека, важности всех его проблем и переживаний, о которых заходит речь);
- способность к децентрации и эмпатии (децентрация – это умение стать в позицию другого человека, взглянуть на вещи под его углом зрения, отряхаясь от общепринятых мнений и личных предпочтений, эмпатия – способность проникаться настроением другого человека, ощутить его эмоциональное состояние);
- аутентичность, способность оставаться самим собой, сохранять подлинность своей натуры, не поступаясь своими принципами ни из желания закрепить контакт, ни из жалости или каких либо других чувств и обстоятельств (аутентичность – подлинность, достоверность, спонтанность, безыскусственность, самообусловленность).

Сформулированные К. Роджером требования к психотерапевту приобрели общекommunikативное значение, поскольку индирективный подход нашел применение в самых разных сферах общения вплоть до педагогики и mass-media. Повышенный кредит доверия к личности, ее нравственным основаниям и возможностям совершенствования повсеместно оправдывал себя. Но определение новой психологии все не складывалось, пока Абрахам Маслоу (1907–1986) не предложил термин «гуманистическая психология» в противовес психоанализу и бихевиоризму. И хотя понятие гуманизма само по себе не было новым и

звучало несколько тавтологично (ведь психология и есть наука о человеке), название оказалось точным в том смысле, что экзистенциализм возродил веру в человека, в его способность к самоопределению и самодетерминации. Оно сразу закрепилось и объединило практически всех, даже тех, кто сохраняя приверженность психоанализу и бихевиоризму, пытался объединить их с новым экзистенциальным подходом к личности.

Сам Маслоу, до того работавший в русле бихевиоризма, посвятивший докторскую диссертацию исследованию доминантного поведения обезьян, выдвинул собственную концепцию личности, которая вызвала значительный резонанс в науке и нашла широкое применение в практике педагогики, mass-media, PR и рекламе. Он не отрицал наличия у человека инстинктивных влечений и базовых потребностей. Более того, он в соответствии с экзистенциальной идеей «предназначения» считал, что все основные потребности человека, включая потребность в самореализации, являются врожденными, фактически инстинктоидными. Но он утверждал, что система потребностей человека имеет иерархическую структуру, что есть потребности первого уровня, второго уровня и т.д. И каждый следующий уровень является более сложным и более одухотворенным. Причем более высокий уровень потребностей задействуется только при условии, что нижележащие потребности – удовлетворены. Было в этом что-то вроде своеобразной даны прежним биологическим приоритетам Маслоу, но построенная им иерархическая модель личности была представлена очень наглядно как пятиуровневая пирамида взаимообусловленных потребностей, определяющих суть человеческого существования:

1. Физиологические потребности (голод, жажда, секс, защита от холода и т.п.)
2. Потребность в безопасности (здоровье, свобода, организация, закон и порядок, предсказуемость событий и т.п.)
3. Потребность в принадлежности и любви (причастность к группе, нации, социуму, дружба, эмоциональная поддержка окружающих, семейные связи и т.п.)
4. Потребность в уважении и самоуважении (авторитет, власть, компетенция, успех и т.п.)

5. Потребность в самоактуализации (стремление к реализации своих потенциальных способностей и ресурсов, переживание духовных ценностей и т.п.)

Как видно, первому уровню соответствуют фрейдовские основные влечения, второму – «базовая тревога», подробно рассмотренная неопрейдистами Карен Хорни (1885–1952) и Гарри Салливаном (1892-1949) как основной побудитель поведения, третьему и четвертому – адлеровское «стремление к социуму» и «влечение к власти», и только пятый – отражает экзистенциальную суть личности – стремление жить в согласии с высшими ценностями, такими как истина, добро, красота, совершенство, простота и другие категории, выступающие как предельные или бытийные основания жизни. Они сами выступают как метапотребности *самоактуализирующейся личности* – центрального понятия гуманистической психологии.

Как показали конкретные исследования А. Маслоу, его учеников и последователей средний человек удовлетворяет свои потребности лишь до определенной степени: физиологические – до 85%; в безопасности и защите – до 70%; в принадлежности и в любви – до 50%; в признании и уважении – до 40%; в самоактуализации – только до 10%. Градация весьма показательная. Может быть, поэтому А.Маслоу избрал предметом исследования личность самоактуализирующуюся, людей, вся жизнь которых определяется стремлением к удовлетворению метапотребностей.

«Если вы выбираете для тщательного изучения прекрасных, здоровых, сильных, творческих, добродетельных, пронциательных людей – тип, который я выделил, у вас появляется иной взгляд на человечество. – писал А.Маслоу, - Вы задаетесь вопросом, насколько величественным может быть человек, чем может стать человеческое существо?»⁸. Он изучал ключевые моменты биографий выдающихся исторических деятелей, проводил глубинные интервью и тестирование современников, добившихся выдающихся успехов в науке, искусстве или бизнесе, чтобы составить психологический портрет самоактуализирующейся личности. Можно бы сосричь, что если психоанализ Фрейда был «психологией невротика», то Маслоу задумал выстроить «психологию элиты». Да, в сущности, так оно и было на самом деле. Портрет получился убедитель-

⁸ Здесь и далее высказывания А. Маслоу приводятся по: *Maslow A. Self-actualizing and Be-*

ный. Такому человеку свойственны замечательные качества: независимость суждений, неконформизм (способность не поддаваться, противостоять общему мнению), умение сделать выбор, доверие к себе, стремление к совершенству, чувство сострадания и, вообще, любовь к людям, отказ от иллюзий, склонность к вершинным переживаниям чувств ... Причем самоактуализация рассматривается не как конечное состояние, а как процесс реализации своих внутренних возможностей, стремление сделать все настолько хорошо, насколько сам можешь, не из чувства конкуренции и не чтобы «лучше всех», а просто по потребности самосовершенствования. Гуманистическая психология – это концепция становления личности. По Маслоу, человек не статичен. И творческая жилка преобладает в нем. Самоактуализация доступна и жизненно необходима каждому человеку, с любым набором способностей. Но не каждый достигает самоактуализации. И это само по себе небезопасно. Если метапотребности (то есть стремление человека жить в соответствии с высшими ценностями) подавляются или фрустрируются, самоактуализация становится невозможной. Возникает особый тип душевных заболеваний, которые Маслоу называл метапатологиями. В принципе это совпадает с представлениями В. Франкла о нусогенных неврозах и экзистенциальном вакууме. Но Маслоу уточнил характерные симптомы метапатологии, комбинации которых выявляют синдром психического недуга:

- недоверие, скепсис;
- цинизм;
- ненависть, враждебность;
- гнев, непризнание законов;
- эгоизм, неспособность к великодушию и альтруизму;
- нетерпеливость;
- бесцветность, вульгарность, отсутствие вкуса;
- утрата индивидуальности, дезинтеграция чувства Я;
- безнадежность, нежелание чего-либо добиваться;
- перекладывание ответственности на других;
- мрачность, депрессия;
- бессмысленность, утрата смысла жизни

Появление этих симптомов часто означает фрустрацию способности к самоактуализации и, прежде всего, затруднение творчества. Но снять проблемы удастся, раскрыв человеку, что у него есть собственные метапотребности, чего многие даже не подозревают, безуспешно пытаясь найти облегчение в удовольствиях, отдыхе, лекарствах, приключениях. Но помочь в этом случае может только работа самоактуализации. *«Найти самого себя, – пишет А.Маслоу, – раскрыть, что ты собой представляешь, что для тебя хорошо, а что плохо, какова цель твоей жизни – все это требует разоблачения собственной психопатологии. Для этого нужно выявить свои защиты и после этого найти в себе смелость преодолеть их».* Вот он ключ к пониманию динамики психической жизни: человек способен отбрасывать иллюзии и преодолевать защитные механизмы, мешающие ему воочию видеть и ясно понимать происходящее в мире и в нем самом. Это касается и «вытеснения» и «проекции» и всех других защитных механизмов психики, описанных Фрейдом или раскрытых уже после него. Так Маслоу установил, что та самая деритуализация реальности, которую и бихевиоризм и психоанализ считали чуть ли не главным способом осознания подлинного значения явлений, событий и ценностей, на самом деле тоже представляет собою защитный механизм: *«Молодые люди часто не верят в ценности и добродетели. Они чувствуют себя обманутыми или сбитыми с толку в жизни... Они не желают слушать ни одного взрослого, особенно если этот человек употребляет те же слова, которые они слышали от своих отцов, которые часто говорили о том, что надо быть честным и смелым, а в жизни поступали прямо противоположным образом. Они привыкли рассматривать человека только в его конкретности и не видят в нем то, чем он мог бы быть, не видят его в свете его символических ценностей. Наши дети, например, лишили таинственности секс, “деритуализировали его”. Секс – это ничто; это естественное влечение, и они сделали его настолько естественным, что он часто теряет свои поэтические качества, т.е. фактически теряет все».*

Выходит, что прагматическая деритуализация мира, благодаря которой возрастает эффективность практических действий, и гедонистическая десакрализация жизни, благодаря которой обостряются все переживания, сами по себе затрудняют трансцендентальные движения души и, в конечном счете, снижают адаптивные возможности психики. Но гуманистическая психология не только установила побочные негативные эффекты данных защитных механизмов, но и

определила, каким образом можно снять их отрицательное воздействие. Так сформировалось новое понятие – «ритуализация».

«Ритуализация, - писал Маслоу, - означает желание вновь увидеть человека “под знаком вечности”, как говорил Спиноза, желание иметь возможность увидеть святое, вечное, символическое. Это значит видеть Женщину, даже когда мы имеем дело с обыкновенной женщиной. Другой пример. Человек идет в медицинское училище и там анатомирует мозг. Обязательно что-то теряется, если студент при этом не испытывает определенного благоговения и, отвлекаясь от «цельного восприятия», рассматривает мозг лишь как конкретную вещь. Человек, которому доступна ритуализация, видит мозг так же, как священную вещь, видит его символическую ценность, его возвышенные качества».

Для самоактуализирующейся личности, определяющей смысл жизни, ритуализация, или воссоздание ценностей, становится стержневым элементом творчества и стойкости. Маслоу, как и Роджерс, был уверен, что в человеке заложены внутренние возможности для позитивного роста и совершенствования. Как и Франкл, Маслоу полагал, что стремление к смыслу является конституирующим началом человеческой природы. Но в отличие от Франкла, Маслоу сделал ставку на самоактуализацию человека в его активной деятельности.

Гуманистическая парадигма мышления прежде всего укрепились в психологии. Практически все основные направления психотерапии: гештальт-психология, психодрама, арт-терапия, телесно-ориентированная терапия и даже современный психоанализ, - своей главной целью ставят формирование духовно зрелой, независимой и ответственной личности, связывая с этим и способность к самовыражению, и креативность, и адаптивность, и решение любых частных проблем. Широкое применение нашли такие подходы и в практической организации массовых коммуникаций, в журналистике, PR, рекламе. К сожалению, не обошлось и без злоупотреблений достижениями гуманистической психологии. И если говорить о развитии умственной сферы, то можно сказать, что вместе с экзистенциализмом получили дальнейшее развитие тенденции к индивидуализации и сепарации личности от социума и коллективного сознания. Но проблема эмансипации со стадии инфантильного негативизма и тотального отрицания перешла на степень осознанного нонконформизма и твердого сопротивления массовизации и унификации. Борьба за переустройство мира и богоборчество

переросли в духовное самоопределение, высшей формой которого стала верность себе, собственным идеалам в любых обстоятельствах. Истина приобрела индивидуальный, очевидно субъективный характер, как смысл жизни, который у каждого свой. Человек ощутил право выбирать или создавать свои ценности, не примыкая ни к какой группе и не сверяясь ни с кем. Жить в соответствии со своими идеалами оказалось важнее, чем доказывать их правоту и убеждать в этом других.

Но экзистенциализм не старался утешить человека тем, что трансцендентное объективно существует, да он и не смог бы, не противореча себе, указать нетленные ценности, которых обязательно придерживаться, хотя, возможно, каждый ученый считал, что знает таковые. Иначе экзистенциализм превратился бы в религию, идеологию или инструкцию. А человек уже перестал быть ребенком. И как взрослому, ему следует осмысливать собственную ответственность за ценности, которые он выбирает, и действия, которые намерен предпринять. Конечно, не претендуя на религиозное откровение, экзистенциализм, тем не менее, санкционировал ценности. Но не через табу (сакральное и пралогическое), а через индивидуальный смысл (психическое и осознаваемое). При этом психическое (смысл) выступало как источник сакрального. Трансцендентность была помещена в самом человеке как исходное условие существования и основная потребность личности, то есть имманентное свойство психики.

Но не зря сказано: «Во многой мудрости много печали» (Екклезиаств, 1,18). Современный человек может прочувствовать духовную автономию и абсолютную свободу, но вместе с этим приходит ощущение космического одиночества, неизбежной личной ответственности и невозможности найти опору нигде, кроме как в себе самом. Вариантов вроде бы много. Ни одна из парадигм мышления, сложившихся в процессе исторического развития, – не утрачена. Можно вновь обратиться к Богу или уверовать в идею, можно слиться с массой или сделать ставку на собственный успех, можно последовать за вождем или погрузиться в удовольствия, можно пробовать все по очереди или изобретать невообразимые комбинации. Но отказ от самотрансценденции в любом случае обернется потерей свободы и новой еще худшей зависимостью, ибо отчаяние и самообман связывают крепче, чем грубая сила и суровые наказания. В пограничных ситуациях это становилось самоочевидным и в прежние времена. Однако прогресс проявляется еще и в том, что все больше становится тех, кто живет

в понимании этого постоянно, в любой, даже самой спокойной ситуации. Им последовательное продвижение к смыслу собственного существования необходимо для психического здоровья и ощущения радости бытия. А овладение в той или иной степени эффектами самотрансценденции способно настолько расширить личностные возможности, что может поднять их выше не только обыденной конкурентной борьбы, но и разного рода форс-мажорных обстоятельств. Когда А. Маслоу изучал жизнь замечательных людей, добившихся выдающихся успехов в науке, искусстве или бизнесе, и составлял психологический портрет самоактуализирующейся личности, он не только воссоздал психологию духовной элиты, но и описал приемлемую для современного человека психотехнику жизни достойной и счастливой, величественной, как выразился сам психолог.

Но принципиально важно остановить внимание вот на каком моменте. А. Маслоу подчеркивал: *«Самоактуализация – это не только конечное состояние, но также процесс актуализации своих возможностей... это труд ради того, чтобы сделать хорошо то, что человек собирается сделать»*. Если использовать старинные высокие понятия типа «жизнь в истине» или «жизнь во лжи», то самоактуализация – это жизнь в смысле, по мере его осознания, а значит, строго говоря, тоже коммуникативный процесс. Здесь, однако, нужна особого рода информация, рассчитанная на удовлетворение метапотребностей личности, на осмысление реальных обстоятельств в свете высших целей и ценностей бытия. Фундаментальные точки отсчета общеизвестны, благодаря резонансу в культуре специальных каналов типа религии или морали. Но экзистенциальный выбор совершается во глубине души. И споспешествовать ему извне, можно только представляя тексты, проясняющие бытийный смысл актуальных событий.

Получается, что по мере исчерпания или перерождения возможностей духовной консолидации на основе парадигм магии, рационализма, позитивизма или драйв-мышления современное общество все острее нуждается в трансцендирующей массовой коммуникации. И все важнее для современного человека становится постоянный приток сообщений, которые сумбур политики и суеты обыденности подают в свете бытийных ценностей и высоких представлений. Их не могут заменить суррогаты типа возвышенно-идейных «моралите» или чувственно-базовых «натюрэль». Здесь нужен текст смысловывявляющий, соответ-

ствующий гуманистической парадигме мышления. И это совершенно особый тип сообщения.

Начать с того, что гуманистическая парадигма мышления, определяя принципиально новые формы коллективной проработки информации, задает и принципиально новую интегральную единицу общения. Все познается в сравнении. Коммуникативная мощь **мифемы** определяется категоричностью импульсов табу, нагнетаемых строгими обрядами. **Идеологема** черпает свою убеждающую силу в непререкаемом авторитете Учения, исходные положения которого считаются истинными априорно. Влияние **конструкта** держится на доверии эксперту и поддержке общественного мнения. Привлекательность **инстигата** - в компенсации влечений индивидуального бессознательного, подкрепляемой массовидными психотехниками шоу-бизнеса. В той или иной степени все это элементы направленного коммуникативного воздействия, побуждающего действовать извне заданным образом. Все они, так или иначе, задействуют бессознательные механизмы психики в жизненно важный момент принятия решения. И все опираются на те или иные системы социального регулирования массового поведения. Ибо все они складывались для того, чтобы люди могли сообща делать то, чего не смог бы одиночка, но без чего не выжила бы община и закоснело бы общество. А для этого коллективное стремилось превалировать в психике индивида. Отсюда, как продолжение имманентных коммуникативных достоинств, потенциальная манипулятивность и мифем, и идеологем, и конструктов, и инстигатов.

А в гуманистической парадигме мышления личность предстает как нечто самодостаточное, способное к преодолению любых проблем на основе собственных сил и возможностей. Помешать может только информационное давление или манипуляция. Вот почему общение должно стать индирективным, без какого-либо внушения, убеждения или соблазна. Никакого нажима извне. Только пролистывание ракурсов объекта. Только варьирование точек зрения. И только для выявления смысла событий, который по-своему будет понимать каждый реципиент. Кредо гуманистической коммуникации прозвучало бы примерно так: «Нам более всего важны сами люди, и мы готовы предоставить всю информацию, чтобы они могли сделать выбор, исходя из своих экзистенциальных потребностей».

Импульс самотрансценденции возникает в психике спонтанно, но не случайно, а как реакция на вызов действительности или на такой журналистский текст, в котором реальные события подведены к грани окончательного выбора, когда остается только возможность сделать переход «за пределы» или отказаться от перехода. В этом и состоит выявление смысла в гуманистической коммуникации. Квинтэссенция смысловывявляющего текста – момент, в котором в одну фокусирующую точку сходятся все, что необходимо и достаточно для восприятия факта или мнения в свете высших ценностей бытия и принятия свободного, но уже бесповоротного решения. Интегральная единица гуманистического общения может быть обозначена, в связи с этим, как трансцензус (перенос за пределы опыта, в иные сферы бытия), то есть своего рода трамплин, с которого мысль может взлететь, а может рухнуть (от лат. *transcensus* – 1/ подъем, восхождение...2/ переход, изменение [*ad meliora* – к лучшему])⁹.

Следует подчеркнуть, что мистики в «трансцензусе» не больше, чем в «конструкте». Это категория психотехническая, в том смысле, что представляет собою технологически фиксируемый в тексте реальный знак (стимул), значение которого, провоцирует активность (реакции) базальных психических механизмов личности, ее сознания и поведения. Зачастую журналист делает это осознанно и даже преднамеренно подчеркивает литературный прием. Так, Игорь Клямкин, публицист первых лет перестройки, рассказывал, как сначала задумал красивый образный заголовок: «Над пропастью во лжи», рассчитывая, что ассоциации с популярным романом Д. Селинджера затронут глубинные струны людей, придав политическому тексту лирический оттенок, но потом решил не затемнять смысл метафорой и свою самую знаменитую статью назвал: «Почему трудно говорить правду?»¹⁰. Выбор многозначительный. В зависимости от типологической структуры текста словосочетание «над пропастью во лжи» может выстроиться как мифема или как идеологема. Но и в том, и в другом случае оно останется обобщением на уровне социума в целом, характеризующим состояние всего общества, когда требуются государственные преобразования и массовые действия, то есть апелляцией к идеологии и коллективному бессознательному. Автор же, как видно, стремился перевести разговор в личностный план, показать смысл подвижничества и пагубность слабости применительно

⁹ См., напр.: *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 3 изд. М., 1986. С. 780.

к судьбе отдельного человека и к жизни в философическом значении слова. Рече-мыслительной единицей смысловывявляющего текста становится не символ и не лозунг, а обозначение самой сути того, о чем идет речь, и чему читатель вправе найти собственное применение. Это не команда и не призыв. Это – свидетельство трансцензуса. Так в нотной грамоте значок «диез», ничего не добавляя к мелодии, на полтона повышает звучание ноты...

Текстообразующая роль трансцензус-выражения «Почему трудно говорить правду?» в том, что оно, возмущая лучшие чувства, связанные со святостью права и чести «говорить правду», вызывает желание досконально разобраться в аргументах автора и оскорбительных для человеческого достоинства фактах в предчувствии момента экзистенциального выбора. И данный пример весьма характерен. Психологическая основа понятия «трансцензус», вообще, определяется способностью человеческого сознания, в пограничной ситуации, стремительно, в сущности, одномоментно переосмыслять внешние события и внутренние приоритеты, соответственно, как бы в аварийном режиме, меняя формы поведения. В старину это называлось «проникшись решимостью и опоясавшись мужеством». Не следует напрямую связывать призывы пропагандистов и подвиги героев. Но стоит учитывать, что смысловывявляющий текст, раскрывает анализируемую ситуацию как пограничную, чтобы, высвобождая аварийный потенциал психики, разблокировать глубинные механизмы самотрансценденции личности. Или, в ином порядке, разблокируя глубинные механизмы самотрансценденции личности, высвободить аварийный потенциал психики. Но и в том, и в другом варианте коммуникативная функция трансцензуса реализуется как интеллектуальное проникновение в суть вещей и событий («Ага-переживание» в сфере мысли), за которым – миг самоактуализации или пренебрежения ею.

Трансцензус – ключевой момент произведения. Он должен быть подготовлен всем строем текста, поддержан всеми его выразительными средствами, соотнесен с высшими ценностями цивилизации. Но, строго говоря, трансцензус может возникнуть в тексте любого типа, как спонтанный аспект отображения реальной пограничной ситуации или как побочный эффект вдохновения автора. И, возникнув, трансцензус любой текст превращает в смысловывявляющий.

¹⁰ См.: *Клямкин И.* Трудный спуск с зияющих высот. М., 1990.

Принципиальное отличие в том, что для гуманистической парадигмы мышления трансцензус является интегральной единицей общения, сознательным требованием стиля и творческим приемом, задающим тип текста.

Сысловыявляющий потенциал текста определяется не по формально-содержательным параметрам – они могут быть сколь угодно разнообразны, – а по коммуникативным принципам структурирования произведения и духовным интенциям, запечатленным в его словесно-образной ткани. В этом случае удастся описать вполне выполнимые для профессионала условия воссоздания трансцензуса в журналистском тексте.

Во-первых, следует отказываться от всякого информационного давления, от любых манипулятивных приемов, от авторитетных оценок, морализаторства, и «менторского тона».

Во-вторых, нужно искренне принимать свою аудиторию, понимать и уважать ее интересы, потребности и стремления людей, не навязывая им ни своих целей, ни своих комплексов.

В-третьих, требуется освещать ситуацию в разных ракурсах с перебором всех имеющихся точек зрения, считая основной задачей уточнение перспектив и расширение поля собственного выбора личности.

В-четвертых, важно проникнуться верой в жизнестойкость людей, в их способность самостоятельно решать свои проблемы, ни при каких обстоятельствах не допуская сомнений типа: «Что можно сделать в этой стране, с этим народом?».

В-пятых, необходимо добавлять новую информацию к объективно складывающейся картине, чтобы выявить еще не познанные или скрываемые кем-то пружины ситуации, проводя, если нужно, авторские исследования, в том числе психологические.

В-шестых, строго сохранять аутентичность собственной личности, не признавая чуждых ценностей и не заискивая как перед «властью», так и перед «народом».

В-седьмых, сообщение, вообще, нужно выстраивать в стиле публичной, но, вместе с тем, глубоко личной проработки всех обстоятельств журналистом, который выбирает путь как бы для себя, но на глазах у читателя.

В-восьмых, все, что будет сказано, изображено и описано, должно звучать, выглядеть и объясняться с предельной естественностью.

Восьмое условие самое сложное, потому что, как подчеркивал Альбер Камю, «естественность – это категория, трудная для понимания»¹¹. Тем более для воссоздания. Но это непереносимое условие. Иначе возникает опасность подменить высокий смысл красивыми словами. Угроза самая реальная. Глубоко прав был Ромен Роллан, говоря: «Конечно, красивые слова побуждают поступать красиво. Но, если нет силы поступать красиво, то красивые слова побуждают ко лжи» (1933). Ценность естественности не только в том, что удается без патетики размышлять о самом патетическом. Еще важнее, что удается выявить патетический смысл в самих естественных вещах, чувствах и событиях. Благодаря этому, смысловывявляющий текст обретает полную универсальность. Он может касаться любых, а не только возвышенных тем и предметов и вполне конструктивно решать любые, а не только предельные проблемы. А гуманистическая парадигма мышления демонстрирует свою «действительность и мощь» не только в пограничных ситуациях, но и в обыденной жизни. И все чаще при планировании редакционных кампаний журналисты выбирают как самый практичный именно смысловывявляющий подход.

В городе Магнитогорске начало перестройки ознаменовалось серьезным социально-экологическим кризисом. Построенный для обслуживания крупнейшего металлургического комбината город был настолько загазован выбросами чугунолитейных и сталеплавильных печей, что, почувствовав послабление прописного режима, жители стали разъезжаться в экологически благополучные регионы, и для промышленного гиганта отток кадров стал вопросом сокращения производства. Прежние административно-командные и вербовочно-призывные методы более не действовали. Местные средства массовой информации тоже обеспокоились, поскольку было понятно, что сокращение производства на металлургическом комбинате приведет к финансовой катастрофе города. Можно было сделать ставку на мифологические тексты (Ваши отцы и деды построили этот замечательный завод, здесь их могилы, здесь ваша малая родина и т.п.). Можно было сосредоточиться на убеждающих публикациях (Стоит только модернизировать производство и экология улучшится, а при сокращении производства не будет денег на модернизацию и т.д.). Можно было обратиться к прагматическим интересам (Комбинат обеспечит приток товаров,

¹¹ Камю А. Миф о Сизифе. Сочинения. М., 1989. С.398.

разовьет сеть услуг, зарплата будет повышена и т.п.). Можно было сосредоточиться на гедонистических ожиданиях (Будут проведены праздники города и комбината, станут постоянно приглашать столичных артистов, расширят сферу досуга и развлечений и т.п.). Но сразу же стало ясно, что на все эти ухищрения читатель вряд ли даже обратит внимание. И тогда было решено вводить рубрику: «Земля за чертой Магнитогорска». Направленность ее определяли публикации о тех, кто уехал в другие места и устроился там счастливо или неудачно. Цель – подчеркнуть возможность свободного выбора местопребывания в стране и продемонстрировать, что ответственность за это падает на самого выбирающего. Основное внимание уделялось фактологической информации о положении дел в других регионах, включая цены на жилье и основные продукты, коэффициент зарплаты, уровень безработицы, состояние окружающей среды, политические прогнозы и перспективы. И все это в честном сопоставлении с условиями Магнитогорска. Рядом размещались сообщения о выпуске новой продукции в бывших оборонных цехах, внедрении новых технологий, природоохранных программах, гастролях заезжих звезд и т.п. Не для того, чтобы кого-то отговорить или сагитировать. А для предоставления информации настолько полной, насколько это возможно, чтобы каждый делал выбор сам, но в ясном знании и под собственную ответственность. Внешне все продолжалось по-прежнему. Кто-то уезжал, кто-то оставался, кто-то возвращался. Но характер разговоров об этом переменялся. Не стало ажиотажа, пресеклось модное поветрие.

«Вечерний Котлас», частная газета провинциального города в Архангельской области, перед выборами в Государственную Думу (1999) отказалась зарегистрироваться в качестве официального канала, предоставляющего свои страницы для агитационных выступлений любых партий и кандидатов. «С какой стати, - объясняла читателям свою позицию редакция, - частная газета, созданная издателем на свой страх и риск, на свои кровные, должна публиковать измышления политиканов, которые, придя к власти, газету закроют. Мы не намерены публиковать агитационные материалы на газетной площади, оплаченной читателями. Закон позволяет кандидатам выступать не только в периодических изданиях, но и в листовках. Их Вам и принесут наши распространите-

ли газеты»¹². Позиция беспрецедентная. Газета пошла на конфликт с местными администраторами и политиками, избирательной комиссией и особо активными читателями. Более того, она отказалась от возможности подзаработать на «заказных» публикациях и расширить тиражи, освещая межпартийные скандалы (а это важные статьи дохода для всех редакций в пору всеобщей борьбы за электорат). При этом газета вовсе не собиралась помалкивать. И в последний день избирательной кампании на ее страницах вышли материалы, которые не призывали голосовать ни за одного из кандидатов, ни за одну из партий, но давали нелицеприятную информацию обо всех, начиная от старинных коммунистов: «КПРФ как она есть...» – до новоявленного «Медведя»: «Министр в чрезвычайной ситуации...». В том же номере публиковался и обзор предвыборной телепублицистики с конкретными примерами предвзятой и навязчивой пропаганды, чтобы вызвать здоровое недоверие к профессиональной политической журналистике¹³. Хотя в масштабах страны не существенно, как в итоге проголосовали жители Котласа, принципиально важно, что они имели независимый информационный канал, противостоявший «грязным избирательным технологиям». До сих пор «беспартийность» журналистики считается теоретически невозможной и экономически провальной. При том, все понимают, что без этого журналистика не сможет быть ни независимой, ни общественно полезной. Журналисты «Вечернего Котласа» создали убедительный прецедент, что эмансипация газеты от «грязных избирательных технологий» не только практически осуществима, но даже экономически выгодна, потому что, пробудив дух солидарности в продвинутой аудитории, привела к увеличению тиража издания и расширению притока рекламы.

Аудитория всегда по достоинству оценивает, если журналисты не только апеллируют к самотрансценденции читателя, но и сами ведут себя как самоактуализирующиеся личности. Но с полным презрением относится к заказной патетике, которую, как шило в мешке, все равно не удастся утаить. И тогда вся королевская рать «подручных партии» со всеми своими газетами и брошюрами, студиями и каналами ничего не могут поделать с диссидентским самиздатом, и официальная идеология рушится, как карточный домик. Этот великий закон массовой коммуникации в переломные эпохи обнаруживает себя с неожиданно-

¹² Вечерний Котлас (Архангельск). 1999. 19 нояб.

стью землетрясения. Но действуют он всегда и везде. Проявления его не обязательно возвышенны, но требуют самого серьезного к себе отношения. Вот, к примеру, заметки на обороте анкеты, выяснявшей читательские предпочтения подписчиков, которую распространяла газета «Российские вести» в 1993 году:

«Симпатии и антипатии газеты явно прослеживаются. Хотелось бы просто информации, а не мнений конкретных авторов о свершившихся событиях. У меня есть свое мнение, я способен сам делать выводы. Тон материалов первой полосы бестактен. Вы любите Правительство, оно вас кормит – любите его. Вас раздражает Верховный Совет, это ваше дело. Я считаю, что и тех, и других следует во главе с Президентом и Председателем отправить как можно дальше – пусть “грызутся”. Пусть будет суверенитет личных мнений, а газета дает информацию к размышлению. Мы не дураки и в состоянии отличить плохое от хорошего»¹⁴.

Нелицеприятность подписчика, который в графе «Род занятий» подчеркнул помету: «Предприниматель», - сама по себе, очень конструктивна. Характерно, что далее он предлагал газете ввести рубрику «Исполнительная власть и закон», словно предвидел разрушительную вакханалию приватизационных метаний министров и советников Ельцина. Острота реакции читателя, если вдуматься, тем и накалена, что из-за политической перебранки журналистов достойная перспектива не прорисовывалась и его предпринимательская деятельность утрачивала сколько-нибудь высокий смысл. Человек, вообще, включается в массовую коммуникацию ради момента трансцензуса, даже когда он этого не осознает, даже когда он намеревается только забыться или «оторваться». Иначе смысл событий приходилось бы искать мучительным методом разрозненных проб и ошибок. И если в острой коммуникативной ситуации журналистика на уровень трансцензуса так и не выходит, она многих и многих подталкивает к психическому срыву. Самоактуализирующиеся личности и в таких условиях способны осмыслить явление и выразить ценностное отношение. Благодаря им и аудитория в состоянии собственными силами преодолеть внутреннее смятение. Но какова роль журналистики, когда аудитория работает как бы вместо mass-media и вопреки им? Об этом даже классные журналисты вспоминают подчас слишком поздно.

¹³ См.: Путеводитель избирателя //Вечерний Котлас. 1999. 17 дек.

Программа «Времена» (ОРТ) собрала в студии журналистов, освещавших трагические события, связанные с гибелью подводной лодки «Курск», а также председателя правительственной комиссии и командующего Северным флотом для обсуждения взаимодействия прессы и армии. В заключение полуторачасовой дискуссии, в ходе которой становилось просто неловко за бессмысленный информационный напор на фоне национальной трагедии, ведущий В. Познер вдруг стал зачитывать отрывки из старой американской газеты о катастрофе подводной лодки США «Трешер»:

«Невозможно, говоря о “Трешере”, не вспомнить в ту же секунду всю финальность и все одиночество конца, когда судно умирает на дне морском. Невозможно не восхищаться теми, совершенно особенными, людьми, которые готовы принять на себя такой риск. Страна может гордиться и быть благодарной, что столько ее молодых, здоровых и устремленных вперед мужчин так понимают свое место в жизни и так оценивают благополучие своей страны, что они, объединив свое мастерство, готовы бросить коллективный вызов могуществу моря»...

После такой патетики стерто и дежурно, как привычная полуправда, прозвучали дальнейшие фразы опытного телеведущего, что «у нас-то не очень нашлись» подобные слова для моряков «Курска», что журналисты «порой больше думали о себе, о том, как мы выглядели, как мы сказали» и т.п. На самом деле все куда хуже. Ведь высокие слова были сказаны. Английские журналисты писали, что «восхищаются мужеством русских моряков», которые, погибая, стали прежде всего заглушать атомные реакторы, чтобы не допустить экологической катастрофы. Но патетическая оценка не получила резонанса в отечественной прессе. Наши журналисты искали только, кого бы обругать или оплакать. Даже там, где надо бы понять и поддержать. Они провоцировали нервные реакции министров и адмиралов, тиражировали сцены отчаяния, крупным планом подавали клинические проявления истерии, сами доходили до состояний, требующих психологической реабилитации... Но никто и не попытался объяснить или хотя бы понять, почему гибель атомной подводной лодки в Ледовитом океане повергла в безысходное отчаяние население огромной страны? И каким образом это смятение и эту боль преодолевать в обществе,

¹⁴ Архив Психологической службы газеты «Российские вести». 1993.

социальные ценности которого приведены в состояние хаоса? Об этом пришлось думать самой аудитории. И каждый сделал свой выбор. Одна из родственниц погибшего на «Курске» моряка снялась в зарубежном фильме, где все повторяла, как жалеет она, что не удалось ей прорваться к командующему флотом и «сорвать с него адмиральские погоны». Другая, – узнав, что из фонда пожертвований в помощь родственникам выделена сумма на закупку книг журналистских публикаций о катастрофе «Курска», заявила, что они оскорбительны для погибших и потребовала ввести общественный контроль за расходованием собранных средств. Одни стали говорить, что высокие денежные компенсации семьям погибших были назначены только потому, что пресса «набросилась на президента». Другие стали подавать заявления в военноморские училища, где резко вырос конкурс на «подводные факультеты». Одни, в той или иной степени, следовали в русле mass-media, другие – шли наперекор. Ответ находили те, кто искал его в себе.

... Президент Путин во время интервью ОРТ, РТР и «Независимой газете» как-то мимоходом высказался в том смысле, что в дни трагедии с «Курском» в России каждый чувствовал беспомощность и отчаяние, словно сам оказался на аварийной лодке, которой уже нечем помочь. Этот образ можно считать примером трансцензуса. И, прежде всего, потому что в нем фиксируется объективное психоисторическое состояние общества (каждый чувствовал беспомощность и отчаяние) и, одновременно, личное переживание, требующее экзистенциального выбора от каждого в меру его ответственности перед всеми и перед самим собой. Какой выбор воспоследовал, можно судить по тому, что на горестной встрече с родственниками погибших, где психологическую помощь пришлось оказывать даже некоторым журналистам-интервьюерам, было обещано, любой ценой поднять «Курск» со дна моря. (А в прессе сразу заговорили, что это только для успокоения взвинченной аудитории, а потом будет спущено на тормозах.) И еще по тому, что водолазные работы пошли своим чередом при всех рисках и затратах. (А в прессе муссировалось: это, мол, чтобы спасти военные секреты; это, мол, – неразумно, и дорого, и противоречит чувствам некоторых родственников...)

... Принимая в Махачкале посмертную награду погибшего на «Курске» мужа, вдова инженера М. Гаджиева бесхитростно раскрыла свой путь самотрансценденции. «Говорят, надежда умирает последней, - сказала она, - Но лю-

бовь и память не умирают никогда. Ты всегда с нами, Мамед!» (Поразительно, но этот эпически выраженный трансцензус в телерепортаже РТР был просто вырезан, чтобы осталось время переспросить вручавшего орден адмирала Куроедова, не переменял ли он свое мнение о столкновении «Курска» с чужой субмариной?)

Совершенно несущественно, что на самом деле думали журналисты, какие ставили перед собой цели и в какой степени их достигали. Они оказались не на высоте требований момента, запросов аудитории и собственных внутриличностных потенциалов. Великий закон массовой коммуникации действителен не только для личности читателя, но и для личности журналиста. Чтобы соответствовать самотрансценденции реципиента, коммуникатор должен стать самоактуализирующейся личностью. И хотя это условие не каждому под силу, его надо понимать и помнить. Класные журналисты всегда высмеивали цинизм как признак творческого бесплодия. А Генри Менкен, с чьим именем связана целая эпоха в журналистике, дал этому явлению точный и острый диагноз: «Циник – это тот, кто, почувствовав запах цветов, начинает озираться в поисках гроба» (1935). Суть в том, что по изначальному бессознательному посылу творчество-в-процессе-коммуницирования устремлено к самотрансценденции как к некоему духовному пределу. Поэтому, как сформулировано у безупречного стилиста М.А. Булгакова: «Правду говорить легко и приятно» (1966). Это знает каждый выступавший в прямом эфире. А косноязычие начинается там, где возникает страх быть «неверно понятым», или неспособным «провести линию», или чего другого, о чем, собственно, и говорил И. Клямкин в знаменитом очерке «Почему трудно говорить правду?». Получается, что трансцензус смысловывявляющего текста обратным светом проникает в глубину личных проблем и перспектив самого журналиста, открывая читателю уровень доверительности контакта, а автору – пути и способы самоактуализации. Это кардинальный момент, которому следует уделить дополнительное внимание.

Понятие массовая коммуникация не чисто количественное. Коммуникация становится массовой, если обеспечивает частоту обращения в социуме, глубину переживания людьми и этичность использования в групповом поведении мифем, идеологем, конструкторов, инстингатов и других рече-мыслительных образований коллективной психики. Какие бы исторические и технологические формы ни принимали mass-media, и какие бы артефакты манипулятивного воз-

действия ни потрясали общество, великий закон массовой коммуникации оставался в силе. Так же как в силе сохранялся главный принцип социального взаимодействия, во всех цивилизациях осмыслявшийся практически одинаково:

«Не делай другим того, что нежеланно тебе самому» (Упанишады, Индия 7 в. до н.э.).

«Нужно одинаково любить себя и других людей» (Мо-цзы, Китай, 5 в. до н.э.).

«Следует вести себя с другими так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с нами» (Сократ, Греция, 4 в. до н.э.).

Различия тут настолько тонкие, что любое сравнение покажется предвзятым. Но в XX веке выдающийся психолог Эрик Эриксон переформулировал древнюю максиму: «Поступай по отношению к другим так, чтобы это придавало новые силы не только им, но и тебе самому!» (1958). Трансцензус как раз такая рече-мыслительная единица, благодаря которой журналист не только читателя, но и себя самого ставит перед высшими ценностями бытия. Тем самым не только читатель возвышается до порога самотрансценденции, но и укрепляется идентичность личности самого журналиста. Смысловывявляющий текст, таким образом, не только дает возможность читателю сделать самостоятельный, прямой и ответственный выбор, но и позволяет журналисту выйти на такой профессиональный уровень, где никто не рискнет подвергнуть сомнению ни его адекватность, ни его порядочность. Журналисты, для которых этот тип текста становится основным, добиваются непреходящего успеха, неувядающего творческого долголетия, завидной крепости духа. Их взгляды и позиции, разумеется, тоже не лишены субъективизма. Но они всего ближе психоисторическому состоянию общества. И потому лучшие из них становятся «властителями дум», «совестью нации», «патриархами прессы», накладывают отпечаток своей личности на публицистику и задают ритм мышления и поведения огромного числа людей, как, например, Илья Эренбург (1891-1967) или Уолтер Липпманн (1889-1974).

Перечисленные выше восемь условий формирования смысловывявляющего текста могут показаться перечислением идеальных принципов идеальной журналистики. На самом деле, так оно и есть. Но в устремленности к идеалу есть и благо, и опасность. Самотрансценденция дает человеку ощущение внутренней силы и свободы. А это может превратиться в самодовлеющее пережи-

вание, приятное само по себе, как эйфория. Тогда, вполне сохраняя свои высокие духовные качества, человек не реалистично оценивает возможности духовного взаимодействия, возлагая на людей слишком большие ожидания. И это может привести и к житейским неудачам, и к подлинным трагедиям, когда доходит до пограничных ситуаций. Тому можно найти массу примеров во все времена, потому что самоотрансценденция присуща человеку изначально. Но может быть самый показательный – история античного стоика Сенеки (ок. 4 до н.э. – 65 н.э.). Он учил, что к добродетели следует стремиться только через самое же добродетель и в целях только ее же самой, что человек может отрешиться от страстей и презреть смерть. Так он и жил. Но его ученик и воспитанник, будущий император Нерон, вырос беспутным злодеем. А его хладнокровное самоубийство по приказу императора, облыжно обвинившего своего учителя в государственной измене, было истолковано как слепое послушание¹⁵. Возможно, в том и состоит парадокс свободы воли, что от человека, отвергающего самоотрансценденцию, следует ждать чего угодно. Это в полной мере относится и к самому журналисту, и к журналистике как социальному явлению. Поэтому важно продумать, как данный парадокс проявляется в массовой коммуникации и как влияет на само творчество-в-процессе-коммуницирования?

А.С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов» создал, можно сказать, идеальный образ коммуникатора, который ведет свою хронику, «добру и злу внимая равнодушно». Но гениальность Пушкина проявилась еще и в том, что в его произведении именно под влиянием бесстрастной летописи Пимена Гришка Отрепьев объявляет себя спасшимся от гибели сыном Ивана Грозного и ввергает Россию в первое в ее истории смутное время... Устрашающая модель «действенности и эффективности»! Но в том-то и штука, что в XX веке она стала универсальным паттерном информационного поведения. Современный человек (при некотором сосредоточении внимания) способен выделять в сообщениях то, что значимо для него лично, а затем принимать решения в собственных интересах. И все большее число людей, и все чаще поступает именно так. Увеличивает ли это число самозванцев и самовыдвиженцев, убедительной статистики нет. Но вот что существенно. С. Московичи разделяет два типа массового реципиента: *Homo simplex* (от лат. – простой, цельный, внутренне непротиворечи-

¹⁵ См., в частн.: *Краснов П.Н.* Луций Анней Сенека, его жизнь и философская деятель-

вый) и Homo duplex (от лат. – внутренне противоречивый, двойственный, даже двуличный). Согласно Московичи, Homo simplex – доверчив, податлив на манипуляцию и даже «обречен на тоталитаризм», а Homo duplex – скептичен, как говорится, себе на уме, способен противостоять манипуляции и даже «отвергнуть тоталитаризм»¹⁶. Пока Homo simplex в подавляющем большинстве, тексты массовой коммуникации действенны и эффективны (в привычном значении термина) еще и потому, что резонируют либо в коллективном бессознательном, либо в идеологии, либо в общественном мнении, либо в шоу-бизнесе... Но если Homo duplex накапливаются в аудитории до своего рода критической массы, то парадокс свободы воли становится фактором социальным, а действенность текста оборачивается хаосом эффектов. Тогда даже Homo simplex реагируют, что называется, как бог на душу положит, и непредсказуемые бумеранг-эффекты разрывают массовую коммуникацию, раздробляют ее на массу сепаратных информационных взаимодействий. Раздробление массовой коммуникации можно очень убедительно описать как начальную стадию смутных времен во все века и у всех народов. Но не менее обоснованно можно увидеть в ней и торжество идейно-политического плюрализма. А можно, вообще, возвести в идеал индивидуальной независимости и личной свободы. Однако и в том, и в другом, и в третьем случае открытым остается вопрос, что же все-таки предохраняет личность от маниакальности, пресекает плюрализм у предела общественного интереса, останавливает у последней черты маховик смутного времени? А иногда таки не предохраняет, не пресекает и не останавливает? Это, конечно, вопрос из числа «проклятых». На прямые ответы рассчитывать не приходится. Но некоторые разработки и суждения показательны именно своей недоговоренностью.

Авторитетный исследователь духовных течений XX века, Э.Ю. Соловьев¹⁷, обращаясь к творчеству М. Хайдеггера, самого, пожалуй, «темного» из философов-экзистенциалистов, находит в фундаментальном труде «Бытие и время» (1927) «романтизм, отказывающийся от привычек богемно-элитарного мышления, свойственного Кьеркегору и Ницше, романтизм, который хочет, чтобы рядовой человек, “человек улицы” (или по крайней мере широкий слой

ность. СПб, 1895.

¹⁶ См.: Московичи С. Век толп. М., 1998.

¹⁷ Цитаты и ссылки приводятся далее по кн.: Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М.,

мелкобуржуазной интеллигенции) узнал в нем свои каждодневные сомнения, опасения и тревоги». «Его общий пафос, - пишет далее Э.Ю. Соловьев, - может быть передан парадоксальной формулой: возможности в человеке суть самое важное: они *действительнее действительного и необходимее необходимого...* Человеческому индивиду, независимо от того, верит или не верит он в существование Бога, изначально свойственно относиться к себе так, *как если бы* Творец послал его в мир с уникальной, таинственной, досознательно воспринятой миссией, разгадке и выполнению которой необходимо посвятить жизнь. Но... внутренняя обращенность к *возможностям как шансам*, вырастающая на почве забвения *возможности-призвания*, образует самое существо онтически ориентированного поведения. Субъект этого поведения, независимо от того, верит или не верит он в существование Бога, ведет себя так, *как если бы* Бога не было и все сводилось к его голому фактическому существованию перед лицом других людей». Исследователь, для которого ясно, что «субъект “Бытия и времени”, по строгому счету, просто *иррелигиозен*», что им «отстаивается абстрактнейший *формализм имморальности*», не без удивления констатирует: «Причудливые, а подчас просто колдовские манипуляции, которые Хайдеггер проделывает над понятием “возможность”, в конечном счете, сводятся к попытке выработать *безрелигиозную версию божественного призвания*». Как бы для контраста, но в тоже время и для подтверждения, Э.Ю. Соловьев цитирует раннюю работу М.М. Бахтина «К философии поступка» (1921), также обращенную к теме повседневно-человеческого существования, но с позиций человека верующего: «То, что мною может быть совершено, никем другим совершено быть не может. Единственность наличного бытия нудильно обязательна. Это факт моего неалиби в бытии. Моя единственность и дана, и задана: я *есмы* действительный, незаменимый, потому *должен* осуществить свою единственность». И еще: «Жизнь может быть осознана только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией... Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима... она непроницаема для понимания».

Великие мыслители всегда говорят только об одном: о душе. И здесь тоже речь идет, в сущности, только об одном: о самотрансценденции человека. Но

для Мартина Хайдеггера это «*возможность*», а для Михаила Бахтина - «*ответственность*». Философическая разница как между исходными категориями «хаос» и «космос». И та же взаимозависимость. Но психологически тот или иной выбор предопределяет тип общества и личную судьбу человека. Со времен Сократа, собственная жизнь и судьба мыслителя, если это мыслитель – великий, является своего рода контрольным экспериментом, практическим доказательством действительности и мощи его учения.

Мартин Хайдеггер, защитив диссертацию «Учение о суждении в психологизме», 7 лет был ассистентом великого Гуссерля (1859-1938), основоположника феноменологии, который подчеркивал проблему моральной ответственности за удержание истории в колее европейской цивилизации. Знаменитый труд «Бытие и время» опубликовал в 1927 году уже как профессор философии. Его концепция нашла некий отклик в умах тех людей, что, затеяв «духовное возрождение» Германии, организовывали сожжение книг Томаса Манна и отстранили от преподавания Карла Ясперса. Символически выглядит тот факт, что в 1933 году Гитлер стал рейхсканцлером, а Мартин Хайдеггер – ректором Фрейбургского университета. Хотя это могло быть и простым совпадением. В 1945 году он был уволен за сотрудничество с нацистами. И до сих пор адепты экзистенциализма тратят массу усилий, чтобы снова и снова отграничивать концепцию Хайдеггера от одиозной фашистской идеологии. Все давно согласны, что исторически так оно и есть. Но прогностически сохраняется полная неопределенность, поскольку равновероятность категорий «возможность-призвание» и «возможность-как-шанс» делает непредосудительными любые идеи и допустимыми любые действия.

Работа «К философии поступка» была написана Михаилом Бахтиным в Витебске в 1921 году. В стране, где только-только закончилась четырехлетняя гражданская война. В провинциальном, даже не университетском городе. Не трудно представить уровень материальной обеспеченности, круг интеллектуального общения и характер взаимоотношений с властями двадцатипятилетнего литератора, отмеченного печатью гения. Всю свою дальнейшую жизнь Михаил Бахтин так и провел вдали от главных культурных центров страны, работал в заштатных ВУЗах, претерпевал тривиальную нужду. Коммунисты держали его фактически в бессрочной ссылке. А он ценил свой дар и не писал ни о реальном социализме, ни о социалистическом реализме. Трагический баланс, нечто

вроде патовой ситуации в шахматах. Власти так и не рискнули перейти к более жестким репрессиям. Но и мыслитель смог выпустить только две и к тому же абстрактно-культурологические книги: «Проблемы поэтики Достоевского» и «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса». Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы идеи Бахтина о «диалогичности сознания», «полифоничности романа», «карнавальности массового творчества», вызвав в ученом мире резонансную волну, придали гуманитарной науке дополнительный угол зрения и многих привели к особому пониманию психоисторической ситуации конца XX века. «Добро не победило Зло. Но жить во зле более стало невозможно» – звучит в телефильме «Черный квадрат» (ЦТ СССР, 1987), сценарий которого выстроен полифонично, словно по Бахтину. «Когда-то в Испании уголовное право должно было обеспечивать католическую религиозность. Теперь только религиозное сознание способно обеспечить эффективность уголовного права», – сказал на международной конференции «Религиозная нетерпимость и политический контроль в европейской истории и юриспруденции» (Мессина, 1999) Антонио Серрано Гонсалес, прямо ссылавшийся на концепцию М.М. Бахтина.

Наверное, есть в этом вопросе и сугубо богословский аспект, выходящий за предметное поле светской науки. Равно как и такие, где богословский поход означал бы недопустимый соблазн (в мистическом значении термина). Исторически фундированный вывод испанского исследователя представляется и самоочевидным, и прогностичным. Но может ли конкретное религиозное учение стать социальным резонатором смысловывявляющих текстов в современном многоконфессиональном мире. И в какой степени способен современный человек удерживаться от соблазна превратить свою религиозность, выражаясь словами М. Хайдеггера, из «*возможности-призвания*» в «*возможность-как-шанс*» для стяжания власти, почета и денег?

Принудительное введение ваххабитами на территории фактически обособленной Чечни шириатских норм жизни не разрешило ни общественных, ни личностных проблем в республике, между тем, привело к публичным казням «за нарушение супружеской верности», обезглавливанию заложников, узаконению рабства, вакханалии кровной мести и бандитским набегам на сопредельные народы. И (вот что надо осмыслить) все это оперативно получало духовно поддерживающий резонанс. После рейда Басаева на Буденновск, где боевики

захватили в заложники целую больницу с пациентами и персоналом, все телевизионные каналы транслировали рассуждения авторитетного в определенных кругах философа Г.Д., что мусульманство Шамиля Басаева – это вопрос его личной совести. После вторжения отрядов Басаева и Хаттаба в Дагестан, когда развернулась анти-террористическая кампания профессор Р.Х., некогда занимавший высокий политический пост, подчеркнул: «Коллективная ответственность чеченцев перед богом, а не перед Путиным. Я – верующий человек. Я буду извиняться, когда пойму, перед кем виноват»¹⁸. После того, как воинские формирования сепаратистов были разгромлены, а боевики перешли к диверсионным действиям, телеобозреватель В. Флярковский в авторской программе выступил в том духе, что «чеченцы имеют право на месть», что «каждый чеченец и каждый русский – кровники»¹⁹. Важно заметить, как неотвратимо снижается уровень духовных категорий, к которым апеллируют просвещенные коммуникаторы: от религиозных («мусульманство») через магические («коллективная вина») к первобытнообщинным («кровники»). И дело тут даже не в «попустительстве» или «подстрекательстве». А в том, что все это, как говорится в одном из романов братьев Стругацких, - «попытки натянуть фразную пару на осьминога»²⁰. Но осьминогу, особенно тому, который в душе самого коммуникатора, без разницы, чем его разукрашивают: все превращается в маскхалат или бронжилет. И он становится настолько осьминожистым, что уже и богословы не знают, как к нему подступиться. Вера, правда, спасает от пораженчества. И, к примеру, когда диакон Андрей Кураев, выступая по телевидению, сказал: «Цивилизация закончится воцарением антихриста», – в этом прозвучало не отчаяние, а упование на силу и славу Страшного Суда Божьего. Однако вслед за этим интервьюер завел речь о мирских проблемах и судьбах, и тогда диакон главным врагом назвал телевидение (!?), а на вопрос: «Что делать?» – ответил: «Не знаю»²¹.

Чтобы доктринально трактовать богословское значение подобных высказываний, нужно быть теологом. Но психологический смысл духовной практики священнослужителей достаточно прозрачен и выразителен. Выступая на «Девя-

¹⁸ «Герой дня без галстука». НТВ. 1999. 1 окт.

¹⁹ «Неделя». ТВЦ. 2000. 26 февр.

²⁰ Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света // Знание-сила. 1976. № 12.

²¹ «События. Время московское». ТВЦ. 2001. 6 янв.

тых рождественских образовательных чтениях» (Москва, 2001), отец Александр (Трушин), священник храма, в котором начали мироточить иконы, выразил обеспокоенность тем, «чтобы чудо не стало поводом для идолопоклонничества», и, обратившись к проблеме старчества (жизненного руководства), поставил прямой вопрос: «Имеем ли мы право, свалить ту свободу, которую дал Господь, на старца? Хотя блажен тот батюшка, к которому идут за помощью?». Это надо прочувствовать. Служитель церкви, обычный, не элитный, «простой священник», размышляя о практическом поведении обычного, не из элиты, «простого прихожанина», видит в высоко-абстрактной категории «свободы воли» (в богословском ее понимании) абсолютный знак возможности (и права) каждого делать собственный выбор в любой ситуации и абсолютную меру ответственности (и обязанности) каждого в будущем спасении или гибели своей души. Тут просто напрашивается сопоставление с философическими категориями «возможность» (М. Хайдеггер) и «ответственность» (М. Бахтин), а также психотерапевтическими терминами «смысл жизни» (В. Франкл) и «самоактуализация» (А. Маслоу). И даже возникает вопрос о юридической ущербности понятия «неотъемлемые права человека», поскольку оно не соотносено ни с представлениями об «обязанности-перед-собой» (типа спасения души), ни с опасностями распада личности (типа деградации, нусогенных неврозов и т.п.). Однако, если оставаться в рамках общенаучной концепции о развитии феномена человека от коллективного бессознательного и общинного поведения к индивидуальному самосознанию и личной ответственности, прежде всего как самое существенное следует отметить, что к началу XXI века массовым психическим стремлением становится «индивидуация», которая применительно к отдельному человеку, по словам К.-Г. Юнга, «заключается в том, чтобы стать отдельным существом и, поскольку мы понимаем под индивидуальностью нашу глубочайшую, последнюю и несравненную уникальность, *стать собственной самостью*. Поэтому индивидуацию, – поясняет далее великий психолог, – можно было бы определить и как “самостояние” или как “самоосуществление”... Индивидуализм есть преднамеренное выпячивание и подчеркивание мнимого своеобразия в противовес уважению и обязательствам в отношении коллектива. Индивидуация же означает как раз более совершенное

исполнение человеком своих коллективных предназначений»²². Вследствие индивидуации теряют мощностные социальные резонаторы информации, такие как массовые обряды, идеологические системы, общественное мнение, рекламные акции шоу-бизнеса, и обретают влияние коммуникативные факторы сугубо личностного плана: доверительность, самоочевидность, одухотворенность и т.п. Не случайно гуманистическая парадигма мышления принципиально индирективна. А смысловывявляющий текст отказывается от любых форм давления, стимуляции и манипулирования. Иначе это было бы не обращение к самотрансценденции, а понуждение к жертвоприношению. Самоактуализация вообще имеет смысл только как личное дело. И трансцензус ничего не предлагает и ни на чем не настаивает. В нем только момент экзистенциального выбора. Но тот, кому это откроется, ощутит потребность некоего преобразования. Это мощное переживание. К.-Г. Юнг даже относит «преобразование» в число шести важнейших архетипов²³. Получается, что своеобразным резонатором трансцензуса, как рече-мыслительной единицы гуманистической коммуникации, становится то, что делает человека человеком – его феноменологическое свойство, которое по-разному определялось в разных сферах деятельности и разных парадигмах мышления: «душа», «самосознание», «категорический императив», «активность», «воля к жизни», «экзистенция», - но неизменно соотносилось с потенцией творчества.

Трансцензус – пик творчества-в-процессе-коммуницирования и для читателя, которому важно свое, только ему нужное и только ему доступное понимание смысла, и для журналиста, которому важно выявить смысл как первооснову для последующих толкований, сколь произвольными они бы потом ни были. Собственно, так и реализуется описанный выше особый тип вероятностного умозаключения в условиях социальной антиномии, логика которого подготавливает не вывод (истинный или ложный), а выбор (необходимый и ответственный, но индирективный). Смысловывявляющий текст порождается и воспринимается в парадигме гуманистического мышления, а это совершенно особая система принципов и категорий. Здесь соединяется полная свобода выбора и полная мера ответственности. Смысловывявляющий текст освещает события под знаком высших ценностей, но с позиций конкретного индивидуума. Этим обу-

²² Юнг К.Г. Отношение между «Я» и бессознательным. М. 1995. С.235-236.

словлены его социально-коммуникативные функции и психорегулирующие возможности в преодолении критических ситуаций, профилактике стрессов и активизации ресурсов личности.

Смысловыявляющий текст		
Социально-коммуникативные функции	Базовые Психические процессы	Выразительные Средства
<ul style="list-style-type: none"> • Преодоление индивидуальных и массовых травматических переживаний, профилактика социальных стрессов путем актуализации смыслов и ценностей • Выявление экзистенциального смысла текущей действительности • Поддержка неконформистских тенденций в обществе, противодействие массовизации и унификации личности • Обеспечение свободы самовыражения • Ритуализация (воссоздание) и порождение ценностей • Активизация, мобилизация творческих ресурсов индивидуальности (в широких масштабах) • Восхождение к высшим ценностям. 	<ul style="list-style-type: none"> • Индивидуация – стремление к реализации собственной индивидуальности, к независимости и автономности • Способность к ответственному личному выбору • Имманентное стремление к смыслу • Потребность в самоактуализации • Спонтанное разворачивание внутренних ресурсов роста • Переживание экзистенциальных ценностей бытия. • Спонтанный неконформизм, противодействие внешнему давлению • Способность к смысобразующим чувствам – благодарности, великодушию, состраданию, альтруизму, любви, чести и т.д. • Состояние творческой самореализации. 	<ul style="list-style-type: none"> • Освещение событий и явлений под знаком высших символических ценностей, символизация ключевых моментов жизни • Предоставление права читателю самому судить и совершать выбор. • Уважение к ценностям и духовным приоритетам индивидуальности. • Противодействие хаосу и бессмысленности через демонстрацию конструктивной деятельности и поддержание веры в лучшие стороны человеческой природы. Поиск позитивных моделей поведения, примеров стойкости и мужества людей в чрезвычайных обстоятельствах. • Переосмысление утраченных ценностей • Защита интересов аудитории, отказ от внешних целей (продвижения социальных и политических программ, проектов)

В новой парадигме выстраивается мышление, общение и поведение уже столь многих людей, что это становится заметно в конкретных исследованиях массовой аудитории. Психологическая служба редакции газеты «Российские вести», проведя тест-анкетирование читателей по репрезентативной выборке (3000 испытуемых в Москве, Карелии, Красноярском крае, Московской, Ростовской и Челябинской областях), в результате машинной обработки общего массива данных (факторный, кластерный и дискриминантный анализ по программе SAS), получила в распределении девять социально-психологических

²³ См.: Юнг К.-Г. Шесть архетипов. Киев. 1998.

страт аудитории, то есть незамкнутых, но вполне определенных групп людей, сходных по реакциям на реальные ситуации, отношению к поступкам деятелей и «звезд», стилю поведения, жизненным перспективам, сфере притязаний. Одна из таких страт, получившая значимое определение «Корректные», описана следующим образом: «Их отличает социальная взыскательность. Они ясно осознают свой потенциал и стремятся его использовать в личных целях, но не в ущерб другим. Брать на себя ответственность за всеобщее благо они не собираются, однако готовы участвовать в общественных проблемах лично или путем пожертвований. Терпимы к людям. Принимая решения, умеют предвидеть их отдаленные последствия. Политику “грязным делом” не считают: однако сторонятся ее, “чтобы не иметь дела с грязными людьми”. Подобные красивые предубеждения мешают им стать лидирующей стратой общества. В этом может быть их ущербность. Но таких респондентов уже 19 (!) процентов. А раньше как показал ретроспективный зондаж, почти не было... В составе группы по большей части мужчины (65 процентов) в возрасте от 25 до 50 лет. Довольно много молодежи (20 процентов). Среди респондентов старше 50 лет этот тип не зафиксирован. Предпочитают качественные источники информации, в том числе зарубежные»²⁴. Три момента бросаются в глаза в этом описании. Во-первых, конечно, что это страта - массовая. 19 процентов аудитории – это очень много. Вполне достаточно для формирования особой ветви массовой коммуникации: самокупаемых изданий, радио- и телепрограмм, не говоря уже о специальных рубриках и разделах в газетах и журналах. Смысловая являющийся текст, таким образом, всегда может рассчитывать на резонанс, а его автор на востребованность и известность. Во-вторых, – свойственный данной страте характер моральности («ясно осознают свой потенциал и стремятся его использовать в личных целях, но не в ущерб другим») и уровень мышления («принимая решения, умеют предвидеть их отдаленные последствия»). На историческом фоне, где «судьбоносные решения» принимали деятели, не способные предвидеть даже их ближайших последствий и в личных целях наносившие ущерб целым народам и отраслям хозяйства, «корректные» – самая отзывчивая, самая надежная и, в дальней перспективе, самая эффективная страта аудитории. Словно бы именно про этих людей сказано Н.Г. Чернышевским: «Они - соль земли. Теин в чае.

²⁴ Граждане, послушайте себя // Политическая среда. 1995. № 2.

Букет в благородном вине» (1863). Наконец, в-третьих, и это не менее существенно, - отмечается, что «красивые предрассудки, мешают им стать лидирующей стратой общества». Но отказ от экзистенциального выбора, какими бы разумными прогнозами и какими бы щепетильными резонами он ни был продиктован, не проходит бесследно ни для личного самолюбия, ни для общественного признания. Уходит кураж. Падают авторитет. Между тем, социальная функция «корректных» даже более важна, нежели, к примеру, политическое лидерство. Для психического здоровья людям необходимо, чтобы кто-то держал пример самотрансценденции. «Без праведника не стоит ни село, ни город, ни вся земля наша», - напомнил А.И. Солженицын старинную поговорку (1960). Издревле кудесник или юродивый почитались, по сути, вровень с царем или князем. Но отступник никому уже не был нужен. «Соль добрая вещь, - говорится в Евангелии, - но если соль потеряет силу, чем исправить ее? Ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее» (Лук. 14. 34). И потому социотерапевтическая функция массовой коммуникации состоит не столько в том, чтобы «уедать отступников», сколько в тиражировании прецедентов самотрансценденции, которые нужны всем (и прежде всего самим «корректным»), как надежда и опора, и которые есть всегда, в любой психоисторической ситуации.

Но чтобы соответствовать и таким задачам и такой аудитории журналисту следует на себя примерить все условия и механизмы подготовки смысловыявляющего текста, а также все возможности и последствия гуманистического мышления. Важно в полной ясности принять седьмое правило техники информационной безопасности, которое тоже берет начало и находит свое завершение в психологии журналистского творчества. Это не просто, потому что проблема экзистенциального выбора сама по себе антиномична. Художественный образ схватывает антиномию фигурально: «Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор все тянутся передо мною кривые, глухие, окольные пути»²⁵. Но журналистский трансцензус должен открывать антиномию не иносказательно, а воочию, как факт жизни, во всей материальности угроз и негарантированности обещаний. Совершенно особенная творческая задача. Совсем по Данте: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда. Здесь страх не должен подавать совета» (1313). Суть в том, что творче-

²⁵ Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света // Знание-сила. 1976. № 12.

ство-в-процессе-коммуницирования непрерывно ставит журналиста в ситуации, когда только от него зависит, мелькнет ли факт как проходная деталь событий или предстанет как трансцензус. И с любого (даже случайного) отказа (по заказу, из боязни, по лености или просто недальновидности), как обвал с первого камня, может начаться деструкция личности журналиста, которая с неизбежностью ведет к профессиональной деградации и духовному перерождению. Поэтому конечный вывод имеет как бы тройственную структуру.

Воля к самотрансценденции – мера профессиональной классности журналиста.

Строгое соблюдение принципов и условий подготовки смысловывявляющего текста при любых коммуникативных обстоятельствах – мера адекватности, независимости и перспективности журналиста.

Масса смысловывявляющих текстов в потоке публикаций – мера ответственности или манипулятивности каналов, рубрик, программ, кампаний и проектов mass-media, а также творчества отдельных журналистов.

Раздел восьмой

NET-МЫШЛЕНИЕ И СЕТЕВОЙ ТЕКСТ

На выборах в Государственную Думу России (1999) объединение «Союз правых сил» (СПС) набрало больше голосов, чем Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) и «Яблоко». Между тем, ЛДПР Жириновского была, действительно, массовой партией, которая имела свои отделения практически во всех регионах страны. У нее был устойчивый и активный, как говорится, протестный электорат, и скандально-знаменитый харизматический лидер, зажигательные речи которого широко тиражировались в массовых коммуникациях. «Яблоко» тоже было устойчивой политической силой, известной во всех регионах. Авторитет лидера, Г.А. Явлинского, как выдающегося интеллектуала, принципиального политика и порядочного человека привлекал внимание, так сказать, интеллигентного избирателя. У «Яблока» была самая убедительная, научно обоснованная программа, разъяснение которой стало стержневой темой предвыборной пропаганды. У СПС было все наоборот. Его только что собрали «с бора по сосенке». В нем почти не было рядовых членов. Зато столько объединилось вождей, что внутренние споры и ссоры опрокинули бы любую программу, и потому ее только пообещали, но потом как бы забыли выдвинуть. Его лидеры: С. Кириенко, Б. Немцов, А. Чубайс, да и все другие имели всероссийскую и даже мировую известность, но скорее провального характера. Их публичные выступления сопровождались проявлениями устойчивой неприязни рядовых избирателей. В телевизионных диспутах А. Чубайс и Б. Немцов блекло выглядели на фоне Г. Явлинского и В. Жириновского. Первый предвыборный слоган СПС: «Ты – прав!», - только оживил старый нецензурный анекдот. Шоу-митинг в Петербурге, организованный в стиле «Голосуй или проиграешь!», подвергся осмеянию на телевидении в таких формах, что это вызвало превентивные санкции со стороны министра информации... Но! Кириенко первым открыл в Интернете собственный предвыборный сайт. А потом в Москве у всех станций метрополитена и вдоль основных автомобильных магистралей разом, в один день, появились серо-голубые рекламные щиты, на которых характерным

«компьютерным» шрифтом было написано: «Хочешь жить как в Европе?». Через несколько дней ниже появилась: «Да!». Сразу на всех щитах. А спустя еще несколько дней – третья строка: «Голосуй за Кириенко!». Время от времени текст варьировался. К примеру, сначала появлялась строка: «Тебе что, больше всех надо?», – затем: «Да!», – а еще через несколько дней: «Голосуй за Кириенко!» Вряд ли именно СПС оттянул голоса от ЛДПР и «Яблока». Скорее, он привел к урнам новых избирателей, которые иначе, может быть, и не стали бы участвовать в голосовании.

Как эффект политических технологий все это мало привлекательно. Но в научном плане важно, что есть, оказывается, не только новая сфера массового общения, но и специфический тип мышления, и, по-видимому, особый тип текста. Однако не так-то просто подвести подо все это философскую базу.

Потрясающие технические достижения и ошеломляющие социальные пертурбации современности вызывают тектонические процессы в психике человека, но не получают необходимого мировоззренческого осмысления на уровне социума. Философия утратила интерес к глубоким метафизическим и онтологическим проблемам, как будто «наука наук» к середине XX века полностью исчерпала объяснительные возможности своей методологии и ей осталось только переродиться в разного рода разновидности идеологии. И серьезные философы занялись локальными проблемами вроде структурной лингвистики, а их исследования практически слились с конкретной наукой, к чему в свое время призывали основоположники прагматизма Пирс и Дьюи. Но свято место пусто не бывает, и осмысление философских проблем человеческого существования перешло на уровень обыденного сознания и массовой культуры. В 60-х годах прошлого столетия как откровение воспринимались научно фантастические романы Кларка и психо-социальные утопии Стругацких, абсолютным успехом пользовались фильмы «Космическая Одиссея 2001» Стэнли Кубрика и «Девять дней одного года» Михаила Ромма, огромное число людей включалось в бурные дискуссии типа «Есть ли жизнь на Марсе?» и «Может ли машина мыслить?». Далее последовал бум научно-популярных изданий и триумфы научных обозревателей телевидения. Но у массовой культуры свои правила, и жанр «fantasy» растворился в «fiction», «мыльные оперы» поглотили высокие «morality», а кровавые «боевики» развеяли мечты о «братьях по разуму».

Общество не могло овладеть лавинообразно нарастающим потоком ин-

формации без строгой методологии научной теории познания. Без рефлексии принципов организации и функционирования самого мышления практически более невозможно стало «мыслить о мире». Мышление все чаще оказывалось неизоморфным (не подобным) мироустройству. Это означало, что человеческая мысль столкнулась с онтологическими проблемами, противоречащими онтологическому статусу самого мышления, его базовым установкам и убеждениям. Действительно, основные феномены и категории современной науки уже не могут быть визуализированы и осмыслены в терминах трехмерного пространства и необратимого времени. Как, к примеру, представить себе парадокс квантовой механики: «Частица проходит одновременно через две щели»? Традиционные философские системы тут могут только затруднить процесс дальнейшего проникновения в новую научную реальность. Между тем, не кто иной, как основатель квантовой теории Макс Планк (1858-1947) подчеркивал: «Естественные науки не могут обойтись без философии»¹.

И в прошлом случалось, что люди утрачивали веру в справедливость и гармонию мира на переломных поворотах истории, в стрессовых, травматических обстоятельствах. Но теперь под ударами научных открытий разрушалась сама физически очевидная картина мира, опровергались считавшиеся незыблемыми законы мироздания. Классическую науку это ввергло в глубокий кризис и обозначило полный крах ее мировоззренческих дисциплин. Но одновременно это был в полном смысле прорыв на новый уровень восприятия и понимания реальности. Прорыв настолько глубокий и стремительный, что экспериментальные методики и теоретические концепции новейшей физики сами по себе становились фундаментальными мировоззренческими категориями, и даже математические формулы обретали философский смысл. Квантовая механика стала действительной философией XX века, а «теория поля» - подлинной картиной мира. И это больше, чем метафора. Чтобы убедиться, - достаточно соотнести основные категории и законы рационалистического мышления: «объективность», «каузальность», «случайность», «детерминизм», «обратимость логических операций и соответствующих им практических действий», «однозначность и непротиворечивость логических выводов» и ряд других, - с показаниями приборов и результатами расчетов современных испытателей природы.

¹ См.: Успехи физических наук. 1926. Т. 6. Вып. 3. С.199.

Характерно в этом отношении явление, так называемого, квантового индетерминизма. Суть в том, что движение микрочастицы не предопределяется ни явными, ни скрытыми причинами, не подчиняется никаким закономерностям и потому не может быть предсказано. Каждая микрочастица как бы обладает абсолютной свободой, и ее траектория ничем не детерминирована². Однако, хотя и нельзя определить причину и предсказать последующие этапы развития отдельной частицы, удается достаточно точно описать закономерности движения большого количества микрочастиц, которые в соответствии со стохастическими законами, образуют неким образом упорядоченное пространственно-временное целое. Получается, что классические уравнения И. Ньютона (1643-1727) и вероятностный детерминизм П. Лапласа (1749-1827) не позволяют определить движение одной частицы, хотя их вполне достаточно, чтобы предсказать будущее и проследить прошлое системы частиц³. На смену представлениям о бесконечной причинно-следственной цепи, которой однозначно связаны единичные явления, приходит осознание стохастического характера всех физических законов и явлений. В таком случае общая тенденция предстает как вектор сложения множества разнонаправленных движений, причин и следствий, и, к примеру, фиксируемая прибором траектория движения оказывается «пучком» траекторий, проложенных множеством единичных частиц. Отсюда следовало, что обратимость, то есть возврат в исходную точку посредством обратного порядка действий, недостижима. Сам принцип причинности трансформировался в сложную систему. Стохастические явления, манифестируемые на уровне «квантового хаоса», приобретают фундаментальный характер как основа миропорядка и любой цельности⁴. С этой точки зрения, любой единичный объект или явление также рассматривается как некоторая самодостаточная целостность. А потому даже минимальная частичка целого – квант – сама выступает как элементарная целостность, что находит отражение в теории «квантового холизма» (от греч. *holos* – весь, целый, целостный). Одним из проявлений квантового холизма считается способность двух частиц составлять единый объект, даже разлетевшись на астрономические расстояния, что выражается в необъяснимой корреляции их свойств, хотя непосредственная взаимосвязь уже невозможна.

² См.: *Московский А.В.* Платон, Флоренский и современная наука / Сеть Интернет, 2001.

³ См.: *Аршинов В., Данилов Ю., Тарасенко В.* Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации. 2000. <http://www.flogiston.df.ru/projects>

можно⁵. Так называемая эйнштейновская нелокальность в том и состоит, что свойства системы не могут быть локализованы (представлены, соединены) в отдельной частице, ибо носителем их является система в целом. И в свете этих физико-математических абстракций явлениями одного порядка оказываются удивительная согласованность, когерентность (соответствие), синергетичность (координированность) и синхронность процессов, протекающих в разных частях сложной самоорганизующейся системы, будь то космос, квантовый ансамбль, муравьиная семья, центральная нервная система организма или даже человеческое общество. И дело тут не в прямых аналогиях и не в подборе примеров (они вполне очевидны и всегда наготове). Открылся новый класс феноменов и закономерностей реальности, которые необходимо было осмыслить мировоззренчески. И поскольку заидеологизированная философия не внушала доверия, потребовалась практически ориентированная теория самоорганизации в сложных системах. Для обозначения новой науки Герман Хакен предложил термин «синергетика» (от гр. *synergos* – вместе действующий)⁶. Ранее этот термин использовался для характеристики согласованного действия мышц во время движения: ходьбы, дыхания и др.

Новая картина мира потребовала и новых принципов осмысления законов взаимодействия субъективного и объективного, психического и физического. Экспериментальные исследования микромира показали, что в каждый конкретный момент можно получить точные данные либо об импульсе частицы, либо о ее координатах. Но это противоречие не превратилось в научный казус, а было осмыслено как фундаментальный закон познания мира - «принцип дополненности», согласно которому энергетически-импульсные и пространственно-временные характеристики микрообъекта не могут быть определены одновременно, а выражаются в двух различных, но равно достоверных картинах, которые дополняют друг друга. Филипп Франк (1884-1966), крупный физик, известный также работами по логике науки, видел в этом явлении «крах причинности» и «свободу воли» электрона. Он распространял требование «дополнительного способа описания» на рассмотрение «разума и инстинкта» в психологии, «свободы воли и детерминизма» в философии, «правосудия и милосердия» в юрис-

⁴ См.: Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1994.

⁵ См.: Московский А.В. *Платон, Флоренский и современная наука* / Сеть Интернет, 2001.

⁶ См.: Хакен Г. *Синергетика: иерархия неустойчивости в самоорганизующихся системах*.

пруденции⁷. Нильс Бор, сформулировавший принцип дополнительности в рамках квантовой механики, сам позднее писал о его всеобъемлющем характере: «Цельность живых организмов и характеристики людей, обладающих сознанием, а также и человеческих культур, представляют черты цельности, отображение которых требует типично дополнительного способа описания»⁸. Для физиков это стало лишним основанием дополнить свою терминологию понятиями из сферы психического. Они стали говорить не о траекториях, а о «поведении» электронов, определять вновь открытые микрочастицы как «странные» или даже «очарованные». И это только помогало глубже проникнуть в закономерности микромира. Иное дело философы. Им было от чего прийти в замешательство. Новые феномены и концепции непрерывно трансформировались, оборачивались и выворачивались, являя полную несовместимость с неколебимыми устоями традиционных теорий. «Принцип дополнительности» гениального Нильса Бора другой гений квантовой физики Вернер Гейзенберг (1901-1976) представил как «принцип неопределенности», согласно которому дополнительные свойства микрочастицы (координата и импульс; время и энергия) не обладают устойчивым значением, как бы размывают определенность друг друга. И чем определеннее значение координаты микрочастицы, тем более неопределенным является импульс в направлении этой координаты, и наоборот. Дополнительные свойства, таким образом, выступают как чуть ли не взаимопоглащающие, превращая микрообъект в соотношение неопределенностей, которые невозможно измерить одновременно. Неточность неизбежна и безусловна. Хотя соотношение неопределенностей, как феномен, было определено с математической точностью. Согласно знаменитой формуле В. Гейзенберга (1927) оно неизменно. Это константа, та самая точно исчисленная «постоянная Планка», которая фиксирует «квант действия», с которой началась квантовая теория, и математический значок которой: h , - стал философическим символом. Постоянная Планка представляет собой один из основных масштабов природы, разграничивающий явления, которые можно описывать по законам классической физики (в этих случаях как бы считается $h = 0$), от явлений, для правильного истолкования которых необходима квантовая теория. Неопределенность тем

М., 1985.

⁷ См., напр.: *Frank F. Modern science and its philosophy*. Camb., 1961.

⁸ Бор Н. Квантовая физика и философия // *Успехи физических наук*. 1959. Т. 67, Вып. 1.

самым признается как фундаментальное свойство познаваемого объекта, которое связано не с погрешностью вычислений, а с онтологическим статусом самого явления.

Но человеческая психика менее всего приспособлена к ощущению неопределенности. Именно неопределенность является одним из самых мощных стрессогенных факторов. Избегание неопределенности и противоречия лежит в основе логического мышления и является его основной функцией. Есть основания считать, что понятие случая и случайности, вообще, чуждо естественному, «природному» мышлению и является вторичным, «окультуренным» представлением. Магическая парадигма мышления не допускает случайности: все без исключения имеет причину, является продуктом божественного или человеческого хотения и волеизъявления. В рационалистической парадигме случайность тоже исключена, поскольку все связано в единую причинно-следственную цепь объективными, всеобщими и необходимыми законами мироздания. Для прагматического мышления, которое вроде бы отказывалось отвечать на вопрос о тайнах мироздания и причинах явлений, критерием истины был, тем не менее, объективный успех, как следствие целесообразной деятельности, а не случая. В гедонистической парадигме сама психика человека жестко и однозначно детерминирована биологическими законами, и потому ничто в жизни не происходит случайно. Лишь экзистенциализм приблизился к понятию свободы, не осознавая, впрочем, в полной мере роль случайности в произвольном импульсе личности. В гуманистической парадигме свобода – это стремление к реализации экзистенции, которая предстает как духовное измерение бытия: нравственное переживание, совесть, категорический императив, инстинктоидная потребность в трансцендировании. В принципе, это отчаянная попытка «гуманизировать» природу человека, приписав ей иррациональные духовные потребности, как первобытный человек приписывал природе одушевленность и целенаправленность. Фигурально говоря, свойственный человеку антропоморфизм по отношению к природе сменился, в конце концов, чем-то вроде самоантропоморфизма. Однако решительный шаг вперед был сделан: экзистенциальный выбор – понятие двойственное, в нем неразрывны свобода и необходимость, произвольность и ответственность, правильность и неправильность, индетерминизм и детерми-

низм. Это уже не predeterminedness закона, хотя еще и не воля случая. А для новейшей парадигмы мышления и современной метафизики свобода – это реализация неопределенности, то есть абсолютная беспричинность и абсолютная потенциальность. При таком подходе, нет необходимости предполагать существование духовных потребностей для обоснования непрактичных, нерациональных, противоречащих биологическим инстинктам и прагматическим интересам или даже саморазрушительных поступков человека. Не похож ли человек в этом отношении на квант? Способность к непредсказуемым действиям – элементарное свойство бытия. Это даже не отличительное, видоспецифическое качество Homo Sapiens. И потому естественно, что большие группы вследствие системных процессов ведут себя вполне предсказуемо, так сказать, по закону больших чисел. Эта удобная и очевидная предсказуемость на уровне общины (сословия, класса, массы...) в политике постоянно используется с тем большим эффектом, чем жестче (в обряде, сословном праве, партийном энтузиазме, диктаторском режиме...) отбрасывается, (уничтожается, не допускается, пресекается) свобода индивида, подобно тому, как детерминанты классической физики представляются неколебимыми, если отбросить постоянную Планка, считая $\hbar = 0$. Развертывание аналогии следует продолжить, чтобы проследить процесс до того момента, когда абсолютная свобода личности все-таки прорывается через любые законы больших чисел.

Согласно основным положениям синергетики различные состояния динамической системы выступают как более или менее устойчивые. Периоды устойчивости сменяются периодами неустойчивости. Но рано или поздно система окончательно теряет устойчивость, потому что случайные колебания (флуктуации) выводят ее из равновесия. Шумы начинают преобладать над информацией, делая ее неразличимой. Это одно из необходимых условий перехода системы в новое состояние, которое может стать устойчивым, хотя и по-новому. Это так называемый фазовый переход. И если в период относительного покоя система характеризуется огромным количеством параметров (чем сложнее система, тем их больше), то непосредственно перед фазовым переходом система упрощается, восходя от бесчисленных хаотических параметров к немногим параметрам порядка. В этот момент происходит чуть ли не мистическая вещь, система создает новый образ самой себя, самоорганизуются какие-то новые механизмы функционирования и прогнозирования. Подчинение большого числа ха-

отических параметров малому количеству параметров порядка по-английски обозначается как *slaving principle*, (буквально) «принцип порабощения» По-русски это обозначается помягче – «принцип подчинения». Получается, что необходимость использования критических объемов информации и согласования огромного количества взаимодополнительных процессов порождает специфические механизмы саморегуляции, благодаря чему спонтанно разворачивается качественное преобразование, сжатие информации. Если говорить о социальной саморегуляции, то информация, во-первых, сжимается до симультанного образа, во-вторых, поляризуется до однозначной оценки, в третьих, структурируется до жесткости алгоритма, в четвертых, возводится в непреложную (объективную) закономерность. Простая совокупность информации обо всех параметрах системы отличается от информации второго порядка, как, фигурально говоря, статистическая сводка генштаба о ходе военных действий от песни «Вставай, страна огромная» или иероглифа «Яшма вдребезги». Развертывание аналогии привело, таким образом, к обратной метафоре, и оказалось, что синергетическая информация второго порядка удивительным образом повторяет свойства «мифемы»: ее симультанную тотальность, категоричность, суггестивность, непреложность и даже мистическую непроницаемость. По-видимому, по мере того, как сознание и рационалистическое мышление берут часть регулятивных функций на себя, иррациональная власть «мифемы» микшируется, уступая место «идеологеме», затем «конструкту», которые опираются на мощь поднимающегося разума. Затем вследствие массовизации процесса, при резком росте параметров неустойчивости системы самую активную роль начинает играть «инстигат», но это только увеличивает амплитуду флуктуаций и к моменту наступления очередного хаоса и смуты сознания «мифема», благодаря симультанности, непосредственной суггестивности и мистической непроницаемости может снова стать основным регулятором поведения.

Похоже, симультанный образ, фиксируемый как визуальное представление, действительно, наиболее удобный вариант упорядочения информации, которую нужно запомнить или использовать для управления сложным объектом. Так для летчиков суперсовременных самолетов инженерные психологи предложили вместо сложной панели с многочисленными приборами использовать объемную модель-аквариум, наглядно представляющую положение самолета в пространстве. Та же идея достаточно успешно реализуется теперь в компью-

терных трехмерных программах. Приемы визуализации значительно облегчают запоминание ряда несвязанных между собою слов. Если удастся объединить их в одной картинке, пусть даже нелепой, вероятность последующего воспроизведения многократно возрастает. Человек получает возможность с одного предъявления запомнить до 20 слов! При воспроизведении он просто «разглядывает» визуальный образ, словно разматывает клубок. Как, например, запомнить слова: СОБАКА, ШЛЯПА, ВЕЛОСИПЕД, ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ЗАБОР, СИГАРА? Испытуемому предлагается вообразить такую картину: «ПОЛИЦЕЙСКИЙ с СИГАРОЙ в зубах останавливает у ЗАБОРА СОБАКУ (разумеется, в ШЛЯПЕ), едущую на ВЕЛОСИПЕДЕ»⁹. В принципе, это простейший пример создания и использования для психической саморегуляции, так называемых, виртуальных объектов.

Но что значит «виртуальный»? Чем больше появляется философических толкований и теоретических проработок этого волнующего понятия, тем труднее его применять в прикладных исследованиях. И потому есть резон возвратиться к исходному, предельно прагматичному, можно сказать, деловому определению, которое дает, например, словарь с выразительным в своей непритязательности названием «Business Speak»: «Virtual – being in essence or effect, not in name or fact» (виртуальный – активный в осмыслении или в действии, но не представленный в принятых определениях или в реальности)¹⁰. Характерно, что в устном словоупотреблении «virtual» значит – «эффективный»¹¹. Виртуальные объекты обеспечивают действительность и мощь мышления, их эффективность обнаруживается в поведении, они проявляются в дальнейших явлениях и событиях, но не существуют «de jure» и «de facto». Можно предположить, что подобные виртуальные объекты как раз и представляют собой устойчивые алгоритмы синергетической самоорганизации. Они являются эффектами самоорганизации и сами становятся причиной дальнейших изменений функционирования системы. Но что такое тогда «категорический императив», «табу», «опыт», «принцип удовольствия»? Фрейд утверждал, что многие представления человека, особенно в сфере нравственности, суть «рационализация» (самооправдание) инстинктивных желаний. Для него и религиозные верования не бо-

⁹ См.: *Клацки Р.* Память человека. Структура и процессы. М., 1978.

¹⁰ *Business Speak.* Oxford; Moscow, 1994.

¹¹ *Англо-русский словарь.* Сост. В.К. Мюллер. М., 1965.

лее чем «продукт психического метаболизма». Он полагал, что эти производные психики *мешают* человеку познать мир и реализовать свои желания. А Джон Дьюи истолковывал опыт как средство для отсроченной, но более правильной реакции человеческого организма. Позиции диаметрально противоположные. И современные ученые, фиксируя символы на входе и выходе мышления, прослеживают кропотливую и хаотичную работу мысли, аналогичную законам термодинамики и неравновесных процессов. Теперь наука должна быть готова рассмотреть духовную (коллективную) и психическую (индивидуальную) активность как форму самоорганизации целостной и необыкновенно сложной системы в свете принципа дополнительности/неопределенности. Все более ясно, что управление (точнее, саморегуляция) посредством эмоций, убеждений, рефлексии - единственно возможный способ синергетической деятельности сверхсложных систем типа человек и социум. Мир виртуальных объектов раскрывается как важнейший управляющий фактор, необходимый атрибут и условие существования системы. В этом смысле виртуальный мир столь же действителен, как виртуальные частицы микромира, которые не регистрируются, не оставляют следов, но участвуют во взаимодействии элементарных частиц, изменяя их состояние. В самом деле, можно ли зарегистрировать идеал, архетип, идею-фикс, стереотип как реальные объекты? Но они заставляют индивидуумов жертвовать жизнью, а огромные массы людей действовать заодно, часто не сознавая ни направления, ни конечной цели, ни самого движения. Более того, ничто другое не могло бы обеспечить функцию синхронизации и интеграции всех индивидуальных волей, желаний и потребностей. Ни лидер, ни герой, ни гений не могут соответствовать такой миссии. Имидж любого деятеля сам является частью виртуального мира, и действует до тех пор, пока соответствует назревшей тенденции, а затем харизматическая притягательность может внезапно испариться. Героическая личность вдруг превращается в пародию, всеми презираемого монстра, в адрес которого с тем же жаром, что некогда клики восхищения, несутся проклятия, совсем как в сказке, где несметные сокровища в мгновение ока обращаются в золу, лед и грязь.

В обратном свете представлений синергетики получает дополнительное объяснение функционирование описанных выше социальных резонаторов, благодаря которым обретают действительность и мощь «мифемы», «идеологемы», «конструкты» и «инстигаты», обращающиеся в массовой коммуникации. И

«массовую обрядность», и «идейное учение», и «общественное мнение», и «шоу-бизнес» - можно четко регистрировать, научно анализировать, уверенно прогнозировать, надежно программировать. Конечно, с той или иной степенью вероятности. Здесь царствуют стохастические закономерности, и общая тенденция всегда не более чем вектор сложения множества разнонаправленных воли и действий, подобно тому, как фиксируемая физическим прибором «траектория» при ближайшем рассмотрении оказывается пучком траекторий, проложенных множеством единичных микрообъектов. Свобода воли индивида остается, в принципе, абсолютной. Поэтому вероятность прогнозирования последствий, к примеру, суждений общественного мнения или символики шоу-бизнеса никогда не равна ни 1, ни 0, но всегда стремится к тому или иному значению как к пределу. И все-таки консолидирующая сила социального резонатора настолько велика, что способна увлечь за собой, направить в общее русло, подчинить себе массу колеблющихся воли индивидов. Тем самым обеспечивается некое упорядочение виртуального мира, обобществление и систематизация виртуальных объектов и, в конечном счете, саморегуляция духовной сферы социума. Но по той же самой причине властная элита от жрецов до media-магнатов не оставляет попыток взять под контроль спонтанно возникающие социальные резонаторы информации, жестко программировать их работу или даже создавать новые средства массовой коммуникации как орудие непосредственного управления обществом. С циничной прямотой такого рода притязания обосновал В.И. Ленин: «Печать не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но так же и коллективный организатор»¹². Но, как будто в соответствии с принципом неопределенности В. Гейзенберга, чем жестче задавалась программа массового воздействия, тем сокрушительнее оказывались окончательные результаты. Последовательный крах тоталитарных режимов XX века неизменно показывал, что только трансцензус-тексты помогали людям сохранять душу живую, и только они и остались в истории стран и культур как непреходящая ценность и как практический урок на будущее. Однако трансцензус, как рече-мыслительная единица гуманистического мышления, апеллирует непосредственно к абсолютной свободе воли человека и обращается в той сфере виртуальности, которая имеет принципиально индивидуальный ха-

¹² Ленин В.И. С чего начать? / Полн. собр. соч. Т.5. С. 11.

рактика, не регистрируема, не исчисляема и не предсказуема, а значит, социальные резонаторы имеют здесь принципиально иное значение. Это больше не консолидирующая сила, не точка отсчета и не авторитетная установка, а только источник дополнительных данных. В массовой коммуникации доминируют теперь хаотические процессы. Это не означает полного отсутствия системы. Просто параметров системы так много и они так сложны, что могут быть описаны только в критериях случайности, стохастичности, хаотичности и типичности. В этом смысле хаос – одно из состояний системы, предшествующее ее изменению, так сказать, необходимый этап ее становления. И в настоящее время именно хаотические состояния привлекают наибольшее внимание науки. И для их изучения разработан даже особый категориальный аппарат: геометрия фракталов, описывающая «структуры хаоса».

Синхронность процессов развития мышления, социальной реальности и научной практики – потрясает. Сегодня стохастические процессы волнуют исследователей уже не только в связи с закономерностями микромира, но и в связи с закономерностями социума. Феномен, привлекающий всеобщее внимание, отличается глобальностью, самопроизвольностью и стихийностью астрономического явления, подобного рождению новой звезды. И хотя все разворачивается на наших глазах, люди могут только зачарованно следить за происходящим, ощущая невозможность повлиять на ход событий. Это явление – мировая сеть Интернет.

Больше всего аналитиков поражает полная стихийность и самодетерминированность Интернет: «В каком-то смысле, разговор о том, что сеть служит для хранения и обработки информации, похож на разговор о том, что океан “нужен” для хранения и обработки воды – иногда это верно, но не всегда – в океане могут быть и более интересные вещи. Есть подозрение, что “океан”-Интернет никому и ничему не служит, что он сам по себе океан – со своими бурями, течениями и штилями»¹³.

Сеть и в самом деле формируется стихийно, путем подсоединения все новых индивидуальных пользователей, реализующих свои собственные цели и потребности. Вместе с тем Интернет обладает всеми свойствами системы – целостностью и единством. Сложность этой системы определяется самостоятель-

¹³ *Аришинов В.И., Данилов Ю.А., Тарасенко В.В.* Методология сетевого мышления: фено-

ностью образующих ее элементов – пользователей, каждый из которых обладает свободной волей и стремлением к самореализации и вместе с тем участвует в общем взаимодействии, так или иначе согласовывая свою активность с циклами, фазами и актуальными ресурсами всей системы и отдельных ее подструктур. Это напоминает функционирование нейронной сети, только функцию нейрона выполняет самостоятельный пользователь с приданным ему компьютером. И количество отдельных пользователей может приблизиться к количеству нейронов мозга. Сложность по типу хаоса вызывает к жизни спонтанные процессы самоорганизации, приводящие к синхронизации внутренних процессов системы, подобно тому, как это происходит на уровне нервной деятельности. В 60-ые годы М. Маклюен со свойственной ему смелостью предложил рассматривать электронные средства массовой коммуникации как продолжение нервной системы человека, поразив воображение научной общественности. Однако он вряд ли предполагал, насколько буквально эта волнующая метафора воплотится в жизнь.

Главным условием функционирования и самореализации такой системы является отсутствие внешнего управления, единой «направляющей руки». Продукт этой системы – она сама. Сверхсложная структура типа хаоса, основанная на внешней независимости подструктур, множественности параметров регуляции, многомерности и спонтанности, обеспечивает порождающие возможности системы. Самоцелью сети оказывается порождение адекватных интерпсихических (социальных) и интрапсихических (личностных) механизмов адаптации и развития на основе всей циркулирующей информации и всей творческой энергии, которая имеется в системе. Условием ее функционирования является самостоятельная творческая «порождающая» работа всех ячеек и структур системы, действующих синхронно, но не одинаково, эффективно, но непредсказуемо. Тогда и только тогда, благодаря постоянным флуктуациям (отклонениям) программ, разнообразию вариантов поведения, множественности индивидуальных траекторий развития вызревает будущий «генотип» новой культуры, наконец, новый психотип человека.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что благодаря новым возможностям электронных технологий Интернет для каждого своего пользовате-

ля:

- расширяет пространство восприятия, открывая одновременный доступ к нерегламентированному числу взаимопоясняющих каналов-источников (полиэкранность, система link-ов и т.п.);
- приближает скорость поиска и проработки информации к естественному темпо-ритму мышления;
- позволяет выбирать, когда и с какого пункта прорабатывать информацию, то есть снимает жесткую зависимость от структуры сообщения;
- открывая доступ к мощным базам данных (библиотекам, суперкомпьютерам мировых научных центров и т.п.), безразмерно увеличивает ресурсы и быстродействие памяти;
- обеспечивает личное непосредственное участие в массовой коммуникации в реальном времени: прямое общение (чат), изъяснение мнений (рейтинг-опросы) и т.д. вплоть до несанкционированного хакерского воздействия, совершения покупок и финансовых махинаций;
- облегчает самостоятельное решение личных проблем (трудоустройство, образование, самоутверждение, творчество, социальное признание и приятие);
- порождает чувство внутренней свободы, раскрепощенности, неподконтрольности, и т.п. вплоть до вседозволенности и неуязвимости.

Можно долго продолжать перечисление преимуществ Интернет, которые изменяют психотехнику массовой коммуникации, расширяя психические возможности каждого пользователя. Но не менее существенно, что для всего сетевого сообщества Интернет:

- делает коммуникацию открытой и равной;
- освобождает от наблюдающих и консервирующих механизмов социального регулирования;
- создает атмосферу, в которой непредосудительно публичное проявление субъективности;
- обеспечивает связь всех участников в единую сеть, подобную нейронной цепи центральной нервной системы...

Каждый из этих факторов по отдельности и самоочевиден и недостаточен еще для того, чтобы говорить о принципиально новом аспекте психической

жизни человека. Но все вместе они предстают как новый этап интеллектуальной эволюции, формирующей специальные механизмы психической адаптации в стохастической информационной среде. Интернет предполагает новую парадигму мышления. Прежде всего, потому, что подобно коллективному сознанию, «всемирной паутине» свойственна внешняя независимость составляющих подструктур, множественность параметров саморегуляции (типа полимотивированности психики), спонтанная синхронизация, когерентность внутренних процессов, многомерность и неоднозначность, характерная для чрезмерно сложных структур хаоса, словом, системность, находящаяся в непрерывном становлении и порождении. Сегодня, вследствие многократной интенсификации и ускорения информационного метаболизма общества, коллективное сознание, перерабатывающее информацию во все ускоряющемся темпе и в гигантских объемах, зависит от технических средств не меньше, чем индивидуальное сознание, уже породившее себе в помощь персональный компьютер. Сравнение с красивыми образами Станислава Лема из фантастических романов «Солярис», «Непобежденный» или «Возвращение со звезд» здесь до банальности очевидно. Но более эвристично обратиться к сатирическому образу академии летающего острова Лапуты из знаменитого романа Джонотана Свифта «Приключения Гулливера». Уж какими только глупостями не занимались там академики-лапутяне, но ведь все обернулось пророчествами. Первым сказал об этом К.А. Тимирязев (1843–1920). В речи при вручении ему премии за открытие фотосинтеза растений он даже не сравнил, а отождествил себя с тем лапутянином, который по описанию Свифта проводил дни за диким занятием: рассматривал накрытый стеклянной банкой огурец, освещенный солнечными лучами. Потом нечто подобное мог бы сказать и основоположник теории порождающей грамматики А. Хомский (р. 1928), и «отец кибернетики» Н. Винер (1994–1964), и еще не один великий ученый... Но можно, и не прибегая к метафорам, сказать, что в психике человека изначально наличествовали структуры и механизмы, в потенции соответствовавшие парадигме NET-мышления, и всегда были гении, выходившие в своем творчестве на уровень сетевой проработки информации. Однако теперь это требуется от каждого. А каждый ли к этому способен? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к науке, синхронно осмыслившей новейший этап психической эволюции человека, – к практической психологии середины XX века и, в частности, к той её ветви, которая называется гештальт-терапия и связана с

именем Фредерика (Фрица) Перлза (1893–1970).

Имя этого знаменитого психотерапевта связано с многочисленными байками-притчами, как имя всякого легендарного Учителя. Впрочем, это довольно характерно для основоположников психотерапевтических школ послефрейдовской волны – младших современников Фрейда, многие из которых были его учениками. В отличие от классиков психоанализа новые корифеи психотерапии, разработавшие блистательные методики: Фриц Перлз (гештальт-терапия), Якоб Морено (психодрама), Милтон Эриксон (эриксоновский гипноз) и ряд других, - не были учеными в обычном понимании этого слова. Они мало или даже совсем ничего не писали о своей работе. Существует мнение, что основополагающие труды Фрица Перлза или Милтона Эриксона написаны от их имени учениками и последователями по материалам обучающих семинаров, встреч и бесед. Все они были чудаками, харизматическими личностями и экстравагантными людьми, стиль жизни, поступки и высказывания которых немедленно приобретали знаковый смысл как своеобразные «заповеди» нового учения. В харизме этих людей было что-то и от Сократа, и от шоу-звезд, чья жизнь совершается на виду и на показ, чьи поступки нацелены одновременно и на самовыражение, и на эпатаж, так что трудно сказать, чего в них больше. Это яростные индивидуалисты, которые не могут существовать без других. Они осознают и утверждают свою уникальность в процессе спонтанного «самовыражения для других», в своей «публичной субъективности», не чувствуя вины за то, что другие называют ошибками и недостатками. Бытует рассказ о том, как Перлз задремал на психотерапевтическом приеме во время рассказа пациента, допустив тем самым профессиональный ляпсус. Но когда пациент выразил свое неудовольствие: мол, заплатив уйму денег за сеанс, он вправе требовать внимания, – Перлз вынул бумажник, выписал чек на потраченную сумму и снова закрыл глаза, погружаясь в сон¹⁴. Можно по-разному интерпретировать эту историю, но важно увидеть в ней иллюстрацию полнейшей спонтанности и аутентичности Перлза, всегда остававшегося самим собой.

Жизнь и труд людей подобных Перлзу состоит в публичном действии, в конкретном ситуативном поступке. В сущности, это творчество-в-процессе-коммуницирования. Им незачем обобщать, писать монографии, ибо цель – при-

¹⁴ См.: *Enright J. Enlightening Gestalt*. Mill Valley, 1980.

влечение внимания и изменение мнений – достигается путем непосредственной коммуникации, что называется, «в режиме on line», в акте спонтанной самодемонстрации и межличностного взаимодействия. Но вследствие ли усилий последователей Перлза или его собственного таланта, именно гештальт-терапия дала наиболее полно и последовательно разработанную концепцию индивидуальности (здесь она определяется как *self* – «самость»). Справедливо было бы отметить здесь заслуги писателя-эссеиста Пола Гудмена, который приводил в порядок черновые записи и рукописи Ф. Перлза, поставив на службу этому все свои литературные способности и философские познания.

Фриц Перлз начинал как психоаналитик. Он учился у знаменитых психологов и психотерапевтов своего времени. Например, Карен Хорни была его психоаналитиком и супервизором (наблюдателем-консультантом). Таким образом, фундаментом гештальт-терапии послужил психоанализ. Но огромное влияние оказали также философия экзистенциализма и гештальт-психология, делавшая упор на исследование целостных структур внутреннего опыта. Центральным пунктом концепции личности Перлза было понятие психологической зрелости, которое соединяло в себе три подхода: психоаналитический, экзистенциальный и гештальтистский, по принципу дополнительности описывающие важнейшие свойства личности:

1. В терминах психоанализа зрелая личность отличается высокой внутрипсихической дифференцированностью, осознанностью влечений, способна отличать одно состояние от другого и отделять свои отношения и чувства от внешних объектов.
2. С точки зрения экзистенциализма, зрелость – это способность к ответственному выбору, свобода от зависимости, самодостаточность и самодетерминация.
3. В рамках гештальт-психологии, зрелость – это ощущение целостности и аутентичности личности.

А в целом, зрелость – это оптимальное состояние психики, в котором человек не испытывает нужды в поддержке извне, от окружающего мира, а находит достаточные источники энергии и уверенности в самом себе.

Основой и критерием зрелости является способность ясно осознавать (*awareness*) внутренний опыт и границы личности, четко разделяя: это – мое убеждение; это – реальное знание; это – физическое ощущение; это – давление

общественного мнения; это – переживание за близкого человека; это – моя собственная головная боль. По Перлзу, неспособность различать свои и чужие ценности, мнения, чувства означает слабую внутреннюю дифференциацию, размытость границ «Я».

Сама постановка проблемы для психологии не была абсолютно новой. По данным юнгианского анализа подобная нерасчлененность самосознания вызывает слияние коллективного и индивидуального, архетипа и объекта, ведет к утрате самоконтроля и, в конечном итоге, инфляции личности. Такой человек легко проникается мистическими настроениями, «великими» идеями, «общими» целями, коллективными представлениями, в которых растворяется его собственная идентичность, обесцениваются личные интересы и предпочтения, и он запросто становится жертвой манипулятивной пропаганды, безвольной частичкой толпы или даже энтузиастом беспардонных политических доктрин. Поэтому К.-Г. Юнг высказывал самые глубокие опасения, когда фашистские идеологи взяли на вооружение героину скандинавских и германских эпических сказаний. История подтвердила прогностическую силу психоанализа (как направления, включающего и юнгианский анализ).

Но для Перлза подобная неспособность различать «свое» и «чужое» актуальна не только как вопрос взаимодействия с коллективным сознанием, но и шире, как проблема самоопределения в любом контакте с внешним миром и другим человеком. И он определяет четыре патогенных формы нарушения контакта с миром, когда личность утрачивает представление о своих границах: «слияние», «проекция», «интроекция» и «ретрофлексия». Все они в какой-то степени могут служить защитой от стресса. Но при этом граница «Я», помогающая личности ощутить свою нетождественность с остальным миром, смещается, что приводит либо к отвержению того, что принадлежит самому человеку, либо к принятию того, что принадлежит другим личностям.

Слияние состоит в том, что человек не в состоянии дифференцировать себя и других, не определяет, где кончается его «Я» и где начинается «Я» другого человека, и характеризуется переживанием синтонности, эмоциональной связи, непосредственного ощущения единства. Можно сказать, что слияние есть наибольшая степень нерасчлененности, соответствующая магической сопричастности, изначальному синкретизму психической жизни.

Интроекция – это тенденция принимать установки и убеждения других

людей без критики. «Интроекты», то есть убеждения, мысли или чувства, которые не были проработаны и потому не стали личностными, вступают в противоречие с глубинными представлениями. Душевные силы тратятся на примирение взаимоисключающих идей и убеждений. Но это бесплодные усилия. Граница между «Я» и средой погружается в глубины бессознательного и личность конфликтует сама с собой. Тогда бизнес-леди мучит мысль, что она «холодная мать», а юноша, которому почему-то нравится писать стихи, презирает себя за недостаточную крутизну.

Проекция – это обратное и дополнительное к интроекции стремление приписывать другим людям и внешним обстоятельствам то, что происходит внутри «Я». Как защитный механизм проекция позволяет переложить ответственность за внутриспсихическое состояние на окружающий мир. «Мы сидим в доме, – говорил Ф.Перлз, – где стенами являются зеркала, и думаем, что смотрим наружу»¹⁵. При проекции граница со средой сдвинута таким образом, что некоторые аспекты «Я» выглядят принадлежащими внешнему миру. И нередко свое собственное чувство отчужденности и враждебности к окружающим человек переживает, как будто оно направлено на него от этих людей. И если в результате интроекции индивидуум делает свое «Я» полем битвы противоречивых идей, то вследствие проекции окружающий мир становится ареной внутриспсихических конфликтов. Однако по сравнению со слиянием и проекция, и интроекция характеризуются большей дифференциацией личности, частичным осознанием своей отдельности, появлением границы между «Я» и средой, нарушение которой переживается индивидом весьма болезненно.

Ретрофлексия буквально означает «поворот на себя». Ретрофлексирующий человек склонен искать причины всего происходящего в себе самом и вместо того, чтобы воздействовать на среду, воздействует на самого себя. Возвратные местоимения и частицы характерны для ретрофлексирующего индивидуума: «Мне стыдно за самого себя»; «Я должен заставить себя сделать эту работу»; «Я должен был знать это лучше» и т.п. В результате у человека формируется отстраненное отношение к себе как внешнему объекту, постороннему лицу. Четко разделяется «Я» как субъект действия и «Я» как объект рефлексии и оценки. При этом ослабляется интегрирующая составляющая личности и раз-

¹⁵ *Perls F.S. Ego, hunger and aggression. N.Y., 1969. P. 158.*

рушается чувство самоидентичности – self. Защитная функция ретрофлексии состоит в отказе от конфликта с окружающими путем самоизменения или самобичевания. Но при этом значительная часть «Я» отчуждается, словно приносится в жертву. И к примеру, такого рода обобщения, как «Мы ленивы и неблагодарны» - представляют собой «наведенную» ретрофлексию и придают массовидный характер процессам самонеприятия и дезинтеграции личности. Тем не менее, ретрофлексия характеризует достаточно высокую степень внутриспсихической дифференциации, при которой становится возможным разделение позиции «Я» как субъекта действия и как наблюдателя-судьи. Отсюда проистекает идея множественности «Я», которая в гештальт-терапии оформляется в методологию достижения целостности личности путем интеграции взаимоисключающих ипостасей «Я», внутренних противоречий и амбивалентных чувств. Основные процедуры гештальт-терапии выстраивались в расчете на внутреннюю антиномию «Я», когда и обнадеживающие и непривлекательные его ипостаси принимаются к осмыслению как реальность, содержащая свои плюсы и свои минусы. Чтобы пациент начал понимать себя и руководить собой, ему приходилось начинать издалека: с поиска противоположных полюсов своих намерений, привычек, чувств, попеременно идентифицируясь с каждой полярностью. С помощью психолога он должен осознать ранее недифференцированные аспекты собственной личности, чтобы интегрировать полярные ипостаси и прийти к ощущению самоидентичности и целостности, в чем собственно и выражается психическая зрелость.

Перлз так подвел итог своим рассуждениям: «Интроецирующий индивидуум делает то, что хотят от него другие, проецирующий делает другим то, в чем сам их обвиняет, человек находящийся в патологическом слиянии с миром, не знает, кто кому что делает, и ретрофлексирующий – делает себе то, что хотел бы делать другим»¹⁶. Целью гештальт-терапии становится интеграция всех частей личности путем осознания внутренних антиномий и, тем самым, расчленение слияний, переработка и ассимиляция интроектов, обнаружение проекций, высвобождение ретрофлексивного потенциала и направление его на реальное действие. Иными словами, задача ставится так, чтобы человек мог существовать как суверенная и целостная индивидуальность, сохраняя свою незави-

¹⁶ *Perls F.S. The Gestalt approach and eye witness to therapy. Palo Alto, 1973. P. 40.*

симось в интенсивном творческом взаимодействии с миром. Это означает колоссальный шаг в развитии представлений об эволюции человека, философический, в сущности, прорыв, имеющий практическое значение непосредственно для каждого из людей. И на этом следует задержать внимание.

Великий Юнг постоянно подчеркивал: «Худший грех человека – его бессознательность»¹⁷; «Главная цель цивилизации – победа разума над бессознательным»¹⁸. И, может быть, XX век потому и оказался таким кровавым, что развитие цивилизации вышло на принципиально новый уровень психической эволюции человека. Сам Юнг еще в 20-х годах минувшего столетия отметил появление нового психотипа «современного человека». По его представлениям, это далеко не всякий живущий в данное время. Человек такого типа, прежде всего, оторван от многовековой традиции и способен существовать лишь непосредственно в настоящем. Он внеисторичен в глубочайшем смысле слова и отчужден от массы людей, которые продолжают жить в рамках традиций. Разрыв с прошлым, по мнению Юнга, ведет к состоянию глубокой неуверенности и беспокойства. И «современный человек» раскрывается для действия тех иррациональных и неисчислимых психических сил, которые изменяют жизнь народов непредсказуемым образом.

Правда, самооценка у подобного «современного человека» была совсем иная. В те же 20-е годы американский писатель Генри Миллер пишет роман-исповедь «Тропик рака». Его главный герой подчеркивает: «Есть нечто непристойное в этом почитании прошлого, и кончается оно обычно ночлежками или окопами», - и не без пафоса заявляет: «Сегодня я горд тем, что я – **вне человечества**»¹⁹. Но как бы ни ершился апологет «потерянного поколения», его житейская самодостаточность и психическая суверенность связана не только со свободой и активностью, но и с незащищенностью. И сколько бы ни предостерегал гениальный психиатр от соблазнов индивидуализма, уже и массовидному человеку становилось ясно, что рассчитывать можно только на свое «Я». Заслуга Ф. Перлза в том, что в основу своей гештальт-терапии он поставил личность зрелую, суверенную, свободную, выработавшую иммунитет против «иррациональных психических сил».

¹⁷ Юнг К.-Г. Душа и миф. Киев, 1997. С. 336.

¹⁸ Юнг К.-Г. Сознание и бессознательное. СПб., 1997. С.48.

¹⁹ Миллер Г. Тропик рака. М., 1994. С. 272, 273.

Зрелость по Прелзу - это не подарок судьбы, а личное достижение человека, которое связано с преодолением внутреннего сопротивления и прохождением через катарсис (в плане экзистенциализма). Для достижения зрелости, суверенности и психологической иммуности, взрослый человек вынужден, словно снимая слой за слоем луковичную кожицу, проработать все свои невротические механизмы защиты. Отказавшись от клише, отторгнув принятые роли и привычные манипулятивные приемы, целью которых был поиск помощи со стороны, человек остро ощущает отсутствие поддержки и ограниченность социальной защиты. И в этот момент он либо устремляется назад, поступившись собственной независимостью, либо доходит до «внутреннего взрыва» (горя, отчаяния, протеста), за которым следует проявление истинного «Я».

Истинное «Я» – это и есть аутентичная индивидуальность, сознающая и оберегающая свою целостность. Это тот оптимальный психический статус, к которому стремится зрелая личность. Это новое ощущение суверенности стало настоящим открытием, равноценным, как представляется, максиме Декарта: «Cogito ergo sum». И Перлз нашел для своего озарения столь же емкое, афористическое выражение. Он написал «Молитву гештальтиста»:

«Я делаю свое, а ты делаешь свое.

Я живу в этом мире не для того,

Чтобы соответствовать твоим ожиданиям.

А ты живешь в этом мире не для того,

Чтобы соответствовать моим.

Ты - это ты, а я - это я.

И если нам случится найти друг друга –

Это прекрасно.

Если – нет,

Этому нельзя помочь»

«Молитва гештальтиста», как и вся деятельность Фрица Перлза, несла не столько практический, сколько философский смысл. Недаром один из известнейших его учеников Джон Энрайт говорил: «Я благодарен ему за способ бытия в мире, о котором я не мог и мечтать до встречи с ним». Между тем, новое понимание суверенности личности не совсем однозначно корреспондирует с традиционными принципами коллективизма, доброты, гуманности... «Молитва» направлена в первую очередь на защиту *собственного* права на суверенность,

против всякого давления, в том числе гуманистического принуждения соответствовать ожиданиям значимых других. Но она защищает и право других не соответствовать ожиданиям молящегося. И потому название «молитва» здесь не случайно. Это обращение к межличностному, всеобщему «символу веры» с целью обрести духовную опору в противостоянии мощным «поглощающим силам»: угрозе одиночества, давлению социума, власти традиций, ревности близких людей, а также собственной ревности, собственным притязаниям и поползновениям, личной податливости или жадности.

Но важно не только «функциональное» значение молитвы. Важно, прежде всего, что новый психотип схвачен ею адекватно, безо всякой благостности. Как реальный феномен социальной жизни, гешальт-терапия сложилась, когда таких людей стало уже очень много. Таким оказался психологический результат кровавых потрясений первой половины XX века. Уже первая мировая война расшатала все духовные опоры общества, в последней ясности представив тщету благих идей рационализма и бессмысленность прагматического успеха. И отчаяние людей перед невиданным масштабами социальных бедствий слилось с ужасом перед бессмысленностью, нелепостью, стихийной принудительностью всего совершающегося. Как это происходило, и что означало для духовно ориентированного человека, подробно, с некоторой даже наивностью, описано в романе «На западном фронте без перемен» знаменитого Э.М. Ремарка (1898-1970), который сам угодил в пекло войны прямо со школьной скамьи. Сцены повседневной фронтовой жизни и смерти, быта, юмора и любви сопровождаются философскими заметками героя-автора, над которыми стоит задуматься: «Они все еще писали статьи и произносили речи, а мы уже видели лазареты и умирающих; они все еще твердили, что нет ничего выше, чем служение государству, а мы уже знали, что страх смерти сильнее. От этого никто из нас не стал ни бунтовщиком, ни дезертиром, ни трусом (они ведь так легко бросались этими словами): мы любили родину не меньше чем они, и ни разу не дрогнули, идя в атаку: но теперь мы кое-что поняли, словно вдруг прозрели. И мы увидели, что от их мира ничего не осталось. Мы неожиданно очутились в ужасающем одиночестве, и выход из этого одиночества нам предстояло найти самим. <...> Грохот первых разрывов одним взмахом переносит какую-то частичку нашего бытия на тысячи лет назад. В нас просыпается инстинкт зверя, - это он руководит нашими действиями и охраняет нас. В нем нет осознанности, он действует

гораздо быстрее, гораздо увереннее, гораздо безошибочнее, чем сознание... Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы добираемся до полосы, где начинается фронт, мы становимся полуплюдьми-полуживотными. <...> Мы отданы во власть случая. Когда на меня летит снаряд, я могу пригнуться, – и это все; я не могу знать, куда он ударит, и никак не могу воздействовать на него. Именно эта зависимость от случая и делает нас такими равнодушными... Меня могут убить – это дело случая. Но то, что я остаюсь в живых, – это опять-таки дело случая. Я могу погибнуть в надежно укрепленном блиндаже, раздавленный его стенами, и могу остаться невредимым, пролежав десять часов в чистом поле под шквальным огнем. Каждый солдат остается в живых лишь благодаря тысяче разных случаев. И каждый солдат верит в случай и полагается на него. <...> Национальная гордость серошинельника заключается в том, что он находится здесь. Но этим она и исчерпывается, обо всем остальном он судит сугубо практически, со своей узко личной точки зрения. <...> Я очень спокоен. Пусть проходят месяцы и годы, - они уже ничего у меня не отнимут, они уже ничего не смогут у меня отнять. Я так одинок и так разучился ожидать чего-либо от жизни, что могу без боязни смотреть им навстречу. Жизнь, пронесшая меня сквозь эти годы, еще живет в моих руках и глазах. Я не знаю, преодолел ли я то, что мне довелось пережить. Но пока я жив, жизнь проложит себе путь, хочет того или не хочет это нечто, живущее во мне и называемое “я”»²⁰.

Мысли, чувства, да и сами люди, так называемого, «потерянного поколения» претерпели еще не одно перерождение. Манящее наслаждение мирной жизнью таило в себе ловушки гедонистического риска. Случайности послевоенной экономики, такие же фатальные и непредсказуемые, как снаряды и пули, перечеркивали индивидуальные усилия, ввергали в массовые формы депрессии или протеста. А поднаторевшие идеологи уже предлагали тотальные системы установления «нового порядка», который должен был соединить прошлое, настоящее и будущее. Все было наготове: «гениальные вожди», «единственно-верные теории», «железные когорты единомышленников», а главное, пропаганда нетерпимости и воля к тотальному террору. Характерный для XX века феномен тоталитарной идеологии в психологическом плане требовал такой

²⁰ *Ремарк Э.М.* На западном фронте без перемен. Тула, 1988. С.13, 39-40, 68-69, 137, 191.

массовизации мышления, общения и поведения, что любые духовные искания, любые достижения индивидуации должны были погрузиться в коллективное бессознательное, раствориться и переродиться в нем. Главной ценностью солдат Первой мировой войны стало «фронтное товарищество»: искренняя, надежная и самоотверженная взаимовыручка как единственный противовес случайностям боев и коварству официальных идей. А в 1945 году, когда вера в фюрера была уже бессмысленна, а приказы потеряли силу, изолированные малые подразделения немецких солдат: отделения, взводы, роты, - все еще продолжали ожесточенное сопротивление. Их стойкость, как определили военные психологи, объяснялась ни чем иным, как «теплотой внутригрупповых связей», «фронтным товариществом» людей, привыкших защищать друг друга не смотря ни на что²¹. Тоталитарная идеология – это настолько мощная попытка вернуть людей на ранние стадии психической эволюции, что положить предел такому напору может только самотрансценденция личности. Но первая половина XX века была всеобщей пограничной ситуацией такого масштаба, что спонтанный «экзистенциальный взрыв» представлялся не только губительным лично, но и безнадежным социально. В своем последнем романе «Время жить и время умирать» (1954) Э.М. Ремарк моделирует символический финал «потерянного поколения» на восточном фронте Второй мировой войны: традиционный для его творчества «тихий окопный герой», потрясенный приказом казнить заложников, стреляет в напарника-караульного, убежденного фашиста, и уходит, бросив винтовку, но тут же гибнет от выстрела им же освобожденного старика-заложника, подхватившего брошенное оружие. Но бывший солдат гитлеровского вермахта и будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Г. Белль (р.1917) воссоздает новый тип духовно ориентированного человека. Герой его романа «Бильярд в половине десятого» (1959) видит жизнь как противостояние людей безотказной доброты и агрессивно-своекорыстных деляг, принявших, по его выражению, «причастие буйвола». Им владеют две страсти: забота о защите тех, кто не заботится о самозащите, и доходящий до идиосинкразии отказ от поддержки жестокосердных людей и идеологий. Обе страсти трагически неизбежны и неисполнимы. Он понимает это. Однако до «экзистенциального взрыва» себя не доводит. *Время умирать* – не для него. Но он и не

²¹ См.: Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960.

сдается. Для него - пришло время жить по собственному разумению и личному чувству чести. Это человек парадоксальных решений и эффективного действия. Архитектор по образованию, во время войны он, не колеблясь, взрывает шедевр отечественного зодчества, чтобы, улучшив позицию, сократить потери солдат, и, вообще, не дорожит «историческими ценностями» общества, которое не дорожит жизнью простых людей. А вернувшись с фронта, он создает из однополчан-саперов экспертную фирму, процветание которой позволяет ему самому стать незримой опорой для близких по духу людей и жить, не скрывая презрения к тем, кто «принял причастие буйвола». Это не просто литературный персонаж. Это предел мечтаний одаренного человека середины XX века, когда уже ясно, что тотальная идеология не опора, а трясина, и только нестандартная парадигма свободного мышления–общения–поведения возымеет действительность и мощь в дестабилизированном, хаотичном мире. Психотип, описанный Ф. Перлзом, в этих условиях обеспечивал оптимальную адаптивность.

Новая психоисторическая ситуация переживалась как духовная маята и смута все большим числом людей. Это вело к глубоким переменам и в индивидуальных жизненных сценариях, и во всей жизнедеятельности социума. Субъектом социальных процессов и эволюции в целом все в большей степени становится индивидуальность, а не социальная общность. Индивид все чаще принимает решение, руководствуясь своими интересами, а не интересами общины. Обратное уже считается архаизмом или фанатизмом, отклонением от нормы. Права и интересы личности теперь и законодательно поставлены выше прав надличностных структур: государства, партий и т.д. Социум становится все более толерантным к отклонениям от принятых норм, отступлениям от правил и девиациям поведения своих членов. В обществе признается ценность индивидуального самовыражения как катализатора общего развития. Яркие индивидуумы скорее привлекают, нежели отталкивают остальных членов социума, иногда в ущерб действительным потребностям личностного роста и социального прогресса. Процесс этот далек от благостности. Он небезопасен для личности, потому что девиации на самом деле могут иметь неоднозначные последствия, а некоторые из них просто «несовместимы с жизнью». Очевидно также, что социум, равнодушно принимающий любые девиации, – саморазрушается, потому что не обеспечивает гарантий физического и нравственного существования личности. Взаимосвязь социума и личности основывается на глубинной дина-

мике душевной жизни, где социум – источник трансцендентного и сакрального, а личность – источник созидающей энергии, действия и воли. Это свойства, отвечающие принципу дополнительности. И крушение квази-религиозных идеологий XX века привело к порядковым переменам в значении свободы личности. Культивирование в каждом индивидууме свойств активного субъекта становится характерной чертой нашего времени. В принципе, нечто похожее происходило в острые моменты смены любых парадигм мышления. Но на этот раз коммуникативная активность личности получает резонатор-усилитель необычайной мощности, в полном смысле синхрофазотрон, разгоняющий индивидуальные интенции до всепроникающих скоростей и всесветных масштабов. Любой индивидуум без особого труда и без сверхзатрат может открыть свою личную страничку в Интернет, поместить там свою фотографию, рассказать о своей жизни, изложить свои идеи, в общем, сделать все, что ему захочется, и быть услышанными в любой точке земного шара. Он может участвовать в обсуждениях и конференциях любого уровня, выражать без стеснения какие угодно мнения и получать на них ответ. Наконец, он может найти живых, интересных собеседников, испытать сильные эмоции, почувствовав непосредственную реакцию на себя... Интернет в буквальном смысле провоцирует самовыражение. Он выполняет роль грифельной доски, стены, забора, на котором каждый может оставить свои письма. Содержание записи определяется только собственными намерениями субъекта, его желаниями и потребностями. При этом Интернет гарантирует публичность при соблюдении анонимности, а значит безопасность. Быстро формируется новый стиль самопрезентации индивида, в котором рассказ о себе предстает как игра приглашающая к участию в реальном жизненном эксперименте взаимопознания и сотрудничества. Так, на личном сайте Александра Л. можно ознакомиться с автобиографией пользователя, увидеть его фотографию, прочесть его стихи, в том числе посвященные жене. Тут же помещается фото жены с лирическим музыкальным оформлением. Кроме своего настоящего имени, автор представляет и свое виртуальное имя (nick) – Крысолов, объясняя значение собственного интренет-псевдонима. Оказывается, Александр – опытный и искусный программист – был однажды обманут заказчиками, которые не выполнили условия договора после того, как получили готовый продукт. И он нашел способ наказывать недобросовестных и жадных заказчиков. Примером послужил легендарный крысолов, которому не заплатил

по договору за чудесное избавление средневекового города от крыс и который в отместку выманил своей волшебной дудочкой и увел неизвестно куда всех детей... Отныне Александр, как новый Крысолов, вставляет в свои программы особый вирус, который может активизироваться и разрушить программу изнутри. Если автору платят честно, он декодирует коварный вирус, если нет – то нечестные партнеры не только лишаются программы, но и получают бомбу замедленного действия в своей компьютерной системе. Трудно сказать, насколько реалистична эта история. Сомнительно, что подобное саморазоблачение полезно с деловой точки зрения. Попытка придать экстраординарное, символическое звучание обыденным фактам своей биографии, не относящимся к делу личным склонностям и хобби – нечто большее, чем коммерческая презентация. Это – автопортрет, то есть жанр скорее самопознания, чем саморекламирования. Но это и поиск контакта, предложение темы разговора с любым встречным, по типу знаменитой строфы Уолта Уитмена (1819-1892): «Прохожий, если тебе хочется поговорить со мной, почему бы тебе и не заговорить со мной? Почему бы и мне не начать разговаривать с тобой?» (1855) И то, что предощущалось поэтом-демократом как великий гуманистический прорыв, в Интернет превращается в универсальный способ самокоррекции личности и психологической адаптации к реальности путем публичной субъективности. Хотя не всегда и не для всех это очевидно.

Самый спорный феномен Интернет – чат (от англ. chat – дружеский разговор, болтовня) – даже адепты электронного общения пытаются объяснить (да и оправдать) сравнением с традиционным обменом репликами с приятелями на вечеринке, во время служебного чаепития и т.п. «...На первый взгляд чатовый треп в “великом нигде” кажется таким ненатуральным бессмысленным изобретением развращенной технократической цивилизации нового тысячелетия, - пишет школьница, которую, по ее словам, “в чат затащила подружка”, - А вспомните-ка сакраментальное: “Просто каждый раз под Новый год мы с друзьями ходим в баню...” Ну зачем они это делают? Ведь не только же для того, чтобы помыться и, скорее всего, не для того, чтобы выпить. Просто друзья хотят пообщаться, ведь так?»²². Но по некоторым деталям этой статьи-самонаблюдения видно, что все далеко не так просто. Вот первые впечатления:

²² Цит. здесь и далее по: *Боцаценко Е.* В чате «тормозов» нет // Школьный психолог. 2001.

«...киберпространство розами не усыпано. На наши “Приветы всем!” не откликнулся никто. Только вылезла какая-то подозрительная реплика: “Осторожно! В чате тормоза”. Намека мы не уловили...». Затем, автор с подружкой взяли себе ник «Реал»: «И мы подцепили девицу (?), которой наплели, что мы – молодой москвич... мы быстро перешли к виртуальным поцелуям и всему такому. Вообще-то было скучновато, но нас, по крайней мере, никто не обзывал тормозами». Потом: «Когда получается большой и интересный разговор, чувствуешь необыкновенный подъем. Это так приятно – задавать тон разговора, ощущать себя интересным собеседником, получать остроумные ответы». И еще: «Главный смысл чатов, пожалуй, в возможностях, которые открывают анонимность и бестелесность сетевого общения для самопрезентации личности. Человек выбирает псевдоним, надевает маску – и создает себя... Если в жизни девочка – тихая, скромная, да еще в очках, то в чате она может в одну секунду стать гордой “Амазонкой” и вести себя соответствующим образом. А что помешает ей потом превратиться в “Мерилин Монро” или “Старуху-процентщицу”? Разве возможно такое в своем родном классе, где твой “ник” дается тебе раз и навсегда». Но вот и момент групповой идентификации: «Придумывание масок, виртуальных личностей есть творческий акт. Впрочем, тут все зависит от творческого потенциала человека. Что может придумать тот, кто не в силах даже сочинить рассказик на тему “Как я провел лето”? Тем не менее, эти люди тоже отправляются в чат, и мы видим мат, ухаживания в стиле “Я тебя хочу” и прочее». Автор видит и практическую полезность чата: «В процессе виртуального общения я приобрела кое-какие навыки – теперь я легче схожусь с людьми, стала интересной собеседницей. Если же что-то не ладится, я знаю, что в чате я забуду о своих проблемах, настроение улучшится». Но это пустяки по сравнению с таким вот выводом: «Однажды какой-то хакер взломал мой пароль, и я не смогла выйти в Интернет. Я знала, что это мог сделать только кто-то из моих новых друзей. Я пережила жуткое разочарование... Однако пришлось усвоить этот урок. В чате тормозов нет. Тормоза должны быть у тебя в голове».

Понять, что в окружающей среде нет ни направляющей руки, ни защищающих тормозов, а есть только собственная разумная воля и бесконечные возможности самореализации, – значит приобщиться к новому типу мышления,

общения, поведения и творчества. Есть основания обозначить такую парадигму: «Net-мышление», - хотя бы потому, что Интернет как бы дооформляет психический аппарат продвинутой личности конца XX века. Дело не только в огромных объемах информации, которая становится доступной. Суть в разнообразии аспектов виртуальной активности, которые выводят человека на новый этап интеллектуальной эволюции. В частности, сама возможность анонимного, безопасного самовыражения позволяет человеку быть любым, отринуть все ограничения и обязательства, которые накладывает на него социальная жизнь, включая страх быть наказанным, чего-то лишиться, что-то не оправдать и т.п. Благодаря этому каждый может при желании смоделировать и опробовать новую роль, реализовать те черты личности, которые не находят выражения в реальной жизни. Вступая в межличностное взаимодействие люди берут себе вымышленное имя: ник, - и возникает «виртуальная личность», которая лишь отчасти соответствует или даже противоположна реальной социальной идентичности автора. Так, примерный домашний мальчик 10 лет от роду берет себе ник «Маньяк», а добропорядочный школьный учитель, отец семейства, избирает двусмысленный псевдоним «Homo Erectus» (Человек Прямоходящий) Прозвище «Оргазм», которое у многих вызовет представление о комплексующем подростке, скрывает respectable владельца известного чата, а в то же время ник «Евгения555» не скрывает, а скорее презентует реальную отличницу, претендующую на золотую медаль. Более того, у одного и того же человека может быть множество ников, отражающих различные аспекты его личности, каждый из которых может рассматриваться как субличность. Согласно определению известного психолога Маргарет Руффлер, «Субличность – это психодинамическая структура, которая, став однажды достаточно сложной, стремится к независимому существованию. Она обладает собственными характеристиками, требует независимого существования и старается удовлетворить собственные потребности и желания, через личность»²³. Потребность в продуцировании таких субличных структур и варьирования собственной идентичности объясняется исследователями по-разному. Шери Тэкл в своей книге «Жизнь на экране: Идентичность в век Интернет» пишет: «Не так давно стабильность была социально ценной и культурно поощряемой. Ригидные половые роли, повто-

²³ Руффлер М. Игры внутри нас. М., 1998. С. 22-23.

ряющийся труд, надежда на то, что на одной работе или в одном городе можно оставаться всю жизнь, – все это делало последовательность (согласованность) центральным в определении здоровья. Но эти стабильные социальные сиры были разрушены. В настоящее время здоровье описывается скорее в терминах текучести, чем стабильности. Основное значение имеет способность меняться и приспосабливаться: к новой работе, новому направлению карьеры, новым половым ролям, новым технологиям»²⁴. Другие исследователи считают, что «множественность и изменчивость идентичности в виртуальной коммуникации отражает не столько множественность идентичности в современном обществе в целом, сколько развертывание структуры собственной личности и исследование породивших их потребностей»²⁵. Получается, что отработка субличностей является имманентным свойством человеческой психики, в сущности, механизмом ее развития, который предельно актуализируется в современных условиях. Характерно, что увлечение игрой с «масками» и наибольшее разнообразие ников отмечается у подростков и молодых людей до 25 лет, то есть в период активного формирования индивидуальной и групповой идентичности. Этот возраст многие психологи называют временем самых глубоких и самых важных метаморфоз личности. Сам термин имеет биологический оттенок. *Метаморфоза* – момент перехода организма в новую стадию развития, к примеру, превращение гусеницы в бабочку: вчера ползала, сегодня – летает. А суть в том, что подросток полубессознательно примеряет на себя будущие психологические роли (субличности), пока не отольется его личность в приемлемую для него и для общества форму. В середине XX века считалось, что стойкая моноидентификация – необходимое условие психического здоровья и жизненного успеха. А диффузия идентичности (термин Э. Эриксона) – это психологический ад на земле: постоянное томление духа, нервные срывы, полная подвластность воле кого-то другого, жестокость от слабости и аморальность по принуждению. Однако уже лет через двадцать психологи, изучив самые массовые неврозы американского общества («вьетнамский синдром», «психоделическая революция» и т.п.), пришли к выводу, что жесткая моноидентификация в массовом варианте затрудняет адаптацию в стремительно меняющемся современном мире, вызы-

²⁴ Цит. по: Жичкина А. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. 2000. <http://www.flogiston.df.ru/projects>

²⁵ Чеботарева Н. Д. Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической групп-

вая в крайних случаях поиск «негативной идентичности», стремление «стать ничем», как единственный способ самоутверждения. В противовес традиционной американской самоуверенности теперь рекомендуется гибкость. Новый стиль поведения так и называют «протеическим», по имени древнегреческого бога Протея, который мог менять свой облик в зависимости от ситуации. Так в психотерапевтическом приложении реализуется идея множественности «Я» и достижения цельности личности путем преобразования взаимоисключающих «субличностей», внутренних противоречий и амбивалентных чувств²⁶.

То, что подавляющее большинство «посетителей чатов» – люди от 14 до 25 лет, знаменательно. Интернет становится полем становления личности, ее интеллектуального взросления в том смысле, которое придавал этому слову Ф. Перлз. «Восполнение потребности в расширении круга общения является безусловно важной, но все-таки второстепенной функцией чата, - утверждает современный исследователь. - Первичная же функция – бытийная. Чат – это не клуб знакомств, это реальная жизнь, проживаемая в ином мире. Посетители чата не общаются в нем, они в нем живут»²⁷. Фигурально говоря, Интернет становится своеобразным инкубатором новой личности, личности, приспособленной к жизни в стохастическом, «текучем», стремительно меняющемся мире, накопившем к настоящему времени гигантский потенциал для перехода на новую ступень эволюции человека.

Технические возможности переработки информации, которые предоставляются компьютерной сетью не только дополняют, но и формируют интеллект. В свое время крупнейшие советские психологи: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия – доказали, что используемые орудия перестраивают психику. Их идея интериоризации, то есть превращения внешней деятельности во внутриспсихическую функцию, была блестяще подтверждена клинической практикой восстановления утраченных вследствие ранения или травмы головного мозга высших психических функций. И принцип системного строения высших психических функций, которые представляют собой подвижный тезаурус нервных связей, формируемый в процессе деятельности, поразительным образом соот-

пы // Психология общения 2000: проблемы и перспективы. М., 2000.

²⁶ См., напр.: *Lifton R.Y. Home from the war. Vietnam veterans – neither victims nor executioners.* N.Y., 1973.

²⁷ *Нестеров К.* Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов. 2000. <http://www.flogiston.df.ru/projects>

ветствует современным представлениям о принципах функционирования человеческих сообществ и такого специфического явления как Интернет. Изучая структуру деятельности, специфику орудия, используемого для решения задачи, можно понять психические особенности личности. Согласно этому положению, человек, читающий газеты, и человек, ищущий информацию в Интернет – это разные люди. Компьютеризированное общество и некомпьютеризированное общество – это разные типы социума, прежде всего потому, что в них разные типы виртуальности.

В некотором смысле, Интернет появился как нельзя более кстати. То, что наука к середине XX века утратила ясность относительно категорий **каузальности** (как убеждения в том, что все имеет определенную причину и будет иметь определенные следствия); **детерминизма** (как законосообразности, а потому и предсказуемости явлений и феноменов действительности); **порядка** (как наличия постоянных и неизменных правил и статусов); **абсолюта** (как единственно верной, вечной и познаваемой структуры материи и духа) и так далее, – не осталось без последствий и для массового человека. Основные категории мышления утратили устойчивость в обыденном сознании. Изменения коснулись не только научной картины мира, философии, религии, но и бытовых убеждений, «здорового смысла», так называемых, базисных убеждений привычного существования.

С наибольшей жесткостью это коснулось фундаментальной потребности человека в осмыслении стабильности мира и понимании связанности и обусловленности событий. Обстоятельства становятся особенно травматическими, когда подрывают базовые надежды, нарушая, таким образом, самые основы адаптации человека к реальности. Современные исследователи фиксируют это очень четко: «Наиболее частое чувство, возникающее у переживших экстремальный негативный опыт, это чувство уязвимости, незащищенности»²⁸. «Основу болезненных нарушений у людей претерпевающих катастрофу, составляет деформация или утрата смысла человеческого существования вследствие разрушения “образа мира” или “плана действий”»²⁹. Психологи выделяют три ос-

²⁸ Ениколопов С.Н. Три образующие картины мира. //Модели мира. М., 1997. С.38.

²⁹ Ефимов В.С., Охонин В.А., Суховольский В.Г. Проблемы оценки и эффективной социально-психологической адаптации и реабилитации людей, перенесших природные и техногенные катастрофы. //Проблемы и перспективы социально-психологической и половозрастной адаптации детей и подростков. М., 1997. С.311.

новых категории базисных убеждений, питающих чувство безопасности:

1. Убежденность в благосклонности мира и дружелюбии людей (ожидание позитивного отношение к себе, а не враждебного)
2. Вера в контролируемость и предсказуемость мира (предположение, что, поступая «правильно», можно минимизировать собственную уязвимость.
3. Чувство собственной уникальности и значимости (в норме человек обладает достаточно высоким самоуважением, что позволяет ему рассчитывать на благосклонность и справедливость судьбы, верить, что он не заслуживает того, чтобы несчастье случилось именно с ним)³⁰.

Как видно, все эти базисные убеждения тесно переплетены и в совокупности своей как бы ограждают от враждебной случайности, исключают ее из поля зрения. Даже личная уникальность или везение (3) опирается на дружелюбие окружающих (1) и заслугу пред ними (2). Получается, что категория **случайности** изначально чужда человеческому сознанию. Именно этим обусловлены свойственные человеку поиски «в прекрасном и яростном мире» (А. Платонов) **порядка, связи, смысла**: от магической партиципации и иррациональной веры до научных аксиом и принципа опытной верификации. Но все достижения на этом пути могут обрушиться перед лицом экономического катаклизма, тотального террора или нравственного беспредела. И в ситуации острой неопределенности человеку, чтобы контролировать события, поступая «правильно» (2), не на что опереться кроме дружелюбия людей (1) и собственной уникальности (3). В хаосе массовых проб и ошибок постепенно складываются устойчивые паттерны эффективного поведения, закрепляется новая парадигма мышления, возникает возможность иной идентичности личности, но в русле традиционной ментальности социума. Предпочитает ли человек опереться на значимых других или рассчитывает прежде всего на себя, зависит от типа культуры, которые в этом плане разделяются современными исследователями по таким параметрам как индивидуализм и коллективизм. Согласно измерениям Дж. Ховстеда, культурами индивидуалистического типа являются культуры США, Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии и стран Западной Европы. А коллекти-

³⁰ См., напр.: *Epstein S. Beliefs and symptoms in maladaptive resolutions on the traumatic neurosis //Perspectives on personality. Vol. 3. L. 1990; Janoff-Bulman R. The aftermath of victimization: Rebuilding shattered assumptions //Trauma and its wake: The study and treatment of posttraumatic*

вистским он считает культуры Кореи, Пакистана, Перу, Тайваня, Португалии, Японии...³¹. То есть фактически, к культурам коллективистским относят те, где сравнительно большую роль по-прежнему играют древние обычаи, религии, обряды и другие формы активизации коллективного бессознательного.

Несомненно, в решении вопроса о принадлежности культуры к тому или другому типу большую роль играют сложившиеся в самой западной культуре стереотипы: **индивидуализм** – свобода, права личности, демократия; **коллективизм** – авторитарность, патернализм, опека, забота... Недостаточная свобода этих понятий от этических оценок и одиозных исторических прецедентов затрудняет их использование в психологическом исследовании. Однако очевидно, что эта бинарная оппозиция: коллективизм-индивидуализм – должна быть внимательно рассмотрена. В так называемой кросс-культурной (меж-этнической) психологии развернута более соответствующая процессам становления индивидуальной и групповой идентичности оппозиция: **оллоцентризм-идиоцентризм**.

Стремление личности выступать самодостаточной детерминантой собственных мыслей, выборов и поступков определяется как **идиоцентризм** или самоориентация в противоположность **оллоцентризму**, то есть коллективистской ориентации. Идиоцентризм как психологическое свойство личности соотносится с индивидуализмом как свойством культуры, а оллоцентризм - с коллективизмом.

Современные исследователи выделяют в оллоцентрической ориентации три определяющих фактора:

- подчинение индивидуальных целей групповым;
- восприятие группы как продолжения себя;
- сильная внутригрупповая идентификация³².

В таком случае групповая идентичность фактически заменяет, поглощает личностную идентичность. Вследствие этого индивиду трудно дифференцировать себя и группу, свои и групповые цели и ценности. Субъект находится в своеобразном «слиянии» с группой (в терминологии Ф. Перлза) и лишается

stress disorder. N.Y., 1985.

³¹ Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. Beverly Hills, Calif. Sage, 1984.

³² См.: Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1998. С. 66.

способности определить, где кончается собственное «Я» и начинается «Я» других людей.

Идиоцентризм, напротив, выражается в стремлении к независимости от группы и влияния других людей, четком разграничении собственных представлений и убеждений других. Здесь принципиален не столько вопрос, в чью пользу будет сделан выбор: в пользу собственных интересов или интересов группы (возможны оба варианта, но как результат собственного свободного выбора), - сколько вопрос о способности различать эти интересы и при необходимости противостоять им. Идиоцентризм как стремление к личной независимости и аутентичности не приемлет не только групповое давление, но и вообще давление других людей, любое поглощающее воздействие извне. Идиоцентризм и индивидуализм пересекающиеся понятия, но в принципе это разные вещи. Индивидуалист делает выбор в пользу собственных целей, идиоцентрист – различает свои и чужие цели. По этой причине идиоцентризм не следует соотносить с гипер-оценочными категориями этики альтруизм-эгоизм. Нетрудно представить себе человека, прекрасно понимающего иллюзорность, ошибочность и, может быть, гибельность коллективных представлений, но остающегося в годы испытаний рядом с людьми, которых он любит или с которыми связан, надеясь быть полезным. Идиоцентризм отражает степень психической дифференциации и зрелости индивида (в терминологии Ф. Перлза). Тогда как эгоизм и, вообще, индивидуализм возможны без развитой дифференциации психических структур. Для этого достаточно подчиняться витальным инстинктам, вернее определенной их части, отвечающей за выживание особи. Выражение типа: «Своя рубашка ближе к телу», - на всех языках известны чуть ли не с доисторических времен. И чуть ли не с доисторических времен массовый человек считает, что противопоставить эгоизму может только коллективизм. Отсюда излишняя эмоциональность при анализе взаимоотношений идиоцентрированного и оллоцентрированного человека в современном мире. Различий и в самом деле немало³³.

Идиоцентрированные люди полагаются только на себя, гордятся личными успехами и своей компетентностью, и при этом не связаны эмоциями по отношению к какой-либо малой или большой группе, за исключением нуклеарной семьи: супруг(а) и дети. Оллоцентрированные люди полагают, что успех воз-

³³ См., напр.: *Triandis H.C. Culture and social behavior.* McGraw-Hill, 1994.

можен только при поддержке других (родных, земляков, единоверцев и т.п.), гордятся кровной, дружеской, сословной и т.п. принадлежностью, выше личной компетентности ставят взаимовыручку и связаны эмоционально не только с малой, но и некоей большой группой, а семейные отношения поддерживают со всеми родственниками «до седьмого колена».

Если возникнет конфликт между отношениями по горизонтали и по вертикали, идиоцентрированный человек предпочтет горизонтальные отношения (например, в споре супруги со старшими родственниками он будет на стороне супруги), оллоцентрированный - вертикальные.

Для идиоцентрированных людей характерна универсальная шкала ценностей и для оценки членов «своей» группы, и для оценки членов других групп. Оллоцентрированным – свойственны, напротив, разные системы ценностей: при оценке членов своей группы - одна, при оценке членов внешних групп – другая, при аффективной поляризации отношений к «своим» и «чужим».

Деловые контакты между оллоцентрированными и идиоцентрированными людьми затруднены. Одно из самых сильных разочарований оллоцентрированного человека - осознание, что идиоцентрированный коллега не станет ему близким другом. Как выразился Ромен Роллан, «люди прощают все, только не отказ есть с ними из одной чашки»(1933). А идиоцентрированный человек мучительно переживает ситуацию тесной внутригрупповой контактности, когда невозможно «побыть одному». Этим нередко объясняется невротический оттенок эксцентрических происшествий в студенческих общежитиях, склок в коммунальных квартирах, неуставных отношениях в казармах и т.п.

Отмечается, что люди с идиоцентрическими наклонностями выглядят более одинокими, чем оллоцентрированные, которые демонстрируют сильную внутригрупповую поддержку.

Портрет идиоцентрированного человека, таким образом, весьма далек от благозности. Подобное отдаление личности от опеки и заботы группы может вызвать не только межличностные, но и интрапсихические проблемы, связанные с исключением одного из наиболее мощных защитных механизмов: расширения границы «Я». Не следует думать также, что четкое разделение собственных и иных интересов, целей и предпочтений, свойственное идиоцентрированной личности, обеспечивает человеку жизненный успех, карьерный рост, материальное благополучие или что-то другое в этом роде. В житейском плане,

идиоцентризм, вообще, эффективен только в правовом государстве, где закон предоставляет наибольшее благоприятствование честной конкуренции и жестко пресекает деятельность разного рода «теневых» фирм, команд и землячеств. Однако даже в стране официального индивидуализма и развитой демократии, ориентированной на соблюдение прав человека, жесткое законодательство, сохраняющее такую карательную меру, как смертная казнь, не в состоянии покончить с мафией, внутри которой действуют предельно оллоцентрические отношения. Одно это может поколебать доверие к футурологическим прогнозам относительно «информационного общества». Опираясь на очевидные достижения «технотронной революции», современные ученые развили специальную науку – коммуникативистику, согласно которой будущая постиндустриальная цивилизация может стать «более здоровой, благоразумной и жизнеутверждающей, более добропорядочной и демократичной, нежели любая иная, известная нам до сих пор»³⁴. Но детальные обоснования столь обнадеживающих перспектив вызывают закономерный скепсис представителей других научных школ. «Опираясь на компьютерную технику, - пишет Л.М. Землянова, - Тоффлер утверждает, что “цивилизация третьей волны будет базироваться на взаимодействующих, демассифицированных средствах связи, питающихся чрезвычайно разнообразной и часто весьма персонализированной образностью, черпаемой из потоков общественной памяти и пополняющих ее”. Однако декларации подобного рода в его книге не подкрепляются конкретными примерами, доказывающими реальность этих гипотез»³⁵. Это обычное для футурологии дело: придавать разрешающим способностям новой техники и технологии философский и социологический смысл, чтобы воссоздать прогностический образ, метафорически раскрывающий суть предстоящего этапа в развитии общества. Надо сказать, что такого рода прогностические образы и составляют главную ценность футурологии, потому что по ним, как по эвристическим моделям, могут корректировать свои планы и ученые, и политики и простые люди. Это, разумеется, далеко не однозначные определения стадий стохастического процесса. Они уточняются, углубляются и даже переосмысливаются в согласии с реальным развитием дел. К примеру, нарисованная М. Маклюэном «Глобальная деревня» (1964) через во-

³⁴ *Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. P. 19.*

³⁵ *Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. Теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М., 1995. С. 212.*

семь лет у Г. Кана и Б. Брус-Бриггза преобразуется в «Глобальный метрополис» (1972), так как в отличие от деревни с ее тесными родственными, соседскими, общинными узами и единообразием духовных идеалов, «город является местом, где смешивается множество культур и народностей, сохраняющих (внутри учрежденных пределов) свои собственные обычаи, костюмы и язык; живущих в непосредственной близости друг от друга, но обычно в разных кварталах, совместно занимающихся торговлей и бизнесом на рынке, но утверждающих право на независимую частную жизнь»³⁶. А еще через восемь лет А. Тоффлер описывает основные структурные ячейки будущей новой цивилизации как «электронные коттеджи» (1980), в которых малые семьи (родители и дети) решают все проблемы на компьютерном уровне, что, по мнению ученого-коммуникативиста, «поможет восстановить чувство принадлежности к обществу и приведет к возрождению таких добровольных объединений, как церковь, женские организации, ложи, клубы, спортивные и юношеские объединения»³⁷. Но как этот технико-технологический прогресс может сказаться на психике отдельного индивидуума? Ведь к мультисистемам и все более совершенным персональным устройствам электронных средств связи получают открытый доступ и люди безотказной доброты, и те, кто, по выражению Г. Белля, «принял причастие буйвола», идиоцентрированные и оллоцентрированные, эгоисты и альтруисты и т.д., и т.п., и пр. Но тут важно не просто расширение коммуникативного поля и не просто ускорение циркуляции сообщений, а лавинообразный рост стохастичности всех социально-психологических процессов, всей духовной, производственной и частной жизни социума. В современном мире любому человеку, даже фиксированному на оллоцентрическом поведении члену группировки, так называемой, «братвы», приходится входить еще и во многие другие группы, влияние которых может быть противоречиво, и он сам склонен решать, как ему поступить. Увеличение количества групп членства ведет к снижению их влияния и уменьшению его глубины. Перед индивидуумом разворачивается некоторый спектр ситуаций выбора, что называется, в свое удовольствие, но и на собственный страх и риск. Разного рода «команды единомышленников» по-прежнему более эффективны в житейском плане, нежели одиночки-

³⁶ Kahn H, Bruce-Briggs B. Things to Come. Thinking About the Seventies and Eighties. N.Y., 1972. P. 45.

³⁷ Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. P. 220.

идиоцентристы. Но многие «командные игроки» в глубине души завидуют независимости, самостоятельности, спонтанности своих идиоцентрированных партнеров, конкурентов или просто знакомых. Оллоцентристские установки подвержены внутренней эрозии. В нашумевшем мюзикле «Метро» (2000) молодежная компания распевает: «Лучше быть в толпе, чем в команде». И это вовсе не парадокс. Если вдуматься, так оно и есть, потому что по мере распространения идиоцентристских установок, иной становится сама толпа. В ней все больше людей, как говорится, себе на уме, микрогрупп, гнущих свою линию, отстраненно любопытствующих компаний и лиц, пришедших поразвлечься. В октябре 1993 года, когда верные Ельцину войска штурмовали парламентский Белый дом, огромная толпа собралась на набережных и мостах Москва-реки. В общей массе было немало людей, призывавших идти на выручку народным депутатам или на помощь Президенту. Некоторые пробовали увлечь личным примером. Несколько человек, в том числе двое журналистов, ринулись к Белому дому и, оказавшись под перекрестным огнем, залегли в укрытии на ничейной земле... Остальные стояли молча, но не расходились, несмотря на опасность шальных пуль и осколков. Толпа редела только по ночам. Но каждый приходил, уходил, стоял молча или проявлял активность сам по себе, не поддаваясь «чувству стадности». Между тем, в Белом доме умирали молодые ребята, которых магия заклинаний Хасбулатова и матерщины Руцкого вовлекла в стихию вооруженного мятежа. А по столичным улицам молодые офицеры из команды Ельцина грамотно и красиво маневрировали на танках, метко стреляя из пушек в окна парламента... И многим из них предстояло впоследствии испытать горькое идеологическое разочарование, пройти через отчуждение сослуживцев, пережить глубокую депрессию.

Чтобы не стать орудием чуждой воли, а прожить *свою* жизнь, современный человек должен сам отвечать себе на пресловутый вопрос: «Who is Who?», – и сам для себя прогнозировать: «Что к чему ведет?». Но для этого нужна психологическая зрелость (в терминологии Ф. Перлза), преодоление внутренней склонности к «слиянию», «интроекции», «проекции», «ретрофлексии»... Объективные возможности складываются все более благоприятно. Во всем мире становится обязательным среднее образование, и сроки обучения в школе имеют тенденцию к увеличению до 13-14 лет (Германия). Рассматривается вопрос о всеобщем высшем образовании (Япония) и обеспечивается его практическая

общедоступность (США). Глобализация массовых коммуникаций ведет к тому, что сопоставление плюралистических потоков информации становится общедоступным и превращается в вопрос личного выбора. Самые авторитетные международные организации и специальные уполномоченные президентов и правительств лоббируют индивидуальную активность в борьбе за неотъемлемые права. Наконец, сама психическая эволюция человека вышла на такой этап, когда любые парадигмы мышления и стили творчества могут быть освоены каждым и разумно использованы в соответствующих жизненных обстоятельствах. И хотя идиоцентризм личности не тиражируется в массовом порядке, психотехника коллективных форм мышления, общения и поведения стала несколько иной. Появились толпы, возникновение и действия которых невозможно объяснить по классическим трудам Г. Тарда, Г. Лебона или С. Московичи. Когда НАТО начало бомбардировки Югославии, демократически настроенная сербская молодежь в знак протеста каждую ночь в атакуемом самолетами и крылатыми ракетами Белграде устраивала многотысячные рок-концерты на площадях, веселые шествия по улицам с непристойными шуточками по адресу и американского президента Б. Клинтона, и своего президента С. Милошевича, а также диспуты в кафе. Не следует видеть в этом только легкомыслие или нежелание рисковать жизнью. Стоило натовским генералам высокогуманно предупредить о дате ракетно-бомбового удара по мосту через Саву, как на нем в качестве живого щита собралась танцующая молодежь. Вместе выходили протестовать и те, кто мечтал о «Великой Сербии», и те, кто стремился интегрироваться в Европу, и те, кто просто хотел, чтобы «нас оставили в покое», словом, все без различия партийной, национальной или социальной принадлежности. У них не было всеобщих кумиров, общепризнанных вождей и абсолютных авторитетов. Да это и не было нужно для того, чтобы обозначить свое несогласие на глазах у всего мира. Но не стоит спешить с выводами. Это все-таки была толпа, то есть самозарождающийся социальный организм, тот самый, описанный еще В. Бехтеревым, собирательный субъект, в коллективной рефлексологии которого исток массовых порывов: как взлетов единства духа, так и групповых преступлений. Впрочем, нужно видеть, что это толпа особого склада и непривычного стиля поведения. Она бесследно растворилась, после того как НАТО прекратило бомбардировки. Однако во время первых послевоенных выборов президента Югославии на улицах столицы снова появилась «танцующая оппозиция».

зиция», организационно не оформленная, но единогласно протестующая против того, чтобы у власти по-прежнему оставался коммунист С. Милошевич. И существенно заметить, что в силовых акциях: попытке захвата резиденции Милошевича, разгроме офиса государственного телевидения и т.п., - толпа участия не принимала. Это делали организованные группы. А для штурма госучереждений, вообще, была вызвана из провинции колонна шахтеров со своими бульдозерами. Понятно, что для сторонников Милошевича, в руках которых была отобриллированная армия, имеющий боевой опыт спецназ и полиция, не составило бы труда перехватить шахтеров-бульдозеристов или разогнать погромщиков. Но это пришлось бы делать на глазах у массы людей, реакция которых могла быть какой угодно. Не поддавалось прогнозу, какие формы и какой масштаб приняло бы кровопролитие, и какой резонанс покатился бы по стране и по всему миру? И коммунисты сдрейфили. Они признали поражение на выборах. А сам С. Милошевич сначала был определен под домашний арест, потом переведен в тюрьму, где ему позднее предъявили обвинение для передачи дела в суд.

В теоретическом плане, во всех перипетиях массового протеста в Югославии интересно то, что столь наглядно, почти как на демонстрационном стенде, проявились синергетические закономерности возникновения и функционирования стохастических систем, к которым с полным основанием можно отнести такой социальный феномен, как толпа. Общее положение состоит в том, что энергия элементарных составляющих всегда избыточна по отношению к системе, поскольку элементы, в известном смысле, самодостаточны и относительно независимы, так что могут даже выходить за пределы системы. При этом элементы способны самопроизвольно изменяться. И по мере накопления таких изменений система меняется тоже: ее равновесие – динамическое. Поле системы развивается с течением времени вследствие истощения энергий одних элементов и наращивания других; под влиянием разнообразных перемещений элементов, появления новых и т.п. Будучи частным случаем общей закономерности, толпа как собирательная личность сама зависит от личностных качеств составляющих ее людей, психика каждого из которых избыточна, то есть в принципе значительнее, чем требуется для массовидных действий. Именно избыточность индивидуальной психики была синергетическим ресурсом человека на всем эволюционном пути от коллективного бессознательного и общинного поведе-

ния к собственному самосознанию и личной ответственности. Индивидуальная психика развивается быстрее, чем коллективная. Уровень рефлексии, доступный индивиду, недоступен коллективному субъекту. Как в связи с этим развиваются механизмы и содержания коллективного бессознательного – разговор будущего, поскольку наука не располагает пока достаточным объемом верифицированных данных и надежным аппаратом анализа. Но изменения все более очевидны. И в этом отношении изменения в таком феномене коллективной психики, как толпа, более чем знаменательны.

Если на заре эволюции психика имела только один модус – коллективный, а «Я» в точности повторяло «Мы», то к концу второго тысячелетия вполне оформился второй, связанный с осознанием собственной индивидуальной ценности. В борьбе за суверенность личности индивид может начать воспринимать все идеологии, требования и аффекты, идущие от социума, как токсические. Он отвергает все претензии «Мы» к своему «Я», отказываясь от любой групповой идентичности, полагая, что «никому ничем не обязан и не принадлежит ни к какому сообществу»³⁸. Однако в строгом смысле, это не реалистично. Обе ипостаси психики – индивидуальная и коллективная – взаимозависимы и осознаются в пределах принципа дополнительности Н. Бора и принципа неопределенности В. Гейзенберга. Не сознавая своей связи с коллективным бессознательным, человек только закрепляет эту связь, выводит ее из поля ясного видения и раскрывается для манипулятивного воздействия извне через свои бессознательные комплексы и ментальные архетипы. И если раньше пропагандист стремился воздействовать непосредственно на толпу, которая всплесками коллективного бессознательного захлестывала критическую мысль индивидов, то теперь он предпочитает вызвать информационный шок, который каждым переживается лично (в соответствии с собственным вариантом ментальности) в самом широком диапазоне чувств: от полного приятия до крайнего осуждения, - чтобы перевозбужденные индивиды сами, так сказать, изнутри, определили состав толпы, ее характер и соответствующую направленность действий. Чем острее шоковые публикации, тем разнообразнее и нетерпимее реакции реципиентов. Общественное мнение по этому вопросу расслаивается, приходит в состояние хаоса. Но зато возбуждается активность некоторого числа индивидов, в совпадаю-

³⁸ См., напр.: Миллер Г. Тропик рака. М., 1994.

щей ментальности которых возникает эффект резонанса. И если таких людей достаточно много, их действия могут достичь единства и такой активности, за которой следуют уже силовые акции. Если – нет, они тоже оказываются на улице, в гуще событий, как свидетели, а в критический момент и резерв активной части толпы.

Не случайно современный журналистский текст все реже опирается на идеологию, а апеллирует к ментальным структурам, базовым ценностям морали и страхам обычного человека. Когда на президентских выборах (1996) возникла гипотетическая опасность, что во второй тур выйдет кандидат от КПРФ Г. Зюганов и кандидат от ЛДПР В. Жириновский, рейтинги которых были заметно выше, чем у действующего Президента Б. Ельцина, родился план раскрутить кандидатуру генерала А. Лебеда, чтобы, оттянув на него «патриотический электорат», просто снять проблему «ЛДПР». Тогда имиджмейкеры из группы Б. Березовского выпустили на телеэкраны два пропагандистских ролика, структурно схожих как однояйцовые близнецы:

Первый: Широкая лента реки. В пойме костер. Варится уха. Группа плотных мужчин, видимо довольных, улыбчивых, уверенных в движениях... Кто-то из них не очень внятно, как бы про себя, проговаривает: «Вот все у нас есть! Теперь только еще бы человека...» Проникновенный голос диктора за кадром: «Есть такой человек! И ты его знаешь». И крупно портрет Александра Лебеда, плотного мужчины с апломбом атамана.

Второй: Широкая лента реки. Пароход. На палубе под проливным дождем упоенно отплясывает плотный мужчина. Не очень внятно, как бы сказанные про себя, звучат слова: «Вот все у нас есть! Теперь только еще бы человека...» Проникновенный голос диктора за кадром: «Есть такой человек! И ты его знаешь». И крупно портрет Александра Лебеда, плотного мужчины с апломбом атамана.

Тут каждая деталь восходит к архетипическим ценностям русской ментальности. Река – символ дороги, пути, судьбы и жизни. Костер – символ своей воли, свободного привала, независимого существования. Ладья, корабль – символ казацкой доли, надежды и удачи, активности и успеха. Дождь – символ благодати. И, наконец, диалог голосов о главном человеке, предводителе, атамане. Что он значит в русской ментальности, можно понять хотя бы по народной песне «Любо, братцы, любо...», а лучше по пронзительным строкам поэмы Сергея Есенина «Пугачев»: «Проведите! Проведите меня к нему! Я хочу видеть

этого человека!»

Новейшие информационные технологии все рассчитывают очень точно. Но и тип личности современного человека стал достаточно сложным. Поэтому имиджмейкерам нередко удается добиться сиюминутного политического успеха, но они практически никогда не могут предвидеть всех последствий, как для реальной практики общества, так и для ментальности социума. Хотя на тех президентских выборах В. Жириновский потерял большую часть электората и с тех пор уже не воспринимался как политик первого ряда; хотя А. Лебедь, занял в первом туре почетное третье место, чем способствовал выходу Б. Ельцина во второй тур, а затем, порекомендовав своим избирателям отдать свои голоса действующему Президенту, обеспечил ему победу, - генерала быстро сняли с должности секретаря Совета Безопасности РФ. Впрочем, он успел-таки надевать немало трудно исправимых ошибок, которые вызвали глубокое разочарование прежде всего у тех людей, которые «голосовали менталитетом». Б. Березовский чуть ли не единственный олигарх, который на всех выборах в Российской Федерации с неизменным успехом разыгрывал «русскую карту». Но есть объективные основания утверждать, что конечные результаты столь эффективного имиджмейкерства и его самого не просто привели к политическому разочарованию, а глубоко перепугали.

Здесь проявляется фундаментальное значение дополнительности индивидуальной и коллективной психики. Развитие идиоцентристских установок приводит к обострению антиномии личность–группа. С одной стороны, усиливается сопротивление личности поглощающему влиянию толпы и других очевидных проявлений коллективной психики. С другой, - вследствие такой поляризации обостряются страх личной ответственности, тревога неопределенности, чувство незащищенности, которые подталкивают человека обратно в лоно олоцентристских надежд на мощь и целостность группового «Мы». «Можно сказать, - пишет известный специалист в области психотехнологий убеждения Е.Н. Волков, - что происходит глобальный переход от “общества групп” к “обществу личностей (индивидов)”. Но при этом сохраняется, и будет сохраняться социальный, т.е. групповой характер психики человека, что выражается в фундаментальной потребности человека в присоединении к группе со стабильной

системой ориентации»³⁹. И, по его мнению, патологическим выражением этого процесса, становится широкое распространение во всем мире деструктивных культов, шарлатанских сект, антиобщественных группировок, террористических организаций, главным принципом которых становится полный контроль сознания извне и, в сущности, переключение его в русло группового восприятия, переживания и поведения. Это и в самом деле вполне реальная и очень опасная ловушка для человека, выломившегося уже из традиционных установок, но еще не укрепившегося в новых для него идиоцентристских ориентациях. Человеку, отказавшемуся от круговой поруки традиций и группировок, трудно проходить между Харибдой пропаганды и Сциллой сектантства без перебора вариантов с осведомленными интеллектуальными партнерами, без оглядки на пример тех, кто, так же как он, опирается на самого себя. Кто-то может выдержать одиночество, изоляцию, а то и роль белой вороны, кто-то - нет. В старые времена это была трагическая проблема. Она и сейчас тяжела до чрезвычайности. Но нынешнее общество предоставляет все больше социальных и правовых условий, которые позволяют сохранить суверенность личности, как в потоке пропаганды, так и перед соблазном фанатизма. А Интернет возводит в степень внутренний потенциал личности, реализуя новую парадигму мышления.

В этом смысле Интернет можно сопоставить с теми социально-психологическими резонаторами индивидуального сознания в массовой коммуникации: «массовые обряды»; «идеологические системы»; «общественное мнение»; «шоу-бизнес»; «самоактуализация», - которые рассматривались выше при анализе предшествующих парадигм мышления и соответствующих типов текста. Говорилось в частности, что «массовый текст любого типа нуждается в усилителе, образно говоря, синхрофазотроне, который разгонял бы элементарные частицы сообщения до скоростей, когда они беспрепятственно пронизывают глубины психики, как нейтрино вселенную, проникая в механизмы бессознательного». Сейчас эта эвристическая метафора претендует на чуть ли не буквалистское понимание. Как будто, наконец, материализовалась мечта древних греков о машине, из которой в трудный момент исходит божество, чтобы открыть все тайны, разрешить все проблемы и предсказать будущее. Разумеется, прямого подобия с «(Deus) ex machina» у Интернет не больше, чем у телеви-

³⁹ Волков Е.Н. Преступный вызов практической психологии: Феномен деструктивных

зора с «Наливным яблочком на золотой тарелочке» из русских сказок. Но в какой степени инсталлированные в компьютерной сети программы изоморфны стохастическим процессам становления, к примеру, общественного мнения или самоуправления толпы - вопрос теперь открытый: гипотезы сформулированы, и, когда объем экспериментальных данных достигнет критической массы, однозначные выводы станут неизбежны. И самым существенным здесь является то, что в Интернет четко фиксируются, а значит, открываются для объективного наблюдения, анализа и верификации, все моменты транзактного (взаимовоздействующего) включения личности в массовую коммуникацию, когда сознанию индивида волей-неволей приходится оперировать теми речемыслительными единицами и в том темпо-ритме, как предопределено самодостаточностью коллективного резонатора. Поэтому (в первом приближении) можно сказать, что особенности Net-мышления предопределяются параметрами сетевого текста, системой устойчивых приемов презентации информации, структурирования сообщений, организации коммуникативного процесса.

Но какие особенности текстов Интернет прежде всего бросаются в глаза и поражают воображение пользователей? Об этом можно судить по записям испытуемых (московских школьников и студентов-журналистов), которые они делали в процессе изучения компьютерных технологий массовой коммуникации.

- Сергей С. «На сайте <http://1001.vdv.ru> у нашего преподавателя Ш. среди прочих писем, пришедших к нему по e-мейлу, есть следующее: «Нашел Ваш сайт случайно. Задал в поисковую машину слово «металлопрокат», она дала мне ссылку на Ваш сайт. Зашел – не оторвался, пока все не прочел». Если взглянуть на электронный сайт, как на некое завершенное целое, то можно заметить, что сайт представляет собой некую модель интернета в миниатюре, некую мини-паутину. В самом деле, как тело интернета пронизано и связано в единое целое взаимными ссылками, так и сайт является единым целым (как программно, так и для восприятия читателя) лишь постольку, поскольку имеет заглавную страницу, с которой путем выбора ссылок можно попасть в любой раздел сайта, а также поскольку из одного раздела сайта можно попасть в другой, минуя заглавную страницу, или на другой сайт, путем выбора другой

ссылки... Зачастую ссылки не имеют никаких комментариев, и выбор читателя случаен. Он может равновероятно попасть на какой-то из разделов данного сайта или на другой сайт... Невозможно заранее предугадать, отправляясь в интернет, куда, в конце концов, придешь. Как показывалось в начале, поисковая машина выдает до 90% хлама, информации, которая никак не может помочь пользователю в поиске того, что он задался целью найти. Однако эта информация может оказаться интересной в плане других увлечений, и он может пойти по этому пути, опять-таки не зная, куда этот путь приведет его. Таким образом, ставится под сомнение сам принцип детерминизма... Даже отдельное сообщение – это мини-паутина. Достаточно только «кликнуть» на словесной ссылке, чтобы произошло перемещение внутри текста: от начала к нужному абзацу или наоборот. При желании можно вставить дополнительные ссылки на другие тексты, а также графику, как статичную так и анимативную, видео- и аудиоматериалы. Таким образом, не только сайт, но и минимальная смысловая единица - текстовой, графический, видеофайл является мини-паутиной, к которой неприменимы законы детерминизма».

- Александра М. «...Изменение, которое я могу отметить в себе после того, как я стала пользователем Интернет, большая уверенность в своих возможностях. Как гласит реклама информационно-поисковой системы JANDEX: “Возможно все!”. То, на что раньше уходило много времени и сил, теперь можно достичь за несколько минут. Важно четко определить задачу, путь ее решения и сделать то, что нужно. Конечно, надо знать, где искать. Работа в Интернет требует большей логичности, собранности и, как ни странно, фантазии. Постоянно тренируя в себе эти качества, мозг работает динамичнее...»
- Евгения Б. «В школе задали реферат о поведении наполеоновской армии в оккупированной Москве. Облазила весь Интернет, скачала 18 страниц, а потом обнаружила, что это просто цитата из книги Тарле “1812 год”, которая стояла у нас на полке в домашней библиотеке...»
- Реплики в чате: «Искушенному. А ты сам пробовал носить розовые очки? Что хорошего в красных лицах людей и черной листве деревьев?»

Сов. Дикая рожжа»; «Холодному Кинконгу. Своей “шифровкой” ты открыл сезон охоты на кинконгов и сам выписал лицензию на свой отстрел. Ну и получи по лбу! Ты, гад, первый, посягнувший на святая святых нашей вольной страны – на тайну личности. Это – место общения душ, хотя и под масками. Душ! Ты понял? Раскрывая чужое псевдо, ты совершил самое гнусное и подлое преступление! Попробуй оправдаться. Не сможешь – умри! С презрением, *Сов. Дикая рожжа*»; «Инопланетянину. Так это я по своей природе такой. Хомо вульгарис. Под сапиенса не кошу, пишу, что в голову взбрет. Про мазохизм - недопонял. *Сов. Дикая рожжа*».

- Сергей С. «Характерной чертой паутиноктекста является его фантомность. Он есть. Его можно прочесть, внести в память компьютера, растиражировать. Но нельзя поручиться, что завтра, через час или через минуту он все также будет находиться на том же месте в сети в неизменном виде. Изменения может внести и сам автор, и системный оператор (администратор), и хакер путем несанкционированного взлома, да и сам читатель в чате, где полотно разговора в реальном времени меняется каждую секунду. Возникает ощущение постоянно меняющегося, нестабильного, пульсирующего текста. Это - текст-сердце, которое гонит информацию по сосудам-ссылкам. Текст-мускул, который, постоянно пульсируя, в любой момент может развернуться в сторону пользователя и нанести удар: направить такой поток информации, с которым принимающий не сможет справиться, вообще, заблокировать компьютер от входа в сеть и т.п., не говоря уже о хакерских атаках и разного рода вирусах. Так что приходится всегда быть наготове и ожидать удара из-за угла, тем более, что враг невидим и непредсказуем, как и сам мир сети».
- Сергей К. «Мне, наверное, лучше отказаться от практики в журнале “Ровесник”. Публикуют меня охотно. Но писать приходится о знаменитостях, с которыми я никогда не встречался и вряд ли когда-нибудь встречу. Факты скачиваю из Интернет, потом комбинирую и раскрашиваю. Не без творческого напряжения. Волнительно и весело. Но как будто готовишь жаркое из консервов и полуфабрикатов. И тут все так. А зачем поваренку быть на кухне, где никто натуральную даже яични-

цу не жарит?»

Сразу, что называется, невооруженным глазом видны типологические особенности сетевого текста, которые требуют особого способа мышления. Прежде всего, это гипертекстовые ссылки или «линки» (от англ. link – сцепка, линия связи, связующее звено), которые пронизывают всю толщу культуры и благодаря которым текст в себе самом несет указание: в какие разнообразные контексты он может быть включен, и какие при этом может иметь разнообразные значения. Каждый «линк» - это дополнительная степень свободы проникновения в суть сообщения и интерпретации данных. Но по мере продвижения по «линкам», число которых не лимитировано, мысль может переориентироваться, подчинившись побочным импульсам любопытства, или даже произвольно перемениться под влиянием новых данных, раскрывающих суть дела с непредвиденной стороны. Когда-то для развития логики науки стало очень конструктивным предположение Ф. Франка о «свободе воли» электрона (1961). А сегодня специфику Net-мышления следовало бы определять как «свободу воли» сетевого текста.

Паутина взаимопересекающихся «линков» способна перемешать контексты сообщений в состояние чуть ли не первобытного синкретизма, природного хаоса, информационной плазмы... - ряд метафор можно продолжать и продолжать, но суть их останется одной и той же: это спонтанный механизм фазового перехода к симультанной информации второго порядка (в синергетическом значении термина), которая задает новый уровень осмысления явления. В ситуации фундаментальной неопределенности сетевой текст срабатывает как разгадка в загадке, вызывая эффект «Ага-переживания» от вспыхивающей очевидности причинно-следственной взаимосвязи события с некоторой системой событий (деталей события с целостной структурой явления), благодаря чему картина мира логически упорядочивается, и открывается перспектива для эффективного мышления, общения и поведения. Самое существенное в том, что роль «последней капли», вызывающей кристаллизацию симультанной информации второго порядка, может сыграть любой коммуникативный элемент: указание на реальный объект, исторический пример, культурная реминисценция, аналогия, метафора, модальное слово и т.п. Получается, что им всем одинаково придается виртуальная предметность, что это - равнозначимые феномены психической реальности. И, к примеру, модальное слово будет существенно не как прояв-

ление некоего субъективного отношения, а как предметное отнесение самой ситуации к одному из состояний неопределенности: случайности, вероятности, возможности, необходимости, прогнозируемости и т.п., - поскольку именно это первостепенно важно для читателя в момент поиска оснований для собственного выбора. Виртуальная предметность не всегда схватывается воображением наглядно, хотя абстрактная живопись справляется с этим вполне убедительно. Зато виртуальная предметность вызывает роение символических образов, обновляет социо-культурные эмблемы (традиционные оценки действий и состояний, фиксированные в пословицах, афоризмах, девизах, гербах и т.п.), придает знаковую чувственность абстрактным понятиям и категориям. Поэтому паутино-текст не имеет «экспозиции», «завязки», «кульминации» и т.п. Композиция упрощается до простого перечня фактов, мнений, прецедентов, цитат, подробностей, деталей, приводящих обстоятельств, разного рода данных и персоналий. Все разделы сайта самодостаточны и, вместе с тем, открыты для любых комбинаций с другими самодостаточными разделами посредством системы линков. Это оптимально, если предположить, что в основе Net-мышления, как пусковой механизм, кроется быстродействующая система эвристических операций в сфере виртуальной предметности. Тогда понятно, что в паутино-тексте излишни и даже вредны сюжетные ходы, потому как, подобно непрошеным советам, стеснили бы спонтанность выбора, замедлили скорость перебора вариантов. Получается, что вторым специфическим свойством сетевого текста является своеобразная ассорти-композиция, когда более или менее укомплектованное содержание разворачивается по принципу удобства доступа, как на прилавке или верстальном столе.

Третьей типологической особенностью сетевого текста можно считать его специфический темпо-ритм. Никакой избыточной информации, никакого разжевывания, никаких прокладок между разделами, ничего акцентирующего. За каждым штрихом - особая виртуальная предметность. В языковом плане это выражается в максимальной субстантивации лексики, преобладании номинативных предложений, сугубом лаконизме, даже прерывистости изложения, и особенно, в эллиптическом характере грамматических конструкций, когда эллипс (от греч. *ellipsis* – выпадение, опущение: пропуск элемента высказывания, легко понимаемого в данном контексте или ситуации) становится основной стилистической фигурой, привносящей в текст оттенок диалогичности. Как

будто кто-то поставил цель довести до предела пресловутый «телеграфный стиль», преуспел в этом и пошел дальше, погружаясь в стихию собственно внутренней речи, которая, по определению, представляет собой «использование языка (точнее, языковых значений) вне процесса реальной коммуникации, ... когда она выступает как средство мышления, пользуется специфическими единицами (код образов и схем, предметный код, предметные значения) и имеет специфическую структуру, отличную от структуры внешней речи»⁴⁰. Посвятивший много усилий изучению данного феномена Л.С. Выготский говорил, что внутренняя речь «оперирует семантикой, а не фонетикой слова», что это - «мышление чистыми значениями», и даже «процесс испарения речи в мысль»⁴¹. Однако он не был склонен соглашаться с бихевиористом Уотсоном, полагавшим, что, если бы удалось записать внутреннюю речь на пластинке фонографа, она осталась бы совершенно непонятной. С его точки зрения, внутренняя речь человека формируется в процессе интериоризации внешней речи и сопоставима с родственными явлениями языкового общения, когда «при известных условиях слова изменяют обычный смысл и значение и приобретают специфическое значение, придаваемое им определенными условиями их возникновения»⁴². «Между живущими одной жизнью людьми, - пишет Л.С. Выготский, - легко возникают условные значения слов, особый диалект, особый жаргон, понятный только участвующим в его возникновении людям... Совершенно понятно, что в условиях внутренней речи также необходимо должен возникнуть такой внутренний диалект»⁴³.

Как видно, Net-мышление следует отнести к тем адаптивным механизмам сознания, которые особо родственны феномену внутренней речи. Однако это не чистая самокоммуникация. Здесь в классический «разговор с собой» неизбежно включен дополнительный голос, всеведущий («Найдется все»), но (!) не всемогущий. Подчеркнутое - важно кардинально. Мышление человека – диалогично уже потому, что в индивидуальном сознании подспудную роль играют архетипы коллективного бессознательного. Динамику мифологического текста определяет повелительный стереотип, как когда-то в «двухпалатном сознании»

⁴⁰ Краткий психологический словарь /Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М., 1985. С. 306.

⁴¹ *Выготский Л.С.* Мышление и речь / Собрание сочинений. В 6 т. М., 1982-1984. Т.2. С.353.

⁴² Там же. С.351.

древнего грека все решал голос Бога. Рационалистические идеи становятся массовыми убеждениями благодаря опоре на постулаты учения, которые звучат в тексте, словно голос Гения, Вождя, Учителя. Прагматичный комментатор никогда не забывает напомнить или хотя бы намекнуть, что его оценки - голос общественного мнения. Рекламный слоган – крик коллективного зазывалы, обещающий престижное удовольствие за приемлемую цену. И даже экзистенциальный выбор совершается не без влияния «внутреннего голоса», в котором проявляется не шкурный интерес, а феноменологическое свойство человека. Но, тем не менее, голос сознания суверенен, и диалог отнюдь не предсказуем. Великолепный пример тому – баллада бесстрашного Франсуа Вийона (1431 или 1432 - ?) «Спор между Вийоном и его душой»⁴⁴:

- Кто это? - Я. - Не понимаю, кто ты?

- Твоя душа. Я не могла стерпеть.

Подумай над собою. - Неохота.

- Взгляни, подобно псу, - где хлеб, где плоть,

Не можешь ты ни жить, ни умереть.

- А от чего? - Тебя безумье охватило.

- Что хочешь ты? - Найди былые силы,

- Опомнись, изменись. - Я изменюсь.

- Когда? - Когда-нибудь. - Коль так, мой милый,

- Я промолчу. - А я, я обойдусь.

.....

- Ты лучше, чем ты есть. - Оставь кадило.

- Взгляни на небеса. - Зачем? Я отвернусь.

- Ученье есть. - Но ты не научила.

- Я промолчу. - А я, я обойдусь.

- Ты хочешь жить? - Не знаю. Это было.

- Опомнись! - Я не жду, не помню, не боюсь.

- Ты можешь все. - Мне все давно постыло.

- Я промолчу. - А я, я – обойдусь.

Если вдуматься, это трагическое стихотворение. Человек может настоять на своем. Но комплекс Прометея – это не только великое свершение, а еще и

⁴³ Там же. С.351.

мучительная судьба. Для личности отказ от диалога – это конец. И, в общем-то, человек чувствует, на что идет, разрывая контакт с опостылевшим коллективным бессознательным. Об этом самое, может быть, пронзительное стихотворение XX века, законченное Мариной Цветаевой 11 мая 1939 года, вскоре после вторжения гитлеровских войск в Чехословакию⁴⁵:

...Отказываюсь - быть.

В Бедламе нелюдей

Отказываюсь – жить.

С волками площадей

Отказываюсь - выть.

С акулами равнин

Отказываюсь плыть –

Вниз – по теченью спин.

Не надо мне ни дыр

Ушных, ни вещей глаз.

На твой безумный мир

Ответ один – отказ.

Так что, хотя в процессе эволюции человека суверенность индивидуальной психики укреплялась и нарастала, голос коллективного бессознательного по-прежнему сохранял интонации всеведения и всевластия. Дополнительный голос Интернет тоже всеведущ, но вся властность - в распоряжении самого пользователя. Пролистывая сайты, он сам делает не только выбор, но и вывод, сам изменяет фантомную жизнь сетевого текста. Вот почему внутренняя речь человека, по характеристике Л.С. Выготского, - **предикативна**, то есть представляет собою перебор вариантов выбора личных способов действия (оперирования с предметом), в результате которого творчески выстраивается линия мысли. А сетевой текст, структурно совпадающий с внутренней речью, - **субстантивен**, то есть предлагает на выбор перечень предметов, в круге которых и с помощью которых может по собственной инициативе действовать человек, и творческим становится не выстраивание, а эвристическое улавливание мысли,

⁴⁴ Перевод И. Эренбурга. Цит. по: *Эренбург И.* Стихотворения. Л., 1977. Оп.351.

вырастающей, словно кристалл, в пересыщенном растворе информации. Это как бы внутренняя речь собирательной личности: не диалог с авторитетом, а полилог множества компетентных голосов, но при всем при том решающим для каждого остается собственное слово. Интернет, наверное, можно бы назвать «второй палатой сознания», но, в отличие от древнего грека, современный человек склонен слышать веление Бога в голосе своего «Я». И как бы в понимании этого, паутинокст и строится не как команда, совет или соблазн, а как стеллаж, с которого одинаково легко взять любой предмет. Субстантивированная внутренняя речь коллективной личности обеспечивает особый режим работы для предикативной внутренней речи индивида. Вот слова испытуемой Наталии А.: «Ты видишь перед глазами весь список возможностей, интуитивно выбирая необходимое... Ты скользишь намеренно по поверхности, чтобы не провалиться и выхватить то нужное, что первоначально искал... Интернет щадит тебя, соответствуя твоим задачам и способу понимать. Он предлагает тебе только самое главное, дополнительное оставляя в ссылке (надо – посмотришь, нет – все равно поймешь из контекста... Мы не пойдем в специальные библиотеки и отделы за парой абзацев, которые нам “прояснят ситуацию”. Но мы очень уважаем систематизаторов, которые еще остались и носят в своей голове все эти объемы информации)». Net-мышление «пульсирует», таким образом, в темпо-ритме субстантивно-предикативной внутренней речи, и это не только определяет ассорти-композицию паутинокста, но и переиначивает на свой лад логико-смысловую систему любых других типов текста, либо отвергая «с порога», либо придавая самые неожиданные значения их функционально-структурным компонентам.

Четвертой важной особенностью паутинокста является специфическая стилистика интерактивности. Любой сайт или мэсидж (от англ. message – послание) Интернет отличают устойчивые типологические признаки: акцентуированный ник (псевдоним) или нарочитая самопрезентация; макароническое словоупотребление; слэнговая фразеология; упрощенность и одновременно жеманность синтаксиса; экстравагантность и апломб суждений. Иногда не без оттенков дурашливого эпатажа. Но, в целом, - это эффектный способ публично заявить и подтвердить свою волю и свое право на авторитетное вмешательство

⁴⁵ Цветаева М. «О слезы на глазах!..» // Стихи и поэмы. Вильнюс, 1988. С.273.

в процесс обсуждения темы, поиска истины, принятия решения. И, одновременно, это эффективная обкатка субъективных притязаний личности, когда беззащитная откровенность, как бы вызывая огонь на себя, провоцирует поддержку, сопротивление или пренебрежение, которые закрепляют или трансформируют паттерны самооценки. В переживании самовыражения и самоутверждения смыкается пароксизм публичности (в предельном значении: «На миру и смерть красна!») и выплеск субъективности (в предельном значении: «Это – Я, Господи!»). В основе столь мощных эмоций – глубинная энергетика сопряжения и взаиморазрядки влечений индивидуального бессознательного и архетипов коллективной психики. Однако важно обратить внимание и на обратное воздействие. Публичная субъективность может быть искренней откровенностью или циничным лицедейством, личным экспериментированием или послушным следованием рекламной раскрутке – она в любом случае активизирует глубинные механизмы личности, в любом случае смыкает влечения индивидуального бессознательного и архетипы коллективной психики, в любом случае сопровождается острыми переживаниями. К эффектам публичной субъективности можно отнести и «сценические» слезы, и «срезающие» остроты, и хулиганский кураж, и экстатический порыв, и харизматический апломб, и «непробиваемый» блеф... Известны и специфические невроты (легкие и не очень легкие формы эксгибиционизма): «звездная болезнь», «комплекс непризнанности», «самозванство» и т.п. Элемент самоупоения (или самобичевания), характерный для публичной субъективности, парадоксальным образом раскрепощает сознание. Человек мыслит, говорит и действует без оглядки на регламент, субординацию, и приличия, следуя собственным интенциям, видя мир в свете личных, (близких и потому ясных и понятных) интересов и ощущая свое прямое воздействие на ситуацию. Его суждения обретают смелость, прямоту и четкость. В его словах появляется глубинная эмоциональность и эстетическая выразительность. Его намерения приходится учитывать всем. Публичная субъективность – это, в сущности, специфический способ мышления-общения-поведения, действительность и мощь которого незамедлительна и самоочевидна. Этим объясняется эмоциональная притягательность публичной субъективности. Но этим же объясняется и то, что претензии на публичную субъективность люди готовы принять как должное только со стороны признанных кумиров, звезд, вождей, авторитетов, отвергая все остальное как нескромность, нахальство, наглость, мо-

шенничество и т.п. Для межличностного общения это, в известном смысле, справедливо. Но в интрапсихическом (внутриличностном) плане это депривация важной духовной потребности. А в интерпсихическом (социальном) аспекте это оставляет без применения мощный ресурс интеллектуальной активности рядовых членов общества. Выход указало развитие интерактивных информационных технологий.

Психологическое содержание интерактивности состоит в реализации глубинных стремлений личности к самовыражению и к самоутверждению посредством массовой коммуникации. Каждый человек получает возможность публично проявить субъективное отношение к важным событиям общественной жизни. Традиционный для журналистики «эффект присутствия» достигает предельных значений и перерастает в «эффект участия». Это уже другое психическое состояние. Человек не поглощает сведения, а оперирует с информацией. И что принципиально важно, это индивидуальная активность. Человек сам находит информацию для сравнения в других источниках, в собственном образовании и личной ментальности. Он высоко ставит свои суждения и настаивает на том, чтобы их принимали в расчет. Это в полном смысле массовое поветрие. Люди звонят в московские студии из Магадана или Норильска, соглашаются отвечать на самые бестактные вопросы репортеров, идут на всяческие ухищрения, чтобы попасть в массовку популярного ток-шоу. «Когда юбилейная “Я – сама” выйдет в эфир, - не скрывает удивления журналист, - посмотрите на женщин, собравшихся в студии: они совершили подвиг. Чтобы прорваться в “Останкино” на запись программы, все эти разодетые дамы часа полтора бились в холодном предбаннике телецентра с охранниками, сотрудниками каналов и время от времени друг с другом... Закончилось это смертоубийство взятием милицейского кордона, а заодно и заветной студии»⁴⁶. Журналисты уже почувствовали, что «эффект участия» – главное в работе современных mass-media. Они стремятся использовать интерактивные формы в пропагандистских целях: не пропускают или всячески выделяют отдельные реплики, то есть вводят те или иные формы цензуры, пытаются управлять разговором с помощью наводящих вопросов, грубо льстят приглашенным в ток-шоу или хамски их одергивают и т.п. Но это – пустые хлопоты. Интерактивная аудитория выходит за пре-

⁴⁶ Меньшова пригрозила бросить «Я - саму»... //Вечерняя Москва. 1997. 12 февр.

дела классической схемы «two-step-communication», и журналист теряет в ее глазах ауру «лидера мнений». В свете публичной субъективности он сам выглядит неадекватно. И ведет это только к растрате последнего кредита доверия в обществе. Рост публичной субъективности как реципиента, так и коммуникатора характерен для всех информационных процессов современного общества. А в Интернет это уже исходное условие контакта. «Времени на адаптацию практически нет, – отмечает испытуемый Игорь П., – Если вошел в сеть, значит начинаешь общаться... Не раскрылся – тебя не заметят, не обратят внимания, не удостоят ответа. Раскрылся – нужная информация сама к тебе липнет. И сторонников, и спорщиков – навалом. Только не тормози, успевай...» Публичная субъективность превращается в универсальный эвристический прием. Но в среде с избыточными объемами информации уже перебор и комбинирование вариантов выводит на новый уровень осмысления предмета, формирует новые представления. Интерактивным становится само творчество-в-процессе-коммуницирования. «Не надо знать все, - приходит к выводу испытуемая Наталия А., - надо иметь понимание, где это найти, – вот кредо современного человека. Скорее даже его – формула выживания. “Где” – не значит банальный способ подключиться к поисковой системе. “Где” – это возможность по полупфразам воссоздать явление, найти в голове те осколки, которые тоже из этой области, кажется, - и вот вам уже рождается кристалл нового, – нет, не знания, – представления. Знания мы оставим для ученых и систематизаторов, а нам нужно успеть жить. Поэтому ограничимся представлениями. Главное, чтобы не подвела интеллектуальная интуиция, воспитанная в эпоху доинтернетовского, “добротного” способа понимать». Это умозаключение заслуживает самого пристального внимания. Автор видит решающую роль «интеллектуальной интуиции», то есть творческой активности «Я». Более того, подчеркивает, как много значит уровень личной образованности, то есть «доинтернетовского, “добротного” способа понимать». И все-таки «формулой выживания» современного человека называет, в сущности, преобладание эвристики над аналитикой и комбинаторики над силлогистикой. Очевидно, такого рода умственная деятельность будет затруднена, если вообще возможна, вне паутинок текста с его стилистикой интерактивности и композиционными приемами типа «ассорти», «стеллаж», «вино без бутылки» (термин П. Барлоу), «елка с игрушками» (термин А. Андреева) и т.п. И если снова вспомнить знаменитый афоризм Л.С. Выготского:

«Мысль не выражается, а совершается в слове» (1934), – то в сетевом «on line»-тексте следует видеть не застывший слепок, а живую пульсацию Net-мышления, потому что в каждый новый момент конкретного обращения возникает новая информационная ситуация. Это, конечно, трудно представимый феномен – текст, который характеризуется одновременно и конкретностью, и неопределенностью. Современный философ В.В. Тарасенко предлагает для этой цели специальное понятие: «фрактальный нарратив», – которым можно описать «способ создания повествований, концептов, познавательных, культурных практик» в Интернет. «В качестве примера-анalogии фрактальной структуры, – уточняет исследователь, – можно предложить образ видео-обратной связи. Простейшим примером видео-обратной связи служит структура, получаемая в зеркале, отображающем зеркало, стоящее напротив. Наблюдатель помещенный между двух зеркал, видит бесконечную картинку, полученную в результате отражений между зеркалами. Зеркала отображают то, чего вне этих зеркал нет: бесконечность изображающих друг друга изображений... Фрактальный нарратив по аналогии с фрактальными структурами видео-обратных связей можно рассматривать как некоторую коммуникативную макроструктуру, образованную через итерации, нажатия, щелчки, засечки Человека Кликающего между познавательными «зеркалами»... Человек Кликающий формирует фрактальный нарратив своими перескоками. Фрактальный нарратив, перескоки формируют Человека Кликающего. Сам Человек Кликающий не имеет никакого содержания без этих перескоков и засечек. Он гуляет перескоками по миру и строит перескоками мир»⁴⁷. В данной философической модели более всего поражает, что фрактальный нарратив практически совпадает с физической картиной квантового индетерминизма. Чем, если вдуматься, мыслительная активность «Человека Кликающего», который «гуляет перескоками по миру» и «не имеет никакого содержания без этих перескоков и засечек», отличается от поведения электрона, которое не предопределяется ни явными, ни скрытыми причинами, не подчиняется никаким закономерностям и потому не может быть предсказано? И так же, как математик Ф. Франк «вычислил» в квантовом индетерминизме «свободу воли» электрона (1961), так философ В.В.Тарасенко «определил», что Человек Кликающий «познает мир непосредственно собственным телом». Однако еще

⁴⁷ Тарасенко В.В. Человек Кликающий (Глобальная компьютерная сеть как философская

камера Вильсона (1912) позволила, фотографируя треки (следы) заряженных частиц, по «пучкам траекторий» представлять и прогнозировать упорядоченное целое системы микрообъектов, каждый из которых по отдельности как бы обладает свободой воли. И хотя познание «непосредственно собственным телом» не может не быть конкретным и уникальным (просто в силу уникальности любого «собственного тела»), абстракция «электронный коттедж» А. Тоффлера (1980) как бы свела в «пучок» траектории-паттерны сетевого мышления-общения-поведения, по которому можно ясно представить тип и стиль Человека Кликающего, уверенно прогнозировать его спрос и предложение и даже найти объяснение политическим сенсациям, вроде описанного выше всплеска электоральной активности инертных в общественном отношении сторонников СПС. Прецедент 1999 года достоин углубленного анализа:

Нетрудно установить, по какому образцу действовали политтехнологи, когда одновременно по всей Москве на серо-голубых рекламных щитах в компьютерном дизайне оформлялось вопросительное: «Хочешь жить как в Европе?» (вариант: «Тебе что, больше всех надо?»), - через несколько дней добавлялось контактное: «Да!», - а день-другой спустя возникало доверительное: «Голосуй за Кириенко!». В Интернет есть особая программа дружеского on line общения ICQ или на сленге «Аська» (то ли от англ. ask – спрашивать, просить, приглашать, требовать, – то ли от русс. вопросительного междометия «Ась?»), которая похожа на перебрасывание записками и позволяет уточнять файлы, регулировать контакты, рассылать приглашения для включения сетевых программ... Исходный алгоритм, раскручивающий любую последовательность операций, устойчив в своей простоте: Стимулирующий встречную активность импульс неопределенности – Интерактивная сверка данных – Когерентная реакция. Фундаментальное значение данного приема четко прослеживается в программе IRC, обеспечивающей спонтанное общение в развлекательных «Чатах», а также находит подтверждение в индивидуальном почерке участников высокоинтеллектуальных «Форумов» и узкопрофессиональных «Конференций» в Интернет. Таков, можно сказать, элементарный (далее неделимый) алгоритм сетевого контакта, в том смысле, что цепочки из трех этих операций достаточно для пошагового изменения состояния и приемника, и источника информации, а если

меньше – положительная обратная связь не возникает, и процесс пресекается. И вдруг в предвыборной акции СПС этот элементарный алгоритм становится формой и содержанием, темой и идеей, сюжетом и композицией, замыслом и выразительным средством. Строго говоря, в данном пропагандистском тексте нет никакой конкретики: ни фактов, ни аргументов. Только структура и динамика трехходовой комбинации с положительной обратной связью. Но эта голая схема становится живой коммуникацией, по-своему увлекательной и весьма эффективной, потому что приводит в интерактивное соприкосновение не пробегаемые сознанием пласты информации как относительно СПС, так и в сфере собственных политических предпочтений пользователя. Характерно, что комбинируются нечетко очерченные, более того, в принципе неопределимые образы:

Что такое «жить, как в Европе»? У каждого свое и весьма расплывчатое представление. И вряд ли хоть кто-нибудь, хоть избиратель, хоть имиджмейкер, сможет уверенно перечислить четкий набор параметров «европейской жизни». А уж, что приходит в голову при словах: «Тебе что, больше всех надо?», – вообще, не представимо.

В какой степени обоснованным можно считать в таком случае выбор: «Да!»?

И с какой стати после всего этого следовать призыву: «Голосуй за Кириенко!»?

Но в то же время нельзя сказать, будто эти нечетко очерченные образы совсем уж ни на что не похожи, недоступны пониманию, бесполезны для саморефлексии и не поддаются комментированию в межличностном общении. Скорее наоборот. Они волнуют воображение и стимулируют встречную активность мысли тем, что как бы в первом приближении схватывают в хаотическом рое информации круг повторяющихся конфигураций, если хотите, «пучок траекторий», доступный наблюдению и интерпретации. Решающее значение приобретает тот факт, что расплывчатое представление включается в жесткую структуру элементарного алгоритма сетевого контакта. И чем острее «стимулирующий импульс неопределенности», тем более значимым кажется мельчайшее совпадение в деталях хаотических образов. Тем легче при «интерактивной сверке данных» случайному сцеплению подробностей может быть придано значение существенной закономерности. И тогда «когерентную реакцию»

можно как бы подтолкнуть в заданном направлении, предрекая будущий паттерн поведения. Однако любая подсказка, намек или хотя бы прогноз предвосхищает, а точнее, имитирует будущий импульс положительной обратной связи, загодя подкрепляя реакцию, что в обычных условиях может дать только постреактивное развитие событий. И как всегда при субъективном вмешательстве в спонтанный процесс в одном случае это ускоряет течение дел, в другом – приводит к разрыву цепи положительной обратной связи и разного рода бумеранг-эффектам.

Тот факт, что тонкую по замыслу, крупную по масштабам, растянутую во времени пропагандистскую акцию удалось развернуть строго по элементарному алгоритму сетевого контакта, говорит о типологической роли данного алгоритма в новой парадигме мышления. А может быть, и о его универсальности вообще. В свете синергетической теории это может рассматриваться как информационная модель фазового перехода из периода неравновесного, хаотического состояния системы через самоорганизацию новых механизмов регуляции в принципиально иное состояние порядка. Дело в том, что, согласно синергетическому «принципу порабощения», возникающее в момент флуктуации случайное сцепление информации может оказаться настолько устойчивым, что начнет повторяться при последующих колебаниях, постепенно подчиняя ритму своего цикла самовоспроизведения хаотическую пульсацию информационного поля. Так в теории порождается из хаоса принципиально новый механизм саморегуляции флуктуирующей системы, благодаря самодвижению которого спонтанно разворачивается преобразование случайных параметров в информацию второго порядка и самопроизвольно выкристаллизовывается по-новому упорядоченная пост-флуктуационная структура. Для философов этот процесс по-прежнему – «чуть ли не мистическая вещь»⁴⁸. Но в математической абстракции уже рассчитана «фрактальная геометрия природы». Именно так бельгийский математик Бенуа Мандельброт назвал свою книгу о «нерегулярных, но самоподобных структурах» (1977). В его определении фракталом (от лат. fractus – состоящий из фрагментов) «называется структура, состоящая из частей, которые в чем-то подобны целому»⁴⁹. Понятие «подобие» – не новость в науке и технике. Оно

⁴⁸ См., в частн.: *Аришинов В.И., Данилов Ю.А., Тарасенко В.В.* Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации. 2000. <http://www.flogiston.df.ru/projects>

⁴⁹ Цит. по: *Шабаршин А.А.* Введение во фракталы. 2000. <http://home.ural.ru->

конструктивно используется в черчении и других технических приложениях геометрии, решении алгебраических уравнений, изучении процессов течения жидкостей и упругой деформации твердых тел, моделировании самолетов и т.п. К примеру, принцип подобия позволяет на моделях выяснять картину технологических процессов с такой полнотой, которая в природных условиях недостижима. Но в философическом плане это не поступательное развитие, а масштабирование структуры по вне находящемуся «образу и подобию» и по всеобщему и, следовательно, извне воздействующему закону. Фрактал же тем и замечателен, что это структура «нерегулярная, но самоподобная». Самоподобие выражается в том, что целостный фрагмент фрактала содержит достаточную информацию обо всем фрактале. А нерегулярность – в том, что фрактал разворачивается не по общему стандарту, а по внутреннему алгоритму, который дополняет простое «масштабирование», «сжатием», «поворотом» и «переносом» исходного фрагмента. Пульсация внутреннего алгоритма задает ритм самоорганизации фрактала, структура которого остается открытой для поступательного развития, так как число итераций (последовательных повторений алгоритма) в принципе бесконечно. Геометрия фракталов дала неожиданную даже для математиков возможность с помощью примитивных алгоритмов порождать очень сложные нетривиальные структуры. К примеру, знаменитый фрактал «Снежинка Кох» – замкнутая линия бесконечной длины, очерчивающая конечную площадь – гипотетически невообразим, но геометрически может быть получен путем многократного преобразования исходной фигуры (треугольника) путем итерации (последовательного повторения) трехходового алгоритма: «Сжатие» - «Поворот» - «Перенос»⁵⁰. Однако здесь стоит вспомнить наглядный аналог фрактала, представленный у В.В.Тарасенко: «структура, возникающая в зеркале, отражающем зеркало, стоящее напротив». Бесконечная череда изображений, фиксирующих бесконечное число повторений фрактального алгоритма: сжатие-поворот-перенос. Но говорить об этом, как о «механизме саморегуляции», можно было бы, только исходя из бесконечно малой вероятности, что возможна мутация законов природы (типа угол отражения перестанет быть равен углу падения), после которой в бесконечном числе повторений начнет разворачиваться по-

новому упорядоченная картина. Хотя в обыденности тут все может показаться примером «дурной бесконечности», в теории это небезынтересно. А на практике уже существуют такие производства, где фракталы становятся, если хотите, технологиями. Так, в машинной графике фрактал непосредственно используется для синтеза изображений. При этом особое значение приобретают так называемые стохастические фракталы, которые получаются, когда в содержании повторяющегося алгоритма случайным образом возникают изменения, впрочем, не настолько существенные, чтобы вообще прервать итерационный процесс. Они обеспечивают более высокий уровень сложности отображения природных объектов. И, к примеру, двумерные стохастические фракталы с успехом используются для моделирования рельефа местности или поверхности моря. Характерно, что стохастические фракталы называют еще **недетерминированными**, в отличие от **детерминированных**, все условия развертывания которых predeterminedены изначально, однозначно и неизменно.

Но в какой степени все это может иметь отношение к рече-мыслительной деятельности человека? Любопытно, что фрактальные структуры с особенной наглядностью обнаруживают себя в фольклорных текстах для детей. Вот, к примеру, всем известная присказка: «У попа была собака. Он ее любил. Она съела кусок мяса. Он ее убил. И похоронил. И на камне написал: У попа была собака. Он ее любил. Она съела кусок мяса. Он ее убил. И похоронил. И на камне написал:....», – и так, пока не надоест. Данная композиция позволяет предполагать самые различные дидактические цели: от «антирелигиозной пропаганды» до «инсталляции логических операций» или «демонстрации примера дурной бесконечности», – но в любом случае это – детерминированный фрактал. Но, скажем, в детских считалках типа: «Шла кукушка мимо сети...» или «На золотом крыльце сидели:....», – количество текстуальных повторений уже не бесконечно, а строго ограничено числом общающихся, и каждая итерация определяет жребий одного из участников. Игра – интерактивное действие. Фрактальное воспроизведение игрового текста должно обеспечить равноправие для всех. И потому конкретные обстоятельства игры вызывают недетерминированные изменения в параметрах фрактала. Но вот что знаменательно: может изменяться «до наоборот» информация, подвергаемая сжатию, но алгоритм в целом все равно разворачивается по полной форме. Знаменитая «Сказка про белого бычка» начинается с вопроса: «Рассказать тебе про белого бычка?»

Можно ответить: «Рассказать», - и услышишь: «Рассказать да рассказать про белого бычка, рассказать?». Но можно ответить: «Не надо!». Тогда последует: «Не надо да не надо рассказать про белого бычка... Рассказать?». И так при любом варианте. И до тех пор, пока рассказчику хватит задора и памяти повторять с каждым разом нарастающую цепочку ответов слушателя. Есть основания видеть в этом бессознательный тренаж памяти, или инсталляцию навыка интерактивного контакта, или еще что в том же роде. Но в любом случае это будет частным проявлением общей закономерности, согласно которой именно неограниченная способность вовлекать в процесс итерации все новые параметры превращает недетерминированный фрактал в спонтанный механизм синергетической саморегуляции, потому что случайные конфигурации по ходу последующих повторений, в соответствии с «принципом порабощения», «под себя» закручивают хаотические элементы, и начинает самоорганизовываться устойчивая, по-новому упорядоченная система. Вот откуда специфический канон фольклора: троекратные повторы, тавтологические описания, постоянные эпитеты и т.д., и т.п., и пр. Оказывается, это весьма эффективный метод формальными приемами достигать впечатляющих смысловых эффектов.

Входящая во все антологии «Сказка о репке» – пример фрактального поиска решения нетривиальной проблемы от возникновения ее («Выросла репка – большая-пребольшая») до успешного преодоления («Вытащили репку»), через ряд последовательных итераций элементарного алгоритма. Но разве заключительная сцена: «Дедка – за репку, бабка – за дедку, внучка – за бабку, Жучка – за внучку, кошка – за Жучку, мышка – за кошку... Вытянули репку!», – технология сельхозработ? К реальной репе это отношения уже не имеет. И даже прямая назидательность (типа пропаганды коллективизма) тут сомнительна и в чем-то смешна. Это ситуация игровая, в действительности невозможная, но активная в плане эмоциональном и допускающая расширительные толкования, а потому способная вызывать самые разные, но вполне полноценные «АГА-переживания». Фигурально говоря, «Сказка о репке», словно социальная обучающая машина, пролагает след для инсталляции одного из самых универсальных алгоритмов оптимистичного проживания проблемных ситуаций, которым индивид может потом распорядиться по собственному усмотрению. Последнее – особо существенный момент, и здесь следует заострить внимание. Суть в том, что рече-мыслительная деятельность человека это адаптивный психический

процесс, в котором сознание столь же неустранимо, как и бессознательное. Поэтому здесь становится семантической (значимой, т.е. допускающей осмысление, интерпретацию и комментирование) даже информация сигнальная (согласно математической теории, безразличная к значимости сообщения). А семантическая информация (в том числе наделенная переносным значением) может вызывать эмоциональные и поведенческие реакции на уровне сигнальном (бессознательном, рефлекторном, импульсивном). По ходу последовательных рече-мыслительных преобразований возникает семантическая информация второго, третьего и последующих порядков, которая все дальше уходит от конкретики (обобщается, абстрагируется, символизируется) и включается в самодвижение виртуальных категорий. Но, во-первых, самая тонкая игра ума начинается с бессознательной реакции на сигнальный импульс той самой информации, которая и будет подвергнута преобразованию. А во-вторых, на любом этапе преобразований информацию можно ощутить как самодостаточную (целостную и достоверную), и тогда виртуальный образ станет импульсивным сигналом к реальному действию, нередко более эффективному, чем до того. Отсюда видно, что трехходовое фрактальное преобразование (**сжатие** до самоподобного образа второго порядка – **поворот** в направлении практического применения – **перенос** в поле дальнейших итераций), с одной стороны, поддерживает в постоянном напряжении, можно сказать индуцирует сигнальный импульс информации. С другой – недетерминированный фрактал оказывается открытым не только для случайных, но и для произвольных изменений в параметрах любой из операций трехходового алгоритма. В рече-мыслительной деятельности человека это вполне очевидно. Любопытно с этой точки зрения сопоставить хрестоматийный вариант «Сказки о репке» с более древними, восходящими ко времени магического мышления. В канонической записи А.Н. Афанасьева⁵¹ не фиксируется ни попыток объяснить, почему же репка не поддается, ни мотивов соучастия («созывают» лишь бабу, остальные приходят неизвестно почему). Среди действующих лиц появляются невообразимые персонажи типа: «пяты нога». Число итераций достигает 9 (максимальное значение «Магического числа: 7 ± 2 », вычисленного классиком инженерной психологии Дж. Миллером⁵²). А заклю-

⁵¹ Афанасьев А.Н. Русские народные сказки. В 3 т. М., 1957. Т.1. С.131.

⁵² См.: Миллер Дж. Магическое число семь, плюс или минус два //Инженерная психология. М., 1964.

чительная фраза: «Пять ног за четыре, четыре ноги за три, три ноги за две, две ноги за ногу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!», – неотличима от типологической структуры заклинания. В хрестоматийном же варианте, репка просто «выросла большая-пребольшая», персонажи приходят потому, что их лично позвали на помощь, все они в знакомом облике обитателей одного дома, и даже грубоватое «сучка» заменено на симпатичное «Жучка», итераций осталось всего шесть (близко к минимальному значению «Магического числа 7 ± 2 ») и заключительная сцена похожа скорее на карнавал, чем на ритуал. Все по возможности прояснено, объяснено, упорядочено и даже облагорожено. Изменения в параметры алгоритма вносились целенаправленно. Средствами фрактала культивировалась символика. Как видно, существует не только «фрактальная геометрия природы», но и «фрактальная логика рече-мыслительной деятельности». И фрактал в данном случае не просто недетерминированный, самонастраивающийся по ходу дела, но и сознательно настраиваемый, в сущности, виртуальный.

В свете всего изложенного выше виртуальный фрактал предстает как пусковой механизм, технологический режим, выразительное средство и продуктивный вывод Net-мышления. Это типоформирующая рече-мыслительная операция соответствующей парадигмы, в полном смысле квинтэссенция сетевого текста. Тогда агитационный слоган СПС: «Хочешь жить как в Европе? – Да. – Голосуй за Кириенко!», - просто сетевой текст на пределе абстракции, сконцентрированный до элементарного алгоритма, до «фрактала» как интегральной единицы общения типа «мифемы», «идеологемы», «конструкта», «инстигата» или «трансцензуса». Но специфика «фрактала» в том, что это не окончательное резюме отдельного произведения, а самоподобный импульс виртуальных итераций во множестве личных текстов (индивидуальных мнений, суждений, решений), каждый из которых подобен состоянию коллективного сознания, как целостный фрагмент фрактала всей фрактальной структуре. В абстракции это очевидно. Каждый законченный фрагмент фрактала подобен целому, как его масштабированная (сжатая и упрощенная) модель, и способен развернуться в бесконечный фрактал. Так, в осколке зеркала можно увидеть то же целостное изображение, что и в большом зеркале. Фракталом, таким образом, представля-

ется не только вся развернутая «структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» (Б. Мандельброт), но и тот простейший «образующий» элемент, который одновременно и его самоподобная часть, и динамический механизм развертывания. И ключевой эвристической операцией творчества-в-процессе-коммуницирования становится вычленение (опознание, оценка, конструирование) исходного «образующего» фрагмента, с которого начинается «раскодирование» (осмысление, анализ, освоение) или регулирование (коррекция, программирование, использование) фрактала.

Есть нечто обескураживающе наглядное в том факте, что высокие абстракции «чистой науки» с почти лабораторной строгостью были использованы в практике «грязной избирательной технологии» имиджмейкеров СПС. В сущности, это был фрактально самоорганизовавшийся контрольный эксперимент, подтверждающий действительность и мощь виртуального фрактала. Но обычный пользователь сети, также как и обычный избиратель или обычный журналист, мало заботятся о всеобъемлющих теоретических закономерностях. Люди просто включаются в массовый процесс стихийного порождения, раскодирования, трансляции и ретрансляции «фрагментов», каждый из которых может стать «образующим элементом» общего виртуального фрактала на определенном этапе его развертывания, а может кануть в лету, вызвав лишь слабые колебания случайных отклонений. Но это уже объективно иной, чем прежде, процесс обращения информации в социуме, который навязывает индивиду принципиально новые приемы ее обработки, декодирования и продуцирования. Современный человек сталкивается с таким количеством разнообразных и часто внешне не связанных фрагментов информации, что у него появляется возможность и даже необходимость отказаться от установления причинно-следственных отношений и довериться своему сознанию, которое декодирует сообщения по принципу подобия собственным влечениям, потребностям и тем «фракталам», что уже содержатся в памяти и тоже обладают порождающей силой. Он невольно переходит на мышление фрагментами, каждый из которых потенциально способен к образованию фрактала. Мысль при этом стремится к завершению в соответствии с фрактальной логикой, когда вывод не фиксация однозначного следствия единой причины, а кумулятивный эффект множества случайностей, которые взаимодействуют, накапливаются и концентрируются. Подобный тип каузальной зависимости в философическом плане определяется как «кумуля-

тивная причинность»⁵³. Термин восходит к латинскому *cumulatio* (скопление) и в медицине трактуется как накопление в организме и суммирование действия лекарств, в военном деле – как фокусирование взрывной силы в одном направлении, в юриспруденции – как совокупность улик, в науковедении – как поступательное развитие целого по мере накопления частных изменений, не имеющих общей причины и цели. Кумулятивная причинность наблюдается повсеместно. И в этом смысле фрактальная логика не противоречит всеобщим закономерностям. А в Нет-мышлении (такова специфика новой парадигмы) кумулятивная причинность выступает как принцип всеобщей связи, становится фундаментальной категорией сознания. В содержании виртуального фрактала скапливаются образы реальности и символы культуры, выкладки науки и расхожие мнения, электронные программы и архетипы бессознательного, прозрения ума и ошибки памяти... Но это не синкретическая куча. Что объективно, а что субъективно, что «Я», а что «не-Я» – четко маркировано. Фокус однако же в том, что объективное и субъективное, рациональное и иррациональное соотносятся на равных, а возникающие кумулятивные эффекты равно полезны (или равно бесполезны) и для интеллектуальной, и для практической предметной деятельности.

Как интегральная единица общения «фрактал» представляет собой такой комплекс информации, который, с одной стороны, является простым сообщением о чем-то, а, с другой, – несет в себе недостающее звено цельной картины и потому одновременно обладает и непосредственной предметностью и типологической обобщенностью. Он и стимулирует рефлекторные реакции, и волнует воображение. В нем чувствуется принципиальная незавершенность, структурная раскрытость для интерактивного контакта. Для его освоения требуется «додумывание», привлечение дополнительных сведений, личный опыт, сверка с реальностью, словом, собственная интеллектуальная активность, как при раскодировании, так и при достраивании. Но это-то и делает сетевой текст особо привлекательным и для реципиента, и для коммуникатора. Для одной стороны тем, что дает массу сведений, оставляет свободу выбора и открывает возможность интерактивного самовыражения. Для другой – тем, что позволяет не объяснять, **почему** такое происходит, не поучать, **как** жить, а, доверяясь собствен-

⁵³ См.: *Veblen Thomstein. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays.* N.Y., 1991.

ной интуиции или собственному компьютеру, перебирать, **что** стоит видеть и слышать. Главное при этом (и для реципиента, и для коммуникатора) представлять все как-оно-есть-на-самом-деле. Выводы же – осознанно каждый должен делать сам, а бессознательно – они сделаются сами неотвратимым фрактальным способом... Закономерностям функционирования виртуальных фракталов фиксируются в типологических характеристиках сетевых текстов.

Сетевой текст		
Социально-коммуникативные функции	Базовые психические процессы	Выразительные средства
<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение процесса коллективного мышления, кумуляция интеллектуального и творческого потенциала членов социума • Поддержка индивидуальной потребности в самодетерминации и самостоятельном контроле жизненной ситуации • Обеспечение полилога мышления • Обеспечение индивидуального доступа к публичному коммуникативному пространству • Активизация механизмов самоорганизации коллективного сознания 	<ul style="list-style-type: none"> • Эмансипация мышления от локальных «Я» • Множественная структура личности, осознание внутреннего полилога мышления • Способность к дифференциации позиций.. • Потребность в самодетерминации, противодействию внешнему контролю • Доверие интуитивной, стохастической самоорганизации мышления . • Стремление к самовыражению Публичная субъективность. 	<ul style="list-style-type: none"> • Полифоничность • Равностатусность коммуникатора и реципиента, стирание ролевых различий и преимуществ • Неформальный, разговорный стиль общения, эллиптичность, диалогичность • Сопротивление попыткам давления и контроля • Фрактальный принцип построения сообщения • Нелинейность изложения, ассорти-композиция • Отсутствие последовательной аргументации • Соположение различных точек зрения

По мере развития новых информационных технологий жизненный успех все большего числа людей зависит от умения раскодировать и выстраивать сетевые тексты. И все чаще класс профессионального журналиста определяется его умением создавать виртуальные фракталы. Стиль Net-мышления накладывает свой отпечаток на творчество современных репортеров, обозревателей, комментаторов, ответственных редакторов.

Одним кажется, что это настолько образцовый способ творчества-в-процессе-коммуницирования, что они просто публикуют распечатку чат-общения, со всеми гремучими псевдонимами, нелепым сленгом и рваной ритмикой внутренней речи, типа: «Инопланетянину. Так это я по своей природе такой. Хомо вульгарис. Под сапиенса не кошу, пишу, что в голову взбрдет. Про мазохизм – недопонял. *Сов. Дикая Рожса...* Эспинозику. Ты прав, что здесь

базар, но это еще не повод уходить в Гималаи, ибо... Что ибо, как ты понимаешь, Остап не знал. Впрочем, если ты созрел, то счастливого пути. Вернешься – жизни научишь. *Заратустра Д.*»⁵⁴.

Другие стремятся вывести Интернет непосредственно на журнальные страницы, рассказывая о сайтах в логике и красках Net-мышления: «Шорох туннеля. www.metro.ru – оказался удивительным и странным местом, полным загадок и вопросов, мифов и легенд, проплывающих мимо нас ежедневно в сумраке подземки. Кто знает, что таится за дальними запыленными поворотами, проскальзывающими решетками, трубами, каналами. Индустриальный мир... Инкрустированный лабиринт... Вуали инородного сознания... Он все время приветствует нас, но мы, безропотно пользуясь его добротой, трусливо леденеем перед его уходящим в темноту взором. На поверхности полно дерьма, внутри покоятся засекреченные пещеры. Меня умиротворяли истории этого сайта, эти ветвистые схемы 30, 50, 90 годов, эти безумные проекты будущего: Москва, опоясанная новыми подземными кольцами, открытые правительственные линии, так называемое Метро-2, всеобъемлющие инфраструктуры, подобно всепоглощающим компьютерным паутинам... Я открывал тайны, с монитора веяло дыханием затерянного монстра: и сальные пакеты на мраморных полах, и синие фартуки буфетчиков в хот-дожных забегаловках, и дрянь, развешанная на углах и платформах, теряли обыденные очертания за ошарашивающей мистикой бесконечных переплетений туннелей, катакомб и проходов. Я листал и сравнивал размеры и формы, архитектурные и психоделические замыслы, фигуры и мозаики. Множество и множество вопросов, бесконечные переплетения и страхи, истории, истории, истории...»⁵⁵.

Третьи верстают газетную страницу, как пространства дисплея, сводя в единый материал, к примеру, сообщение: «15 декабря Мстислав Ростропович дал в Москве концерт в честь 80-летия Александра Солженицына»; двойной портрет Солженицына и Ростроповича на фоне симфонического оркестра; представленную как самостоятельный материал цитату: «Александр Пушкин: “Волхвы не боятся могучих владык, И княжеский дар им не нужен. Правдив и свободен их вещий язык И с волей небесною дружен”»; разведенный по верху и низу полосы слоган: «ДУХ РОСССИИ ЖИВЕТ В ЕЕ ХУДОЖНИКАХ»

⁵⁴ Фристайл //Все для Вас. Покупатель. Улан-Удэ, 1995. №33.

- и предновогоднюю передовицу главного редактора «Духовный центр», основная теза которой: «Мы освобождаемся от магии политики, от гипноза политических блоков и движений. Востребованным становится дух нации... России нужен настоящий центр – Духовный. И его не нужно создавать усилиями изворотливых партстроителей, чиновников и имиджмейкеров. Такой духовный центр существовал всегда. И он постоянно пополнялся новыми талантами. Пришло, однако, время объединиться вокруг него всем»⁵⁶.

Четвертые добиваются памфлетного звучания публикации об одиозном политике А.Б. Чубайсе тем, что три раза излагают в статье один и тот же материал. Прежде всего бросается в глаза коллаж: первый вице-премьер, элегантный, как нувориш на первом рауте (смокинг, бабочка и все такое), и три экспликации: одна, соединенная белой стрелкой с уголком платочка в нагрудном кармане, так и называется «Карман» и перечисляет фонды и финансовые компании, которыми лично распоряжается Чубайс; другая, от которой стрелка устремляется к напوماженной прическе, обозначена «Мозги» и содержит перечень рекламных служб, газет и телекомпаний, поддерживающих Чубайса; третья, указывающая на лакированные штиблеты, упоминает важнейшие структуры госаппарата, которые подчинены Чубайсу, и называется «Сферы политического влияния». Броский, но сохраняющий неопределенность образ побуждает обратиться к специальной врезке, которая расширяет представление о конфликте Чубайса с другими политиками и олигархами. И, наконец, дело доходит до обширного досье, в котором есть разделы: «Тело», «Карман», «Мозги», «Книгу “Чубайс и его команда” сочиняет внук писателя Гайдара»⁵⁷.

Пятые komponуют очерк о генерале КГБ, победившем на выборах в губернаторы Воронежской области, из коротких эпизодов жизни героя, одновременно и значимых, и пикантных, и трогательных, и иронических: «Что бывает, когда после коммуниста приходит к власти чекист»; «Джокер»; «Либерал и Держиморда»; «Вороватость – еще полбеда»; «Некое дело в некоей стране»; «Легенда меняется: вы – губернатор»; «Юстус Алексу: Ищите автобус»; «Мать»; «Вера в худшее»; «Себя под Путиным чищу» и т.п. При этом контрапунктом разворачивается изобразительный ряд – «сцены воронежской жизни»: снимки

⁵⁵ Дорошенко С. Специфические взгляды //Актив. 1999. 3 дек.

⁵⁶ Духовный центр. 1998. 23-31 дек.

⁵⁷ Викторов К. Теневая империя //Московский комсомолец. 1997. 10 дек.

идиллические, но не без издевки. А под портретом героя, сфотографированного за чиновничьим столом, но в столь энергической позе, что галстук сбился на сторону, размещена «Справка “Известий”», излагающая полную биографию губернатора в том же чуть ироническом, но не лишенном патетики стиле: «...рост 178 см, вес 95 кг, глаза карие, волосы седые...; карьера в органах госбезопасности: от оперуполномоченного до генерала; жена – единственная...; предпочтения в музыке – старые советские песни..., в театре - воронежские “примы”..., в курении – “Мальборо” американского производства..., на отдыхе - ... шахматы, преферанс»⁵⁸.

Текстов сетевого типа все больше в средствах массовой коммуникации. Приметы Net-мышления проступают в таких, например, чертах современных mass-media:

- Полиэкранный канал (типа MTV).
- Интерактивные аналитические программы (типа «Времечко», ТВЦ; «Хмурое утро», М1; Радиостанция «Серебряный дождь»).
- Бегущая строка и телефонные опросы новостных программ, «горячий телефон» газетных изданий.
- Совмещение различных каналов массовой информации (например, радиостанция «Эхо Москвы» + телевизионное ток-шоу «Глас народа» + специально организуемый чат Интернет) при создании единой передачи.
- Дисплейная инфографика звездных газетных публикаций (как в табloidных изданиях «Все и все», Самара; «Новая газета», Москва; «Сегодняшняя газета», Красноярск и др.).
- Заботливо инсценируемая спонтанность, неофициальность и фарсовость «народных» зрелищ, конкурсов, хит-парадов, поп-концертов и т.п. (типа «Праздник газеты “Московский комсомолец”», состязание частушечников «Семеновна» на ОРТ, сериал «Городок» на РТР, рок-фестиваль «Нашествие» на ТВ-6).
- Синкретический дизайн современных изданий (типа «глянцевых журналов»).
- Сленговая лексика (вплоть до ненормативной).
- Публичная субъективность авторских программ телевидения и радио,

⁵⁸ Коновалов В. Губернатор Кулаков //Известия. 2001. 9 авг.

персональных рубрик газет и журналов.

Некоторые из этих приемов обозначились в творчестве отдельных журналистов значительно раньше, чем появился компьютер. Может быть, они вообще свойственны психике человека изначально. Вопрос не в приоритете, а в генерализации особого склада мышления и превращении его в массовую установку. Получается, что теперь массовая коммуникация вне контрпункта с Net-мышлением невозможна.

Правда, пока на стыке журналистики и Интернет возникают такие феномены, которые не внушают особого оптимизма. 19 июня 2000 года программа «Антропология» (НТВ) впервые шла параллельно с трансляцией на телеэкран специального чата Интернет. В студии художник-аниматор рассказывал о своем фильме, а телезрители должны были участвовать в обсуждении по Интернет. Суждения интернетчиков были не то чтобы убоги, а как-то не про то, по типу: «Здесь был Вася». Вот появляется реплика: «Привет из Минска!». Через несколько минут снова: «Привет из Минска!». Минут через 15: «Третий привет из Минска!». Другая реплика: «Ну-ка хоть раз свою фамилию по телевизору увидеть!». На таком фоне слова ведущего: «Чат – это творчество масс и высшее проявление свободы слова», - воспринимались, мягко говоря, иронически. Ведущий начинает пояснять: «Мы убираем только мат и антисемитизм». Между тем на экране идет мультфильм про ошипанную тушку курицы, которая убегает из холодильника и переживает романтические приключения со сверхпрозрачными аллюзиями, а ведущий в своих комментариях отнюдь не избегает непристойных словечек и выражений, оскорбляющих личное достоинство людей.

29 октября 1999 года сетевое издание <http://vesti.ru> запустило публикацию Татьяны Д. «Открытка от юбиляра». Вот как оформлен информационный повод: «Евгений Примаков справляет свое 70-летие в Германии. Накануне вылета из Москвы он подписал гневное письмо президенту России с требованием отставки кремлевской администрации и призывом выйти из политической изоляции». А вот канва комментирования: «Ему исполнилось сегодня 70 лет, есть что вспомнить, за что поднять бокал в кругу близких немецких друзей. Одно непонятно, как жить дальше...», цель написания письма вовсе не в доведении до президента правды жизни. Цель – создать видимость активной жизни, атакующего стиля блока ОВР и его пожилого лидера... Стиль письма, кстати, очень напоми-

нает лучшие образцы коммунистической письменности... Понятно, что сами лидеры письма пишут редко. Но все же, когда они их подписывают во вменяемом состоянии, то обычно читают... Что касается поведенческих проблем, то у Евгения Примакова наблюдается абсолютно неадекватная реакция на программу Сергея Доренко... ОРТ неоднократно “задевало” остальных лидеров ОВР. Но стоило каналу рассказать о болях в тазобедренном суставе главного лидера, так сразу – писать письмо открытое... Человек, привыкший к советской власти и ее номенклатурным правилам, не может смириться с тем, что кто-то будет его открыто критиковать... У Евгения Примакова, похоже, недостаточно финансовых средств, чтобы позволить себе отвечать обидчикам в том же эфирном объеме... Видимо, Евгению Примакову в день его политического совершеннолетия действительно стоит подумать, как жить дальше.» Композиция прямая, как указующий перст. Без вариантов, вовлекающих в рассмотрение дополнительные факты, документы, мнения сторонних лиц. Только авторский апломб. Но беспочвенные подозрения, голословные обвинения и личные оскорбления выстраиваются по жесткой схеме планомерного раздражения рефлекторных комплексов брезгливости – отвращения – отторжения. По типологической структуре это заклинание, в основе которого древнее поверье: если вождь («царь, бог и воинский начальник») – стар, немощен и беден, то это приносит несчастье. Хотя «Открытка от юбиляра» опубликована в интернет-газете «Vesti.ru», текст это не сетевой, а мифологический.

Даже если тут и была прямая журналистская злонамеренность, чего нельзя, конечно, сбрасывать со счетов, в теоретическом плане важно другое. Очевидно, что человек подключается к Интернет таким, какой он есть, и в той парадигме мышления, которая актуализирована обстоятельствами его жизни и психоисторическим состоянием общества. И странно думать, что, подключившись к Интернет, он сразу же становится умнее, добрее и красивее. На диалог с машиной, а Интернет помимо всего прочего еще и Великая Развивающая Машина, накладывает свои ограничения и «человеческий фактор», и «технический фактор», и фактор синергетический, связанный с тем, что посредством электроники взаимодействует масса программ и людей:

«Для новичка знания, полученные в Интернет, могут показаться поверхностными. Может это и действительно так. Вся информация очень сжатая, и длинной мысли нет. Краткие сводки и постоянные ссылки на другой адрес, где

якобы больше конкретной информации. Но там оказывается еще больше ненужного и такие же ссылки. И так до бесконечности. В принципе, пока ты найдешь нужные тебе материалы, придется разгрести массу ненужного и неважного (плюс постоянно выскакивающие баннеры, которые сбивают с толку и отвлекают)» (Испытуемая Мария К.).

«Вы заказываете “агенту” некую тему, и он “приносит” вам тексты. Проблема в том, что он не принесет вам то, чего вы не просили, сужая “поле” вашего мышления» (Испытуемый Игорь П.).

«Многие компании, заслужившие мировое признание, содержат совершенно неинтересные и даже непрофессиональные сайты (например, такой гигант, как Interplay, допускает опечатки в тексте своего главного сайта www.interplay.com и явно не заботится о привлекательности его графического оформления)» (Испытуемый Алексей С.).

«Поиск ограничен не возможностями сети, а ресурсом человеческого любопытства. Мало кто преодолевает “привычку четырех кликов”. Если за четыре клика человек не доходит до необходимой информации, он уходит совсем» (Испытуемый Олег П.).

«Страх потери индивидуального “Я”. Перегрузки. Объем заполнен. Невозможно больше управлять мыслями» (Испытуемая Диана Б.).

«Особых психологических проблем, связанных с общением в сети, у профессионалов не возникает. Вообще, люди, ориентированные исключительно на получение деловой либо научной информации, меньше всего подвержены двум основным психологическим проблемам: виртуальной зависимости или агрессии в Интернет. Зато они подвержены воздействию личностей, у которых такие проблемы есть» (Испытуемый Федор Л.).

Но, так или иначе, приобщение к Net-мышлению, как всякий процесс быстрого и результативного интеллектуального развития, сопровождается сильными положительными эмоциями. И это для многих настолько привлекательное переживание, что все свободное время они используют для серфинга по Сети и виртуального общения, так что, кажется, не могут и дня прожить без компьютера. Но хотя, так называемая, «интернет-зависимость» приобретает подчас весьма причудливые формы, феномен сам по себе не кажется таким уж новым, если вспомнить хотя бы выражение – «читать запоем». Опасность (в психологическом плане) и в том, и в другом случае одна и та же: пробуксовыв-

вание интеллекта. И афоризм А. Шопенгауэра: «Читать следует только тогда, когда не можешь писать. Все остальное было бы преступлением против мысли», – сохраняет актуальность со середины позапрошлого века.

Однако куда более сильные, но отрицательные эмоции, возникают, если Net-мышление человеку «не дается». Так называемые «интернет-фобии» развиваются по причинам самым разным:

Потому что своего компьютера нет. Но это в современной редакции не проблема.

Потому что близкий человек погряз в виртуальном общении. Тут достаточно разобраться, что лучше? Как в том анекдоте:

«Парень не может оторваться от компьютера. Родители вызвали доктора.

– Придется лечить.

– Как?! Чем?!

– Сигаретами, вином, девочками...»

Ну а если интернет-фобия возникает потому, что ригидность собственных установок делает мышление практически монопарадигматичным, не способным к переключению на новые типы текста, то это несовместимо с занятием журналистикой.

С профессиональной точки зрения все такое, хоть «интернет-мании», хоть «интернет-фобии», – невротическая реакция психологической защиты. Входя в Интернет, журналист вступает в зону риска. Перед ним океан информации. И собственная точка зрения может раствориться, словно капля пресной воды в горько-соленой волне. А разного рода сетевые mass-media и конгломераты (vesti.ru, сайт Павловского, www.kavkaz-center.com и т.п.) того и гляди, засосут в такие водовороты информационной гражданской войны, что вынырнешь с промытыми мозгами или, вообще, уже записанным, к примеру, в «добровольные помощники Свободной Ичкерии». Пугают и знойные нравы сетевого сообщества (то ли пиратская гавань, то ли Запорожская Сечь), и леденящие ветры законодательства (в Китае вынесен смертный приговор хакеру; в США программиста, который приехал из другой страны, чтобы сделать доклад о методах защиты авторского права в Сети, арестовали по иску того издательства, на примере которого рассматривалась проблема). Вполне реальная опасность потерять индивидуальность, разум, свободу, самое жизнь. Но главную угрозу журналист приносит с собой. Старые навыки пропаганды подсознательно цензури-

руют Net-мышление. Механизм фрактала закичивает и возводит в степень мифемы, идеологемы, инстигаты. И если явная дикость или нелепость окажется в фокусе всей резонаторной мощи Интернет, – кумулятивный эффект будет непредсказуем. Это хуже, чем «ложка дегтя в бочке меда». Это бесконтрольный выброс радионуклидов в окружающую среду. Так что Net-мышление тоже в опасности. Тем более, что масса лиц и организаций сознательно хотели бы подчинить Интернет кто политическим интригам, кто силовым структурам, кто общественному контролю, кто личным бизнес-планам.

Но, как говорится, страшен сон да милостив Бог. Интернет не беззащитное дитя, а самоорганизующаяся и самоочищающаяся система, настолько сложная, что для контроля за ним нужен будет аппарат не меньшей сложности. Пользователи Интернет – люди в большинстве своевольные. И, наконец, найдутся такие технические и программные новшества, которые выведут систему из-под контроля. Так что есть, по крайней мере, три основания для оптимизма.

А главное, изменилась психоисторическая ситуация. Коммуникативная открытость стала необходимостью для общества и каждого его члена, условием развития человечества и сохранения психической полноценности человека. Между тем, классические средства массовой коммуникации институционализированы, монополизированы или приватизированы. Чем станет Интернет: коллективным мышлением невиданной мощи или «сном разума, порождающим чудовищ»? И то, и другое вполне вероятно. А в ситуации коммуникативной неопределенности журналисту надо подумать о себе и о том читателе, который готов думать вместе с ним.

Как говорили исландские викинги, на весельных лодках пересекавшие Атлантический океан: «Плывать по морю необходимо...». Не войдя в Интернет, журналист не сможет работать в условиях глобализации массовых коммуникаций. И не в том дело, что новейшие информационные технологии могут дать какую-то особо манипулятивную власть над аудиторией. Куда уж больше, чем было после того, как в 1933 году доктор Геббельс и рейхсфюрер СС Гиммлер соединили тотальную пропаганду с тотальным террором, и до того момента, как и тот, и другой в 1945 году вынуждены были покончить жизнь самоубийством? Манипулятивность – признак низменных целей журналиста и предвестие его полного краха. Она всегда была и, надо полагать, еще долго будет встречаться в массовых коммуникациях. Но ее никогда не было и нет в том, что можно

называть высоким журнализмом. Даос Лао-цзы, рационалист Виссарион Белинский, прагматист Эрнест Хемингуэй, гедонист Ярослав Гашек, экзистенциалист Жан-Поль Сартр были властителями дум, а в их творчестве манипулятивности не было вовсе. Зато у всех них было нечто общее и по-настоящему важное: они ориентировались только на самую для их времени перспективную, как говорят теперь, продвинутую страту, которой предстояло стать духовной элитой и активатором общества. Они обсуждали ее проблемы, в свойственной ей парадигме мышления, в ее стилистике.

Современный журналист, как бы он ни был воспитан и каких бы взглядов ни придерживался, чтобы достичь профессионального мастерства и жизненного успеха должен уверенно ориентироваться в роении сетевых текстов, свободно и творчески работать в парадигме Net-мышления. Не из конъюнктурных соображений, а следуя восьмому правилу техники информационной безопасности, которое, как и семь предыдущих, берет начало и находит свое завершение в психологии журналистского творчества:

Работа в парадигме мышления продвинутого читателя – мера адекватности понимания журналистом психоисторического состояния общества и перспективности изданий, программ, направлений журналистики.

Раздел девятый

НЕЛОКАЛЬНОСТЬ ПСИХИКИ И СИСТЕМНОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА

Так называемый «свободный поток информации» в своем истоке вовсе не так уж и свободен.

mass-media информация заказывается, планируется, редактируется и «продвигается». И то, что не встраивается в ранжир внутриредакционных представлений, скорее всего, в свет не выйдет.

В русле литературно-художественной традиции информация оформляется по канонам журналистских жанров и общепринятых дизайнерских правил. Считается хорошим тоном, эти каноны и правила нарушать и, вообще, отрицать. Но каждая газета или телепрограмма гордится «фирменным» стилем и текстом. А неумение соблюдать их рассматривается как непрофессионализм.

Каждой публикации индивидуально придается смысловая определенность и формальная жесткость. Но массовая коммуникация – это броуновское движение огромного количества текстов, которые расталкиваются или сливаются, теряют энергию или разгоняются до субсветовых скоростей, расщепляются или превращаются друг в друга, аннигилируются или вызывают кумулятивные эффекты, но при всем при этом не разлетаются, а интегрируются в систему... И из хаоса сведений складывается мозаика информационной картины мира.

Но что удерживает их вместе? Благодаря чему они соединяются в систему?

В 1998 году общая направленность пропаганды была такой, что смысловывявляющие тексты практически исчезли. Трудно стало подбирать живые примеры для проработки на семинарах студентов-журналистов. Чтобы проверить, а может ли вообще пройти через корпоративную цензуру редакционного аппарата текст смысловывявляющего типа, а в случае удачи заодно получить и дефицитный дидактический материал, была в экспериментальном порядке сконструирована статья «Барбизм-ягизм знаменитой куколки» и предложена различным изданиям. Опубликовать ее удалось в журнале «Здоровье», хотя в парадигме драйв-мышления о «феномене Барби» писали тогда чуть ли не все газеты и

журналы. Все было сделано строго по теории: подобраны выразительные факты (в том числе сенсационные); сопоставлены различные точки зрения; дополнительно проведены специальные опросы и обследования; композиция выстроена в стиле публичной проработки всех обстоятельств, так сказать, «поиска истины на глазах у читателя»... В статье говорилось о том, что «взрослая», подчеркнуто женственная и по виду, и по нарядам, и по «интересам», Барби разрушает игру в куклы как «дочки-матери», благодаря которой закреплялись традиционные семейные роли. Но говорилось также и о том традиционном парадоксе, что среди людей с высшим образованием больше всего женщин, а руководящие, денежные и престижные должности захватывают мужчины, и, значит, БАРБИ ПРИШЛА КАК НИКОГДА ВОВРЕМЯ, ибо, выбирая Барби, девочка ориентируется на активность, успех, амбициозность и предприимчивость. Психосексуальная сторона вопроса анализировалась в статье и в том аспекте, что цветущая женственность Барби помогает половой идентификации девочки, способствуя обретению уверенности, способности любить, иметь семью, и в том, – как важно не заикнуться на сексапильности, из чего следовал вывод: «Да, Барби пришла вовремя, но не менее важно для ребенка, чтобы, выполнив свою задачу, ОНА ВОВРЕМЯ УШЛА, уступив место другим интересам и занятиям». Наконец, в социо-культурном плане «феномен Барби» (кукла, словно обучающая машина, определяет строй мыслей и чувств будущего поколения женщин; о кукле пишут сказки, издаются комиксы, сочиняют песни; кукла стала элементом духовной жизни общества и персонажем современного фольклора) рассматривается как актуальное воспроизведение архетипа женщины женщин, главы материнского рода, властительницы и волшебницы, образу которой сказочники патриархальных времен придавали устрашающую внешность Бабы-Яги. Главный для смысловывявляющего текста момент трансцензуса возвращал этот архетип к личным заботам читателя: «Пришло время, и Баба-Яга сбросила уродливую личину, представ в образе прекрасной девушки, чуть ли не богини. Но погодите умиляться. Неукротимость и воля остались те же. И подтверждение этому мы будем все чаще встречать у собственных дочерей»¹.

В 1999 году журнал «МК-Бульвар» (№43) вынес на обложку четыре портрета с анонсами:

¹ Цит. по: *Пронина Е.* Барбизм-ягизм знаменитой куколки //Здоровье. 1998. № 3.

Чемпион мира по боксу. Анонс: *Костя Цзю. Убийца с детским лицом. Единственный русский боксер, покоривший Америку.*

Кинозвезда. Анонс: *Антонио Бандерас платит секретаршам 6000 долларов.*

Солист поп-группы. Анонс: *Дельфин хочет петь, но не может.*

Кукольная головка, не узнать которую невозможно. И анонс: *Кукла Барби садится в инвалидную коляску.*

Портрет куклы не самый большой. Но он заверстан на открытие полосы. И посвященная ей публикация – самая большая в номере: почти 20 000 печатных знаков и 16 фотоизображений. Дана историческая справка: когда, где, кем изобретена Барби. Приведена статистика, сколько кукол и в каких вариантах было сделано и продано. Прокомментированы результаты опроса 50 учениц второго и третьего класса одной из московских школ о любимых игрушках. Характерным способом подведена философическая база – манипулятивно перекомпонованы цитаты из статьи «Барбизм-ягизм знаменитой куколки», да еще привлечены экспертные мнения писательницы, героиней одного из романов которой является кукла Барби, и знаменитого коллекционера кукол. Все оформлено в отдельные, самостоятельные материалы, но сверстано навалом, кучей, в которую ленточками вмонтированы две серии снимков: шесть Барби в вечерних туалетах голливудских кинозвезд и шесть Барби в национальных костюмах разных стран, в том числе в русском сарафане и кокошнике. Публикацию открывает фотомонтаж: Барби, выходящая из пластмассовой толпы пупсов, словно Афродита из морской пены, и шапка: «БАРБИ-ЯГА в тылу врага». А завершает – снимок куклы-инвалида и концовка: «Логика производителя такова: в мире становится все больше детей с физическими недостатками... И эти дети не должны чувствовать себя ущербными. Покупатель во всем мире понял эту логику. Вот только в России не было продано ни одной куклы»².

Структурно это вполне кондиционная имитация сетевого текста. В целостное множество соединены относительно самостоятельные публикации разных жанров, подписанные разными авторами. Но в каждой из них проводится одна мысль: Барби важна и ценна, потому что помогает перестроить традиционную ущербную ментальность на прогрессивный лад. И это превращает их в

² Цит. по: Барби-яга в тылу врага //МК-Бульвар. 1999. № 3.

последовательность фрагментов фрактала, рассчитанного на дальнейшие итерации алгоритма подобности уже в головах читателей. А то, что это пропагандистская имитация, а не спонтанно самоорганизующийся фрактал видно по тому, как ударные приемы выразительности переходят грань цинизма, и гедонистический глум в поле национальной ментальности придает тексту политическую манипулятивность. Отсюда и подтасовка фактов (кукла в инвалидной коляске на самом деле не Барби, у нее на Западе другое имя и другая «легенда») и экспертных оценок (цитаты из статьи «Барбизм-ягизм знаменитой куколки» перекомпонованы таким образом, что искажается мысль автора).

Необходимые уточнения пришлось делать уже в научном журнале «Прикладная психология». Чтобы расставить все точки над «i» нужно было рассмотреть феномены и артефакты ажиотажной «игры в куклы», охватившей детей, родителей, учителей, философов, журналистов... в рационалистической парадигме, объясняя, почему так получается, и что это значит. Для этого потребовалось выстроить опорную концепцию из положений психологической теории, поясняющих этапы психосексуального развития в процессе становления личности, и сопоставить с нею массовые реакции («58% опрошенных девочек хотели бы походить на Барби... А на вопрос о том, похожа ли на нее мама, смущенно отвечают “нет”»), а также переходящие грань патологии примеры идеализации («Синди Джексон потратила 25 тысяч долларов на 18 пластических операций, чтобы стать похожей на Барби») и демонизации детской игрушки («один из религиозных деятелей Кувейта призвал запретить куклу Барби»). Все выстраивалось в строгом соответствии с типологической структурой убеждающего текста. Идеологема вошла в самый заголовок статьи: «“Барбизм” и “ягизм” в наши дни»³.

То, что на одну и ту же тему, практически на одном и том же материале, в трех разных изданиях сделаны три типологически различающихся публикации, – в порядке вещей. Как говорится, привычное дело. Не более чем еще одно частное подтверждение того, что в любой момент любым журналистом любой материал может быть рассмотрен в любой парадигме и запечатлен в тексте любого типа. Но вот на чем следует задержать внимание. Во всех трех публикациях ключевой момент один и тот же: виртуальный образ «барбизм-ягизм». Им

³ См.: Пронина Е. «Барбизм» и «ягизм» в наши дни. //Прикладная психология. 2000. № 5.

определяется замысел всех трех текстов. Он служит средством оценки реальных фактов и социальных артефактов. И он же – цель оглашения, развертывания или переосмысления в зависимости от типа текста. Короче, без этого виртуального образа указанных трех текстов не было бы вовсе, или они получились бы совсем другими, потому что тогда в них проявлялась бы уже другая виртуальность. И уже эта другая виртуальность определяла бы замысел, служила средством и была целью публикаций безотносительно к их типологии. Виртуальный образ актуальной реальности – вот в чем суть журналистского сообщения, его подоплека и квинтэссенция, его импульс воздействия на мышление-общение-поведение масс и вклад в историю. Виртуальность – вот то общее, что свойственно и «мифеме», и «идеологеме», и «конструкту», и «инстигату», и «трансцензусу», и «фракталу», и благодаря чему они способны органично взаимодействовать как элементы одной системы интегральных единиц общения, придавая системность каждому журналистскому тексту, в какой бы парадигме мышления он ни создавался.

Но что есть виртуальность? И как определить границы феномена и его имплицитную модель применительно к психологии журналистского творчества, если для психологов виртуальность – это и сны, и фантазии, и игры, и искусство; для журналистов – и реконструктивное описание, и прогностический комментарий, и интуитивное предчувствие, и дезинформация, и «черный PR»; для физиков – идеальные модели природных процессов, для физиологов – гипотетические ментальные процессы, не регистрируемые аппаратурой и т.д., и т.п. Характерно, что словосочетание «виртуальная реальность» терминологически воспринимается обычно как «созданные электронными средствами образы, моделирующие реальность с целью тренировки, развлечения и управления системой» (Ср. «Virtual reality – electronically generated images that approximate reality for training, entertainment end system control»⁴). Однако само понятие «виртуальный» возникло гораздо раньше чем появились компьютеры. В оптике давно используется термин виртуальный (мнимый) фокус, означающий мыслимую точку, в которой сходятся лучи. В железнодорожном деле известно понятие «виртуальный путь»: длина воображаемого прямого горизонтального пути, на который было бы затрачено столько же топлива, сколько на реальный путь из пунк-

⁴ Business Speak. 1994.

та А в пункт Б со всеми пригорками, спусками, поворотами и проч. Существуют даже совершенно иррациональные определения, четко отвечающие современным реалиям физической науки: «Виртуальный – имеющийся по существу, действующий, но фактически не фиксируемый», или, что тоже самое, «дающий результат, но не существующий»⁵. Таковы, например, виртуальные частицы ядерной физики. В полном смысле синонимами «виртуального» является «мыслимый, но не существующий в реальности», «придуманый для удобства расчетов», «идеальная модель»... А в современном киберпространстве виртуальность можно уже и видеть, и слышать, и даже трогать, как например, в тренажерной кабине самолета, в котором пользователь как бы отправляется в полет со всеми перегрузкам, проблемами и решениями.

Несмотря на кажущуюся разнородность, все эти подходы и феномены объединяет удивительное, мерцающее сочетание свойств «быть» и «не быть». Обыденное сознание эту парадоксальность старается не замечать, придавая слову «виртуальный» более понятное значение – неявный, скрытый, тайный, имеющий место фактически, но не официально. Характерный пример приводит словарь The Merriam-Webster Dictionary of Synonyms and Antonyms: «The president was so much under the influence of his wife that she was virtual ruler of the country» (Президент находился под таким сильным влиянием жены, что, в сущности, она была (виртуальным) руководителем государства)⁶. Но для науки мерцание свойств «быть» – «не быть» представляет самое интересное. Тем более, что с развитием общества вдруг обнаруживается, что почти все в жизни «виртуально», и на самом деле люди взаимодействуют не столько с реальностью, сколько с представлением о ней, которое складывается как из фактического опыта, так и из расхожих мнений, иррациональных побуждений, сообщений mass-media и т.д. И оказывается, что иначе человек не может адаптироваться к суровым реальностям природы и социума. Так, например, проанализировав многочисленные феномены посттравматического поведения людей, связанные с социальными, техногенными и природными катаклизмами, изучив традиции разных народов в преодолении отчаяния и обретении жизненной перспективы, известные социо-терапевты Р. Лифтон и Э. Ольсон пришли к выводу, что именно иррациональная вера в бессмертие (а его ничто не подтверждает и следов его

⁵ См., напр.: Burlington Universal Concise Dictionary. 1992.

найти невозможно, подобно виртуальным частицам) обуславливает сохранность психики, способность человека адаптироваться к объективным проблемам и трудностям.

Моделирующая способность психики является ее основным качеством. В результате реальность как бы удваивается. С одной стороны, существует объективная реальность как таковая, с другой – ее психическая модель. Последняя производится психикой, но относительно независима от нее. Она спроецирована вовне и воспринимается психикой как самостоятельный объект. Даже свой собственный сон субъект «наблюдает», порой удивляется, порой ищет откровений, пытается интерпретировать как нечто «показанное» ему.

Эта особая сфера психических моделей реальности разного уровня и разной сложности и есть виртуальность в широком смысле. При всей пестроте и внешнем несходстве анализируемых явлений их объединяет одно – они являются продуктом психической активности, в конечном счете, продуктом творчества. Проблема же состоит в том, что, будучи производным психики, психические модели так же предстают, являются психике, как и объективный мир. Иной раз психика делает различие между объективной и виртуальной реальностью, между оригиналом и слепком, между фактом и фантазией, иногда это ей не под силу. Последнее зависит от множества факторов: опыта, знаний, культуры и, в первую очередь, от зрелости психики. Сегодня, например, люди в состоянии воспринять мифических персонажей Древней Греции как символы, вымысел, проекции, а образы леших и русалок как поэтическую фантазию. Но магическое сознание принимало эти фигуры за самую реальную реальность. Люди боялись их, взвали к ним, видели их, как если бы это были ближайшие соседи. Гораздо сложнее, впрочем, идентифицировать свои собственные убеждения как психический продукт. Политические пристрастия, герболайф, принцесса Диана, астрологические прогнозы Глобы, «Спартак-чемпион», «Пугачева и Киркоров», психотронное оружие, глобализация и т.п. ... – все это мифосфера, буферная реальность, предохраняющая от прямого соприкосновения с внечеловеческой реальностью, опосредующая контакт с неантропоморфным миром (в том числе социальным).

Очевидно, что уровень сложности и функциональное назначение психиче-

⁶ The Merriam-Webster Dictionary of Synonyms and Antonyms. Massachusetts. 1992.

ских моделей настолько различны, что можно выделить несколько типов виртуальности или, иначе, несколько типов реальности, наряду с внешней, физической реальностью. Феноменология адаптирующей функции психики по отношению к реальности обернулась необходимостью типологического анализа эффектов виртуальности. Оперативная необходимость такого рода рефлексии и интеграции разнородных фактов была со всей очевидностью показана на специализированной конференции: «Виртуальная реальность: психологические, философские и технические аспекты» (1997), проведенной Российской ассоциацией искусственного интеллекта и факультетом психологии МГУ. Анализ представленных на конференции материалов и мнений позволил выдвинуть вариант типологии виртуальности, который непосредственно выводит на фундаментальные проблемы творчества-в-процессе-коммуницирования⁷:

Рис. Типы реальности

В качестве основных параметров дифференциации типов реальности

⁷ Маслов Р., Пронина Е. Психика и реальность: типология виртуальности // Прикладная психология. 1998. № 6.

здесь выступают категории, отражающие различные аспекты субъективного переживания «быть» и «не быть»:

- кажется ли объект принадлежащим внешнему миру (объективным) или представляется производным психики (субъективным) (разделение по оси Y);
- можно с ним взаимодействовать материально или – только мысленно (разделение по оси X).

В Квадранте-1 оказывается объективная реальность как таковая – «Реальная реальность», природа. В Квадранте-2 – «Виртуальная реальность» в узком смысле этого слова: компьютерные тренажеры, управляемые модели, деловые игры и т.п. И тот, и другой тип реальности предстают в виде материальных, чувственно воспринимаемых объектов, с которыми можно непосредственно взаимодействовать. Различно их происхождение: с одной стороны материализованная ментальная модель, функционирующая по искусственным законам (Квадрант-2); с другой – природный объект, подчиняющийся естественным закономерностям (Квадрант-1). Но граница, вообще, может быть нераспознаваема для непосвященных (курсант иногда и не подозревает, что полет имитируется, а не происходит на самом деле).

В Квадранте-3 сосредоточиваются мыслительные образования, которые заведомо не соотносятся с конкретными материальными объектами, воспринимаются как вымысел, как то, чего не было и нет на самом деле, но в чем проявляется спонтанно моделирующая работа воображения: сны, романы, сказки, мечты. Это – «Виртуальная виртуальность». А в Квадрант-4 отнесена «Реальная виртуальность»: мыслительные объекты, которые существуют в идеальной форме, но объективируются, проецируются психикой на внешний мир, как принадлежащие ему: научные абстракции (мнимые числа, виртуальные частицы, теплород), этические категории (добро, красота), политические доктрины, даже экстрасенсорные представления (НЛЮ, барабашка), – если люди в них верят и руководствуются ими в своих действиях. Одно и то же явление может выступать в разных функциях и относится в каждом конкретном случае к разным сферам виртуальности. Так, если сон воспринимается как откровение, посланное свыше, по воле внешней силы, то это уже «реальная виртуальность», а тот же сон, воспринимаемый как игра воображения – «виртуальная виртуальность».

Следует иметь в виду, что границы между типами виртуальности прозрачные. И конкретный феномен может проявиться в любой ипостаси. Когда-то денежная единица, которая без промена принималась бы повсюду, была виртуальной виртуальностью, чем-то вроде мечты или сказки. Потом, когда была рассчитана перспектива и вычислена выгода от внедрения такой денежной единицы, она стала реальной виртуальностью. Начиная с 1998 года «Евро», еще не существовавшая физически, но уже использовавшаяся для безналичных расчетов, превратилась в виртуальную реальность, чтобы начиная с 2002 года стать реальной реальностью во всех аспектах денежного обращения. Обратный путь по всему кругу предстоит проделать немецкой марке, которая была самой реальной по устойчивости из мировых валют, но в период обмена на евро перейдет в виртуальную реальность и т.д. пока не станет романтическим воспоминанием.

Существуют закономерные трудности в идентификации типа реальности некоторых феноменов. Так, по-видимому недостаточно прояснен вопрос о том, являются ли виртуальные частицы всего лишь гипотетическим предположением для объяснения загадочных явлений в ядерной физике или существуют на самом деле? Во всяком случае, зафиксировать их материальное существование с помощью приборов не удастся. Но относительно многих явлений вопрос со временем прояснился. Так, теплород (вещество, якобы передающее тепло) некогда считался объективной физической реальностью, но, как выяснилось, был всего лишь «реальной виртуальностью» – ментальной моделью, принимаемой за нечто вещественное. Но есть и научные представления, которые осознаются как условность, однако на практике используются как вполне надежные инструменты эффективного воздействия на реальность: система координат, виртуальный путь, идеальный газ, прибавочная стоимость и т.п. Неустраняемая тенденция психики к созданию субъективной модели реальности обнаруживается уже на уровне психофизиологии анализаторов при восприятии материальных объектов. Как известно, для того чтобы целостное представление возникло и было идентифицировано, необходимо, чтобы образ был смоделирован самой анализаторной системой путем движения руки по поверхности предмета, движения глаза по контуру, пропевания, интонирования и т.п. в зависимости от модальности восприятия. То есть для возникновения адекватного образа необходимо уподобление анализатора (в частности его двигательных звеньев) воспри-

нимаемому предмету. Идея встречного моделирования внутреннего образа как условие ясного восприятия появляется уже в работах У. Джемса в виде так называемого идеационного центра, осуществляющего сличение внешнего стимула и предвосхищаемого образа. Взаимодействие с объектом возможно только при наличии встречных гипотез, которые корректируются в момент воздействия на объект и получения обратной связи о его свойствах. Неизвестный предмет может ложно идентифицироваться как хорошо знакомый или как комбинация хорошо знакомых элементов. Есть предположение, что образ кентавра в греческой мифологии возник, когда греки впервые увидели варваров верхом на лошадях, потому что в Древней Греции не ездили верхом, а использовали колесницы. Процесс построения психической модели объекта является первым этапом и главным условием целостного восприятия. И хотя можно представить себе отдельные воздействия, вызывающие изолированные ощущения, такие ощущения, если они не структурируются в образ, не несут информации об объекте как целом и остаются бессмысленными осколками субъективного переживания.

Выделенные в анализе типы виртуальности можно для наглядности обозначить образными выражениями:

Реальная реальность – «природа»;

Реальная виртуальность – «убеждения»;

Виртуальная виртуальность – «сказки»;

Виртуальная реальность – «игры».

Все четыре стороны картины мира складываются уже в детском возрасте:

- Ребенок набивает шишки, пачкает коленки, и это – природа.
- Ребенок формирует свои первые представления. Иногда они нелепы: «Дед Мороз приносит подарки», «В телевизоре живут маленькие человечки», – но это для него самая настоящая правда, он в этом убежден.
- Ему читают книжки, он смотрит фильмы и то с облегчением, если это «ужастик», то с грустью понимает, что это все сказки.
- Он самозабвенно играет в «разбойники», «дочки-матери» или «магазин», становится кем-то другим, испытывает огромный накал эмоций, но забывая обо всем, помнит одно, что в случае чего всегда можно крикнуть: «А я так не играю!»

Разумеется, четкое разделение правды и сказки, действия на самом деле и по-нарошку возникает не сразу. Степень синкретической нерасчлененности убывает по мере перехода от веры к сказке и игре. Когда ребенок достигает уровня игры, он собственно и становится человеком, способным к специфически человеческим видам активности: систематическому абстрагированному обучению, художественному творчеству, научному исследованию... Разные исследователи по-разному определяли этапы созревания психики ребенка. Для Д.Б. Эльконина одним из центральных феноменов стали стадии развития игры⁸. Для Ж. Пиаже – этапы децентрации и преодоления синкретичности мышления ребенка⁹. Для Л.С. Выготского – ступени развития представлений от синкретической кучи и комплекса к подлинному понятию¹⁰. И по сути дела все рассмотренные феномены легко соотносятся с проблемой становления форм виртуальности.

Распознавание и разграничение типов виртуальности становится определяющей, видоспецифической способностью человеческого сознания. Эта способность развивается и совершенствуется в процессе эволюции мышления.

В первобытной культуре практически не разделяется идеальное и материальное, субъективное и объективное. Магия – результат проекции законов психической жизни на физическую реальность, когда субъективные отношения, обусловленные потребностью субъекта, воспринимаются как имманентные объекту. Как архаическая форма контакта с реальностью магия постепенно утрачивала главенство, но тем не менее сохранялась на всех этапах развития культуры. Средневековый алхимик еще удивительным образом соединял химические опыты с колдовством.

Знаменитая формула Декарта: *Cogito ergo sum* («Мыслю, следовательно, существую») – обозначила тот водораздел в истории цивилизации и культуры, когда человек вполне осознал себя субъектом мышления, разделив субъективное и объективное «по оси Y» (см. таблицу «Типы реальности»). Это не означало еще полной дифференциации объектов реальности и мышления о них. В частности, практически не разграничивались научные понятия и физическая реальность («природа» и «убеждения»), вследствие чего абстрактные построе-

⁸ См.: Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978.

⁹ См.: Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка, М., 1994.

¹⁰ См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. /Собр. соч. В 6 т. М., 1982-1984. Т. 2.

ния воспринимались как безусловно истинные, имманентные физическому миру, и «ось Х» еще не определилась.

Разграничение реальной реальности и реальной виртуальности (быть может, самое сложное в дифференциации) стало возможно в русле позитивистского мышления. Именно тогда возник вопрос о научном знании как модели мира, обусловленной и конституированной потребностями человеческой практики. Исследователи приняли операциональный подход к определению понятий и отказались от классического понятия истины как абсолютного закона природы, установив, таким образом, границу между ментальной моделью и действительностью, между «убеждениями» и «природой», как бы разведя их по левую и правую сторону «оси Х».

В то же самое время психоанализ подверг сомнению достоверность уже не только научных понятий, но и нравственных убеждений личности, представив их как «продукты психического метаболизма» и отнюдь не божественное установление. Психоанализ снов, романов, мечтаний открыл в психике непробегаемые сознанием глубины и бесконтрольные энергетические порывы, в субъективности которых биологического куда больше, чем героического. Тем самым огромный пласт психической жизни был разом переведен из категории безусловной и абсолютной реальности в категорию «сказок», иллюзий.

Но без этих «сказок», виртуальной виртуальности, мир выглядел лишенным высокого смысла, в сущности неантропоморфным. И это сделало бы духовное существование человека нестерпимым. Но экзистенциализм противопоставил неантропоморфной реальности мира трансцендентальность человеческого духа, обнаружив потребность субъекта в осмыслении существования. Человек, как выяснилось, испытывает потребность жертвовать жизнью не потому, что существует нечто, стоящее такой жертвы, а потому, что он не в силах существовать, не посвящая чему-то свою жизнь. Тем самым обозначился переход к исследованию так называемых базовых иллюзий сознания, своего рода «сказки сказок» или виртуальной виртуальности.

Электронная революция привела к тому, что мощная информационная система не только моделирует, интерпретирует, но и материализует виртуальную реальность. Глядя в электронный прицел реального бомбардировщика, пилот и зрители, следящие за этим по своим телевизорам, уже воспринимают расстрел реальных городов как своеобразную компьютерную игру, демонстрацию особой

ловкости и мастерства, которое дается многократными упражнениями на тренажерах. Те же эмоции испытывает мальчишка перед экраном компьютера, наблюдая такие же картинки, совершая такие же манипуляции. «Игра» воспринимается, как реальность, а реальность, как игра. Общество восхищено, потрясено и напугано эффектами электронных моделирующих и транслирующих систем. Граница между ними становится зыбкой, вызывая ощущение ирреальности всего происходящего.

Если смотришь наводящий ужас фильм, ощущая все большее погружение в реальность вымысла, можно еще успокаивать себя, что это всего лишь кино, по-нарошку. Но если то же самое подается в репортаже? Если нет возможности ни опровергнуть, ни подтвердить информацию? И ничем невозможно помочь? Как ассимилировать знание, которое противоречит базовым иллюзиям сознания, психическим установкам и идейным убеждениям? Как противостоять ощущению бессилия и избежать соблазна раствориться в веселящейся или агрессивной толпе? Это все вопросы очень личные, но массовые. И в науке они встают как трудно разрешимые социальные проблемы: «информационной безопасности общества»¹¹; «информационного загрязнения среды обитания»¹²; «информационной защиты и самозащиты личности»¹³.

Более всего пугает людей и сбивает с толку исследователей системная виртуальность журналистского текста. Одни с появлением Интернет, вообще, стали видеть в массовой коммуникации «нечто суперсовременное и античеловеческое, царство запредельных скоростей, сгусток виртуальных пространств, где человек навсегда забывает о своей человеческой природе и низводится до уровня компьютерных фантомов»¹⁴. Другие – бросились на защиту: «Конечно, все пространство “всемирной паутины” – Интернет и всех других электронных сетей, без сомнения, представляет собой глобальное МАСС-МЕДИА. Но если сравнение сделать еще более точным, то пространство Всемирных Сетей – это еще один мир, **парамир**. Не в смысле “паранормальный”, а *параллельный*,

¹¹ Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность: экпсихология информационной среды общества. //2-ая Российская конференция по экологической психологии. М, 2000.

¹² Калмыков А.А. Психоинформационная модель эйкоса и психологические загрязнения. //2-ая Российская конференция по экологической психологии. М, 2000.

¹³ Пронина Е.Е. От «эффекта присутствия» до «Скорой помощи» одна минута (о некоторых феноменах медиапсихологии). //Международная конференция «Психология общения 2000: проблемы и перспективы». М., 2000.

¹⁴ Корнеев С. Сетевая литература. //Новое литературное обозрение. 1998. № 32.

идентичный, равноправный. Именно поэтому – НЕ виртуальный, точнее не более виртуальный, чем обычный мир, в котором мы живем»¹⁵.

Как метафора и то, и другое даже красиво. Но фокус в том, что «мир, в котором мы живем» (то есть приспособливаем свои действия к объективным обстоятельствам, а объективные обстоятельства к нашим потребностям и т.п.), без духовного освоения не допускает практического выживания, а эскапизм доводит до душевных напряжений, практически, патологичных, мешающих выживанию. Интернет не «еще один», а тот же самый «мир, в котором мы живем», даже если компьютеры еще не вошли в привычку. И дело не в том, что по Интернет можно выкупить контрольный пакет акций или выкрасть государственные секреты, получить консультацию врача или заказать чашечку кофе. Суть в том, что человек, решая любые жизненные задачи, подкрепляет адаптивные возможности индивидуального сознания всей мощью коллективной психики путем виртуальной проработки проблемы в Интернет. Виртуальность не «запараллеливание», а моделирование мира. И надо сознавать, что психологический риск при этом очень велик. Речь не об «интернет-маниях». Это всего лишь симптом. Существенно, что можно ошибиться с моделью и потерпеть фиаско в жизни. Существеннее, что идеальное может оказаться сильнее материального, и завиральная модель, как это нередко бывает, самоорганизуется в такую «упорядоченную структуру», что и автору мало не покажется. Еще существеннее, что можно вызвать информационные шумы и помехи, которые, резонируя в Интернет, непредсказуемо повлияют на состояние коллективной психики. Но особо важно то, что можно и не заметить, как утрачивается независимость индивидуального мышления, креативность подменяется эвристикой, а творчество-в-процессе-коммуницирования приобретает характер эхолалии¹⁶.

Вопрос не в том, что перевешивает: виртуальные возможности Интернет или психологический риск человека. Ни от возможностей, ни от риска все равно нельзя отказаться. Массовая коммуникация это тоже «мир, в котором мы живем». А с психологической точки зрения, массовая коммуникация – это не пря-

¹⁵ *Акопов А.* Взгляд на проблемы сетевой журналистики изнутри и снаружи Интернета. 2000. <http://www.regla.rsu.ru/n45.htm>

¹⁶ «Эхолалия (от греч. echo – отражение звука, lalia – речь) – автоматическое повторение чужих слов, наблюдаемое при некоторых психических заболеваниях (шизофрении, поражении лобных долей головного мозга и др.) у взрослых и детей. Эхолалия иногда встречается и у нормально развивающихся детей как один из ранних этапов становления их речи». Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М., 1985.

мое, а опосредованное творчеством журналиста восприятие явлений действительности. И еще, массовая коммуникация – это коллективное мышление-общение-поведение. Так что массовая коммуникация – это виртуальная проработка духовно-практических проблем выживания социума в природе и индивида в социуме. Вот почему комбинаторика (слияние, преобразование и трансформация) типов виртуальности становится системным свойством текста, предназначенного для массовой коммуникации. А для человека включенного в массовую коммуникацию (безразлично, в качестве реципиента или коммуникатора) жизненно важно достаточно адекватно различать грань виртуальности и жизни. Психологически это всегда не просто.

Легко ли, к примеру, определить, что «на самом деле», а что «как будто», вот в таком журналистском тексте:

ТУВА ЗАДОБРИЛА ВОДЯНЫХ

Республика Тува прибегла к оригинальным «противопаводковым мероприятиям». Не дамбы и спасатели встали там на пути наводнения, а... шаманы.

Тувинские шаманы вместе со своими германскими коллегами развели костры и провели камлание в месте слияния Малого и Большого Енисея в целях «задобрить духов и предотвратить предсказанное синоптиками наводнение». Шутки шутками, но после проведенных обрядов подъем воды в реке замедлился. Сибирский региональный центр МЧС отмечает, что на территории Тувы он не достиг даже критической отметки¹⁷.

Здесь в превратном свете поданы все категории: и «природа», и «убеждения», и «сказки», и «игры». Типичный гедонистический глум. Может, даже и без умысла. Просто без царя в голове. Но в эту весну страна переживала катастрофический паводок, ледоход стер с земли город Ленск, тысячи его жителей пребывали практически в состоянии шока. Чтобы хоть как-то поддержать в народе бодрость духа правительство принимает решение: за одно лето, чего бы это ни стоило, заново выстроить смытый разливом город, а для восполнения ущерба по всей Якутии продать часть алмазных запасов страны. Так что психологически это не совсем безобидное сообщение. И для читателя, который в со-

¹⁷ Соколов М. Тува задобрила водяных.//Московский комсомолец. 2001. 4 июня.

стоянии недоумения готов то ли всерьез сравнить экономическую эффективность шаманизма и Министерства по чрезвычайным ситуациям, то ли в шутку поддакнуть: «И как это тувинец Шойгу не догадался, чем остановить ледоход на Лене?». Но еще больше для журналиста, который в пропагандистском раже готов довести себя до уровня того фольклорного дурака, что, встретив похороны, поприветствовал: «Гаскать вам, не перетаскать!»

Злоупотребления системным свойством журналистского текста тем и опасны, что виртуальность в массовой коммуникации неизбежна. И отсюда следует, что любое творчество-в-процессе-коммуникации требует адекватного восприятия виртуальной реальности. Необходимым условием этого является высокая внутриспихическая дифференциация «Я», суверенность личности, поддержание границ индивидуальности, самостоятельность критического мышления. Способность различать «игру» и «природу», «сказку» и «убеждение» многие психологи считают основным признаком психической зрелости, свидетельством определенного уровня развития цивилизации и самого человека. Рассмотренные выше (см. разд. 3-8) парадигмы мышления и творчества-в-процессе-коммуницирования показывают, как поэтапно формируются механизмы саморегуляции и контроля, как происходит последовательное разворачивание психических структур, обуславливающих внутреннюю дифференциацию личности, самостоятельность и независимость мышления, как исторически закрепляется в культуре поступательное развитие психики человека от коллективного сознания и общинного поведения к индивидуальному самосознанию и личной ответственности и далее к индивидуации и интерактивности, увеличивая степени свободы как по отношению к внешнему миру, так и по отношению к самому субъекту. Изменение мышления, структуры личности и основных категорий культуры взаимосвязаны, поскольку составляют ипостаси единого процесса развития психики. В сводной «Матрице дифференциации способностей мышления» фиксируется эволюция категорий творчества и культуры в соответствии с выделенными этапами становления психики человека. («Матрицу ...» см. в Приложении)

Разумеется, «Матрица» не охватывает все аспекты развертывания парадигм мышления и все характеристики стилей творчества-в-процессе-коммуницирования. Это типологическая модель для уточнения общих закономерностей, имеющих конкретную практическую значимость при анализе и моделировании мышления-общения-поведения человека в массовой коммуникации. Что же представляется очевидным?

1. Каждая «парадигма» предстает как целостная система категорий необходимых и достаточных для того, чтобы на своем психоисторическом этапе обеспечить действительность и мощь духовно-практического освоения всех аспектов выживания социума в природе и индивида в социуме.
2. Поэтапный переход от парадигмы к парадигме определяется дифференциацией и саморазвитием глубинных механизмов взаимодействия индивидуального сознания и коллективной психики, что вызывало последовательную трансформацию соответствующих категорий мышления, общения, поведения и творчества.
3. Для каждого психоисторического этапа характерна доминирующая парадигма, оказывающая устойчивое влияние на все формы творчества современников, пока очередная «встряска категорий» не откроет перспективу для нового типа контакта индивидуального сознания и коллективной психики.
4. Доминирующая парадигма не отменяет предшествующих этапов, а вырастает на их основе. Ранее сформировавшиеся глубинные механизмы не отмирают и способны параллельно задействовать архаичные формы контакта с реальностью, предшествующие способы взаимодействия индивидуальной и коллективной психики.
5. Истины и ценности прошлых и действующих парадигм существуют параллельно. (Квантовая физика Макса Планка – Нильса Бора не отменила классических законов Исаака Ньютона или Михаила Ломоносова; наскальная живопись кроманьонцев потрясает современных искусствоведов совершенством изобразительных решений). Творческая мощь психики человека выступает как категория константная, равновеликая во всех парадигмах, во всех эпохах, у всех народов и рас.
6. Целостность парадигм, которые, не повторяясь, воспроизводят взаимоподобие структур, раскрывает синергетический характер их слияния в от-

крытую систему, которой свойственны синхронность и когерентность. И для человека возникает возможность в каждый данный момент сознательно переходить в ту или иную парадигму в зависимости от предмета размышлений, характера общения и обстоятельств жизни.

7. Парадигма мышления в апогее становится установкой массового сознания, трансформируется в расхожие стереотипы, поглощается стихией коллективной психики, доходя, возможно, до уровня архетипов. Переключение массовой коммуникации на трансляцию того или иного типа текста (одномоментно, в подавляющем количестве или исключительно) означает будирование, разжигание или гиперэксплуатацию глубинных психических механизмов соответствующего уровня.

«Матрица дифференциации способностей мышления» демонстрирует нелокальность творчества-в-процессе-коммуницирования. В том смысле, что, хотя каждая из парадигм является целостной и самодостаточной формой духовно-практического освоения действительности, носителем всех адаптивных возможностей ни одна из них в отдельности не является. Носителем всех свойств системы является вся система в целом. И поскольку это система открытая, остается возможность развертывания новых парадигм, новые категории которых будут по-новому адекватны новым психоисторическим этапам. В основе этих процессов лежат фундаментальные закономерности нелокальных свойств психики.

Психика не исчерпывается индивидуальным сознанием не столько потому, что мы используем наследие веков и поколений, сконцентрированных в архетипах и тезаурусах (преданиях, библиотеках, базах данных), а потому, что мы, не сознавая того, думаем и чувствуем синхронно (хотя и не одинаково) и взаимодополнительно. Мышление – коллективно – не только диахронически (исторически), но и синхронно (в каждый данный момент). Как это происходит, пока не до конца ясно. Но очевидно, что массовая коммуникация играет в этом огромную, едва ли не решающую роль. Возможно, есть и чисто физиологические факторы, отвечающие за синхронизацию биологической активности. Но так или иначе психика как бы превращается в огромный мыслящий и чувствующий океан, бурлящий или успокаивающийся как единое целое, несмотря на спонтанную активность своих микрочастиц, которые, как говорится у физиков, «даже разлетевшись на астрономические расстояния, могут составлять единый и неделимый

квантовый объект». Коллективная психика – прародительница сознания, его колыбель и система жизнеобеспечения, подобная космическому кораблю в безвоздушном межзвездном пространстве неантропоморфного мира. Такое количество метафор используется здесь, конечно, не с целью доказать, а с целью проиллюстрировать почти нереализуемое в традиционных терминах понятие нелокальности и целостности.

К осознанию нелокальных свойств психики вплотную подошли экзистенциализм и гуманистическая психология, выявившие у человека наличие фундаментальных потребностей, противоречащих биологическому самосохранению, преодолевающих границы индивидуального существования. Огромное значение имело открытие К.-Г. Юнга, описавшего архетипы – самовоспроизводящиеся, всеобщие модели оценки и понимания действительности. Условием спонтанного воспроизведения архетипов как раз и является социальное окружение.

Нелокальные свойства психики проявляются таким образом, в способности к коллективному мышлению, спонтанной согласованности и взаимокорреляции чувств и поступков, потребности в принадлежности, необходимости дополнения со стороны других индивидов и функций, представленных в социуме и т.д. Более того, мышление всегда представляет собой внутренний диалог различных позиций, даже тогда, когда внешний источник этих позиций не устанавливается. Чем примитивнее психика, тем чаще этот диалог воспринимается как реальный разговор с внешним существом: божеством, духом, музой и т.п. Но по большому счету, внутренние позиции действительно формируются извне как культурные нормы, табу, коллективные представления, стереотипы или знания. Общим нелокальным свойством психики является ее коллективность. Но энергия индивида всегда избыточна по отношению к системе. И это определило вектор развития от коллективного бессознательного и общинного поведения к индивидуальному сознанию и личной ответственности и поставило на очередь дня категории индивидуации и интерактивности.

Если следовать логике онтогенетического развития, то следующим этапом психического филогенеза после развертывания и осознания внутриличностных структур должна явиться их интеграция на новом уровне понимания и овладения, что составляет уровень индивидуации, то есть формирования аутентичной, сохраняющей себя индивидуальности. Однако это не может произойти в границах личности, поскольку психика человека по природе своей коллектив-

на и тысячью нитей связана с питающей и формообразующей средой коллективного бессознательного. Интеграция возможна как подвижное равновесие между индивидуальными и макропсихическими (массовидными) процессами. Стимулом и праобразом такой интеграции становится мировая электронная сеть. Она активизирует коллективные процессы унификации, синхронизации, группового давления и в то же время увеличивает степени свободы индивида: дает непосредственный доступ к коллективному интеллекту, непосредственный выход в надличностное пространство символов, убеждений, коллективных чувств на правах соавтора, открывает возможность публичной субъективности. Индивидуальность становится и целью, и средством развертывания глобальных процессов в экономике, культуре, массовой коммуникации. Вне свободы индивидуального творчества, вне соответствующего размаха флуктуаций невозможно развертывание таких глобальных процессов, которые по своему масштабу вполне сопоставимы с космическими. В свою очередь, развитие электронной сети может рассматриваться как дополнение индивидуальной психики, сообщающее ей новые свойства.

Независимая, спонтанная активность элементов выводит всякую сколько-нибудь жесткую систему из равновесия, приводя к «хаосу», нарушая установленный порядок. Поэтому индивидуальность становится не только главным условием, но и главным препятствием глобальных процессов: будь то массовое потребление, массовое производство, глобальная экономика или тотальная идеология. Это ставит личность под удар массовых технологий манипулирования. Но сама же сеть подкрепляет способность индивидуальной психики к противостоянию массовидным процессам, ибо нуждается в независимых, спонтанно действующих элементах.

Творчество-в-процессе-коммуницирования и все остальные аспекты журналистской работы становятся делом все более увлекательным и значимым, но все менее психологически безопасным, как в социальном, так и в личностном плане. Понятие «информационная война» – неологизм последнего десятилетия XX века. Оно возникло в умах людей со всей убедительностью свершившегося факта из сообщений информационных агентств, которые посреди благополучного мира спокойно и обстоятельно рассказывали о бомбардировках в самом центре Европы. Воссоздаваемая mass-media картина противоречила всем законам физической реальности, но подавалась как должное. Так, жертв среди мир-

ного населения как бы не было. Война показывалась в духе модного компьютерного дизайна, через прицел самолета, к тому же парящего вне пределов достижения зенитного огня, так высоко над землей, чтобы в условных очертаниях, огоньках и траекториях никто не опознал приметы реальности: разрушенные дома, грязь, копоть, мечущихся людей, тела убитых и раненых. Спустя два года оказалось, что погибло около двух с половиной тысяч мирных жителей, а регион поставлен на грань экологической катастрофы вследствие разрушения химических предприятий и транспортной инфраструктуры. Но в мировом сообществе не возникло даже запоздалого осуждения.

Психологическую опасность (в том числе и прежде всего для самого журналиста) представляют воздействия, подрывающие способность человека к анализу информации и осознанному выбору, снижающие сопротивляемость внешнему давлению, лишаящие человека чувства индивидуальности и личной ценности. И мало только знать это. Подобно тому, как знание о вреде серной кислоты для кожи не остановит ее действия, пока она остается в соприкосновении с голыми руками, так знание пропагандистских приемов не исключает возможности пасть жертвой психологической войны. Нужно предусмотрительно не приводить в соприкосновение серную кислоту и голые руки еще до того как возникнет боль. Свод правил техники психологической безопасности в массовой коммуникации можно детализировать до бесконечности. Но исходно-фундаментальных, определяющих и подтверждающих высоту профессионализма критериев, которые берут начало и находят свое завершение в психологии журналистского творчества, немного:

1. Личность профессионального журналиста – мера адекватности массовой коммуникации, первый фильтр социальной ответственности и последний гарант свободы слова (см. раздел 1).
2. Мера коммуникативной открытости общества – индивидуальность стиля профессионального журналиста.
Индивидуальность стиля профессионального журналиста – результат собственной (в той или иной степени сознательной) саморегуляции личного творчества-в-процессе-коммуницирования под влиянием актуального психоисторического состояния социума (см. раздел 2).
3. Личная (в той или иной степени осознаваемая) ментальность профессионального журналиста – мера «действительности и мощи» творчества-в-

процессе-коммуницирования и ключевой элемент иммунной системы в условиях массовых информационных стрессов и неврозов (см. раздел 3).

4. Идеиная позиция не проблема партийной принадлежности, а вопрос профессионального самосознания, личной ответственности и мастерства самого журналиста. (см. раздел 4).
5. Строгое соблюдение классических типов текста и фундаментальных технологий журнализма (своего рода «Работа-по-правилам») – мера самообладания журналиста и его контроля за своим психическим состоянием и профессиональным статусом (см. раздел 5).
6. Если для профессионального журналиста гедонистический текст становится самоценным, приносящим личное удовлетворение или внутреннюю озабоченность, ему следует подумать о компенсации реакции перерождения, чтобы предотвратить психический срыв или информационный невроз (см. раздел 6).
7. Воля к самотрансценденции – мера профессиональной классности журналиста. Строгое соблюдение принципов и условий подготовки смысловывявляющего текста при любых коммуникативных обстоятельствах – мера адекватности, независимости и перспективности журналиста. Объем смысловывявляющих текстов в потоке публикаций – мера качества или манипулятивности каналов, рубрик, программ, кампаний и проектов mass-media, а также творчества отдельных журналистов (см. раздел 7).
8. Работа в парадигме мышления продвинутого читателя – мера адекватности понимания журналистом психоисторического состояния общества и перспективности изданий, программ, направлений журналистики (см. раздел 8).
9. Умение адекватно работать во всех парадигмах – мера профессиональной подготовленности журналиста.

Смелость в переключении из парадигмы в парадигму без утраты системности текста – мера креативности журналиста.

В девятой критерии суть профессионального риска в журналистике:

Творчество-в-процессе-коммуницирования, как всякая стихия, непредугадываемо и неблагодарно. Не так уж много таких, кто прошел свое поприще без страха и упрека или добился непреходящего успеха. Но гибкость мышления и стилевое разнообразие многих и многих выручали в таких обстоятельствах, что

легенды о битвах с драконами кажутся не более чем смягчающими метафорами.

Говорят, в древнегреческих гаванях прямо у причала по обычаю ставили стелу, на одной стороне которой было вырезано:

«В ясный день на хорошо оснащенной галере я отплыл отсюда с богатым грузом. Пираты потопили наш корабль, и я вернулся сюда увечным и нищим».

А на другой:

«В хмурое утро на утлом суденышке я ушел отсюда в море. Я вернулся на трех кораблях, после того как повидал чудеса света и разбогател».